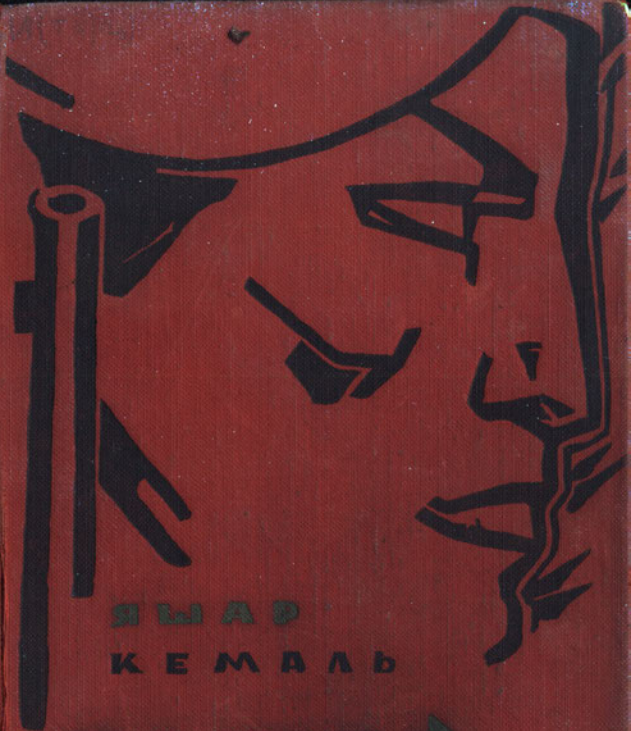

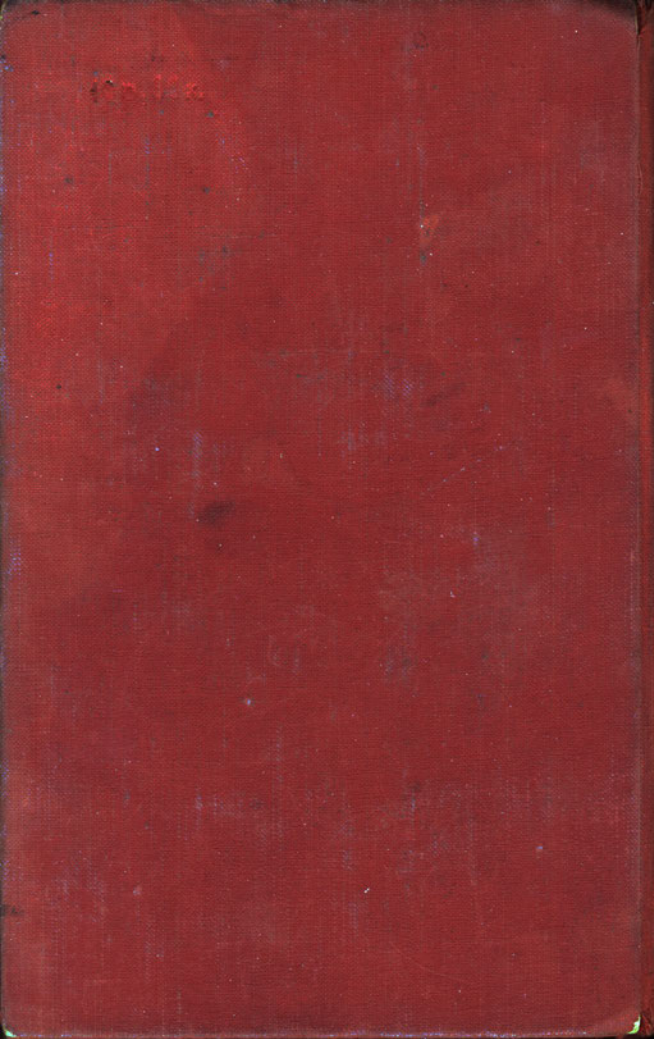
ЯШАР
КЕМАЛЬ

ТОШНИЙ МЕМЕД

ЯШАР
КЕМАЛЬ

ТОШНИЙ
МЕМЕД

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

*

YAŞAR KEMAL
İNCE MEMED

ЯШАР КЕМАЛЬ

ТОЩИЙ МЕМЕД

РОМАН

*Перевод с турецкого
Г. Александрова
и
М. Керимова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в 1932 году Максим Горький спросил у турецких писателей, прибывших в Москву на первомайские торжества, кто из них поставил перед собой задачу показать в литературе крестьянина, рабочего, ремесленника, то есть широкие круги народа, ему ответили, что, к сожалению, такой писатель в Турции еще не появился.

Прошло двадцать семь лет. Для литературы срок не большой. Но сегодня на этот же вопрос турецкие литераторы с полным основанием могли бы ответить, что сейчас в Турции нет или почти нет писателей, которые бы не считали своим долгом писать о жизни крестьян, рабочих, ремесленников.

Великий пролетарский писатель не случайно спросил прежде всего о крестьянине. Турция — крестьянская страна. Четыре пятых ее населения живет в деревне. Тема крестьянина для литературы такой страны, как Турция, — это тема жизни. Ее-то и недоставало турецкой литературе.

Без преувеличения можно сказать, что до недавнего времени турецкая литература была литературой города. И не города вообще, а конкретно одного города — Стамбула, с его причудливыми минаретами на фоне синего Босфора, с его белораморными дворцами и султаншами в шелковых шальварах. Вслед за Пьером Лоти, французским писателем, автором экзотических романов о Турции, увидевшим в этой азиатской стране одни голубые мечети и раззолоченные лодки, рассекающие бирюзовые воды проливов, турецкие писатели растрачивали свой талант на создание романов, где турецкими были лишь имена героев и названия улиц. Некоторое исключение составляла поэзия, которая в лучших творениях таких выдающихся поэтов, как Тевфик Фикрет, а затем Назым Хикмет, порою

заглядывала в настоящую жизнь страны и описывала заботы и страдания измирского рыбака и пахаря из Анатолии.

Позже были созданы произведения, повествующие не только о куполах мечетей и тайниках дворцов, но и об узких улицах и скромных домах Стамбула. Писатели осмеливались иногда проникать внутрь обиталища среднего горожанина и вторгаться даже в частную жизнь благочестивого мусульманина. Стали появляться романы о семейной жизни, где вопросы брака и любви решались с позиций буржуазной морали.

С переменой в общественно-политической жизни Стамбула менялась и литература, ее характер, ее тематика, ее герои. На улицах города и на страницах книг замелькали новые люди, сменившие фески на шляпы, одряхлевшую империю на молодую республику. На глазах у современника менялось все: государственный строй и литературные вкусы, взгляды на жизнь и отношение к рифме. Однако литература как по местожительству писателей, так и по содержанию продолжала оставаться городской, стамбульской. Если некоторые авторы и обращались к теме деревни, то ее описание не шло дальше путевых заметок туриста.

Но уже в тридцатых годах в литературе Турции намечается поворот к крестьянской Анатолии, со страниц книг слышится то жалобный стон умирающего от туберкулеза крестьянина и потрескавшейся от засухи земли, то сердитый окрик ростовщика и сборщика налогов. Появляются рассказы и романы Сабахаттина Али, Садри Эртема, Якуба Кадри и др., где впервые в турецкой литературе перед читателем возникает картина настоящей турецкой деревни, с ее голодными и темными, храбрыми и вместе с тем безропотными людьми, которые то бросают грозный вызов своим угнетателям, то в беззвучном плаче жалуются на судьбу. Это уже была не та идиллическая деревня из книг буржуазных писателей Турции, где пастухи в разноцветных одеждах играют на свирели, а крестьянские девушки, нарядные и веселые, ищут себе жениха среди кружащихся в танце деревенских парней.

«Мы, никогда не видевшие Анатолию, считали ее раем, представляли себе утопающие в зелени белые домики, улыбающихся крестьян, тучные стада, хрустально чистые реки, румяных поселянок у журчащего ключа... Но какое

жестокоё разочарование постигло того, кто воочию увидел Анатолию: голые скалы, запущенные дороги, дома-пещеры, люди с раздутыми от малярии животами...» — писал о настоящей Анатолии и ее фальшивом отражении в книгах о деревне турецкий литературовед Исмаил Хабиб.

Изображение деревни в произведениях этих писателей-реалистов, даже у такого выдающегося знатока крестьянской Анатолии, как Сабахаттин Али, было односторонним. Они видели в деревне только голод и нужду, произвол и гнет, чудовищную эксплуатацию и смирение. Их герои мучаются, голодают, ведут титаническую борьбу за существование, гибнут под тяжестью жизни, но не умеют оказывать сопротивление. Героям их произведений чужда даже такая широко распространенная уже в то время форма вооруженной борьбы в турецкой деревне, как уход в горы с оружием в руках, в так называемые «эшкийя» — «благородные разбойники», не говоря уже о захвате помещичьей земли и ее обработке под дулами винтовок, т. е. те явления, которые составляют содержание многих произведений современных турецких писателей. Конечно, изображая своих героев покорными, забитыми и лишенными элементарного классового самосознания, писатели эти не грешат против объективной действительности. В турецкой деревне людей, безропотно мирящихся со своей судьбой, куда больше, нежели бунтовщиков и сознательных крестьян, определивших свое место в классовой борьбе. Но действительностью является также и то, что в турецкой деревне все чаще и чаще, пусть иногда стихийно и не всегда с ясно определившимися целями, имеет место захват крестьянами помещичьей земли, крестьянские голодные бунты, массовый уход крестьян в город с протестом против действий местных властей (как это превосходно показано, например, в романе Яшара Кемала «Жестянка»), избиения собирателей налогов и десятки других форм борьбы крестьян за землю, за свои права. Турецкие газеты пестрят сообщениями о судах над крестьянами, захватившими земли своих хозяев, о вооруженных столкновениях между жандармами и крестьянами, об отказе целой деревни уплатить налоги и т. д. и т. п. Все эти формы борьбы крестьян не новы в турецкой действительности. Они существовали и раньше, и в тридцатые годы, хотя и не находили отражения в литературе.

События, описанные в романе «Тошый Мемед», тоже

относятся к тридцатым годам. Но здесь нет той атмосферы безысходности и обреченности, которая была свойственна произведениям предшественников Кемалья. Правда, и в романе Яшара Кемалья крестьянство в своей массе покорное, безропотное. Крестьяне порою даже готовы поднять руку на своего односельчанина, на своего защитника, такого же нищего и голодного, как и они сами, лишь бы угодить хозяину. Но вместе с тем писатель видит в деревне живые силы, способные не только защитить свои собственные права, но и пробудить у других сомнение в незыблемости устройства жизни в деревне и веру в возможность ее улучшения. Наряду с крестьянами, считающими за грех зариться на богатство аги, хозяина деревни, автор выводит и людей, которые не только отказываются уплатить аге «положенную» ему одну треть урожая, но выгоняют самого агу из деревни и делят его земли между крестьянами. И, наконец, автору удалось создать образ положительного героя, разбойника Мемеда, ставшего народным мстителем, мечтающего вернуть землю крестьянам, отдать плоды труда труженикам.

В этих особенностях романа Яшара Кемалья отразились те новые веяния, которые наметились в ней в сороковых-пятидесятых годах. Характерной чертой этого подъема является то, что ныне турецкая литература в подавляющем своем большинстве обратилась к изображению жизни народа, к людям деревни и города. В литературу пришли свежие силы — одаренная молодежь, выходцы из Анатолии. Они хорошо изучили фольклор, быт и обычаи народа, долго вынашивали сюжеты и композицию своих романов и рассказов. Их произведения о деревне отличаются поразительной достоверностью явлений и фактов, глубоким проникновением в существо проблем, широтой описания жизни крестьян, художественной убедительностью характеров, живым и красочным народным языком.

Именно авторы произведений о турецкой деревне — Яшар Кемаль, Кемаль Тахир, Орхан Ханчерлиоглу, Самим Коджагез, Орхан Кемаль, Ильхан Тарус и другие — определяют сегодня лицо турецкой литературы. Их книги выделяются из общей массы своим художественным уровнем и составляют три четверти всех изданий современной художественной литературы в стране. Всех их объединяет желание говорить правду о турецком крестьянине, какой бы

горькой она ни была, говорить вслух о его мужественной борьбе за землю, за лучшую жизнь.

Яшар Кемаль (настоящее имя писателя — Кемаль Гёкчели) родился в 1922 году в деревне вилайета Сейхан в южной Анатолии, т. е. там, где происходят события романа «Тошый Мемед». Детские и юношеские годы он провел в родном крае, учился в школах вилайета, а затем перешел в среднюю школу города Аданы, которую не смог окончить. Вынужденный зарабатывать на жизнь, Яшар Кемаль ушел из восьмого класса. Работал в различных вилайетах страны, объездил почти всю Анатолию. Был писарем в крупных поместьях, подрядчиком на хлопковых плантациях, агентом по распределению воды на рисовых полях. Работа Яшара Кемалья в этих хозяйствах дала ему богатый материал для его произведений, отчасти носящих автобиографический характер.

На литературном поприще Яшар Кемаль выступил впервые не с художественным произведением, а с исследованием по фольклору. В 1943 году в Адане вышла небольшая книга Кемалья Гёкчели, в которой были собраны и обработаны анатолийские народные частушки и прибаутки.

В 1946 году Яшар Кемаль приезжает в Стамбул и сразу же попадает в среду писателей, группировавшихся вокруг прогрессивных газет и журналов. Зная молодого писателя по его репортажам из деревни и по его исследованиям по фольклору, прогрессивные писатели старались направить талант Яшара Кемалья на освещение крестьянской жизни. Ободренный поддержкой своих старших товарищей, Яшар Кемаль начинает публиковать в стамбульских газетах и журналах литературные зарисовки, репортажи и короткие рассказы.

В своих литературных пробах Яшар Кемаль обнаруживает хорошее знание жизни, умение проникнуть в душу крестьянина и понять соотношение сил в современной турецкой деревне. Его репортажи из Анатолии — это не сухие отчеты газетного корреспондента. В них видна рука талантливого писателя, способного на основе незначительного, но характерного жизненного факта создать литературное произведение большой художественной силы и убедительности. Примечательным был и сам отбор фактов и происшествий, сообщаемых Яшаром Кемалем в своих ре-

портажах. Его внимание привлекает прежде всего проблема земли. Он пишет о незаконных захватах помещиками крестьянских земель, о судебных махинациях вокруг продажи земли, о взяточничестве чиновников и произволе местных властей. В заметках он не старается вызвать сочувствие к обиженному крестьянину, он скорее выступает обвинителем от имени крестьян и требует справедливости. Правда, эта справедливость понималась Яшаром Кемалем как добросовестное исполнение изданных правительством земельных законов, от нарушения которых, думал он, происходят все беды. Это убеждение проходит красной нитью через многие произведения писателя, хотя и правда жизни и правда характеров приводят его в тех же произведениях к совершенно противоположным заключениям. Но тем не менее он шел с этим ошибочным убеждением от одного произведения к другому.

В 1946 году Яшар Кемаль призывается в армию. После демобилизации работает в различных вилайетах страны, пишет рассказы, стихи и два романа — «Железные лапти» и «Корь», — которые вскоре сам же уничтожает. В 1951 году он снова возвращается в Стамбул. Здесь в 1952 году выходит первый сборник рассказов писателя «Эной», целиком посвященный изображению жизни крестьян родной ему равнины Чукуровы.

Вслед за первым сборником рассказов выходит первый роман Яшара Кемала «Жестянка» (1955). Это произведение характерно тем, что представляет собой яркий образец получившего в последнее время широкое распространение в турецкой литературе романа об интеллигенте из города, едущего в деревню поднять уровень жизни крестьян Анатолии и тем самым помочь развитию и процветанию страны.

Обычно в таких романах молодой горожанин, окончивший университет, получает назначение в какой-нибудь отдаленный уголок Анатолии. Это или каймакам (уездный начальник), или прокурор, или учитель, или врач. Он полон энергии и желания преобразить деревню. Приехав на место назначения, молодой интеллигент видит, насколько ошибочны были его представления о самой деревне, сталкивается с консерватизмом и фанатизмом крестьян, с кулаками, ростовщиками, духовенством — враждебными силами, препятствующими его прогрессивным начинаниям. В борьбе с этими силами интеллигент-одиночка, как правило, тер-

пит поражение. Таковы, например, судьбы героев романов «Мир тьмы» Орхана Ханчерлиоглу, «Сказка про белого бычка» Самима Коджагёза и др. Слишком велики те силы, против которых они борются, слишком темны, невежественны и забиты крестьяне.

Разумеется, основная задача автора такого произведения — не описание судьбы стамбульского интеллигента, а критическое изображение современной ему турецкой действительности. Но в самом выборе героя из среды новой турецкой молодежи, которая должна брать на себя миссию спасителя страны, есть известная дань распространенному в последнее время в Турции среди интеллигенции заблуждению относительно развития и процветания страны путем приобщения к цивилизации.

Рассказы, репортажи и особенно роман «Жестянка» принесли Яшару Кемалю известность в литературных кругах Турции. Его приглашают сотрудничать в крупнейших газетах и журналах страны, где он выступает с серией очерков о Чукурове, которые впоследствии вошли в книгу «Чукурова в огне» (1955).

Но настоящий успех принес Яшару Кемалю его роман «Тоший Мемед», опубликованный в 1955 году. Он был признан лучшим романом последних лет. В течение трех месяцев 1955 года книга выдержала два издания — явление, чрезвычайно редкое в Турции. Роман Яшара Кемала получил первую премию литературного журнала «Еди тепе» за 1955 год.

«Тоший Мемед» — это роман о «благородном разбойнике» — так называемом «эшкий», и даже не столько об одном конкретном разбойнике, сколько о своеобразной форме вооруженной крестьянской борьбы, «эшкиячылык», т. е. «движение разбойников», широко распространенной с давних пор в Турции. Здесь слово «разбойник» следует понимать как в обычном, привычном его значении, так и в смысле «бунтовщик». «Эшкия» называли в Турции всякого, кто, совершив какой-либо уголовно наказуемый проступок, уходил в горы с оружием в руках и скрывался от преследования. Люди уходили в «эшкия» по разным причинам: убив кого-нибудь из-за земли, из-за женщины, по кровной мести и т. п. Иногда «эшкия» действовали в одиночку, а нередко создавали целые отряды, насчитывавшие порою до ста человек. По характеру «эшкия» резко отличались друг от друга. Были такие, которые грабили всех

и всякого, но были и другие, действовавшие исключительно из социальных побуждений. Эти вторые отнимали деньги и продукты только у богатых помещиков и купцов, чтобы раздать их бедным. Они пользовались огромной симпатией простых людей, во-первых, потому, что были защитниками крестьянина от притеснений помещика, и, во-вторых, они были обиженной стороной, к которой народ всегда проявляет участие и даже любовь. В этой симпатии есть также известная доля романтики, которой окружен «эшкия», бродящий в горах...

О многих известных «эшкия» в народе созданы песни и легенды. Есть даже крупные «дестаны» — эпосы о подвигах таких выдающихся «эшкия», как Кадыкыран, Сары Зейбек, Козаноглу. К ним в известной степени относятся и эпосы о легендарном народном герое Кёроглу, известном на всем Ближнем и Среднем Востоке, которого можно считать классическим образцом «эшкия» в самом лучшем его значении.

Проблема «эшкия» всегда была связана с проблемой земли. Там, где происходила борьба за землю, тотчас же появлялись десятки и сотни «эшкия». Особенно широкое распространение получило движение «эшкия» в Турции к концу XIX века, когда кочевые туркменские племена были насильно переселены с гор Тавра на равнину Чукурова в южной Анатолии. Вначале кочевники сопротивлялись переселению, не желали расстаться с привычным образом жизни. Вспыхнуло крупное восстание кочевников во главе с известным вождем, беим племени Козаноглу. Но восстание было подавлено, и кочевники стали обосновываться на Чукурове. Началась жестокая борьба между беями племен за лучшие земельные угодья. Происходили бои между крестьянами только что отстроенных деревень, создавались вооруженные отряды. Земли одной деревни за ночь захватывались крестьянами другой, иногда деревня полностью уничтожалась и на ее месте строилась новая. Убийство из-за земли стало обычным делом. Тавр кишел крестьянами, ушедшими в «эшкия».

Борьба за землю на Чукурове, начавшаяся в конце XIX века, продолжается и по сей день. Она полна трагическими событиями. Одно из них и легло в основу романа Яшара Кемаля «Тошйй Мемед».

Автор изобразил в своем произведении только одну сторону борьбы за землю на Чукурове, связанную с движе-

нием «эшкия». Судя по заявлению Яшара Кемалья в турецких газетах, он намерен в последующих своих романах дать более широкую картину этой борьбы.

В романе «Тошый Мемед» Яшар Кемаль разработал новую сторону проблемы «эшкия», превратив «эшкия» из стихийного бунтаря в сознательного борца за освобождение крестьян от векового гнета.

Ненависть Мемеда к помещику Абди-аге в узколичном плане перерастает в ненависть ко всем хозяевам, отнимающим у крестьян их труд, землю, их счастье. Тошый Мемед предстает перед читателем как выразитель вековых стремлений крестьян, мечтающих когда-нибудь стать хозяевами собственной земли, собственного урожая, собственного труда.

Крестьяне деревни вначале смотрят на Мемеда как на человека, обиженного Абди-агой и поэтому готового ему мстить. Они оправдывают его поступки: в конце концов несправедливость и зло должны быть наказаны. Но потом крестьяне вдруг видят, что Мемед борется не только за себя, но и за них самих. Они видят, что, убив Абди-агу, Мемед оплатит ему не только за свои собственные страдания, но и за страдания всех крестьян.

До этого им и в голову не приходило, что можно жить без Абди-аги. Но после побега аги из деревни, когда они впервые в жизни собрали весь урожай для себя, крестьяне начали подумывать о том, что хорошо бы навсегда избавиться от Абди-аги. Они уже осмелились усомниться в святости издавна выученной заповеди: «Один родится бедным, другой богатым. Это воля божья. Грех зариться на имущество других...» И они начали думать о том, что мир устроен несправедливо.

Мемед невольно содействовал рождению элементарного самосознания у крестьян. Они начинают понимать, что существующий порядок вещей не есть что-то неизменяемое, что его можно изменить. Именно этого боятся больше всего на свете Абди-ага. Он боится, что примеру Мемеда, раздавшего крестьянам земли деревни, последуют другие. «Сегодня меня, а завтра тебя,— говорит Абди-ага Али Сафе-бею,— вот что меня пугает. В горах много разбойников. Пусть. Это меня не волнует... Земля! Вот в чем суть дела! Если крестьяне поймут это, их уже не остановишь. Нет, я не боюсь своей смерти, ты это знаешь, Али Сафа-бей... Надо поскорее убить этого маль-

чишку. Он напомнил ослу про арбузную корку». И Абди-ага посылает в центр телеграммы, требует задушить опасную идею Мемеда в самом зародыше, пока не поздно...

В лице Мемеда нашли своего защитника крестьяне не только его родной деревни, но и всех окрестных деревень Чукуровы. Они связывают свои мечты о земле с именем Мемеда и думают, что, если к ним в деревню придет Мемед, они непременно получают обратно свои земли.

Яшару Кемалю удалось с большой художественной убедительностью изобразить одно чрезвычайно важное явление, характерное для многих стран современного Востока: он показал пробуждение в крестьянских массах протеста против существующих порядков в деревне, пробуждение активного сопротивления. Этот стихийный протест, который наиболее ярко проявился у Мемеда, к концу романа овладевает всеми крестьянами деревни. Отступись, откажись Мемед от борьбы, его заставил бы народ продолжать ее, как это в конце концов и происходит. «В романе сильны не личности, а народ,— так объясняет идею своего произведения Яшар Кемаль,— Тощий Мемед сам по себе является индивидуальным характером, но его принуждает народ; крестьяне деревни заставляют его действовать».

Было бы, конечно, ошибкой усмотреть в стремлениях Яшара Кемалья какое-либо желание социальной революции в стране. Он далек от этого. Он лишь старается добросовестно изобразить положение, сложившееся в современной турецкой деревне, показать происходящие в ней социальные явления, надеясь, что таким образом поможет излечить социальные язвы в стране. Он указывает на пожар, вспыхнувший в доме, и хочет направить туда пожарную команду, как образно определил задачи передовых художников слова известный турецкий писатель Самим Коджагёз. Не случайно Яшар Кемаль нигде ни словом не упоминает о позиции правительства в отношении тех чудовищных несправедливостей и дикого произвола, которые царят в деревне. Больше того, он всячески подчеркивает, что правительство о них ничего не знает, что во всем виноваты местные начальники, дающие правительству ложную информацию. Каждый раз, когда кто-нибудь решается довести до сведения центральной власти о беззаконии, допускаемом в провинции, оказывается, что или подкупленный местными властями телеграфист не отправляет теле-

граммы по назначению, или же кто-то из местной знати отговаривает жалобщика послать в центр сообщение, чтобы «не выносить сор из избы».

Яшар Кемаль своим произведением как бы хочет открыть правительству глаза на положение в деревне и привлечь его внимание к тем уродливым явлениям и нарушениям законов, к тому отказу от политики государства, которые допускаются на местах. Он критикует не сами земельные реформы, а их извращения и неправильное применение.

Неверно было бы объяснить это причинами цензурного порядка. Яшар Кемаль убежден, что прогресса и процветания страны можно добиться путем поднятия уровня жизни крестьян. А это, по его мнению, возможно, если будут точно соблюдены принятые демократические законы и если страна пойдет по пути прогресса и демократии, понимаемых в смысле буржуазной демократии, осуществленной в развитых странах капитализма.

В данном случае художественная правдивость писателя взяла верх над его политическими убеждениями, как это часто бывает в наши дни в творчестве многих писателей буржуазных стран.

Увлекательный сюжет, динамическое действие, быстрая смена эпизодов, местами бешеный темп придают «Тошему Мемеду» характер приключенческого романа. Но все эти свойства пришли в роман Яшара Кемаля не из детективных романов Запада или из фильмов о разбойниках, которые оказывают значительное влияние на некоторых турецких писателей. Они идут от широко известных на всем Ближнем и Среднем Востоке дестанов о народных богатырях. Писатель использовал характерные для дестанов приемы художественной изобразительности — лиричность и поэтичность образов, романтику боевых сцен, некоторую гиперболизацию боевых качеств героя (один человек выходит победителем в борьбе с сотнями жандармов), отказ от логической подробности в описании тех или иных ситуаций и т. д. и т. п.

Влияние дестана сказывается и на языке романа — то лирически возвышенном, то спокойно повествовательном.

Но все же произведение Яшара Кемаля нельзя назвать дестаном даже в его современной форме. Это своеобраз-

ное сочетание многих жанров — от лирико-эпических дестанов до реалистического романа.

Это качество романа Яшара Кемаля делает его чрезвычайно популярным и среди простого турецкого народа, с детства привыкшего слушать в кофейнях дестаны в исполнении ашугов. Как сообщают турецкие газеты, во многих деревнях можно наблюдать картину, когда по вечерам в деревенской кофейне один из грамотных людей читает вслух крестьянам роман Яшара Кемаля «Тошый Мемед» и крестьяне живо реагируют на произведение, находя в нем немало эпизодов из своей жизни.

А. Бабаев

*В 1925—1933 годах в горах
Тавра бродило свыше ста пя-
тидесяти разбойников. Тоцкий
Мемед, о котором мы расска-
зываем,— один из них.*

У стены меня сфотографировали.
Вы узнаете меня на белой бумаге.

КНИГА

ПЕРВАЯ

I

Склоны Тавра поднимаются от самого Средиземного моря. Берега его, о которые разбивается белая пена, постепенно взбираются вверх. Над морем всегда стоят белые облака. Побережье — ровное-ровное, словно утрамбованная глина. Часами можно идти, удаляясь от берега, и запах моря будет сопутствовать тебе. Пахнет солью. Запах этот резок. За ровными, глинистыми, распаханными землями начинается Чукурова. Это темно-зеленая, бескрайняя равнина, покрытая густым кустарником, камышом, ежевикой, диким виноградом и тростником. Здесь темно; темнее, чем в лесу.

Продвигаясь от берега вглубь, по направлению к Ислахии, минуя Анаварзу и Османию, подходишь к бескрайним болотам. В летние месяцы они словно кипят. Все кругом окутано испарениями. Близо не подойдешь. Пахнет гниющей травой, камышами, деревьями, прелой землей. Зато зимой все здесь залито прозрачной сверкающей водой. Летом из-за травы и кустарников поверхность воды не видна, а зимой она открывается взору, как огромное покрывало. Пройдя болота, снова попадаешь на вспаханные поля. Земля здесь такая жирная, что даже блестит. Она воздаст землепашцу сторицей за его труды. Щедра, богата здесь земля.

За холмами, покрытыми душистыми миртами, неожиданно начинаются скалы. Человеку вдруг становится страшно. Вместе со скалами появляются сосны. Их янтарная смола стекает на землю. А за соснами — снова равнины. Земля здесь серая, она неплодородна и не обработана... Снежные вершины Тавра совсем рядом. Кажется, стоит протянуть руку — и ты дотронешься до них.

Дикенли — одна из этих равнин. На ней разбросано несколько деревень. Крестьяне в этих деревнях не имеют своей земли. Вся земля принадлежит Абди-аге *. Дикенли оторвана от мира. Здесь своя жизнь со своими, особыми законами. Жители её не видели ничего, кроме своих деревень. Они очень редко покидают равнину, и никому нет до них никакого дела. Даже сборщики налогов заглядывают сюда раз в три года. Но и они не разговаривают с крестьянами, не интересуются их жизнью. Заглянут к Абди-аге и уходят.

Деревня Деирменолук — самая большая на равнине Дикенли. В ней и живет Абди-ага. Она расположена в восточной части равнины, у самых скал. Скалы лиловые. Вершины их покрыты белоснежными пятнами, с зелено-серебристым отливом.

Древний чинар встречает идущего в деревню путника во всем своем величии. Ветви его, переплетаясь, свисают до самой земли. На расстоянии пятидесяти шагов от чинара не услышишь и шороха. Все вокруг погружено в безмолвную пугающую тишину. И в десяти метрах от дерева — та же тишина. Но если приблизиться к дереву

---

* Ага — господин, помещик. — *Прим. перев.*

со стороны скал — все меняется. Человек столбенеет, оглушенный шумом... Постепенно слух привыкает, и шум уже не кажется таким сильным.

Этот шум приносит в Деирменолюк горный родник. Вода бурлит, выбиваясь из-под скалы. Если в водоворот бросить палку, то она день, два, и даже неделю будет кружиться на поверхности воды. Некоторые уверяют, что в этом водовороте даже камень не потонет. Между тем исток родника не здесь. Родник берет свое начало на горе Акчадаг и течет через сосновые рощи, впитывая аромат майорана и тимьяна. Здесь, у этой скалы, он уходит под землю, пенясь и бурля, и с бешеным шумом появляется с другой стороны.

От истока до горы Акчадаг в Тавре местность такая скалистая, что не найти ровной площадки, на которой можно поставить дом. Величественные сосны и грабы, пробиваясь между скал, вздымаются к небу. Звери здесь почти не водятся. Редким вечером на остроконечной скале можно увидеть лань; откинув огромные изогнутые рога, она неподвижно стоит, устремив взор в бесконечную даль.

II

Колючки растут на самых плохих, пустующих землях. Земли эти белые-белые, как брынза. На них не видно ни травы, ни деревьев. Зато колючкам здесь приволье.

На хорошей земле вы не найдете ни одной колючки. Это потому, что хорошая земля не пустует, ее всегда вспахивают и засевают. К тому же, кажется, колючки не любят хорошую землю.

Колючки растут и на средних почвах — не хороших и не плохих. Сначала выдергивают колючки, а уж потом сеют. Так обрабатываются земли близ вершин Тавра.

Стебель самой высокой колючки достигает метра. Его ветки покрыты цветами. Цветы похожи на звездочки: пять лепестков, на конце которых твердые, острые шипы. На каждом кусте сотни шипов.

Кусты колючек переплелись, образуя сплошные заросли, сквозь которые не проползет и змея. Если бросить в эти колючки иголку, даже и она не упадет на землю, застрянет в буйно разросшихся ветвях.

Весною стебли колючек слабые, светло-зеленые. Когда подует легкий ветерок, они, будто ласкаясь, прижимаются к земле. В середине лета на листьях появляются голубые прожилки, постепенно голубеют ветви и стебель. Затем голубизна темнеет. Бескрайняя, бесконечная равнина превращается в необыкновенно красивую голубую гладь. И если при заходе солнца поднимется ветерок, голубое поле волнуется, шумит, словно море, и так же, как на закате вода, багровеет и это голубое поле.

К осени колючки высыхают. Голубой цвет блекнет. С поля доносится треск. Это созревают коробочки с семенами. И тогда сотни, тысячи белых шариков покрывают стебли; это — улитки.

Вокруг деревни Деирменолак только заросли колючек. Нет ни полей, ни садов, ни огородов. Колючки, одни колючки...

Из зарослей выбежал мальчик, остановился, перевел дыхание. Он очень долго бежал. Взглянув на ноги, он увидел, что они истрапаны до крови. Мальчик чуть не падал от усталости. У него был испуганный вид. Ему все еще казалось, что за ним гонятся и вот-вот догонят. Обернувшись — никого. Мальчик обрадовался. Свернув направо, пробежал еще немного и бросился в заросли. Слева от себя он увидел муравейник. Муравьи были необыкновенно большие. Муравейник кишел. Позабыв обо всем, мальчик стал наблюдать за муравьями. Но вдруг опомнился и вскочил на ноги. Свернул еще раз направо и вскоре выбрался из зарослей. Он встал на колени на краю поля. Но тут же сообразил, что голову его могут заметить, и присел на корточки. Ноги кровоточили. Он стал прикладывать землю к ранам. Земля, попадая на царапины, обжигала.

Скалы были недалеко. Собрав последние силы, мальчик снова побежал к скалам и остановился у чинара под самой высокой скалой. Золотисто-желтые листья с красными прожилками устилали землю под чинаром, наполовину скрывая его ствол. Сухие листья шелестели. Мальчик упал на них. Шум листьев спугнул птичку, сидевшую на конце голой ветки. Она вспорхнула и улетела. Мальчик очень устал, силы оставили его. Хорошо бы переночевать в этих сухих листьях. Здесь так мягко! А у него не было сил даже подняться. «Тут меня съедят звери», — мельк-

нуло у него в голове. С дерева на землю падали листья, падали, падали, один за другим, непрерывно.

Он говорил вслух, словно рядом был человек, к которому он обращался.

— Пойду,— говорил он.— Пойду и найду ту деревню. Никто не узнает, что я туда пошел. Пойду найду. Вот и пойду. Больше не вернусь. Стану пастухом. Буду пахать. Вот и стану пастухом. Буду пахать. Пусть мать ищет. Пусть ищет сколько хочет. Абди-ага Козлиная Борода больше не увидит меня. Никогда не увидит. А что, если я не найду деревни? Не найду!? Тогда умру с голоду. Умру, вот и все.

Весеннее солнце сильно пригревало. Лучи его ласкали скалы, чинар и листья. Сверкающая земля казалась обновленной. Несколько весенних цветов, пробив землю, выглянули на поверхность, другие вот-вот выглянут. Весной в горах пахнет смолой. Жидкая смола блестит, издавая горький запах.

Не известно, сколько времени пробыл мальчик в зарослях, час или два. Солнце уже опускалось за горы, наступал вечер. Мальчик перестал разговаривать сам с собой, собрался с силами. Вдруг ему опять показалось, что за ним погоня. Его охватил страх. Он взглянул на исчезающий за горами диск солнца. Куда теперь идти? В какую сторону? Он не знал. Заметив тропинку, он побежал по ней. Бежал долго — по скалам, через кусты. Запыхавшись, останавливался, оглядывался назад и снова бежал. От усталости у него уже начали заплетаться ноги.

Пробегаая мимо высохшего дерева, он заметил на нем маленькую ящерицу. Это почему-то обрадовало его, но ящерица тут же скрылась.

Вдруг он покачнулся и остановился. У него кружилась голова. В глазах потемнело. Все вокруг завертелось. Руки и ноги дрожали. Но, оглянувшись назад, он снова побежал. Из травы взлетело несколько курапатов. Он вздрогнул — его пугал малейший шорох, — сердце сильно билось. С безнадежным видом он оглянулся назад. Он обливался потом. От страха дрожали колени. Присев на выступ скалы, он вдохнул резкий запах пота и нежный аромат цветов. С трудом открыл он глаза, поднял голову и посмотрел вниз. Солнце заходило, по земле тянулись длинные тени. Внизу он разглядел что-то вроде крыши. Его охватила безумная радость. Из трубы медленно поднимался

дым: но цвет его был не черный, а тоже отдавал голубизной.

Сзади послышался шорох, похожий на шаги человека. Мальчик быстро повернул голову. Слева был лес, черный-черный, он обрушивался на землю, как ливень с неба. Лес был бескрайним. Мальчик снова заговорил, но теперь он говорил громко. Пробегая по лесу, он кричал во весь голос:

— Пойду скажу им... Пойду скажу, что... Скажу вам... Скажу, что пришел к вам наняться пастухом. Буду также пахать... Буду также убирать урожай... Скажу, что меня зовут Мыстык. Черный Мыстык*... У меня нет ни отца, ни матери... Скажу, что у меня нет и Абди-аги. Буду пасти ваших овец. Буду пахать вашу землю. Стану вашим сыном. Вот стану! Мое имя не Тоший Мемед. Зовут меня Черным Мыстыком. Пусть плачет мать... Вот стану. Пусть гяур** Абди-ага ищет меня. Вот стану им сыном!

И он громко заплакал. Темный лес все тянулся и тянулся, а он все плакал и плакал. Слезы, только слезы, приносили ему облегчение. Спускаясь по склону, он перестал плакать и вытер рукавом нос. Рукав стал совсем мокрым.

Когда мальчик вошел во двор дома, было уже темно. Неподалеку виднелись силуэты еще нескольких домов. Он остановился на минуту. Подумал, та ли это деревня? Длиннобородый старик возился с седлом возле двери. Старик поднял голову и увидел посредине двора неподвижную фигуру. Фигура приблизилась. Старик не обратил на это внимания и продолжал свое дело. Когда совсем стемнело, он отбросил седло и встал. Оглянувшись, он заметил, что фигура стоит на том же месте.

— Эй, ты! Что тебе здесь нужно? — крикнул старик.

— Дядя, я буду у тебя пастухом. Буду пахать. Я вам буду все делать, дядя,— послышалось из темноты.

Старик взял мальчика за руку:

— Заходи, а там видно будет.

Дул легкий северный ветер. Мемед сильно дрожал.

— Подбрось дров в очаг,— сказал старик, обращаясь к жене.— Мальчика знобит.

---

* До введения фамилий в Турцию, особенно в деревнях, были приняты прозвища, по которым различались лица, носящие одинаковые имена.— *Прим. перев.*

** Гяур — немусульманин, неверный.— *Прим. перев.*

— Кто он? — удивленно спросила жена.

— Божий гость.

— Таких гостей я еще не видела, — улыбаясь, ответила жена.

— Тогда посмотри!

Женщина быстро встала, принесла охапку дров и подбросила в очаг несколько поленьев. Огонь медленно разгорался.

Мальчик прижался к стене около очага. У него была большая голова. Прямые, выгоревшие на солнце, порывшие волосы прядями спадали на лоб. На маленьком сухоньком лице — большие карие глаза. Тело покрывал загар. На вид ему можно было дать лет одиннадцать. Из закатанных до колен штанов, изодранных о колючки, торчали голые, покрытые царапинами ноги. Он был бос.

Огонь в очаге разгорелся, но мальчик все еще дрожал.

— Сынок, ты голоден. Сейчас налью тебе похлебки, поешь, — сказала старуха.

— Поем, — ответил мальчик.

— Вот и согреешься.

— Тогда и озноб пройдет, — сказал мальчик.

Старуха подошла к очагу и налила из большого медного котла в луженую миску похлебки. Мемед не отрываясь смотрел на котел с похлебкой, из которого поднимался пар.

Она поставила перед ним миску и подала деревянную ложку.

— Ешь живее! — подбодрила старуха.

— Я сейчас, — ответил мальчик.

— Не торопись, обожжешься, — предупредил старик.

— Ничего.

Мальчик улыбался. Старик тоже улыбался. Старуха не обращала на них внимания.

— Вот поел наш молодец, и озноб сразу прошел, — улыбаясь, сказал старик.

— Да-да, — подтвердил мальчик.

Старуха тоже улыбнулась.

Очаг был чисто обмазан глиной. Крыша была земляная. Пол устлан ветками. Закопченный за долгие годы потолок стал совсем черным и блестел. Дом разделялся перегородкой на две части, одна из которых служила

хлебом. Через приоткрытую дверь в комнату шел теплый влажный воздух. Пахло навозом, соломой, свежими ветками.

Из-за перегородки вышли сын старика, невестка и дочь. Мальчик посмотрел на них радостно и дружелюбно.

— Скажи же нашему гостю «добро пожаловать»,— обратился старик к сыну.

— Добро пожаловать, братец, как поживаешь? — серьезно спросил сын.

— Благодарю, хорошо,— в тон ему ответил Мемед.

— Добро пожаловать,— приветствовали гостя дочь и невестка.

Тем временем дрова в очаге прогорели, ярко пламенили угли. Мальчик, засунув руки за пазуху, съежился. Старик сел возле него. Яркий свет очага отбрасывал странные тени. Глядя на эти тени, старик, казалось, догадывался, о чем думал Мемед. Старик уставился на язычки пламени, которые перемещались с места на место. Когда он отрывал от них взгляд, его продолговатое доброе лицо озаряла улыбка. Борода у старика была белая, круглая. Его загорелый лоб, щеки и шея блестели, как медь в отсветах пламени.

Вдруг, будто опомнившись, старик выпрямился и спросил:

— Сынок, а как твое имя? Ты нам не сказал.

— Меня зовут Тоштий Мемед...

И тут же, как будто раскаявшись в своих словах, мальчик прикусил нижнюю губу и стыдливо наклонил голову. Он забыл, что, когда шел по дороге, хотел назваться Черным Мыстыком. «Пусть! — подумал он. — Что такое Черный Мыстык, когда у меня есть настоящее, свое имя? К чему мне скрывать его? Кто меня увидит здесь, в этой деревне?»

— Накрывайте к ужину,— сказал старик невестке.

Расставили миски. Вся семья и Тоштий Мемед сели за стол. Во время еды никто не проронил ни слова. После ужина в очаг подбросили еще охапку дров. Старик принес большое полено и положил его в самую середину. Языки пламени охватили его со всех сторон. Старик у этого доставляло огромное удовольствие. Старуха нагнулась и тихо шепнула ему:

— Сулейман, где постелить мальчику?

Тот улыбнулся своей приятной улыбкой и сказал:

— В кормушке большого коня... А где же еще? Не с нами же вместе... Кто знает, откуда пришел наш дорогой гость.

Старик повернулся к Мемеду. Мальчика разморило от тепла, он дремал.

— Спать хочется? — спросил, улыбаясь, старик.

Мемед вздрогнул:

— Нет, совсем не хочется...

Сулейман заглянул мальчику в глаза и сказал:

— Послушай, Тоший Мемед, ты не говоришь нам, откуда идешь и куда.

Тоший Мемед протер сонные глаза и сказал:

— Я иду из деревни Деирменолюк в ту деревню.

— Деирменолюк мы знаем, а что такое «та деревня»? — спросил Сулейман.

— Деревня Дурсуна, — нимало не смутившись, пояснил Мемед.

— Какого Дурсуна? — допытывался Сулейман.

— Ты знаешь Абди-агу... — проговорил мальчик и замолчал. Глаза его были устремлены в одну точку.

— Ну, и что дальше? — протянул Сулейман.

— Это наш ага. Дурсун — его батрак. Он пашет. Он пашет землю Абди-аги. Тот самый Дурсун.

Глаза его заблестели. На минуту остановившись, Мемед продолжал:

— Недавно он поймал соколенка... Теперь, дядя, вспоминаешь, кто?

— Да, вспомнил. Ну и что?

— Вот в его деревню я и иду. Дурсун мне сказал: «У нас в деревне детей не бьют. Их не заставляют пахать. Колючки не растут на наших полях». Вот я и иду туда.

— Но как же называется эта деревня? Разве Дурсун тебе не сказал?

Мемед замолк. Засунув палец в рот, он долго думал. Потом проговорил:

— Дурсун мне не сказал.

— Странно.

— Да-а-а, странно, — повторил Мемед. — Мы с Дурсуном вместе пахали. Он сел на камень и говорит: «Ах, если бы ты побывал в нашей деревне! Камней на полях нет, они глубоко в земле. Там и море, и сосновый бор. Человек по морю может попасть куда захочет». Дурсун удрал оттуда. Он мне сказал, чтобы я никому не гово-

рил, что он оттуда удрал. Я даже матери не сказал об этом.

Наклонившись к Сулейману, Мемед шепнул:

— Ты тоже никому не говори, ладно, дядя?

— Не бойся, не скажу.

Невестка поднялась и вышла. Вскоре она вернулась с полным мешком за спиною. Женщина поставила мешок посреди комнаты, развязала. На пол вывалились хлопковые коробочки. Она принялась очищать их. Хлопок был белый-белый, как облачко. Дом наполнился резким запахом сырого хлопка.

— Ну-ка, Тоший Мемед, принимайся за дело,— весело сказал Сулейман.— Покажи-ка себя!

Мальчик положил перед собою кучку коробочек.

— Очищать хлопок — разве это дело?

Привычные к такой работе руки мальчика быстро замелькали.

— Тоший Мемед, как ты найдешь ту деревню? — спросил сын старика.

Мемед, по-видимому недовольный этими расспросами, вздохнул и нехотя ответил:

— Буду искать. Деревня на берегу моря. Буду искать.

— Отсюда до моря пятнадцать дней пути,— сказал сын старика.

— Буду искать. Умру, а в Деирменоулук не вернусь. Ни за что. Вот и все.

— Что с тобой стряслось? А ну-ка рассказывай. Почему ты ушел из дому?

Руки Тошего Мемеда опустились.

— погоди, дядя, я все тебе расскажу. Отец мой умер. Мать у меня, больше никого. Я пахал землю Абди-аги.

Глаза мальчика наполнились слезами, в горле защемило, но он сдержался.

— Два года пахал. Колючки совсем заели, кусаются, как собаки. Вот какое поле я пахал. Абди-ага каждый день избивал меня до полусмерти. Вчера утром опять избил. Не мог я больше терпеть и убежал. Я пойду в ту деревню. Абди-ага меня там не найдет. Буду у кого-нибудь пахать, пасти скот. А если они меня примут, стану им сыном.

Когда Мемед говорил «стану им сыном», он пристально посмотрел на Сулеймана. У Мемеда навернулись слезы на глазах. Еще одно слово, и он мог разрыдаться. Сулейман перестал его расспрашивать и сказал:

— Ладно, коли так, оставайся у меня.

Мальчик просиял. Радость волной залила его.

— Море отсюда очень далеко, Тоший Мемед. Не так-то легко будет найти ту деревню,— сказал сын старика. Хлопок был весь очищен. Кругом кишели букашки, вывалившиеся из коробочек. Черные маленькие букашки...

Мемеду постелили у очага. Глаза его слипались. Он все чаще поглядывал на постель. Сулейман заметил это.

— Ложись,— сказал он, указав на постель.

Мемед ничего не ответил, лег и сразу свернулся калачиком, прижав колени к груди. Все тело ломило, словно его избили.

— Я стану его сыном. Обязательно стану! Пусть мать ищет меня. Пусть ищет Абди-ага. Пусть ищут. Пусть ищут до светопреставления. Не вернусь...— бормотал Мемед.

За два часа до восхода солнца он проснулся и вскочил с постели. Он всегда вставал в это время, уходил в поле. Полусонный, Мемед вышел во двор и вспомнил вчерашний вечер и белобородого Сулеймана.

«Дом Сулеймана,— сказал он про себя.— Зачем я пойду в ту деревню? Что я там буду делать? Лучше я останусь здесь и стану сыном дяди Сулеймана. А в Деирменолук не вернусь ни за что».

На улице было холодно. Он вошел в дом и лег в постель, снова свернувшись калачиком. Пригрелся, радуясь, что сегодня может спать до восхода солнца, и тут же заснул.

Лучи солнца развеяли утреннюю прохладу. Старуха сняла с огня похлебку и поставила ее на край очага. Из котла поднимался пар. Сын давно уже ушел в поле. Сулейман достал седло и принялся за работу.

— Сулейман,— позвала старуха,— похлебка стынет, иди поешь!

— Мальчик встал? — спросил Сулейман.

— Бедняжка, вчера он так устал, даже бредил во сне,— ответила старуха.

— Не буди его. Вчера он весь день бежал. Видно по нему,— сказал Сулейман.

— От кого он убегал? — спросила старуха.

— Его сильно обижали,— ответил Сулейман.

— Такой хороший мальчик. Окаянные, что им нужно от ребенка? — возмущалась старуха.

— Пусть живет у нас сколько захочет,— сказал Сулейман.

Мемед проснулся. Протерев глаза, он посмотрел на очаг. Из открытого котла с похлебкой валил пар. Он повернул голову и взглянул во двор. От двери тянулась как будто отрезанная ножом полоса солнечного света. Мемед быстро вскочил.

Заметив его беспокойство, Сулейман сказал:

— Не бойся, сынок. Поспи еще!

Мемед подошел к очагу, взял медный кувшин и вышел во двор. Хорошенько умывшись, он подошел к Сулейману и стал смотреть, как старик мастерит седло.

— Идите есть похлебку, остынет,— снова позвала старуха.

Сулейман отложил работу. Прищулив глаз, он улыбнулся и сказал Мемеду:

— Пойдем есть.

Это была пшеничная похлебка на молоке. В комнате приятно пахло молоком и разваренной пшеницей. Они ели деревянными ложками. Еда очень понравилась Мемеду. «Я стану его сыном...» — решил он.

Работа Сулеймана близилась к концу. Он набивал седло сеном, которое выскальзывало из его длинных, старческих пальцев.

Весеннее солнце наполняло мир своим блеском. Когда Сулейман перемешивал сено, поднималась тонкая золотистая пыль, разлетавшаяся во все стороны в лучах солнца.

— Тебя здорово притеснял Абди-ага? — спросил Сулейман. Мемед не ожидал такого вопроса.

— Он избивал меня до полусмерти. И заставлял босиком пахать поле с колючками. И к тому же в холода. И избивал. Однажды он так меня избил... Я лежал месяц. Он всех бил, но меня особенно. Моя мать говорит, не будь талисмана Сары Ходжи, я бы умер...

— Значит, теперь ты останешься здесь? — спросил Сулейман.

— А что мне делать в той деревне? До нее пятнадцать дней пути. Там море, да мне-то что? Там нет колючек, но и у вас их нет. Я останусь. Меня здесь никто не найдет, правда? Деирменолак далеко. Никто меня здесь не найдет, верно?

— Послушай, глупыш, ведь Деирменолак всего лишь за этой горой. Ты забыл дорогу, по которой пришел?

Мемед застыл от удивления. Глаза его расширились, на лбу выступил холодный пот. Все надежды рушились. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле.

В небе парили орлы. Мемед засмотрелся на них, двинулся к Сулейману.

— А если я пойду в ту деревню и стану чьим-нибудь сыном? Если Абди-ага найдет меня здесь, он меня убьет,— повторял Мемед.

— Ну что ж, иди в ту деревню и становись чьим-нибудь сыном,— обиженно сказал Сулейман.

— Как было бы хорошо, если бы я стал твоим сыном! — воскликнул Мемед. — Как хорошо, но...

— Что «но»?

— Если он меня найдет... Не побоятся аллаха... Изрубят на куски... — пробормотал Мемед.

— Что, ты говоришь, он сделает? — спросил Сулейман, подняв голову от станка. Мемед нахмурился, лицо его потемнело. Большие глаза погасли, словно в них померк свет.

Заметив, что Сулейман смотрит на него, Мемед взял старика за руку.

— А что будет с тобой? — спросил он, собрав всю свою волю и заглядывая Сулейману в глаза.

— Не бойся, ничего, — ответил Сулейман.

Мемед рассмеялся; это был какой-то горький смех, в нем чувствовались и страх и радость. Сулейман кончил работу, встал и сказал:

— Послушай, Мемед, у меня в доме напротив есть дело, я должен пойти туда. Займись чем-нибудь. Хочешь, пройдишь по деревне.

Они расстались. Мальчик пошел по деревне. Двадцать — двадцать пять глинобитных домов, бесформенных и неуклюжих, кое-как громоздились на камнях друг около друга, поднимаясь на метр от земли.

Он прошел всю деревню из конца в конец. На куче навоза играли дети. Укрывшись в тени домов, сидели за прялками женщины.

Чья-то собака, опустив хвост, боязливо жалась к стене. По всей деревне навалены кучи навоза. Так бродил он до вечера. Никто не спросил его, кто он и куда держит путь. У них в Деирменолуке ни один прохожий не пройдет незамеченным, ребятишки сразу окружают его. А здесь совсем

другое дело. И это ему не нравилось. Когда он возвратился домой, его встретил Сулейман.

— Тоший Мемед, где ты весь день пропадал? Как дела?

— Хорошо.

Так прошло еще несколько дней. Мемед подружился с ребятами. Часто играл с ними. Никто никогда не мог обыграть его. Но он не кичился своей ловкостью. Другой бы на его месте, наверное, не удержался. Мемед только пожимал плечами, считая это детской забавой. И поэтому его успехи не злили ребят.

В Таврах начались осенние дожди. На склоны падали тяжелые капли, такие же крупные, как опадающие осенью листья.

Гремел гром. С гор, покрытых могучими лесами, на равнину скатывались увлекаемые потоками воды камни.

Мемеду надоело слоняться без дела, и однажды он сказал Сулейману:

— Дядя Сулейман, что будет дальше? Мне скучно. Я даром ем твой хлеб.

— Отдохни еще. Куда тебе торопиться? И для тебя найдется дело, сынок,— успокаивал его Сулейман.

Через несколько дней дождь прекратился. Солнце блестело на мокрых камнях, на скалах, деревьях, на земле, клубы испарений поднимались к небу. В деревне эти испарения были пропитаны запахом навоза. Серебристые облака находили на солнце, заслоняя его на время.

Тоший Мемед сидел на камне против дома. На ногах у него были чарыки*, которые сделал ему Сулейман из сыромятной кожи. Они еще не совсем высохли. По торчавшим на них синим волоскам можно было догадаться, что они сделаны из шкуры бычка. Глядя на них, Тоший Мемед чуть не прыгал от радости. Сулейман подошел к Мемеду и стал смотреть, как тот завязывает чарыки. Делал он это очень ловко. Быстро продев шнурки, он так же быстро завязал их.

— А ты, оказывается, мастер завязывать чарыки,— похвалил Сулейман.

Тоший Мемед поднял голову и улыбнулся.

— Я сам могу сделать чарыки. Но эти ты сделал очень хорошо.

---

* Ч а р ы к и — крестьянская самодельная обувь.— *Прим. перс.*

Тощий Мемед поднялся. Несколько раз топнул ногой. Прошел десять-пятнадцать шагов. И опять посмотрел на чарыки. Он был в восторге.

— Как раз по ноге,— сказал он, подойдя к Сулейману.

Они отправились в путь. По дороге Тощий Мемед не отрывал глаз от чарыков. Он то ускорял, то замедлял шаг, останавливался и даже нагибался, чтобы погладить торчащие волосы.

Сулейман радовался вместе с Мемедом.

— Тебе они очень нравятся, Мемед?

— Они мне как раз впору, я люблю ходить в чарыках,— ответил Мемед.

— В той деревне тебе никто таких чарыков не сделал бы,— заметил Сулейман.

— А разве в той деревне не носят обуви? — с лукавой усмешкой спросил Мемед.

Сулейман не понимал, шутит он или нет.

— Носят, но не чарыки,— ответил старик.

— Понятно,— сказал Мемед.

Наконец они вышли из деревни. Мемед обрадовался. Поля растянулись до самых гор. На полях никто не работал. И, хотя на них не было колючек, они стояли пустыми. Земля здесь — сплошной камень...

Мемед остановился.

— Куда это мы идем?

— Так просто, погулять,— сказал старик. Мемед замолчал. Они двинулись дальше.

На новые чарыки налипла грязь. Мемед почувствовал, что ноги промокли, и выругался.

Деревня осталась далеко позади. Был виден только дым, поднимавшийся из двух труб.

— Тощий Мемед,— начал старик.— Вот здесь ты будешь пасти овец. Ты можешь гнать их вон до той горы. Только не ходи дальше. Там ваша деревня. Тебя поймут и уведут.

— Не пойду,— сказал мальчик.— Хорошо, что предупредил.

— Теперь идем домой.

Они повернули обратно. Облака на небе были ярко-белыми. На каменистой земле темно-зелеными островками выделялись поля.

— Мемед, а тебя здорово притеснял этот Абди-ага Козлиная Борода? — спросил Сулейман.

Мемед остановился. Сулейман тоже стал. Мемед еще раз посмотрел на свои новые чарыки.

— Давай посидим, — предложил Сулейман.

— Давай, — ответил Мемед и начал рассказывать: — После смерти отца Абди-ага отнял все, что у нас было. Когда мать начинала что-нибудь говорить, он бил ее. А меня он хватал за руку и бросал на землю. Однажды летом он привязал меня на два дня к дереву, на самом припеке, и ушел. Два дня я стоял привязанный к дереву, хорошо, что мать пришла и отвязала. Если бы не она, меня бы волки разорвали.

— Так-то! — вздохнул Сулейман и поднялся.

Поднялся и Мемед.

— Так... Вот что я тебе скажу, — продолжал старик, — не ходи за ту гору. Кто-нибудь увидит, скажет Абди-аге Козлиной Бороде, тебя схватят и уведут обратно.

— Не пойду, — сказал Мемед.

На следующее утро Мемед проснулся очень рано. Он тут же выбежал во двор. Рассветало. Он подошел к спящему Сулейману. Старик храпел. Мемед легонько толкнул его.

Сулейман проговорил сквозь сон:

— Кто это? Это ты, Тоший Мемед?

— Я, — гордо ответил Мемед, а затем добавил: — Уже поздно. Я пойду пасти овец.

Сулейман сразу же поднялся. Окликнул жену. Она уже давно встала и доила во дворе корову.

— Быстрее приготовь поесть Мемеду.

Старуха сполоснула в горшке руки.

«Ладно, подою вечером», — сказала она себе.

Она налила Мемеду похлебки, которая подогревалась на очаге, поставила перед ним миску и положила в котомку еду. Мемед быстро съел похлебку, привязал к поясу котомку с едой и пошел к овцам. Он снял с головы старую засаленную шапку, бросил ее в гущу овец и закричал во весь голос:

— Ал-ло-о-ош...

— Желаю удачи! — крикнул Сулейман.

Он глядел ему вслед до тех пор, пока Мемед с овцами не скрылся за поворотом.

— Эхе-хе! Детство...

Жена подошла к нему и спросила:

— Ты опять затосковал? О чем?..

Сулейман вздохнул.

— Сколько зла этому мальчику причинил Абди-ага Козлиная Борода! Сердце разрывается, глядя на него. Я знал его отца. Скромный был человек, никого не обижал. Посмотри, до чего довели ребенка! Ему надоела жизнь, он ушел в горы, а ведь там пули, волки!.. Ты только посмотри!

— Ты все принимаешь слишком близко к сердцу. Иди поешь,— пыталась утешить его старуха,

III

Наступил вечер. Люди уже возвратились с полей. А Тощего Мемед все не было. Зашло солнце. Стало совсем темно, а Тощий Мемед все не возвращался. Зейнеп из соседнего дома крикнула матери Мемед:

— Матушка Доне! Мемед еще не приходил?

— Не приходил, сестра. Не пришел мой Мемед... Что делать? — со стоном отвечала Доне.

Зейнеп уже много раз советовала Доне и сейчас снова повторила:

— Пойди спроси у Абди-аги. Может быть, он у него. Пойди, сестра, спроси. Вот несчастье!.. Ах, бедная Доне!..

— Какое несчастье свалилось на мою голову!.. Какое несчастье! Мой Мемед всегда идет прямо домой, он никогда не задерживается. Чтобы он хоть на минуту когда-нибудь остался в доме Абди-аги!.. Все же пойду узнаю, Может быть...

Луны не было. Небо затянули облака, не было видно ни одной звезды. Темнота!.. Кромешная темнота. Доне направилась к дому Абди-аги. Она шла быстро. Из окошка величиною в ладонь просачивался слабый свет. Она подошла ближе. Ее учащенно бившееся сердце замерло. Она судорожно глотнула воздух. Руки и ноги дрожали. Сквозь стиснутые зубы она с трудом произнесла совсем слабым голосом:

— Абди-ага! Я готова целовать тебе ноги. Мемед еще не вернулся... Я пришла спросить, не у вас ли он задержался?

Из дома раздался громкий, грубый голос:

— Кто там? Что тебе нужно в такой поздний час?..

— Абди-ага, да буду я жертвой твоей! Мемед мой не вернулся... Может, он у вас? Я пришла спросить...— снова начала Доне.

— Это ты, Доне? Черт бы тебя побрал! — загремел грубый голос.

— Это я, ага,— отвечала Доне.

— Заходи. Что тебе нужно? — повторил тот же голос.

Согнувшись в три погибели, Доне вошла. На тахте, у очага, поджав под себя ноги, сидел Абди-ага. Козырек его бархатной шапки съехал на левое ухо. Он всегда так ходил, и в городе и в касабе *. Этим он хотел показать свою набожность. На нем был расшитый шелковый минтан **. Это был высокий мужчина, с продолговатым лицом, маленькими зеленовато-голубыми глазами и розовыми щеками. Абди-ага перебирал большие янтарные четки.

— Что тебе нужно? — повторил он.

Доне сложила руки на груди и еще больше согнулась.

— Ага,— снова начала она,— Мемед мой все еще не вернулся с поля. Может, он у вас, я пришла спросить.

— Вот как? — сказал Абди-ага и встал.— Так он еще не приходил? Ах, сукин сын! Так он еще не приходил?! А мои быки?..— Быстро сбросив с себя минтан, он вышел во двор и крикнул:

— Дурсун, Осман, Али, где вы?

Три голоса с разных сторон ответили ему:

— Мы здесь, ага.

— Быстро сюда.

Из темноты выбежали трое. Один из них был Дурсун, крупный мужчина лет сорока. Двум паренькам, которые были с ним,— не больше пятнадцати.

— Сейчас же идите в поле, найдите этого сукина сына. Непременно разыщите быков. Без них не возвращайтесь. Понятно? — приказал Абди-ага.

— Мы так и хотели сделать. Что это случилось с Мемедом? Почему он еще не возвратился? Мы уже говорили, что нужно пойти поискать его,— ответил Дурсун.

Доне заплакала.

— Кончай, кончай! — оборвал ее Абди-ага.— Что нам делать с этим сукиным сыном? Если с быками что-нибудь случилось, я ему все кости переломаю. В порошок сотру!

---

* К а с а б á — небольшой город.— *Прим. перев.*

** М и н т а н — верхняя рубашка.— *Прим. перев.*

Дурсун, Али и Осман отправились в путь. Доне тоже пошла за ними.

— Сестра,— сказал Дурсун Доне,— ты оставайся. Если мы его найдем, приведем. Может, он сломал плуг или оглобли? Вот и боится вернуться. Ты не ходи. Мы его найдем и приведем. Иди домой, сестра.

— Благослови вас аллах! Не возвращайтесь без моего сына! Дядя Дурсун, надеюсь только на тебя. Не возвращайтесь без моего сына. Надеюсь только на тебя! Сын мой тебя очень любит, дядя Дурсун,— говорила Доне.

Женщина возвратилась домой.

Дурсун, Али и Осман скрылись в темноте. Ночь. Тишина. Слышится только шум удаляющихся шагов. Даже в темноте они легко находили дорогу. Они прошли маленькое каменистое поле и поднялись на острые скалы. Здесь путники присели отдохнуть. Все трое — рядом, прижавшись друг к другу. Они долго молчали. Только стрекотание кузнечиков нарушало безмолвие темной ночи. Первым заговорил Дурсун, он ни к кому не обращался, казалось, он говорил с ночью.

— Странно! Что случилось с парнем? Куда он делся?

— Кто же знает...— отозвался Осман.

— Знаете, что мне говорил Мемед? — вступил Али.— Я, говорит, пойду в «ту деревню». Если даже меня убьют, я не останусь здесь.

— Уж не сбежал ли Мемед, не свалил ли такого дурака? — заметил Дурсун.

— Если он убежал, то молодец,— процедил сквозь зубы Али.

— Молодец,— поддержал его Осман.

— Наша жизнь хуже смерти,— добавил Али.

— Если бы мы смогли перебраться на Чукурову! — проговорил Осман.

— Чукурова близко,— сказал Дурсун.— Там есть деревня Юрегир. Я из этой деревни. Много нужно работать, но ты сам себе хозяин. Никто не вмешивается в твои дела. Обработывай себе землю. На ней родится прекрасный хлопок. Соберешь его. За одно окка * — десять курушей **. За лето заработаешь в пять раз больше, чем

---

* Окка — мера веса, около 1,3 кг.— *Прим. перев.*

** Куруш — пиастр, $\frac{1}{100}$ турецкой лиры.— *Прим. перев.*

у Абди-аги за целый год. Есть там город, город Адана. Из чистого стекла. Светится и днем и ночью. Словно солнце. Гуляй в свое удовольствие. Дороги между домами (их называют улицами), как стекло,—вылизаны до блеска. Поезда приходят и уходят. По морю плывут пароходы, огромные — целые деревни. Они идут во все концы света и горят, как солнце, прямо утопают в огнях. Раз увидишь — глаз не оторвешь. Денег на Чукурове полным-полно. Всем хватит, только работай.

— Как велик мир! — неожиданно проговорил Осман,

— Ве-ли-и-ик,— протянул Дурсун.

Они поднялись, а Дурсун все еще рассказывал о своей деревне.

Пройдя скалы, они попали в заросли колючек. Колючки цеплялись за ноги, больно кусали.

— Вот здесь, на этом поле, работал Мемед,— сказал Осман.

— Не знаю, это вы должны знать,— ответил Дурсун.

— Вот здесь,— подтвердил Али, который шел справа.

— Здесь? — удивился Дурсун.

— Конечно, здесь. Разве не слышишь, как пахнет вспаханной землей.

Дурсун остановился. Глубоко вдохнул воздух.

— Верно.

— Нога моя попала в борозду,— крикнул шедший впереди Осман.

— И моя тоже,— сказал Али.

— Подождите меня. Я тоже пойду,— крикнул Дурсун.

Они остановились. Дурсун догнал их.

— Сейчас отыщем место, где он пахал,— сказал Дурсун.— Что вы скажете?

— Пустяки, мы найдем,— сказал Осман.

— Послушай, я уже озяб,— сказал Али.

— Сейчас найдем его, и тогда уж...— успокаивал его Дурсун.

Вдруг Осман закричал:

— Борозды, которые он вспахал вчера, так и остались. Сегодня он не пахал.

Али попробовал борозду ногой, обошел несколько раз вспаханное поле.

— Да, сегодня Мемед не пахал. Это старые борозды.

— Как бы ему не влетело...— с сочувствием сказал Дурсун.

— Ничего с ним не случится, он брат самого шайтана. Ничего не случится...— сказал Осман.

— Дядя Дурсун, вы же его знаете! Разве с ним может что случиться? — закричал Али.

— Пошли аллах, чтобы все было хорошо. Мемед — хороший мальчик, сирота,— сказал Дурсун.

Они сели посреди вспаханного поля. Осман набрал хворосту. Пока Али и Дурсун разговаривали, он разжег костер. Все пододвинулись к огню. Начали строить всякие догадки. Мальчику могло стать плохо, его мог унести бешеный волк, мог отобрать быков какой-нибудь вор. И мало ли что еще могло случиться...

Пламя озаряло лицо Дурсуна, оно становилось медно-красным, и едва заметная улыбка пробежала по губам. Костер догорел, на его месте, словно глаза кошки, светилось несколько угольков. Всем троим стало грустно. Али затянул песню. Она печально звучала в ночной тишине:

У порога чиню я телегу чуть свет,
На душе тяжело, там тоски моей след,
Книги мне принеси, чтоб я душу отвел,
Кто б ни шел тут, тебе лишь скажу я: «Привет!» *

Они продрогли. Осман набрал хворосту и снова развел костер. Дурсун и Али поднялись и тоже стали собирать хворост. Они набросали большую кучу около костра.

— Ну, что же мы будем делать? — спросил Осман.

— Если мы вернемся в деревню с пустыми руками,— сказал Дурсун,— Абди-ага поднимет шум, раскричится. Лучше всего переночевать здесь. Утром еще поищем. Найдем его во что бы то ни стало.

— Мемеда нам теперь не найти. Он пошел в «ту деревню». «Где та деревня?» — этот вопрос не сходил у него с языка,— сказал Али.

Дурсун засмеялся.

Али оставили следить за костром. Остальные улеглись спать. Али не отрывал взгляда от пламени. Потом поднял голову и стал смотреть в темноту, думая про себя: «Мемед ушел. Пусть идет. Он поступил правильно. Он ушел в стеклянный город. Ушел на теплые земли Юрегира. Пусть идет. Он поступил правильно».

---

* Стихи даются в переводе М. Павловой.

Проснулся Осман, теперь он стал поддерживать огонь. Подложив под голову кусок дерна, Али сказал, обращаясь к Осману:

— Он ушел туда, так ведь, Осман? Мемед ушел туда. Туда, куда говорил Дурсун.

— Туда...— ответил Осман.

На рассвете они проснулись. Небо на востоке становилось красным. Облака окаймляла золотистая нить. Вскоре облака начали белеть. Поднялся легкий ветерок. Прохладный воздух приятно освежал. Они уже могли различить, что делается вокруг. За вспаханным полем заросли колючек тянулись до самого горизонта.

Все трое тяжело поднялись со своих мест. Они стояли в лучах утреннего солнца. По земле растянулись их длинные черные тени. Зевая и потягиваясь, они обошли вспаханное Мемедом поле.

— Посмотрите на след,— сказал Осман,— быки ушли с плугом. Они тащили за собой плуг... Пойдемте по следу.

Они долго шли по следу. Потом неожиданно остановились.

На земле отчетливо виднелись следы лежавших здесь быков. Они, видимо, были в упряжке: земля была разворочена плугом.

Солнце взошло и начало пригревать. Все трое выбрались из зарослей и подошли к ручью. Вдруг Али свистнул. К нему подошли остальные. И тогда они увидели быков, в полной упряжке и с плугом. Один бык был сивый, другой рыжий. Животные до того исхудали, что у них можно было пересчитать все ребра.

Осман побледнел.

— Он что-то задумал. Если бы Мемед убежал, он бы не оставил быков в упряжке. Он что-то задумал,— проговорил Осман.

— Ничего у него нет на уме,— возразил Али.— Он хитрый, нарочно оставил быков в упряжке. Он ушел в «ту деревню».

— В ту деревню, в ту деревню... Вы тоже... Где это «та деревня»? Ты что, с ума сошел? — рассердился Осман.

Дурсун улыбнулся и сказал:

— Не ссорьтесь, ребята.

Они погнали быков вперед.

В деревню они вошли, когда солнце стояло уже высоко. Даже в горах начал рассенваться туман.

Дети, женщины, молодежь собрались около дома Доне. Все сразу встали, увидав батраков, возвращавшихся с быками. Никто не произнес ни слова. Взоры были прикованы к быкам.

Доне закричала и побежала им навстречу:

— Что ты сделал с моим мальчиком? Мой мальчик тебя очень любил.

— Мы нашли у реки только быков,— сказал Дурсун.

Женщина не успокаивалась:

— Мемед, сынок мой... Несчастный сирота!

— Сестра,— сказал Дурсун,— с ним ничего не случилось, я буду его искать. Я найду его.

Доне ничего не слышала. Она плакала и не переставая повторяла:

— Сынок мой... Сиротинка! — Несчастливая женщина упала на дорогу и начала стонать. Ее лицо и волосы покрылись пылью, которая, смешавшись со слезами, расплзалась грязными потеками по щекам.

Люди застыли, переводя взгляд с быков на Доне. Две женщины отделились от толпы. Они подошли к лежавшей в грязи Доне, взяли ее под руки и подняли. Доне потеряла сознание. Голова ее свесилась на плечо, как у мертвой. Поддерживая Доне под руки, женщины отвели ее домой.

Толпа зашевелилась. Первой заговорила старуха Дженнет. Ее все называли Дженнет Лошадиная Голова. Она была высокого роста, с длинным морщинистым лицом. Тонкие пальцы рук походили на ветки.

— Бедная Доне,— сказала она,— что случилось с ее сыном?

В разговор вмешался Элиф — маленького роста крестьянин, известный своей болтливостью.

— Если бы Мемед не умер, он бы пришел,— сказал он. Эти слова облетели толпу.

— Если бы не умер — вернулся бы.

— Если бы не умер — вернулся бы.

— Если бы не умер — вернулся бы.

— Может быть, Мемеда убили враги его отца,— добавил Элиф.

— У отца его не было врагов. Ибрагим и муравья не обидел,— сказала Дженнет.

Люди в белых платках, разноцветных шаях, лиловых фесках, с медными монетами на лбу заволновались:

— Ибрагим и муравья не обидел.

— Ибрагим и муравья...

— ...муравья не обидел.

Затем все смешалось. Каждый твердил свое:

— Ай, Мемед!

— Жаль сироту!

— Проклятый гяур!

Кто-то предложил:

— Пусть Доне пойдет туда, где кружат орлы.

— Орлы всегда кружат над трупами.

— Там, где кружат орлы, там...

— Там...

— Он, наверное, упал в источник.

В одно мгновение все повернулись к женщине, высказавшей эту догадку.

Толпа замерла. Потом все снова заговорили:

— Он упал в воду.

— В воду упал.

— В воду...

Люди ринулись в сторону скал. Впереди бежали босые мальчишки. За ними — босые женщины. Ребята первыми добежали до зарослей колючек. За ними женщины... Ребята ободрали до крови ноги, но, казалось, не замечали этого и бежали вперед. Женщины проклинали колючки:

— Высохнуть бы вам на корню!

За зарослями показались скалы. Вскоре дети, у которых были сильно исцарапаны ноги, выбились из сил и остановились. Усталые женщины добежали до огромного чинара. Листья чинара шелестели. Услыхав шум воды, толпа остановилась. Переведя дыхание, люди побежали к воде. Все глаза были устремлены на воду. Женщины стояли тесным кольцом. Вода, пенясь, била из-под скалы. Слева от скалы образовался большой водоем. В бурлящую воду упало несколько листьев. Но их не унесло. Они кружились в белой пене.

Женщины не двигались с места и молча смотрели на воду.

— Если бы мальчик упал сюда, он хотя бы раз всплыл на поверхность, — сказала Дженнет.

Толпа зашевелилась. Послышались голоса:

— Он хотя бы раз всплыл.

— Он не остался бы там... Всплыл бы,

— Он бы всплыл...

Потеряв всякую надежду найти Мемеда, усталые и разбитые, крестьяне возвращались в деревню. Теперь ребята шли позади, играя на ходу в свои игры. Все шли вразброд, склонив головы.

После этого дня Доне слегла. Она не переставая плакала. У нее был сильный жар. Девушки ухаживали за ней. Через несколько дней Доне поднялась. Глаза ее налились кровью. Она перевязала лоб белой тряпкой...

Однажды деревню облетела весть: «Доне не ест, не пьет, сидит целыми днями у воды и ждет, когда всплывет тело ее сына».

Это была правда. Доне каждое утро вставала на рассвете, шла к источнику и не отрываясь смотрела на воду. Так продолжалось дней десять. Наконец это утомило ее, и она стала запирается у себя в доме. Вскоре она нашла себе новое занятие: вставала рано утром, поднималась на крышу и долго глядела на небо. Как только глаза ее различали парящих в небе орлов, она бежала к тому месту, над которым они кружили. Она очень похудела. Иногда орлы парили далеко над вершиной горы Ягмур. Дорога туда занимает целый день. Но Доне это не останавливало.

Однажды вечером в дверь Доне кто-то постучал.

— Открой, сестра! Это я, Дурсун.

Доне с надеждой и страхом открыла дверь.

— Заходи, брат Дурсун! Мой Мемед тебя очень любил.

Неторопливо усевшись на тюфячок, который ему подстелила Доне, Дурсун сказал:

— Послушай, сестра, сердце подсказывает мне, что сын твой жив. Мне кажется, он просто куда-то сбежал. Я найду его.

Доне подошла к Дурсуну.

— Брат Дурсун, ты что-нибудь знаешь?

— Я ничего не знаю, но мне подсказывает сердце.

— Благослови тебя господь!

— Я буду его искать. И найду. Одно лишь могу тебе сказать: он жив. Мемед не умер.

— Я надеюсь только на тебя, брат. Ах, только бы узнать, что сын мой жив! Больше мне ничего не надо. Ты же знаешь, Дурсун-ага, я ничего не пожалею для тебя...— говорила Доне, провожая Дурсуна.

IV

Лето в разгаре. Началась уборка. Зной сжигает все.

Тоший Мемед вошел в дом Сулеймана не как работник, а как сын. Сулейман в нем души не чаял. Но в последнее время с веселым смысленным мальчиком что-то случилось. Он все молчит, все о чем-то думает. Раньше он целые дни пел песни — грустные песни. Теперь он больше не поет.

Мемед выгонял овец на лучшие пастбища, в лес, где были сочные листья. Бывало, как только Мемед замечал, что какая-нибудь овца не пасется и вид у нее больной, он тут же принимался ее выхаживать. Сейчас же он выпускает овец по пастбищу, сам садится в тени скалы или дерева, упирается подбородком в палку и задумывается. Иногда он не может сдержаться и начинает говорить сам с собой:

— Моя бедная мамочка... О, моя мамочка! Кто уберет тебе урожай? Гяур Абди-ага? Хлеб высохнет и осыплется. Кто тебе уберет урожай без меня, моя бедная мамочка?

Мемед смотрит на небо, на облака, на землю, на желтеющие от зноя посевы и думает: «Наше поле сейчас, наверно, высохло. Кто уберет урожай? Мамочка! Одна... как ты справишься?»

Он не спит по ночам, ворочается в постели. Поле не выходит у него из головы. «Весь хлеб осыплется. Мать не соберет ни зернышка. Ни зернышка, если сейчас же не приступить к уборке».

Наступает утро, Мемед встает усталый, все тело ломит, вид у него удрученный. Он выгоняет овец, и они разбредаются в разные стороны. Но это его не беспокоит, он совсем не смотрит за ними. Перед его мысленным взором неожиданно возникает улыбающееся лицо седого Сулеймана, его полные любви глаза. Мемеду становится стыдно. Собрав овец, он гонит их на хорошее пастбище... Но раскаяние его ненадолго. Его опять одолевают мысли. Он садится на землю. Земля горит, но он ничего не чувствует.

— Поле... — шепчет он, — моя мамочка...

Незаметно спустился вечер, заходит солнце. Мемед собирает овец и гонит их к холму Кыналытепе, освещенному последними лучами заходящего солнца. Оставив овец у подножия, он подымается на вершину и смотрит вниз на

равнину. Над равниной медленно плывет вечерний туман. Равнина — это заросли колючек. Мемед не видит Деир-менолука, скрытого горной грядой, словно огромным занавесом. Повсюду груды серой земли. Трава так суха, что, кажется, вот-вот запылает. Что-то вспомнив, Мемед злится на самого себя. Что сказал Сулейман? Он сказал: «Не ходи за холм Кыналытепе!» Но за этим холмом никого нет. Мемед злится еще больше. Бегом спускается с холма и до позднего вечера собирает разбредшихся овец. В деревню он возвращается уже затемно. И когда Сулейман спрашивает его, почему он так поздно, Мемед говорит неправду: нашел, мол, хороший луг и не мог увести овец.

Однажды он встал, как обычно, рано утром. Зашел в овчарню. Ночь была теплая, душная. В овчарне пахло навозом. Мемед собрал овец и погнал их в поле. Бывает иногда, что задолго до восхода горизонт становится бледно-розовым. Немного погода начинают серебриться края облаков. Затем рассветает.

Мемед посмотрел на розовеющий горизонт. Сегодня именно такой день. На душе стало радостней. Он вдруг почувствовал себя легким и свободным, как птица. Утренний ветерок ласкал его лицо.

Сердце сильно стучало, и он повернул овец в сторону холма Кыналытепе. Овцы неслись к горе, подымая за собой облако пыли; позади, подгоняя их, бежал Мемед. У подножия горы он забежал вперед и остановил стадо. Он был очень взволнован. Овцы разбрелись в разные стороны. Мемед сел на землю, уперся подбородком в палку. Он долго о чем-то думал. Потом вскочил, ему вдруг захотелось собрать овец и погнать их к вершине. Но он не сделал этого. Сев на землю, он снова задумался, обхватив руками голову. К нему подошла овца и стала лизать ему шею и руки, но он словно ничего не замечал. Овца отошла. Кругом стало так светло, будто все растворилось и превратилось в свет — горы, камни, деревья, трава.

Мемед отнял руки от лица. Открыл глаза. Яркий свет ослепил его. Некоторое время он не мог смотреть. Когда глаза привыкли к свету, он тяжело и нехотя поднялся. С трудом собрал овец и погнал к вершине. Достигнув ее, овцы стали спускаться по противоположному склону. Мемед направил их на юг. Руками прикрыл он глаза от свега и посмотрел вдаль. Ему показалось, что он видит три ветви огромного чинара. Сердце его забило. С южной стороны

расстилась равнина. Между полями деревни Деирменолук, между зарослями колючек и этой равниной вклинивалась гряда серых холмов. Он погнал овец туда. Перед ним вспорхнули две маленькие птички, да высоко в небе Мемед заметил еще одну птичку. И больше ничего. Кругом царила мертвая тишина. Над самым горизонтом, словно из земли, поднималось белое облако. Внизу, у подножия холма, он увидел маленькое поле. Посредине поля сгибалась и разгибалась черная фигурка человека. Мемед нехотя, с каким-то тяжелым чувством повернул туда овец. Подойдя ближе, он разглядел жнеца и узнал его. Это был старик Панджар Хосюк. Тот даже не поднял головы и, продолжая орудовать серпом, не замечал ни овец, ни Мемеда. Овцы побрели к краю поля. Хосюк и этого не заметил. Мгновение — и овцы с разных сторон вошли в хлеба. Колосья зашумели, зашелестели. Наконец Панджар Хосюк заметил овец и пришел в ярость. Он бросил в них серпом и кинулся выгонять с поля. Мемед не двигался и наблюдал за стариком, который, тяжело дыша, бегал за овцами, выгоняя их с поля. Вдруг старик заметил мальчика, который стоял и смотрел на него. Хосюк догадался, что это пастух, и разозлился еще больше. Он бросил овец, поднял серп и, громко ругаясь, направился к мальчику.

— Ах ты сукин сын!.. — кричал он, брызгая слюной. — Овцы зашли в хлеб, а ты стоишь и смотришь! Дай до тебя добраться... Сукин сын!

Мальчик не двигался с места. Старик подумал, что, если мальчик бросится наутек, он не сможет его догнать, и начал собирать камни, чтобы бросить в него. Старик подходил все ближе, ожидая, что мальчик вот-вот побежит. Но мальчик не побежал. Хосюк быстро схватил его, замахнулся было серпом, но вдруг рука его застыла в воздухе. Он тотчас выпустил мальчика:

— Ме-ме-е-д!? Это ты, сынок? — протянул он. — Все считают тебя мертвым!

Он тяжело дышал. Быстро опустился на землю. С его багровой шеи и смуглого лица градом катил пот. А овцы тем временем снова забрались в посевы.

— Ступай, выгони овец и приходи сюда, — сказал Хосюк.

Только после этого неподвижно стоявший Мемед пришел в себя. Он побежал в хлеба, выгнал овец, отогнал их подальше и вернулся к старику.

— Мемед,— сказал Хосюк,— тебя все разыскивают. Думают, что ты утонул. Мать чуть не умерла с горя. Тебе совсем не жаль мать?

Мемед сгорбился, уперся подбородком в палку и молчал.

— Чьи это овцы? — спросил Хосюк.

Мемед не отвечал.

— Я тебя спрашиваю, Мемед, чьи это овцы? — продолжал Хосюк.

— Сулеймана, из деревни Кесме,— тихо сказал Мемед.

— Сулейман — хороший человек,— проговорил Хосюк и добавил: — Эх ты, сумасшедший. Можешь убежать из дома, но хотя бы матери скажи об этом. Надоел тебе этот подлец Абди, скажи матери, а потом убегай куда тебе вздумается!

Когда Мемед услышал имя Абди, он бросился к Хосюку и обнял его.

— Дядюшка Хосюк, никому не говори, что я у Сулеймана пастухом. Что ты меня видел... Если узнает Абди, он избьет меня до смерти.

— Никто тебе ничего не сделает,— ответил Хосюк.— Глупый, разве можно скрывать от матери? Она, бедняжка, чуть не умерла из-за тебя...

Хосюк не договорил и замолчал на полуслове. Потом встал и, не взглянув на Мемеда, направился к полю. Он начал жать. Работал он быстро. До Мемеда долетел ритмичный шелест подрезаемых серпом колосьев.

Хосюк даже ни разу не поднял головы. Когда у него начинала болеть спина, он выпрямлялся, прикладывал руки к пояснице, смотрел вдаль и снова принимался за работу. Он словно забыл про Мемеда. А Мемед стоял на краю поля, неподвижный, и смотрел на него.

День близился к концу. Длинные тени растянулись по земле. Мемед взглянул на солнце. Огромный диск его становился красным. Трава на равнине тускло поблёскивала, колыхалась, как море.

Мемед подошел к Хосюку поближе. Старик продолжал работать так же проворно. Мемед подошел еще ближе. Сердце мальчика стучало. Услышав шаги Мемеда, Хосюк выпрямился. От пота и грязи он казался черным. Взгляды их встретились. Усталый Хосюк пристально посмотрел Мемеду в глаза. Казалось, он хотел заглянуть ему в самую душу. Мемед опустил глаза и, сделав еще два шага к Хосюку, взял его за руки:

— Ради аллаха, дядюшка Хосюк, не говори ни матери, никому, что ты меня видел,— сказал мальчик, быстро отпустил его руки и побежал, не оборачиваясь.

Солнце уже зашло, когда, обливаясь потом, он добрался до холма. Он то радовался чему-то, то снова им овладевала грусть. Он поднялся на вершину холма. Взгляд его был прикован к маленькому полю у подножия. В середине поля двигалась маленькая темная точка.

Возвращаясь в деревню, Хосюк улыбался. У него было такое лицо, будто он знал важную тайну, но никому не собирался ее открывать. Хосюк останавливался перед каждым встречным и улыбался. Но никто не замечал его радости. Он направился прямо к Доне. Она стояла в дверях своего дома. Увидев идущего к ней Панджара Хосюка, она никак не могла понять, почему тот так смотрит на нее и улыбается. Панджар редко улыбался и никогда ни к кому не ходил. У него был один путь: из дома в поле, а с поля — домой. Будь это кто-нибудь другой, она не придавала бы этому посещению никакого значения. В свободное время старик молча сидел перед своим домом на циновке и вырезывал из дерева красивые ложки, веретена, сосновые стаканы, четки. Сейчас он стоял перед домом Доне и, глядя на нее, улыбался. Но опять-таки ничего не говорил. Доне не знала, что ей делать. Она обошла вокруг Хосюка и сказала:

— Добро пожаловать, Хосюк-ага, заходи, садись...

Хосюк, как будто не расслышав ее слов, продолжал улыбаться.

— Заходи, Хосюк-ага,— повторила Доне.

Хосюк перестал улыбаться.

— Доне! Доне! — воскликнул он.

Доне вся превратилась в слух.

— Доне, какая мне будет награда за радостную весть? — спросил Хосюк.

Доне улыбнулась. Потом вдруг заволновалась.

— Награда? Пожалуйста, Хосюк-ага... — произнесла она дрожащим от волнения голосом.

— Я сегодня видел твоего сына.

Доне ничего не ответила. Она застыла на месте, не в силах пошевелиться.

— Сын твой сегодня приходил ко мне. Он вырос, возмужал,— продолжал Хосюк.

— Да благословит тебя аллах, Хосюк-ага,— просто-нала она.— Награду, пожалуйста... Ты правду говоришь, Хосюк-ага? Правду? — переспрашивала Доне.— Награду, пожалуйста... Я ничего не пожалею для тебя, мой Хосюк-ага...

Хосюк сел и рассказал Доне все по порядку. Доне не могла устоять на месте и взволнованно ходила взад и вперед по дому.

Новость, которую сообщил Панджар Хосюк, быстро облетела всю деревню. Женщины, мужчины, старики, дети — все, кто был в селе, собрались перед домом Доне. Свет луны освещал земляные крыши и толпу, которая шумела перед домом.

Вдруг шум затих. Все головы повернулись в сторону всадника, въезжавшего в деревню с южной стороны. Металлическая сбруя лошади блестела в свете луны. Всадник въехал в толпу и остановился.

— Доне! — крикнул он.

— Слушаю, Абди-ага,— ответил из толпы слабый женский голос.

— Это правда, что я слышал, Доне? — спросил он.

Доне подошла к Абди-аге.

— Панджар Хосюк видел. Он приходил ко мне и рассказал.

— Где этот Панджар? — загремел Абди-ага.— Пусть подойдет ко мне.

Толпа зашумела:

— Нет Хосюка, нет.

— Разве Хосюк когда-нибудь бывает среди людей? Да случись хоть светопреставление, он все равно не выйдет из дому.

— А ну-ка приведите Хосюка,— приказал Абди-ага.

Пока ходили за Хосюком, толпа молчала. Снова наступила тишина. Немного погодя привели Хосюка в исподнем. Двое мужчин крепко держали его за руки, а он тщетно пытался вырваться.

— Чего вы хотите от меня в такой поздний час? Что стряслось? Черт бы вас побрал, негодяи!

— Тебя вызвал я, Хосюк,— сказал Абди-ага.

Услышав голос аги, Хосюк как-то сник.

— Почему не сказали, что меня вызывает ага, бессовестные? — возмутился Хосюк и, повернувшись к Абди-аге, добавил:— Прости, ага.

— Хосюк, ты видел сына Доне, не так ли? — спросил Абди-ага.

— Я рассказал об этом Доне.

— Расскажи и мне.

Хосюк начал рассказывать, люди окружили его тесным кольцом. Он рассказал, как видел Мемеда, как чуть было не ударил его серпом. Он говорил подробно, ничего не упуская. Абди-ага пришел в бешенство.

— Так, так, Сулейман! — сказал он. — Значит, ты крадешь моих батраков и делаешь их у себя пастухами! Это уж слишком, Сулейман! Значит, Сулейман, из деревни Кесме, так?

— Он самый, — ответил Хосюк.

— Завтра я поеду и заберу Мемеда, — сказал Абди-ага. Доне и, стегнув лошадь, помчался прочь. Толпа загудела ему вслед.

* * *

Абди-ага осадил лошадь перед домом Сулеймана.

— Сулейман! — крикнул он.

Сулейман вышел из дома и увидел Абди-агу. Лицо его стало серым. Наклонясь с лошади к Сулейману, Абди-ага сказал:

— И тебе не стыдно? Ты не постыдился взять моего батрака? Совсем потерял совесть! Разве можно брать людей Абди? Разве такое бывало когда-нибудь? Или ты этого не знаешь? Мне жаль тебя, Сулейман. А еще такая седая борода...

— Слезь хотя бы с лошади, ага! Слезай и заходи в дом. Я тебе все подробно расскажу, — сказал Сулейман.

— Нет, я к тебе в дом не пойду, — вспыхнул Абди-ага. — Где мальчишка? Говори!

— Зачем тебе утруждать себя? — сказал Сулейман. — Я сейчас сам приведу его.

— Какой же это труд! — закричал Абди-ага. — Говори, где мальчишка?

Сулейман склонил голову:

— Хорошо, ага, идем, — и пошел впереди лошади. По дороге никто из них не проронил ни слова. Они подошли к овцам. Мемед, задумавшись, сидел на камне. Заметив их, он вскочил. Он не удивился, увидев Абди-агу. Взгляды Мемеда и Сулеймана встретились. Сулейман опустил голову, как бы говоря этим: «Что я могу поделать?»

Абди-ага подъехал к Мемеду.

— Пошел вперед! — приказал он.

Мемед зашагал впереди лошади, втянув голову в плечи.

К полудню они так и вошли в деревню: впереди — Мемед, сзади — Абди-ага. По дороге Абди-ага ничего не спрашивал. Молчал и Мемед. Он боялся одного: Абди-ага может на него наехать, и лошадь задавит его. Мемед знал нрав аги.

Они подошли к дому Доне и остановились. Абди-ага крикнул:

— Доне! Забирай своего щенка!

И когда Доне показалась в дверях, ага повернул лошадь и ускакал. Доне с криком обняла сына. Один за другим сбежались все жители деревни. Толпа плотным кольцом окружила Мемеда. Начались расспросы:

— Где ты был, Мемед?

— Что с тобой, Мемед?

— Вах, Мемед!

Мемед, склонив голову, молчал. А толпа постепенно росла.

V

Мемед разбросал по току последние снопы. Пошел дождь, колосья стали слипаться. Во время молотбы от снопов поднималась черная, как уголь, пыль. Мемед работал с самого утра, и теперь его нельзя было узнать. Он стал совершенно черным, только зубы блестели. Мемед кончил укладку; колосья так поднялись, что закрыли все кругом. Ток превратился в сырой бледно-зеленый круг.

Усталый Мемед отошел от тока. По жнивью длинными лентами тянулись муравьи. Прикрыв руками глаза, он поднял голову к солнцу и жадно хватал ртом воздух.

Мемед уже давно работал в поле. Сначала сжал весь хлеб. На поле было полно чертополоха. Теперь, во время молотбы, ему помогала мать. Вот уже несколько дней, как он работал с довром*. Он так похудел, что остались кожа да кости... Лицо почернело, глаза впали, щеки ввалились.

Чуть поодаль, грохоча довром, паслась лошадь. Это была очень старая лошадь. Она была очень слаба, каза-

---

* Дово́н — рама, подбитая острыми камнями, с помощью которой обмолачивается хлеб. — Прим. ред.

лось, вот-вот упадет. Все ребра ее выпирали наружу... Глаза облепили мухи. Незаживающая рана на спине гноилась, на нее садились большие черные мухи, гной смешивался с кровью. К ране прилипала поднимавшаяся от снопов пыль.

Солнце поднялось высоко. Мемед обернулся. Он был весь мокрый. Проведя рукой по лицу, он смахнул обильно выступивший черный пот. Снопы и равнина, ярко освещенные солнцем, так слепили, что он не мог открыть глаз. Он смертельно устал и, лежа в жнивье, поглядывал на лошадь.

Вокруг лошади ходило несколько аистов. Мемед смотрел на них не отрываясь. Рукою он преградил путь муравьям, и они поползли по руке.

Мемед напряг последние силы, приподнялся и сел. Положив голову на правое колено, он, как всегда, погрузился в свои мысли. Потом очнулся. С трудом встал, упираясь руками в землю. По лицу и шее ползали муравьи, он смахнул их на землю. Покрытая слоем пыли лошадь стояла у куста ежевики и лизала переднюю ногу. Он подошел к ней и отвел в сторону.

Огромные голубые цветы чертополоха гнулись под слабыми порывами ветра. Мемед с большим трудом запряг лошадь в довен. Лошади не под силу была эта работа. Мемед слез с довена и вместе с лошадью стал ходить по колосьям. Лошадь то и дело спотыкалась, подымалась и снова падала. Это приводило Мемеда в ярость. Он не знал, что делать. Лошадь вспотела и стала совсем черной. Она часто дышала, ее грудь и ребра резко подымались и опускались. Бока, спину и круп покрыла пена. Мемед тоже обливался потом. Пот заливал ему глаза. Обжигал. От сырого запаха подгнившего хлеба спирало дыхание. Через некоторое время колосья, по которым прошел довен, улеглись. Довен стал идти немного легче. Под ним с шумом ломались стебли.

К обеду все снопы были обмолочены. Колосья блестели. С них сошла чернота. Теперь за довеном клубилась тонкая, золотистая пыль, которая, чуть обжигая нос, быстро рассеивалась, распространяя вокруг запах гари.

Вдалеке какой-то человек укладывал снопы в кучу. Еще дальше были видны двое мужчин; они молотили. И больше на огромной равнине не было ни души.

Жнивье было довольно высокое. Косилка срезает хлеба под корень. Жнивье остается низкое, с вершок, а иногда

и совсем не остается. Когда убирают серпами, срезают только колосья.

За жнивьем опять шли заросли колючек.

Стояла невыносимая жара.

У Мемед пересохло во рту. Лошадь еле плелась, понунав голову. Мемед сидел на домене и опустив голову о чем-то думал. Он не заметил подошедших к самому току аистов. Казалось, он спит. Лошадь нагибала голову и, захватив стебли, вяло пережевывала их. Стебли вываливались у нее изо рта. Мемед ничего не замечал. Солнце пекло беспощадно. Он встал на ноги и пристально посмотрел в сторону деревни. На горизонте никого не было видно.

— Ох, эта мать...— проговорил Мемед сквозь зубы.

Мать должна была принести ему еду и воду. Мемед судорожно глотнул. Во рту было совсем сухо. Он снова задремал. Лошадь остановилась, сунула морду в стебли. Засыпая, Мемед сначала не заметил этого. Но потом очнулся и, потянув за поводья, крикнул:

— Э! Ну, милая, ну!

Лошадь отмахивалась хвостом от назойливых мух, но они не отставали. Мемед, злой, снова встал на ноги и посмотрел в сторону деревни. За чертополохом показалась голова. Немного спустя он узнал мать. Гнев его смягчился.

Мать была вся мокрая от пота; узелок с едой, который она держала в руке, казалось, волочился по земле.

— Ну, как ты, сынок? — спросила она. — Кончил?

— Перебросал все снопы, — ответил Мемед.

— Не очень ли много ты их набросал?

— Многовато, но ничего, пойдет, — сказал Мемед и, нетерпеливо выхватив из рук матери кувшин, поднес его ко рту. Он пил долго и жадно. Вода текла через края кувшина, по подбородку, обливала грудь и ноги.

— Сойди, сынок. Давай-ка я немного погоню лошадь. Поешь, — сказала мать.

Мемед передал поводья матери, а сам сел под куст ежевики и развернул узелок. В нем были лук и немного соли. Из мешочка с айраном* просачивалась вода. В мешочек проникли маленькие букашки. Он налил айран в чашку.

Поев, Мемед прилег под кустом, спрятав голову от палящих лучей солнца. Он тотчас заснул и проснулся уже после полудня. Протер глаза и побежал на ток.

---

* Айран — напиток из кислого молока и воды. — Прим. перев.

— Ты, наверно, устала, мать? — спросил Мемед.

— Возьми поводья, сынок, — тяжело вздохнув, ответила Доне.

Через два дня все было обмолочено и провеяно. На третий день собрали необмолоченные колосья. На четвертый — собрали весь урожай. Красные зерна пшеницы сверкали на току. Но в этот день они не могли наполнить мешки пшеницей и свезти их домой: Абди-ага еще не приходил за своей долей. Куча зерна так и лежала на току. Ночью Мемед с матерью остались в поле сторожить зерно. Наступило утро, а Абди-аги все не было. Не пришел он и в полдень, и только к вечеру на вьючных лошадях к току подъехал Абди-ага с тремя батраками. Лицо его было черным, страшным. Доне испугалась. Она уже много лет знала его. Темное морщинистое лицо женщины еще больше сморщилось. Абди-ага знаком подозвал ее к себе. Батракам он приказал:

— Три четверти мне, одну четверть Доне.

Доне вцепилась в стремя:

— Не делай этого, ага! Мы этой зимой умрем с голоду. Не делай! Не поступай так! Ноги твои целовать буду, ага!

— Перестань ныть, Доне! Я тебе даю то, что полагается, — буркнул ага.

— Мне полагается одна треть, — всхлипывая, ответила Доне.

Ага нагнулся с лошади к Доне. Посмотрев ей в глаза, он спросил:

— Кто пахал поле?

— Я пахала, ага.

— А мои люди тебе помогали?

— Помогали, ага.

— Доне!

— Слушаю, ага!

— Заодно вдолби своему сыну, чтобы он не убегал к разным Сулейманам и не нанимался к ним в пастухи.

Доне смертельно побледнела. Ага погнал лошадь и скрылся из глаз.

Доне только крикнула ему вслед:

— Ноги твои целовать буду, ага, не делай этого!

Работники стали делить зерно. Три мерки они высыпали аге, одну мерку — Доне. Куча аги быстро росла, кучка Доне оставалась маленькой.

Доне посмотрела на свое зерно и из уст ее посыпались проклятия:

— Не губи нас, Козлиная Борода! Оставь хоть на доктора! Чтoб тебе подавиться!

Батраки погрузили зерно аги на трех лошадей. Никто из них не сказал ни слова Доне. Они словно онемели.

Мемед подошел к матери и сел рядом. Посреди пыльного тока — маленькая кучка пшеницы. А какой большой была она совсем недавно! Он смотрел то на мать, то на пшеницу и что-то виновато бормотал.

— Я поняла теперь, почему он тебя не избил, когда привел от Сулеймана. Я поняла... чтобы отнять у нас хлеб. Проклятый гяур!

Мемед не сдержался и заплакал

— Из-за меня!..

Мать притянула сына к себе и крепко обняла.

— Что поделаешь? — сказала она. — Что мы можем сделать?

— А что зимой будет? — спросил Мемед.

— Зима... — повторила Доне и тоже заплакала. — Ах, был бы у тебя отец. Отец...

VI

Мать Тощего Мемеда имела единственную корову. В этом году она отелилась. Если бы у них был хотя бы один дёнюм* земли, то на следующий год они могли бы иметь еще одного бычка. Он грезился им во сне, этот бычок. Оба бычка росли бы вместе. На большом лугу два длиннорогих бычка... Их трудно приучить к упряжи... Но если не поленишься, они будут, как ягнята. Заросли колючек на поле?.. Ничего. Колючки растут год, два. На третий год можно пустить под них серную воду. Была бы только земля!

У новорожденных бычков шерсть красная, с едва заметным синеватым отливом. Потом она меняется, становится рыжей, светло-красной, сизой. Уши у бычков мягкие, как бархат. Когда ладонью проводишь по ним, по телу пробегает какой-то приятный легкий озноб.

Во всех бедных домах телят держат поближе к очагу, там, где спят хозяева; им кладут подстилку из душистого

---

* Дёнюм — мера площади, около 1 га. — *Прим. перев.*

сена. В доме запах весенних цветов, сена, навоза и телят, пахнущих молоком.

К осени телята подрастают, и их переводят к взрослому скоту.

Мать всю весну не думала и не заботилась о бычке. И, если за ним не приглядывал Мемед, бычок разгуливал по всему дому.

Дом Мемеда — маленькая комнатка; над головой земляная крыша. Стены высотой всего в метр. Крыши всех домов в деревне не выдерживали осенних дождей, протекали. Единственным домом, крыша которого не протекала осенью, был дом Мемеда. Незадолго до смерти отец Мемеда ездил в Сарыгчагшак, привез оттуда земли и покрыл ею крышу. Земля в Сарыгчагшаке не обычная. Это не та земля, которую мы знаем, черная, песчаная, нетронутая. Земля там, словно осколки хрусталя — желтые, красные, лиловые, голубые, зеленые. Вот почему крыша дома ярко сверкает и переливается на солнце всеми цветами радуги.

Летом мать и сын трудились не покладая рук, но что поделать?.. Осенью они возвратились домой печальные и несчастные. И тогда они вспомнили, что у них есть бычок, о котором совсем забыли. Он подрост.

По небу с севера на юг ползли черные тучи. Дом озарила молния. Мать подбросила в очаг полено. Пламя разгорелось. В это время вошел Мемед. Руки у него покраснели от холода. Он присел у очага. Обернувшись, увидел корову: она спокойно пережевывала жвачку. Другой угол дома был завален соломой. Мемед встал, подошел к корове и взял за уши стоявшего рядом бычка. Бычок вырвался и подошел к корове с другого бока. Мемед улыбнулся.

— Наша Фындык отелилась у реки Алычлы, когда ты убежал к Сулейману, — начала Доне. — Я долго искала теленка и нашла только ночью под кустом. Корова стояла над ним и лизала его. Сначала она не подпускала меня близко. Потом я завернула его в фартук и принесла домой.

— Какой большой стал! — сказал Мемед.

— Да-а... — протянула Доне.

Разговор оборвался. Они боялись посмотреть друг другу в глаза и, опустив головы, глядели на огонь.

— Придется его отдать, — сказала Доне. — Уже сейчас нет мук...

Мемед не отвечал.

— Абди-ага зол на нас,— продолжала мать.— Он возьмет его за бесценок. Опять не дотянем до лета.

Мемед молчал.

— Ничего не поделаешь, сынок! — сказала Доне.— Помнишь, как ты убежал? Абди-ага теперь прижмет нас.

Мемед медленно поднял голову и посмотрел на мать. В глазах его стояли слезы.

— Это только предлог,— сказал он,—если бы я не убежал, он еще к чему-нибудь придрался бы!

— У него всегда есть предлог,— сказала Доне.— Этот гяур был врагом твоего отца.

Они снова заговорили о корове. Это было красивое упитанное животное, с пятном на лбу.

Настала зима. Снегу навалило по колено. После полудня становилось темно. Снеговые тучи заволакивали небо. Доне поставила на очаг закопченную кастрюльку с водой. Вскоре вода закипела.

В дом вошла Дженнет.

— Заходи, соседка,— сказала Доне,— садись.

— Ну что ж, присяду,— тяжело вздохнула Дженнет и села в углу.— С самого утра хожу из дома в дом. Не знаю, что делать, куда теперь идти. Я слыхала, что и у тебя кончились пшеница и ячмень. Мы тоже все израсходовали неделю назад. Давно уже опустели мешки. В этом году хлеб не уродился. Был бы он таким, как ваш... Муж побывал у всех, во всех домах... Просил в долг. Ведь ни у кого нет — нечего дать.

Дженнет заметила на очаге кастрюлю с кипящей водой и спросила:

— Чем будешь засыпать?

На губах Доне появилась слабая улыбка:

— Вот налила воды!

— Что, ничего не осталось?

— Все что есть — на очаге.

— Что же ты будешь делать дальше?

— Не знаю.

— Сходи, попроси чего-нибудь у Мустулы,— посоветовала Дженнет.

— Я схожу. Но у него нет ничего...

Метель. Уже несколько дней метет так, что глаз не откроешь. Возле домов нет даже собак. Деревня безлюдна, как вершина горы. Все заперлись в домах. Те, у кого была

корова, принесли в дом сено, чтобы не выходить наружу. Никому теперь нет дела до соседа.

Нет такого дома, где бы Доне не просила помощи. Неделю, а может быть и больше, обивает она чужие пороги.

— Умру, но у Абди-аги просить не стану, — твердит она. — Лучше умереть...

Так бывало каждый год. Больше половины крестьян голодали и в конце концов шли к Абди-аге.

Доне не шла. Будь что будет! У нее есть сын. Вот уже несколько дней он не проронил ни слова. В лице его, в губах — ни кровинки. Губы стали тонкими, как лист бумаги. Лицо застыло, тело неподвижно, как у мертвеца. Иногда он садится, обхватывает руками голову и, задумавшись, сидит так до самого вечера. И кажется, что вся его жизнь, вся душа отражаются в его огромных глазах. Изредка в них вспыхивает и гаснет злой огонек. Такой огонек загорается в глазах тигра, готового наброситься на свою жертву. И откуда это у него? Может быть, от рождения? Нет, скорее всего от перенесенных страданий и горя. В глазах Мемеда этот огонек впервые появился год тому назад. До этого детские глаза Мемеда излучали восхищение и радость.

Небо затягивалось черными тучами. У дверей Абди-аги — толпа оборванных людей. Согнувшись в три погибели, они прижались друг к другу и дрожат от холода. Только Доне стоит в стороне. Люди ждут Абди-агу. Он должен выйти к ним и что-то сказать. И вот показалась его голова с острой бородкой, в руках аги длинные четки из девяноста девяти косточек; на голове ермолка из верблюжьего меха.

— Опять вам нечего жрать? — спросил он.

Никто не ответил.

Позади толпы он увидел одиноко стоящую Доне.

— Доне! — крикнул он ей. — Ты ступай домой! Тебе я и зернышка не дам. Ступай домой, Доне! До сих пор из моей деревни, с моего двора никто не убегал в другую деревню, не батрачил у других людей. Это придумал твой мальчишка. Ступай домой...

После этого он обратился к толпе:

— А вы идите за мною, — и вынул из широких штанов связку ключей. Достал из кармана пиджака тетрадь.

Собравшись с силами, Доне крикнула ему вслед:

— Ага, мой сын — слабый ребенок... Не дай умереть нам с голоду...

Ага остановился, повернулся к Доне. Остановились и повернули головы люди.

— Ребенок должен быть ребенком, — ответил ага. — С тех пор как я себя помню, никто еще не убегал из Деирменолука и не батрачил в другом месте. И не сделает этого... Ступай домой, Доне!

Абди-ага открыл дверь амбара; оттуда повеяло теплом и пыльной пшеницей. Он встал у двери и сказал:

— Слушайте меня. Никто из вас не даст Доне ни зернышка. Пусть умирает с голоду. До сих пор в нашей деревне никто не умирал с голоду. Она умрет. Или продаст что-нибудь, если у нее есть что продать. Если вы дадите и я узнаю об этом, я приду и отберу то, что дал. Тогда не говорите, что не знали...

Послышались голоса:

— Ведь нам самим не хватит...

— Ведь нам самим не хватит...

— Ведь не хватит...

— Какой там Доне...

— Не надо было сыну Доне убегать, — со злобой крикнула какая-то женщина. — Какое нам дело! Пусть теперь умирает с голоду.

Каждый возвратился домой с мешком за спиной. В мешке были смешаны рожь, пшеница и ячмень. Мельница находилась на другом конце деревни, недалеко от большого чинара. Она давно не работала, а теперь вот уже второй день все перед мельницей запружено мешками. Для Безухого Исмаила наступили добрые времена.

К вечеру в домах запахло горячим хлебом.

Дурмушу Али — шестьдесят лет. Он самый рослый человек в деревне, крепкий, как могучий чинар. На крупном лице его блестят маленькие глазки. За всю свою жизнь он не надел на ноги обуви. Черные, толстые, изрытые глубокими трещинами ступни огромных ног не нуждались в обуви. Да ему и не подобрать ничего по размеру, таких чарыков не найти. Но если бы он пожелал, он мог бы, конечно, иметь чарыки. Когда ему об этом говорили, он ничего не отвечал, только ругался.

Одна из женщин месит тесто, другая раскатывает, а третья печет что-то на противне. Справа от женщины, которая печет, лежат толстые румяные лепешки. Али

с аппетитом съел две лепешки. На глаза у него навернулись слезы.

— Жена, мне еда в горло не идет.

— Почему, Али? — удивленно спросила она.

— Семья нашего Ибрагима... Я никак не могу забыть вчерашний день, этого гяура Абди. Он прогнал Доне. Не дал ей ни зернышка.

— Жаль их. Был бы жив Ибрагим...

— Абди и нам наказал, чтобы и мы...

— Слышала...

— Но разве можно, чтобы в такой большой деревне у всех на глазах два человека умерли с голоду? — сказал Али.

Али рассердился и кричал во весь голос, так что его было слышно на другом конце деревни:

— Ну-ка жена, вставай, заверни в узелок побольше лепешек! А в мешочек насыпь эльчек* муки! Я снесу это семье Ибрагима.

Женщина стряхнула муку с передника и отошла от доски, на которой раскатывала тесто.

Шумя, словно ветвистое дерево под порывами ветра, Али с мешочком и узелком в руках быстро вышел из дому. Успокоился он, только когда подошел к дому Доне.

— Доне! Доне! — крикнул Али. — Открой!

Доне с сыном, съежившись, лежали около потухшего огня неподвижные, как камни.

— Доне! Доне! — крикнул Али еще раз.

Доне узнала голос, собралась с силами и с трудом встала. Она подошла к двери и неохотно открывала:

— Заходи, Али-ага.

— Чего заставляешь два часа ждать на дворе?

— Проходи в дом, ага, — повторила Доне.

Али нагнулся и вошел.

— А почему у тебя не горит очаг?

Злой огонек сверкнул в глазах Мемеда. Но, как только он увидел добрые, улыбающиеся глаза Али, огонек тотчас исчез.

— Аллах велик, — сказал Али, показывая узелок.

— Это верно, — подтвердила Доне.

— Я замерз. Смотри, и мальчик скорчился. Разведи-ка огонь...

Доне посмотрела на пустой очаг.

---

* Эльчек — мера сыпучих тел, около 6,5 кг. — Прим. перев.

— Потух? А я и не заметила.— Доне подбросила в очаг дров и подождала их.

— Чтоб ты провалился, проклятый гяур...

При этом имени в глазах Мемеда снова вспыхнул злой огонек.

— Тот, кто его убьет,— сказал Али,— прославит свое имя. Он попадет прямо в рай. Отец аги был не таким. Он думал и о крестьянах.

После Али к Доне приходило еще несколько крестьян. Каждый что-то приносил Доне. Абди даже и не подозревал этого. Но того, что принесли крестьяне, хватило только на две недели. И вот опять уже два дня мать и сын голодали. На третий день утром Доне молча подняла корову и вывела ее из дома.

— Мать! — крикнул Мемед.

— Да, сынок, делать нечего...

Доне привела корову к дому Абди-аги. Теленок потянулся к вымени и начал сосать. Некоторое время Доне стояла перед домом как вкопанная. Увидев на улице Доне, Дурсун сказал об этом аге. Ага вышел. Доне не поднимала головы. Заостренный подбородок ее дрожал. Дрожали поджатые губы, словно у ребенка, который вот-вот заплачет. Легкая дрожь пробежала по всему телу.

Абди-ага рукой похлопал корову по спине.

— Что, привела продавать?

— Да, ага,— ответила Доне.

— Возьми корову у тетушки Доне,— приказал Абди-ага.

Он сунул руку в карман и вытащил связку ключей:

— Ты захватила мешок, дочь моя? — спросил Абди-ага. Голос его был мягким и нежным.

— Да,— ответила Доне.

VII

Там, где растет дуб, не увидишь других деревьев. В горах и на холмах растут только дубы. Стволы их невысоки и толсты, ветви уродливы. Самая длинная ветка, густо покрытая темно-зелеными листьями, не больше метра. Дубы прочно вросли в землю, вцепившись в нее; кажется, нет такой силы, которая могла бы оторвать их от этой земли.

Земля, на которой растет дуб, нетронутая, белая, как известь. Она будто поклялась не давать жизненных соков никому, кроме дуба.

Между Кадирили и Джыгджыком — небольшие холмы с пологими склонами. Земля на склонах глинистая, черная, плодородная. Здесь кончаются болота древней Чукуровы. К западу простираются болота Агджасаз, а к востоку — хвойные леса Тавра. На этих холмах засеивается каждый клочок. Здесь тоже растут дубы. Дубы эти высокие и стройные, как кипарисы. На их ветках буйная зелень. Кора не такая грубая, как у кряжистых дубов, и напоминает кору тополя. Стволы ровные. Дубы, как и другие деревья, стоят прямо среди посевов.

Волнуются, перекатываются под ветром заросли зеленых, лиловых и белых колючек.

На востоке равнины земля заиндевела. Каменистая почва покрылась тонкой корочкой льда.

Обдирая ноги, Мемед пахал заросшее колючками поле. Холод обжигал тело. Позже он обгорал на солнце: обмолачивать приходилось в самую жару. Три четверти того, что он зубами и ногтями вырвал у земли, отобрал Абди-ага. У других крестьян ага отбирал две трети урожая. С того года, как сбежал Мемед, Абди охватила дикая злоба. Он не изменил своим привычкам. По-прежнему при каждом удобном случае бил и издевался.

На какой земле человек родится, на той земле он растет и мужает.

Мемед рос на нетронутой земле.

Тысяча и одна беда... Он не вырос. Плечи его не развились, руки и ноги остались тощими, как ветки высохшего дерева. Совсем сухие. Лицо смуглое. Щеки ввалились. Если посмотреть на Мемеда повнимательнее, вспомнишь о дубах. Он крепко, словно дуб, вцепился в землю и был таким же твердым, угловатым. Только губы его розовые и свежие, как у ребенка. На них застыла неподвижная улыбка... Она так подходила к его скорбному суровому виду.

Сегодня утром радость Мемеда бьет через край. Он выходит на улицу. Гуляет по солнцу. Входит в дом. В кармане нового пиджака, купленного у дезертиров, платок.

Мемед складывает по-разному этот платок. Он разворачивает его, как листок, потом снова свертывает. И шапка у него новая. Мемед то наденет ее, то снимет. На лоб сви-

сает длинный черный чуб. Вот он зачесал его назад, глядит в зеркало. Не нравится. Опять выпускает чуб на лоб. И штаны у него новые. Он купил их два года назад, но не носил. Он надевает их в первый раз. Мемед натягивает и снимает носки. Носков у него много. Мать вяжет хорошие носки. Она выбирает самые красивые узоры. Последняя пара, которую он сейчас надел, ему не понравилась. Мемед снял ее и положил в угол. Искоса поглядывая на мать, он подошел к сундуку и открыл его. Из сундука пахнуло дикими яблоками. Он увидел в углу узорчатые носки и обрадовался. Когда он нагнулся и дотронулся до них, в его сердце проникла какая-то теплота. В сундуке носки казались темными. Мемед вытащил их на свет, и они заиграли яркими красками.

Слышится песня... Ночью она кажется иной, чем днем. По-разному звучит она в устах ребенка и в устах женщины, юноши и старика. Одно дело, когда песню поют в горах, другое — когда ее поют на равнине, в лесу, на море. Каждый раз у нее свое особое очарование. Утром одно, в обед и вечером другое.

Эти расшитые носки, словно песня. В них столько же тепла, сколько в песне. Желтый цвет, красный, зеленый, голубой, оранжевый смешиваются и создают какую-то теплую, мягкую гамму красок, нежную, как сама любовь.

В деревнях очень любят расшитые носки. Так уж повелось издавна. И не случайно Мемеда охватило волнение, когда он взял их в руки и вытащил на свет. На таких носках всегда вышиты две птички. Птички тянутся друг к другу клювами, будто целуются...

На носках вышиты также два дерева с короткими стволами. Одинокие, покрытые большими цветами... Два дерева стоят рядом. Цветы, словно целуясь, тянутся друг к другу. Между птичками и деревьями течет вода, белая-белая. А по краям — красные скалы. Эти яркие краски вскружили Мемеду голову.

Он надел носки. Затем надел чарыки. Носки были до колен. До самых колен целовались птицы, цветы, текла белая вода.

Мемеду захотелось увидеть Хатче. Он направился к ее дому. Хатче стояла у порога. При виде Мемеда ее большие сияющие глаза улыбнулись. Она обрадовалась, заметив у него на ногах связанные ею носки.

От Хатче Мемед пошел по деревне. Когда он возвращался, солнце было уже высоко. Мемед сел на камень и стал ждать приятеля. Тот вскоре появился, вынырнув из-за дома.

— Ребята,— сказала мать,— гуляйте недолго. Если Абди-ага узнает, что вы пошли в касабу, вам не поздоровится.

— Не узнает,— крикнул Мемед.

Приятель Мемед, Мустафа, был сыном Лысого Али. Ему, как и Мемеду, шел восемнадцатый год. Мемед и Мустафа долго спорили о том, какова касаба. Потом, не устояв, решили пойти туда. Что-то непонятное тянуло их в касабу. Их привлекала и Чукурова, о которой, как о сказочном крае, рассказывал Дурсун. Побывать там они решили ровно два года назад, но каждый раз откладывали и никак не могли осуществить свою мечту. К тому же Мустафа боялся своего отца, а Мемед — мать. И тот и другой боялись Абди-агу.

Три дня назад они встретились и рассказали о своем желании матери Мемед.

— Как можно? — сказала она. — Как вы пойдете в касабу, ведь вы еще дети? А что скажет Абди-ага? Если Абди-ага узнает, он выгонит нас из деревни.

Мемед стал упрашивать мать.

— Нельзя,— отвечала она. Но тут же ей стало жаль ребят, и она добавила: — Если Абди-ага прогонит, пусть прогоняет.

Отцу Мустафы ребята не сказали ни слова о своих планах. Пойдем, мол, охотиться на оленей и пробудем в горах несколько дней. Мемед и Мустафа давно уже вместе ходили на охоту. В деревне не было лучшего охотника, чем Мемед. Он был метким стрелком, попадал в блоху. Если бы Лысый Али увидел их такими нарядными, в носках «любви», он бы ни за что не поверил, что они идут на охоту. Мустафа оставил свое ружье в доме Мемед. В ту ночь они до утра мечтали и ни на минуту не сомкнули глаз. Задолго до рассвета они двинулись в путь.

Они шли быстро, почти бежали.

Снизу из долины дул холодный ветер. Было прохладно. До тех пор пока не показался краешек солнца, они молчали и не останавливались даже передохнуть. Так они дошли до зеленого луга. Глубоко вздохнув, Мемед сказал:

— Вон там деревня Сарыбога. Мы сперва зайдем туда.

Потом будет Деирменлер, а за ней Дикирли... А за Дикирли и касабам...

— А за ней и касабам...— повторил Мустафа. И они опять побежали. Иногда останавливались, улыбались друг другу и снова пускались бегом.

Они быстро прошли по сгоревшему деревянному мосту в Сулейманлы, миновали подземный ход и кладбище. Когда они входили в Торун, уже наступил полдень. Было тепло. Гранатовые деревья распустили свои красные цветы. Земля была влажная. Они присели. Неожиданно из-за гранатового дерева вышел высокий старик, вид у него был усталый. Он весь вспотел. На открытой груди висели седые волосы. Белая борода тоже висела. Старик снял с плеча суму и сказал:

— Здравствуй, молодцы.

Голос у него был грубый; он говорил, словно бил молотом.

Старик присел, вынул из сумы узелок. В нем были лепешки, тонкие белые хлебцы, большая красная луковица и брынза.

— Угощайтесь,— пригласил старик, принимаясь за еду.

— Да умножатся твои блага,— ответил Мемед.

— Да умножатся твои блага,— повторил Мустафа.

— Подходите ближе,— сказал старик.

— Да умножатся твои блага,— опять сказал Мемед.

— Да умножатся твои блага,— повторил за ним Мустафа.

Старик продолжал настойчиво приглашать.

— Мы поедим в касабам,— сказал Мемед.

— Мы поедим в касабам,— повторил Мустафа.

— Если так, то это дело другое,— улыбаясь, сказал старик.— Понятно. Городской хлеб вкуснее... Но до города еще далеко.

— Мы поедим там,— сказал Мемед.

— Мы поедим там,— повторил Мустафа.

Рядом с ними, вырываясь из-под скалы, пенясь и хлопая, быстро нес свои воды горный ручей.

— Не теряйте из виду этот ручей. Он приведет вас прямо в касабам,— говорил старик, набивая рот едой.

— Ты с нами не пойдешь? — спросил Мемед.

— Ах, сын мой, я тоже иду в касабам, но разве мне за вами угнаться?

Мемед замолчал.

Старик кончил есть, тщательно завязал узелок. Потом подошел к ручью и, припав к воде, долго пил. Вытерев рукою рот и усы, он вернулся и сел на прежнее место. Вытащил большую коробку, открыл ее. Свернул из желтой писчей бумаги сигарку толщиной с палец и начал выбивать кремнем огонь. Затем вынул кав *. Приятно запахло серой. Прикурив, он поудобнее уселся у гранатового дерева и спросил:

— Откуда вы будете, молодцы?

— Из Деирменолука.

— Из Деирменолука, — повторил Мустафа.

— Из деревни гяура Абди Козлиная Борода? — переспросил старик. — Мы слышали, что Абди стал агой. Слышали, что он заставляет работать крестьян, как рабов, и морит людей голодом. Говорят, что без разрешения Абди никто не имеет права жениться и даже выйти из деревни. Говорят, Абди избивает крестьян до смерти. Оказывается, Абди повелитель и падишах пяти деревень? Он делает все, что ему вздумается. Вот тебе и Абди Козлиная Борода! Смотри-ка, Абди стал агой!

Старик захохотал. Он долго смеялся, приговаривая:

— Ай да Абди! Вот так Абди Козлиная Борода!

Потом перестал смеяться.

— А это правда? — спросил он, нахмутив брови.

Мальчики переглянулись... Снова в глазах Мемеда появился злой огонек. Заметив, что мальчики смутились и не отвечают, старик сказал:

— Послушайте, молодцы, эта собака с козлиной бородой, этот негодяй, притесняющий крестьян, этот храбрец, у которого зарезали жену... этот Абди труслив как заяц. Он как баба! Дело прошлое, дети мои. Если бы я знал, что он станет таким негодяем, я давно отправил бы его душу в ад. Чего он стоит? Простое это дело. Так, значит, это Абди Козлиная Борода?

И он снова начал смеяться.

— Значит, Абди участвовал в борьбе за власть? Смотри, крестьян пяти деревень сделал своими рабами! Мать его так... Эх, Абди, знал бы я, что ты окажешься таким негодяем... Если бы я это знал, Абди!

---

* Кав — кусочек бумаги, покрытый серой, употребляется как спички. — *Прим. перев.*

Мемед и Мустафа ближе прижались друг к другу и недоверчиво смотрели на старика. Мемед, казалось, улыбался. Это не ускользнуло от взгляда старика.

— Значит, вы крестьяне Абди? — опять спросил старик. — Прошли те дни, когда Абди валялся у меня в ногах.

Услыхав это, Мустафа не сдержал насмешливой улыбки. Мемед незаметно толкнул его. Но старик и это заметил.

— Вы слышали об Ахмеде Великане? — спросил он.

— Слышали, — сказал Мемед.

— Я тебя спрашиваю, ты слышал?.. — резко спросил старик Мустафу.

— Конечно, слышал, — заискивающе ответил Мустафа. — Кто же о нем не слышал?

— Когда Абди возвращался из Сыйрынгаджа, на него напали разбойники и раздели. Забрали жену. Об этом сказали мне. Абди валялся у меня в ногах. Я пошел и привел жену. Отдал ее Абди-аге. Если бы я только знал, что он будет так притеснять бедняков! — воскликнул старик.

Имя Ахмеда Великана было легендарным в горах. Матери, успокаивая плачущих детей, говорили им: «Сейчас придет Ахмед Великан». Силу Ахмеда рождали страх и любовь. Ахмед Великан сумел добиться, что эти чувства по отношению к нему сохранились в народе в течение долгих лет. Ни одному разбойнику не удавалось продержаться в горах больше года, если он не мог вызвать одновременно эти два чувства. Одной только любви недостаточно. Одна любовь порождает слабость. Один страх порождает только ненависть.

За шестнадцать славных лет Ахмед Великан ни разу не попал в беду. За эти шестнадцать лет он убил одного-единственного человека. Это был человек, который изнасиловал его мать в то время, когда Ахмед отбывал военную службу. Возвратившись в деревню, он узнал об этом, убил обидчика и ушел в горы. Этим человеком был Хусейн-ага.

Ахмед не грабил на дорогах. В тех местах, где он бродил, не появлялся ни один разбойник. Он выбирал самых богатых людей на Чукурове и посылал им с отрядом письма, в которых требовал денег. Богач, получивший письмо, немедленно отдавал назначенную сумму. Сколько бы Ахмед ни попросил, он всегда получал копейка в копейку. Другие разбойники нападали на богачей, истязали их и чаще всего возвращались с пустыми руками. За ними из Чукуровы посылали отряд жандармов и ловили. Ахмед

не бросал денег на ветер. Да и где он мог их тратить? В горах?.. Ахмед покупал лекарства больным, волов — тем, у кого их не было, хлеб — беднякам.

После амнистии он вернулся в свою деревню. Крестьяне из ближних и дальних деревень приходили, чтобы посмотреть на Ахмеда Великана.

С тех пор Ахмед уединился в своем доме и занялся хозяйством. Даже муравья не обижал. Только тогда, когда он видел несправедливость, прежний гнев оживал в нем. А когда гнев проходил, он смеялся над своим порывом. «Эх, былые деньки» — говаривал Ахмед в такие минуты и тут же замолкал, словно стыдясь этих слов.

Шли годы, и об Ахмеду Великане забыли в его родной деревне. Никто даже не замечал, жив он или нет — так крестьяне привыкли к нему. Этот белобородый старик, многие годы державший Тавры в своих руках, не был уже Ахмедом Великаном. Никому не было до него дела.

Когда слава о каком-нибудь разбойнике разносилась в горах, говорили: «Как Ахмед Великан». Если разбойник не нападал на женщин, говорили: «Как Ахмед Великан». Если он не убивал людей, не притеснял народ, говорили: «Как Ахмед Великан». Все хорошее было связано с именем Ахмеда Великана.

Старик повернулся к Мустафе:

— А каким был Ахмед Великан? Знаешь?

— Отец рассказывал, что он любил бедняков, что такого храброго, честного разбойника еще не было в этих краях.

— А не рассказывали вам, какого он роста, какое у него лицо? — спросил старик.

— Отец говорил, — продолжал Мустафа, — что он большого роста, черный, с огромными усами. Человек-гора, вот какой Ахмед Великан. Отец мой с ним разговаривал. На лбу у него большая черная родинка. Глаза светятся. Он без промаха попадал в монету. Да-а... в монету попадал. Отец мой даже разговаривал с ним.

— Кто отнял у разбойников жену гяура Абди и возвратил ему? — шутиливо спросил старик.

— Кто же, как не ты. Разве не ты сказал нам об этом? Старик смутился.

— Я...

Мемед внимательно посмотрел ему в лицо. Между поседшими бровями он увидел большую родинку. Только

родинка была не черная, а зеленая... Теперь уж Мемед не мог оторвать глаз от этого лица.

— Помнишь, ты отнял и вернул,— приставал Мустафа.

— Нет-нет, я не отнимал и не возвращал. Она умерла.

Старик подложил под голову суму и лег.

Мустафа толкнул Мемеда и тихо сказал:

— Вставай, нужно идти.

Мемед молча встал. Взгляд его был прикован к лицу старика. Тот открыл глаза:

— Значит, вы уходите?

— Будь здоров! — восхищенно сказал Мемед.

— Будь здоров! — повторил Мустафа.

— Счастливого пути,— сказал старик. Он приподнял с сумы голову и посмотрел на них. Когда они отошли, он снова опустил голову и закрыл глаза. Рядом журчал ручей.

До хвойного леса около Девебойну они шли молча. Лицо Мемеда было суровым, ему было грустно. Иногда его охватывало какое-то радостное чувство, но тут же пропадало, словно опускалась черная туча. Несколько раз он искоса взглянул на Мустафу. Тот не понимал, в чем дело. Когда они одолели подъем, Мемед устало опустился на камень. Вдруг он улыбнулся, Мустафа воспользовался случаем и спросил:

— Скажи, почему ты смеешься?

Мемед продолжал улыбаться.

— Скажи,— настаивал Мустафа.

— Аллах свидетель, этот человек — сам Ахмед Великан. Мне так показалось,— серьезно сказал Мемед.

— Ерунда.

— Как ерунда? Этот старик и есть Ахмед Великан, он самый!

— Да ну тебя! Этот человек такой же, как и мы все. Как мой дед. Чем он похож на Ахмеда Великана?

— Ты видел у него на лбу родинку? Как раз по середине?

— Не видел.

— Посреди лба у него большая зеленая родинка...

— Не видел.

— Глаза его горели, как факелы.

— Не заметил.

— Глаза его блестели, как стекло.

— Ничего подобного.

— Мне кажется, что никто другой, кроме этого человека, не может быть Ахмедом Великаном.

— Ерунда! Если бы такой человек мог быть Ахмедом Великаном, на свете не было бы прохода от них. Этот человек такой же, как ты и я...

— Глаза его горели, как факелы. Лицо так и притягивало. Он казался своим, близким... Если бы твой отец увидел его...

Перебирая подробности этой встречи, они спустились по склону. Неожиданно перед ними открылась равнина. Вдалеке виднелась большая роща тополей. Долину разрезала сверкающая на солнце извилистая лента реки. Они впервые видели такую длинную, блестящую реку.

— Вот и пришли,— сказал Мемед.

— Откуда ты узнал?

— Реки на Чукурове с излучинами. По-моему, это река Саврун. А роща тополей должна быть около деревни Кадирли. Так рассказывал дядюшка Дурмуш Али, помнишь?

Мустафа подумал, что Мемед рассердился, так резко он отвечал ему. Обычно рассердить его было нелегко. Но уж если рассердится — несдобровать. Мустафа решил как-нибудь успокоить его.

— Верно,— сказал он.— Вот она — Чукурова. Ты хорошо запомнил слова дяди Дурмуша Али.

Они вошли в деревню Шабаплы. Вода прорвала арык и затопила дорогу, которая проходила немного ниже. Мемед и Мустафа вынуждены были разуться.

Еще ниже, там, где теперь стоит дом Болата Мустафы, красные земли чередуются с белыми. Здесь заросли колючек.

За колючками показались первые дома касабы. Часть этих домов была сделана из камыша. Над ними возвышалась какая-то большая постройка с черепичной крышей. А дальше поблескивало оцинкованное железо и красная черепица выбеленных домиков. Касаба расстилалась, как игрушечный городок. Мемед и Мустафа широко раскрытыми глазами смотрели на касабу. Как бело все кругом! Как много домов! Они не могли оторвать взгляда от возникшей перед ними картины.

Перейдя речушку, они вошли в касабу. Окна домов сверкали под солнечными лучами. Блеск тысяч стекол... Стекланные дворцы... Вот и Дурсун так говорил... Город... дворцы сказочных падишахов.

При входе в касабу — кладбище. Могильные камни покосились. Северная сторона почерневших плит обросла мхом. Посреди кладбища стояло большое полузасохшее тутовое дерево. Такое большое кладбище они видели впервые.

До рынка шли под впечатлением кладбища, вселившего в их души ужас. Но у первой же лавки они забыли о нем. Это была маленькая лавка под цинковой крышей. На длинном столе были выставлены стеклянные банки, полные разноцветных конфет. Тут же стояли банки с керосином, ящики с сахаром, солью, инжиром и изюмом.

Некоторое время они стояли, разглядывая товары. Здесь все было так непохоже на лавку Абди-аги.

К тому времени, когда они обошли полрынка, заглядывая в каждую лавку, солнце уже начало опускаться за горы. Они остановились перед мануфактурной лавкой. Разноцветные ситцы, ткани с пестрыми рисунками, материал для брюк, нанизанные на веревку фуражки... Глаз не оторвешь! Шелка были развешаны рядом от одного конца лавки до другого. За прилавком дремал маленький человечек с огромным животом.

Они стояли на улице, вымощенной большими камнями. Местами мостовая была разворочена. «Даже землю камнями покрыли», — подумал Мемед.

По правую сторону рынка — ряды старых тутовых деревьев с кривыми стволами. Ветви их густо переплелись. Под ними сидели кузнецы. Здесь стоял непривычный запах. Горький запах мыла... Запах соли, новых тканей, плесени, съестного...

Мемед взял Мустафу за руку и повел под тутовое дерево. Дерево было усеяно воробьями. Они так громко чиркали, что заглушали шум рынка.

— Наступает вечер, Мустафа. Что будем делать? — спросил Мемед.

Мустафа вдруг очнулся.

— Что делать? — повторил он и пустым взглядом посмотрел на Мемеда.

Мустафу клонило ко сну.

— Когда крестьяне приходят в касабу, они ночуют в хане*. Так говорил Дурмуш Али. Пойдем в хан.

— Пойдем. Лучше всего в хан.

---

* Хан — постоялый двор. — Прим. перев.

— Но где он? Хоть бы найти.

— Да-а, найти бы,— повторил Мустафа.

С грохотом опускались жалюзи в лавках. Шум ошеломил ребят. Испугавшись, они взялись за руки. Мимо прошли два толстяка с массивными цепочками на груди. Но ребята не осмелились спросить у них, где находится хан. Друзья остановились у какой-то лавки. Солнце зашло. Наступили сумерки. Они все еще держались за руки, как дети. Лавочник принял их за покупателей.

— Заходите, господа. Чего желаете? — любезно пригласил он.

Им стало стыдно, что их называли господами. Они отошли от лавки. Но о хане все-таки нужно было спросить...

Почти все лавки уже закрылись. Они все ходили взад и вперед. За целый час им не попался ни один человек, у которого они осмелились бы спросить о хане. Грустные стояли они, и вдруг Мемед оживился. Мимо быстро прошел человек в пиджаке из саржи. Мемед, забыв обо всем, побежал за ним.

— Братец! Братец! — закричал он. — Постой!

Человек остановился, удивленно глядя на взволнованное лицо Мемеда. Прохожий с первого взгляда понравился мальчику. Это было неожиданно для самого Мемеда.

— Ну! — резко начал человек.

— Мы из деревни... — пробормотал Мемед.

— Ну... Что вы хотите? — переспросил прохожий.

— Я хотел спросить, где тут хан? — упавшим голосом сказал Мемед.

— Идите за мной, — ответил прохожий и свернул на соседнюю улицу.

Человек шел быстро. Мемед обратил внимание на его походку. Это была походка горца. При ходьбе горцы высоко поднимают ноги, ступают осторожно. Такова привычка. Жители равнин ходят совсем не так. Они как-то волочат ноги по земле.

Хан оказался неуклюжей постройкой с большими деревянными воротами, которые источили черви.

— Вот здесь хан, — указал человек и пошел своей дорогой все той же быстрой походкой горца.

— Нужно найти хозяина хана, — сказал Мемед.

— Нужно найти, — повторил Мустафа.

Они вошли во двор. Там стояло много лошадей, ослов, мулов и телег. Кругом — кучи навоза. Вонь ударяла в нос,

вызывая тошноту. На столбе посредине двора висел большой фонарь. Стекла его почернели от копоти.

— Посмотри на фонарь! — толкнул Мемед Мустафу.

— Какой большой!

По двору беспокойно сновал маленький человек с скошенным подбородком. В углу двора столпилось человек пятнадцать. Судя по их одежде, они были из окрестностей города Мараша. Они громко спорили. Один из них яростно бранился. Он поносил агу, пашу, мир, судьбу, свою мать и жену. Помолчав немного, он снова начинал браниться. «А если мы не сможем продать эту материю, — начинал кто-нибудь и кончал: — Мать и жену его!..» О чем бы они ни говорили, все заканчивалось одним: «Мать и жену его!..» «Род и потомство его!..»

Мемед и Мустафа подошли к ним. Но спорщики так увлеклись, что не заметили их. С края сидел старик, но он не вмешивался в спор. У него было приятное, почти детское выражение лица. Изредка он, казалось, улыбался своим мыслям.

Мемед смело подошел к нему:

— Дядюшка, где можно найти хозяина хана?

— На что тебе этот мерзавец? — спросил старик. — Он провалился в землю.

— Жаль беднягу, — сказал Мустафа.

Мемед толкнул Мустафу, поняв, что старик шутит.

— Он взлетел на вершину горы, — усмехнувшись, сказал старик.

Мустафа опять не понял:

— Жаль беднягу!

— Очень жаль, — посмеивался старик.

— Дядюшка, не обращай на него внимания, — вмешался Мемед, — мы пришли в хан переночевать. Где хозяин?

— Вон подлец, которого зовут хозяином хана, идите и скажите этому негодяю, что вам нужно, — указал старик на сновавшего по двору человека.

Хозяин, услышав слова старика, ответил:

— Если вы ищете подлеца, посмотрите на старика с белой бородой около вас — это самый большой негодяй... Борода его побелела от преступлений, а вовсе не на мельнице...

— Эй, ты, нечестивец, эти парни ищут ночлег, — крикнул старик.

Мемед направился к хозяину дома.

— Переночуете в одной комнате с этим седобородым мерзавцем. Он вас проводит,— сказал хозяин.

— Ах, негодяй! Идемте, ребята, я вам покажу ваши места...

Мемед и Мустафа осторожно поднялись по пыльной, шаткой лестнице, которая так скрипела, что, казалось, вот вот развалится. Они вошли в комнату. В ней рядами стояли койки. Грязь была невероятная.

— Вы первый раз в городе? Так, что ли? — спросил старик.

— В первый раз,— ответил Мемед,— В первый...

— В первый,— повторил Мустафа.

— Как же это так? Вам, наверное, лет по двадцать. Как же вы умудрились не побывать в касабе?

— Не приходилось,— смутился Мемед.

— А из какой деревни?

— Из Деирменолука...

— Это в горах, так ведь?

— В горах.

И только когда старик спросил: — «Ели вы что-нибудь?» — они почувствовали, как сильно проголодались.

— Меня зовут Хасан Онбаши...— продолжал старик.

— Меня Мемед, а его Мустафа.

Старик повел их в бакалейную лавку. Здесь над ржавыми жестяными коробками с изюмом, бекмесом* и халвой кружились черные тучи мух.

Хасан Онбаши подошел к лавочнику:

— Дай этим молодцам что они захотят, а мне дай халвы и хлеба.

— И мы возьмем халвы и хлеба,— сказал Мемед.

При свете мигающей керосиновой лампы они с аппетитом принялись есть халву.

Когда они вернулись обратно, все койки, кроме трех, были заняты. Мемед и Мустафа легли, не раздеваясь. В комнате стоял густой табачный дым. На стене, покрытой пятнами раздавленных клопов, в облаках дыма мерцала керосиновая лампа. Люди, лежавшие на койках, громко разговаривали.

— Значит, вы в первый раз ночуете в хане? — спросил Хасан Онбаши Мемеда.

---

* Бекмес — вываренный до густоты меда виноградный сок.—
Прим. перев.

— Да,— ответил Мемед.

— В этом дыму и в этой вони можно задохнуться,— продолжал старик.

Мемед и Мустафа лежали не шевелясь.

— Что, понравилась вам касаба? — донимал их старик.

— Очень большая,— ответил Мемед.— И дома большие-большие. Как дворцы...

— А если бы вы увидели Мараш! — улыбнулся Хасан Онбаши.— Там есть большой крытый рынок, в нем все сверкает разноцветными огнями. Все тебе улыбается. Попадешь туда — онемеешь от восторга. По одну сторону торгуют разноцветными тканями, по другую — сидят шорники, по третью — медники... Все что душе угодно! Мараш — это рай! Он в сто раз больше, чем эта касаба!

Мемед задумался.

— Да-а! — протянул он.

— Да-а,— ответил Хасан Онбаши.— Так-то вот. А если бы вы увидели Стамбул!..

Мемед потянулся. Лицо его почернело, сморщилось. Он уже не мог сдержаться.

— А кто хозяин касабы? — выдавил он из себя, и ему сразу стало легче.

— Что ты сказал? — не понял вопроса Хасан Онбаши.

— Я спрашиваю, кто хозяин касабы?

— Какой хозяин, сынок?.. Разве у касабы бывает хозяин? Здесь нет хозяев. Каждый сам себе хозяин. Богатых людей здесь называют «ага». Их много...

Мемед ничего не понимал.

— Кто здесь надо всеми хозяин? — повторил он.— Кто владеет этими лавками, землей? Как его зовут?

Хасан Онбаши наконец понял, в чем дело.

— А кто хозяин вашей деревни? — спросил он Мемеда.

— Абди-ага.

— Разве в вашей деревне вся земля принадлежит Абди-аге?

— А кому же?

— А лавки?

— Тоже аге.

— А волы, козы, овцы, быки?

— Большей частью ему...

Хасан Онбаши почесал бороду и задумался.

— Послушай, сынок,— сказал он.— Здесь нет таких хозяев, как ты думаешь. Земля в касабе принадлежит

многим. Есть, конечно, и такие, у которых много земли. У бедных ее мало. У многих бедняков и совсем нет.

— Правда?..— удивленно протянул Мемед.

— А как же? Конечно, правда.

Старик долго рассказывал о крестьянах, не имеющих земли. Затем он начал опять о Мараше. О городе, о рисовых полях, о рабочих с рисовых полей, о садах и землях Мараша. Рассказал об аге по имени Ходжаоглу, у которого очень много земли. Мемед молча слушал. Рассказал он и о том, как был в плену на Кавказе, о Галиции, о Дамаске, Бейруте, Адане, Мерсине, Конье, о гробнице великого Мевланы*, который покоится в Коньи. Потом вдруг замолчал и натянул одеяло на голову. В комнате наступила тишина.

Кто-то в углу низко склонился над сазом** и играл, тихо, едва слышно напевая что-то низким, грубым голосом. Длинное лицо поющего при свете керосиновой лампы то вытягивалось, то уменьшалось и становилось широким. Мемед долго и бездумно слушал его. Наигравшись, человек повесил саз на гвоздь у изголовья кровати и натянул на себя одеяло.

Мемед не мог заснуть. В голове роились тысячи мыслей. Представление его о мире расширилось. Он думал о том, как огромен мир. Деревня Деирменоулук представлялась ему теперь маленькой точкой, всемогущий Абди-ага — муравьем. Может быть, впервые он увидел все как оно есть. Первый раз он размышлял свободно. В нем пробудилось чувство ненависти. Он вырос в своих глазах и стал считать себя человеком. Ворочаясь на койке с боку на бок, он говорил про себя: «И Абди-ага человек, и мы люди...»

Рано утром Мустафа толкнул его. Но Мемед так крепко спал, что не почувствовал. Видимо, и во сне он был погружен в свои мысли. Мустафа стянул с него одеяло. Только тогда Мемед проснулся и встал. Глаза его опухли. Лицо было совсем бледным, но довольным. Глаза светились радостью.

Они расплатились за ночлег и вышли.

— Где Хасан Онбаши? Надо с ним попрощаться,— сказал Мемед.

* Мевлана — эпитет Джелаль-ад-дина Руми, крупного иранского поэта, основателя мусульманского ордена Мевлеви.— *Прим. перев.*

** Саз — музыкальный инструмент.— *Прим. перев.*

— Надо,— подтвердил Мустафа.

В дверях стоял маленький человек, хозяин хана. Они подошли к нему и спросили о старике.

— А, этот негодяй? — вспомнил хозяин.— Встал ночью, собрал свое барахло и пошел торговать по деревням. Он придет только через десять дней. Плюньте вы на этого негодяя!

— Эх, если бы мы смогли его увидеть!..— с сожалением проговорил Мемед.

— Эх, если бы...— повторил Мустафа.

Они отправились на базар. Базар их ошеломил. Они остановились в толпе, растерянно озираясь по сторонам. Солнце пекло невыносимо. Такого скопления людей они еще никогда не видели. «Кишат, как муравьи»,— подумал Мемед. Продавцы шербета * с желтыми латунными кувшинами, гремя латунными чашками, кричали:

— Шербет! Шербет! Медовый шербет! Солодовый корень. Пожалее! и тот, кто пил, и тот, кто не пил!

Сверкавшие на солнце кувшины привлекли внимание Мемед, ему захотелось рассмотреть их поближе.

— Эй, дай-ка мне шербета! — сказал он продавцу.— И моему приятелю.

Продавец нагнулся и налил шербет в чашки, а Мемед в это время робко потрогал рукой блестящую латунь. Продавец протянул им чашки. Шербет был холодный как лед и пенился. Мемед и Мустафа с трудом отпили по полчашки. Шербет им не понравился.

В сторонке, на высоком пне, сидел человек и ковал подкову. Работая, он пел, и звон металла сливался с его песней. Это был известный в касабе Слепой Хаджи. Кувшины и подковы, которые он изготавливал, изумили Мемед.

До ребят долетел вкусный запах кебаба.

Они обернулись и увидели полуразвалившуюся лавку, из которой шел голубоватый дымок. Пахло подгорелым мясом и жиром. От этого запаха у них закружилась голова, и ноги сами понесли их в лавку.

Паренек из лавки радушно пригласил:

— Заходите, заходите!

Это еще больше удивило их. Они сели, ожидая, когда им подадут. И базар, и касаба, о которых он слышал раньше, и весь мир казались Мемеду сегодня совсем иными.

---

* Ш е р б е т — сладкий прохладительный напиток.— *Прим. перс.*

Сегодня словно развязался узел, связывавший его ноги и сердце. Он чувствовал себя свободным, легким. Ему казалось, что он вот-вот взлетит. В страшном смущении съели они кебаб; им казалось, что все, кто был в лавке, смотрят на них. Из лавки они вышли совсем одурманенные. Еще несколько раз обошли базар.

— Оказывается, здесь нет хозяина, — сказал Мемед.

— И правда? — согласился Мустафа.

— Деревня без хозяина! — удивленно воскликнул Мемед.

Затем они зашли в лавку, где продавались шелковые платки. Мемед выбрал желтый. Сжал его в руке и выпустил. Платок соскользнул на землю. Настоящий шелк! Они купили платок и вышли на улицу.

Мустафа подмигнул Мемеду:

— Для Хатче?

— Ты угадал, Мустафа. Ты умница! — шутливо ответил Мемед.

В той же лавке, где и вчера, они купили халвы, а в пекарне — теплого душистого хлеба. Халву и хлеб они завязали в платок. Потом оба сели на белый камень посреди базара и устались на горы апельсинов в лавках фруктошников. Купили по апельсину, съели.

В обратный путь они тронулись, когда время подходило к обеду. Солнце стояло в зените, отбрасывая маленькую тень прямо под ноги. Ребята оглядывались на касабу до тех пор, пока она не скрылась из виду. Над ней стояли белые облака. В воздухе повисал медленно поднимавшийся из труб серебристый дым. Красные черепицы крыш словно прилипли к неподвижной голубизне неба.

Была уже полночь, когда они вошли в деревню. У дома Мемед и приятели расстались. Мустафа очень устал. Ему не понравилось путешествие. Мемед, наоборот, просто сиял от радости. Он направился к дому Хатче, но ноги тянули назад. Мемед прислонился к стене. Войти или не войти? Решил не входить; повернулся кругом и пошел вдоль изгороди. У какого-то дома он остановился и перевел дыхание. Здесь росло тутовое дерево, которое, как зонтик, распустило свои ветви. Он постоял под деревом. Затем повернул налево, к изгороди, и лег на землю. Усталость понемногу проходила.

В этих краях водится красивая птица на длинных ногах, зеленоватого цвета, как цвет листвы в тумане. Шея и клюв

у нее такие длинные, что кажется, будто они отделены от туловища. Она обитает около воды. У этой птицы необыкновенно изменчивый голос. Она издает свист и неожиданно обрывает его. Так она и свистит: начнет и оборвет. Вся прелесть ее свиста в этом неожиданном обрыве.

Мемед хорошо умел подражать свисту этой птицы. И теперь, лежа возле изгороди, он несколько раз свистнул, поглядывая на калитку. Но она оставалась закрытой. Мемед забеспокоился. Он свистнул еще раз. Немного спустя калитка медленно отворилась. Сердце Мемедов колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Показался силуэт девушки. Тихо, стараясь не шуметь, девушка подошла к Мемеду и легла рядом. Они подползли к забору.

Мемед протянул руку и тихо позвал:

— Хатче...

— Дорогой...— ответила она.— Я тебя так долго ждала... все время смотрела на дорогу.

Они обнялись и ощутили дыхание и тепло друг друга. Прижались еще ближе. От волнения кружилась голова.

Так они лежали некоторое время, обнявшись, и молчали. Пахло свежей травой...

— Без тебя я умру,— начала Хатче.— Не смогу жить. Ты уходил всего на два дня... а свет мне был не мил.

— И я не выдержал.

— Что ты видел в касабе?

— Постой,— прервал ее Мемед.— Мне нужно тебе кое-что сказать. Я познакомился с Хасаном Онбаши. Это такой человек! Он бывал даже в Стамбуле... Это такой человек! Хасан Онбаши из Мараша. Из самого Мараша! Он мне обо всем рассказал... Это такой человек! Он мне сказал, чтобы я взял невесту и ехал на Чукурову... На Чукурове нет аги. Хасан Онбаши найдет мне землю, быков, дом... Хасан Онбаши живет на Чукурове. Он сказал: укради свою невесту и приходи.

— Хасан Онбаши...— повторила за ним Хатче.

— Он такой хороший человек, что душу ему отдашь. Он все сделает для нас, если мы убежим...— сказал Мемед.

— Если убежим...— снова повторила Хатче.

— Хасан Онбаши...— продолжал Мемед.— У него длинная борода. Пока он на Чукурове, нам нечего бояться. Да-а, Хасан Онбаши... Он сказал мне: «Укради свою возлюбленную и приходи сюда». Хорошо, говорю, через десять дней я с ней приду.

— Через десять дней?..— спросила Хатче.

— Он даже лучше отца... Седая борода его блестит, как вода в ручье...— сказал Мемед.

— А если мы пойдем прямо сейчас?

— Нет, через десять дней...

— Мне страшно,— прошептала Хатче.

— Пока Хасан Онбаши на Чукурове, нечего опасаться. Я боюсь за мать... Абди не даст ей житья.

— И она пойдет с нами, раз есть Хасан Онбаши,— пыталась успокоить его Хатче.

— Я ее уговорю. Все расскажу. Скажу, что есть такой Хасан Онбаши. Может, пойдет.

— Я боюсь. Боюсь Абди,— шептала Хатче.— Племянник его торчит все время у нас. Все шушукается с матерью... Вчера...

— Через десять дней, на одиннадцатый, ты, я и мать... Ночью... Уйдем... Здравствуй, Чукурова!.. Хасан Онбаши, вот мы и пришли. Он удивится и, конечно, обрадуется...

— Обрадуется. Я боюсь, боюсь своей матери, Мемед...

Они долго молчали. Слышалось только их дыхание и стрекот кузнечиков.

— Я боюсь...— снова сказала Хатче.

— Онбаши очень обрадуется...— успокаивал ее Мемед.

— Я боюсь матери...

У Мемед кружилась голова. Все вертелось перед глазами, пересыпанное сверкающими солнечными искрами...

— Через десять дней, на одиннадцатый... Конец!..

Хатче была дочерью Османа, мягкого, замкнутого и безразличного ко всему человека. Зато мать Хатче — божье наказание. Какая бы драка ни случилась в деревне, она была тут как тут. Высокая, сильная, она вела сама все хозяйство, даже пахала.

Детство Мемед и Хатче прошло вместе. Мемед лучше всех мальчишек лепил домики, а Хатче лучше всех умела их украсить. Часто они уходили от ребят и придумывали свои игры. Когда Хатче исполнилось пятнадцать лет, она стала каждый день приходить к матери Мемед учиться вязать носки. Мать Мемед показывала ей самые красивые узоры.

Глядя ее по голове, она приговаривала:

— Дай господь, чтобы ты стала моей невесткой.

Когда мать Мемед говорила с кем-нибудь о Хатче, она всегда называла девушку «моя невестка».

И вот Хатче исполнилось шестнадцать лет.

Однажды Мемед усталый возвращался с поля, а Хатче — с гор, где собирала грибы. Они не виделись почти целый месяц. Их охватила безудержная радость. Они присели на камень. Темнело. Хатче встала и хотела уйти. Мемед взял ее за руку и снова посадил.

— Подожди еще! — попросил он.

Мемед дрожал от волнения.

— Ты моя невеста, правда ведь?

Он взял ее руки в свои.

— Ты моя...

Хатче улыбнулась.

— Скажи, ведь ты моя невеста?

Хатче отодвигалась от Мемед, но он держал ее руки и не отпускал.

— Хатче, — шептал он. — Ты...

Мемед попытался ее поцеловать.

Раскрасневшаяся Хатче быстро оттолкнула Мемед и побежала. Мемед догнал ее и схватил. Она немного успокоилась. Успокоился и Мемед.

— Я приду сегодня в полночь, спрячусь в тени твоего дерева. Буду свистеть, как птица... Все подумают, что это птица. Вот так, — пояснил он.

И он свистнул несколько раз.

Хатче рассмеялась:

— Как птица... Никто не отличит.

— Разве мы с тобой не жених и невеста? Но пусть ни один человек пока об этом не знает, — сказал Мемед.

Хатче изменилась в лице.

— А что, если нас уже видели? — и бросилась бежать.

С того вечера чувство их росло и превратилось в страсть.

Об их любви говорила вся деревня.

Они встречались каждый вечер. А когда это не удавалось, они теряли сон... Бывало, их заставала мать Хатче, и тогда она избивала дочь. Но ничто не помогало. Она связывала на ночь руки и ноги Хатче, запирала калитку на несколько замков. Но и это не помогало. Хатче всегда находила выход.

Девушка вязала Мемеду носки, вышивала носовые платки, пела песни. Свою любовь, тоску, ревность она выра-

жала в разноцветных рисунках и изливала в песнях. Эти песни и поныне поются в Таврах. Посмотришь на такие носки — и сердце радуется. Услышишь такую песню — и как-то легко, приятно становится на душе.

Мемед не заметил, как и когда он вернулся домой. Звезда на востоке померкла, начало светать.

— Мать! — крикнул он, подойдя к двери дома.

Мать не спала, она думала о сыне.

— Сынок! — вскрикнула она, встала и, распахнув дверь, прижала его к груди.

— Значит, вы шли ночью?

— Да, ночью.

Мемед вошел в дом и бросился в постель. Ему очень хотелось спать. Перед глазами дрожал блеск желтой латуни.

Может быть, это блестела надежда? А может быть, тоска?.. Тоска по другу, по возлюбленной. Она гложет душу человека. В голове Мемеда, в сердце, во всех его мельчайших клеточках дрожал блеск желтой латуни. За ним мелькала касаба, где красная черепица крыш липла к голубому небу...

Блеск желтой латуни смешивался с сизым дымом подгоревшего кебаба, со звоном подков, которые ковал Слепой Хаджи. Белые мостовые, ровные, вымощенные полированным речным камнем, спят глаза.

Мать села к изголовью Мемеда.

— Понравилась тебе касаба, сынок?

— Что? — пробормотал Мемед и уронил голову.

Во сне он видит Слепого Хаджи, который ковал на базаре подковы и пел. Потом он видит дома с красной черепицей. Мемед улыбается при мысли, что завтра или послезавтра они уйдут. Хасан Онбаши вернется через десять дней. Сначала это его огорчает немного, но скоро огорчение проходит. Через десять дней все устроится! А вот совсем детское, улыбающееся, доброе лицо Хасана Онбаши. Седая борода точно приклеена к лицу. Хасан Онбаши найдет ему работу. Мемед почему-то очень верит в Хасана Онбаши... «Он обошел весь мир, пять за пядью», — говорит Мемед про себя. В касабе нет аги. Хатче, мать и он будут работать все вместе. Все, что они заработают, будет принадлежать им самим. Хасан Онбаши непременно

поможет. Мемед не помнит, кто ему говорил, но он знает, что земли Чукуровы плодородны. Он думает об этом, и сердце его бьется сильнее от радости. На землях Чукуровы нет колючек. Когда он обоснуется там и станет главою семьи, он в один прекрасный день придет в свою деревню и всем расскажет о Чукурове. И тогда на Чукурову переселится вся деревня. Абди-ага останется один. Он не умеет ни сеять, ни жать... Он умрет с голоду...

— Понравилась тебе касаба, сынок? — снова спрашивает мать.

Мемеду кажется, что он уже ответил матери, и он снова погружается в свои мысли. Он видит фруктовую лавку и опрятно одетого человека в белой фетровой шляпе и брюках... Человек покупал апельсины. Мемед обратил внимание на его длинные белые пальцы, которыми он быстро отсчитывал деньги. Серебро, поблескивая, текло между пальцами...

— Сынок, ты слышишь меня? — спросила мать.

Спал ли он? Блеск латуни снова дурманил ему голову. Под палящими лучами солнца Чукуровы плясали миллионы блесков.

Проснулся он поздно. Мать сидела у изголовья и смотрела на него. Вдруг ему почему-то стало стыдно. Он натянул на голову одеяло. В детстве, когда ему бывало весело, он всегда так делал. Мать, улыбаясь, сняла с его головы одеяло.

— Вставай, озорник! Поздно уж. Вставай, Расскажи о касабе,— сказала мать.

Мемед с трудом открыл глаза. На улице все было залито солнцем. На мгновение он ослеп от яркого света. Потом перевел взгляд внутрь комнаты. Все в ней изменилось. Мемед чувствовал себя усталым и разбитым. Но, несмотря на тяжесть, которую он чувствовал в груди, в сердце его проникали лучи света. Он и сам не знал, что разгоняло тоску в его сердце. Эта радость, эта теплота исходила от света. Откуда шел этот свет?

Мемед сел около матери и начал рассказывать о касабе. Доне не раз слышала от мужа и от других людей о касабе. Но никто не рассказывал так хорошо, как сын. Рассказывая о блеске латунных кувшинов, Мемед волновался... Слова рекой лились из его уст.

И вдруг он, запнувшись на полуслове. Заметив это, Доне погладила его по голове и пристально посмотрела в глаза.

Она догадалась, что сын должен был сказать ей что-то очень важное, но не мог решиться. Мемед не выдержал взгляда матери и отвел глаза. «Тут что-то есть, что-то очень важное, но он нескоро выдаст свою тайну», — подумала Доне и снова посмотрела ему в глаза. Мемед словно оцепенел.

— Мемед, скажи, что у тебя на душе, сынок? — не вытерпела Доне.

Он вздрогнул. Лицо его помрачнело.

— Ну, расскажи, — повторила мать.

Мемед опустил голову.

— Сегодня ночью я разговаривал с Хатче, — сказал он. — Мы решили убежать.

— Ты сошел с ума!

— Мы решили, что тебе тоже нельзя оставаться здесь. Абди-ага не даст тебе житья. Ты пойдешь с нами на Чукурову. Будем жить в касабе.

— Ты с ума сошел! — повторила растерянная Доне. — Куда я пойду? Оставить родной дом, насиженное гнездо? Да и куда ты думаешь увезти девушку?

— Что же делать? Посоветуй!..

— Я тебе сто раз говорила. Оставь ты Хатче. Сто, тысячу раз тебе повторяла, оставь! Ее собираются обручить с племянником Абди-аги. Она не для тебя. Оставь ее!

— Я не могу ее оставить, мама. Кто бы там ни был, Абди-ага или кто другой, не могу ее оставить. Разве Абди-ага — хозяин даже сердец? Заберу Хатче и убегу. Я боюсь только одного: не даст он тебе житья. Вот чего я боюсь! А так... прощайте...

— Я не брошу родной дом, насиженное гнездо. Никуда я не пойду. Бери Хатче и уходи. И опять тебе говорю, сынок, — ты один. Из этого ничего хорошего не выйдет. Против тебя хозяин пяти больших деревень. Племянник его любит эту девушку. Добром это не кончится. Оставь эту затею. Что, девушек, что ли, нет для тебя!..

Мемед рассердился.

— Нет! — сказал он. — Нет на свете таких девушек, как Хатче!

Через два дня стало известно, что племянник Абди-аги послал к Хатче сватов. Среди них был и сам Абди-ага.

Хатче не хотела выходить замуж за племянника Абди-аги, плакала, кричала, но ничто не помогло. Родители согласились. Конечно, Хатче не найдет счастья с племянни-

ком Абди-аги, но если девушке дать волю, то она выйдет за цыгана или за какого-нибудь проходимца. Ничего, Хатче поплачет, поплачет, да и утешится.

Через два дня их обручили. Абди-ага прицепил к монисто невестки золотую монету. После обручения по деревне поползли сплетни. Говорили все кому не лень — взрослые, молодежь, старики, дети.

— Мемед украдет ее. Не достанется Хатче плешивому племяннику Абди-аги.

— Мемед побоится.

— Нет, не побоится.

— Никто не увидит страха в глазах Мемеда.

— Не увидит.

— Это Мемед!

— Ну и что с того, что Мемед? Что он сделает? Да Абди-ага разорвет его на куски и бросит собакам.

— Пусть обижается, бросит — и все.

— Мемед заберет девушку и уйдет.

— Куда он уйдет?

— Найдет куда.

— Куда бы он ни ушел, даже если залезет в змеиное гнездо, Абди-ага все равно разыщет его и вытащит.

— У Абди-аги длинная рука. За него власти...

— За него власти. И каймакам*, и староста, и жандармы.

— Староста бывает у него каждый день.

— Ей-богу, у меня сердце разрывается из-за Мемеда!

— Пришел из чужой деревни и выхватил, прямо из рук!

— Жаль Мемеда.

— Я вчера его видел...

— Ах, бедняга!

— Видел я его за домом. Лицо бледное. Прямо весь позеленел.

— Я испугался его глаз. У него всегда были такие ясные, добрые глаза...

— Бедняжка Хатче после обручения не выходит из дому...

— Забилась в темный угол...

— Сидит с утра до вечера... Все думает...

— Любит... Тяжело!

---

* К а й м а к а м — начальник уезда.—Прим. перев.

— Любовь сводит человека с ума.
— Мемед уже полусумасшедший...
— Мать на ночь связывает дочь. Веревкой связывает
руки и ноги.

— Там у нее замок на замке!
— И Доне тоже плохо.
— Она боится за сына.
— Абди-ага узнал обо всем...
— Ах, бедняга Мемед!
— Узнал и смеется...
— Глаза у девушки, как два источника...
— Ах, бедняга Мемед!
— Плешивый племянник Абди-аги нос задрал. Ша-
тается по деревне.

— С рогами...
— Оленьими...
— Тяжело...
— Ах, бедняга Мемед!
— Тяжело...
— Как бы Мемед не умер от горя...
— Порядочная девушка умрет от горя...
— Пусть ослепнет тот, кто их разлучил.
— Говори тише.
— Не приведи бог...
— Пусть помучается.
— Чтоб его черти съели!
— Чтоб он околел!
— Тише, тише...
— Пусть на глазах у него вырастут колючки.
— У него пять деревень и даже эти горы.
— Весь мир можно купить на деньги. Сердца не ку-
пишь.

— Ах, бедняга Мемед!
— Абди увидит. Увидит, что с ним сделает Мемед. По-
годите еще.

— А если Мемед убьет его...
— Если убьет, то прославит свое имя.
— Мемед еще ребенок!
— Ах, бедняга Мемед!
— Ребенок, но...
— Сколько козуй за год убивает Мемед?
— Считай!
— Он без промаха бьет в ушко иголки.

- Дай бог, чтобы в зрачки Абди...
- Говори тише.
- Если Мемеду попадет в руки оружие, он рассчитается с Абди.
- Был бы сейчас в горах Ахмед Великан.
- Он пришел бы в деревню, расстроил бы это обручение и отдал девушку Мемеду.
- Эх, было бы у Мемеда оружие!
- Мемед бы с ним рассчитался.
- Если бы!..
- Дожить бы нам до этого дня! Веселились бы сорок дней и сорок ночей подряд.
- Тот, кто разлучает влюбленных, никогда не будет счастлив.
- Дай бог, чтобы не был!..
- Если его не покарает Мемед — покарает аллах.
- Дай бог, чтобы покарал...
- Тише, тише!
- Где ты, Ахмед Великан? Сегодня день, когда ты должен показать себя.
- Ахмед Великан пашет в горах землю. Теперь он боится даже своей жены.
- Мемед ходил в касабу.
- Он ищет куда уйти...
- Хоть бы что случилось с этим плешивым племянником!
- Молния бы его поразила!..
- Околеть бы ему. Околеть!..
- Взял бы Мемед девушку, взял бы да и увел...
- Взял бы да и увел...
- Я знаю Хатче. Она покончит с собой.
- Если она умрет, Мемеду тоже не жить.
- Ах, бедняга Мемед!
- Ах, бедняжка Доне! Молодой осталась без мужа.
- Как бы не осталась без сына...
- Как бы не осталась...

Толки шли без конца. Мемеду сочувствовали. Но ничего не могли поделать. Все эти разговоры до последнего слова доходили до Абди. Стоило кому-нибудь сказать слово, как Абди уже знал об этом.

Как-то ночью он послал человека и вызвал Мемеда к себе. Смущенный Мемед покорно стоял перед ним. Абди начал кричать:

— Неблагодарная скотина! Ты, как щенок, рос у меня на дворе. Бессовестная тварь! Я слышал, ты заришься на невесту моего племянника...

Мемед застыл, окаменел. Лицо его стало белым, как стена. Он не шевельнулся. Только в глазах появился злой огонек.

— Послушай, Мемед. Если ты хочешь жить в этой деревне и есть хлеб, то должен слушаться меня. Ты мальчишка. Ты еще не знаешь меня... Я могу любого уничтожить. Слышишь, неблагодарный голодранец? Я любого уничтожу...

Он подошел к Мемеду и схватил его за руку.

— Меня зовут Абди! — кричал он. — Я любого уничтожу!

Мемед молчал, молчал как камень, и это молчание выводило Абди-агу из себя.

— Слушай, голодранец... — угрожал он. — Никто не смеет зариться на невесту моего племянника. Я разорву того в клочья и брошу собакам. Не смей и показываться у ее калитки! Понял? Не смей!

Он сильно тряхнул Мемеда. Здесь и камень бы заговорил, но Мемед продолжал молчать. Это привело Абди-агу в ярость. Потеряв самообладание, он начал пинать Мемеда ногами. Мемед с трудом сдерживался, чтобы не броситься на него. Зубы Мемеда стучали. Наконец, не вытерпев, он вскочил и укусил Абди. Рот наполнился кровью. В голове замелькали желтые огоньки.

— Проваливай! — завопил ага. — Сколько вам ни делай добра, как ни заступайся — звери останутся зверями. Корми ворону, она тебе глаз выколет... Проваливай, сукин сын!

Мемед вышел на улицу, сплюнул кровью. Он едва держался на ногах.

VIII

Дома, деревья, скалы, звезды, луна, земля — все, что есть на свете, исчезло и растворилось в темноте. Накапывал дождь. Поднялся легкий холодный ветерок. Изредка лаяли собаки. Затем долго пел одинокий петух. Несомненно, рано утром хозяин зарежет петуха, который поет раньше времени.

Издавека, со стороны дороги за горой долетал звон

колокольчика. Колокольчик то замирал, то снова начинал звенеть. Это говорило о усталости путников.

Мемед долго стоял, прижавшись к забору, возле тутового дерева, которое раскинуло свои ветви, как большой зонт. Мемед думал, что... Нет, в таком состоянии Мемед не мог ни о чем думать. Он только дрожал в темноте под дождем, промокнув до нитки. Временами его знобило. За забором он слышал шум и насторожился. «Наверное, кошка спрыгнула с забора»,— подумал Мемед. Так оно и есть... Он вспомнил мать и ощутил вдруг такую боль, словно все его тело было изранено. Сердце ныло от горькой обиды. Мать будут мучить...

Где-то очень далеко сверкнула молния. Она выхватила из темноты ствол тутового дерева, посеребрила на мгновение его ветви. Вспышка молнии, казалось, проникла в душу Мемеда, озарив ее длинным светлым лучом.

Вся деревня спала. Спали лошади, ослы, мулы, овцы, козы, мухи, куры, кошки, собаки. Вражда и гнев, любовь, страх, заботы и храбрость — все растворилось в глубоком сне. Сейчас жили и сражались лишь видения.

Невелик мир, который видит глазами человек. Но необъятно его воображение. Даже у того, кто никогда не выходил из Деирменолука, есть свой огромный мир мечты. И полет этой мечты безграничен. Если она не найдет себе места на земле, она улетит за горы Каф*, покинет землю, где она жила до сих пор, и перенесется в рай. Сейчас, когда все было погружено в сон, в этой бедной, в этой забитой деревне Деирменолак оживал мир мечты.

Мемед видел сон. Он и боялся его и не мог оторваться. И вдруг в голове его сверкнула молния. Раздробилась залитая солнцем Чукурова, увеличилась, расширилась, осветилась. Когда поток света в его душе остановился, Мемед встревожился. «А что, если не придет?..— испуганно подумал он.— Что делать, если она не придет?» В голове пролетел вихрь мыслей. «Если она не придет, я знаю что делать». Рука его потянулась к револьверу. Как только он вспомнил о револьвере, страх его прошел и чувство беспомощности исчезло.

Послышались легкие шаги. Ему стало стыдно за свои сомнения. Перед ним стояла Хатче. Если бы это было днем

---

* Горы Каф — по народному поверью, горы, окружающие всю землю.— *Прим. перев.*

и Хатче могла бы видеть лицо Мемед, она бы изумилась, заметив, как оно сначала побледнело, а затем покраснело. Возможно, она объяснила бы это страхом.

— Я заставила тебя ждать,— сказала она извиняющимся голосом.— Мать долго не засыпала.

Они пошли, взявшись за руки. По земле они ступали так осторожно, что не слышно было ни малейшего шороха, словно они летели по воздуху. Казалось, они боялись даже дышать. Только за деревней они немного освободились от страха и почувствовали себя свободней.

Узелок Хатче нес Мемед. Хатче захотела взять его, ей показалось, что Мемед устал. Но он не отдавал.

Моросящий дождь перешел в ливень. Со всех сторон сверкали молнии. Мемед и Хатче миновали скалы и очутились в лесу. Молнии так освещали его, что временами становилось светло, как днем. Было видно, как по стволам деревьев стекала вода. Хатче громко заплакала.

Мемед разозлился.

— Нашла время плакать!

До рассвета Мемед и Хатче шли лесом, даже не зная, где они. А дождь все лил и лил.

Хатче то и дело говорила, обращаясь к дождю:

— Да проклянет тебя аллах!

Когда совсем рассвело, они нашли расщелину в скале и укрылись. Оба сильно дрожали. Одежда прилипла к телу. С головы Хатче стекала вода, будто они все еще шли под дождем.

— Если не подмок кав, разведем огонь и обсушимся,— сказал Мемед, стуча зубами от холода.

Хатче радостно улыбнулась.

— Ты не смейся,— сказал Мемед.— Этот ливень залил не только кожаную сумку, но и забрался нам под кожу.

Дрожащими руками он пытался открыть привязанную к поясу сумку. В ней была вся их надежда и спасение. Мемед заглянул в сумку. Потом встретился взглядом с Хатче. Оба улыбнулись: вода внутрь не проникла.

— Знаешь, кто сделал эту сумку? — спросил Мемед.

— Нет.

— Дядя Сулейман, к которому я убегал. С тех пор я храню ее, как память.

Мемед озабоченно осмотрелся вокруг.

— Все намокло. Руки нечем вытереть. До кава не дотронешься, отсыреет.

— Боже сохрани! Не трогай мокрыми руками кав! — воскликнула Хатче.

— Посмотри, как я обсушу руки! — похвалился Мемед.

Он пошел в конец расщелины. Дождь туда не попадал. Земля была совсем сухой и даже покрыта пылью. Мемед зарыл руки в пыль. Подняв их кверху, он радостно крикнул:

— Ну, как?

Хатче улыбнулась.

— Ступай, Хатче, собери хворосту!

Хатче выбежала под дождь и быстро вернулась с большой охапкой хвороста. Он намок только сверху. Они наломали его и сложили посреди расщелины. Мемед стал высекать огонь. Но если бы кав и загорелся, они бы все равно не смогли разжечь костер. Для этого нужно хотя бы маленькое пламя. Что делать?

— Ты постой здесь, — сказал Мемед. — Я пойду поищу сухую веточку.

Вскоре он вернулся с грязной веткой в руках, вытащил свой большой кинжал и рассек ее. Но она тоже не загоралась от кавы. Нужно пламя, хотя бы маленькое пламя. Вот были бы у них спички... Мемед взял с собой спички, но они размокли.

— Хатче, — спросил Мемед. — Нет ли у нас сухой тряпочки?

У Хатче от холода стучали зубы.

— Сейчас развяжу узел, посмотрю. Может быть, он не промок.

А дождь все лил как из ведра.

Хатче развязала узелок. Пошарила в нем и нашла платок, который был завернут в рубашку. Это был первый подарок Мемед. Платок в красную крапинку. Такими платками в деревнях женщины повязывают голову.

— Вот что не намокло, — сказала она, показывая платок. Мемед узнал его.

— Это? — сказал он. Ему было приятно увидеть свой подарок.

— Да, — сказала Хатче.

— Если даже мне придется умереть от холода, я его не сожгу, — с досадой проговорил Мемед.

— Может быть, от рубашки можно оторвать сухой лоскутик? — сказала Хатче.

— Давай посмотрим, — ответил Мемед.

Хатче подала ему узел.

Мемед стал рыться.

— О-о-о,— протянул он,— здесь найдется не один, а тысяча сухих лоскутков.

— Бери,— сказала Хатче,— сожги все, будем ходить голыми.

— Если дела пойдут так, то придется.

Он оторвал от рубашки сухой лоскут, завернул в него кав и, высекая искры из огнива, начал дуть. Мемед дул очень сильно. А когда устал, передал кав Хатче. В это время где-то совсем рядом ударила молния. Земля вздрогнула. Затрещали деревья. Хатче уронила кав. Мемед нагнулся, поднял его и снова начал сильно дуть. Наконец появилось маленькое пламя. Мемед обрадовался и быстро поднес к нему ветку. Ветка зашипела и начала разгораться. Мемед сложил несколько веток и поджег. Затем сунул их в кучу хвороста и начал раздувать огонь.

Дождь усиливался. Небо сплошь затянули черные тучи. Беспреданно сверкали молнии, гремел гром. На мгновение яркие вспышки освещали все вокруг. Каждый раз Мемед вздрагивал.

Костер разгорался. Мемед все время подбрасывал сучья. Немного подсохнув, они вспыхивали. Над ними трепетали большие языки пламени. Мемед и Хатче сняли с себя верхнюю одежду и повесили ее на ветку, приблизив к огню. Хатче стеснялась и не хотела снимать с себя рубашку и шаровары.

— Снимай все,— сказал Мемед,— не будешь так дрожать.

— Пусть они высохнут на мне,— умоляюще взглянув на Мемеда, сказала Хатче.

— На тебе они не высохнут,— сердито ответил Мемед.— Пока они на тебе высохнут, ты совсем замерзнешь.

Хатче, увидев, что Мемед рассердился, начала снимать рубашку. Плечи у нее были округлые, смуглые. Она сняла рубашку и, бросив ее к огню, прикрыла груди руками. Плечи ее вздрагивали. Шея была длинная и нежная, как у лебедя. За ушами маленькие завитки волос. Черные, вьющиеся волосы ниспадали до пояса. Руки не могли прикрыть груди, и они виднелись между пальцами. На тех местах тела, где рос золотистый пушок, выступили мурашки. Когда она немного согрелась, мурашки исчезли. Кожа стала гладкой и слегка порозовела.

Мемед посмотрел на Хатче. Он почувствовал страстное желание.

— Хатче!

Хатче испугалась голоса, которым он произнес ее имя. Этот голос говорил все.

— Мемед...— прошептала она.— Сейчас в деревне суматоха. Нас разыскивают. А что если найдут?

Мемед тоже охватил страх, но он не подал вида.

— Как они нас найдут в этом лесу? Скажешь тоже...

— Не знаю,— ответила Хатче.— Не знаю, но я боюсь.

Они долго молчали. Дождь, казалось, немного утих. Костер постепенно разгорался. Даже скала нагрелась. Надев высохшую рубашку, Хатче сняла шаровары. Мемед увидел ее стройные, полные ноги. Желание, которое давно охватило его, стало непреодолимым.

— Хатче! — повторил он опять тем же голосом.

— Я боюсь, Мемед,— ответила Хатче.

Мемед приблизился к ней, крепко, до боли сжал руку. Хатче попятилась. Мемед крепко обнял ее и поцеловал. Хатче вдруг ослабела. Мемед потянул ее к скале. Пухлые губы Хатче остались раскрытыми, она закрыла глаза. Ее охватил трепет.

— Не надо, я боюсь, Мемед!..— тихо шептала она.

Языки пламени тянулись к ним, лизали камень скалы... Немного спустя они пришли в себя. Мемед взял Хатче за руку. Он хотел ее поднять. Хатче немного привстала. Затем снова легла на спину. Страх ее бесследно прошел. На душе было тяжело. Во всем теле чувствовалась усталость. Потом она сама встала. Ноги, спина и бедра были в пыли...

IX

Мать проснулась до рассвета. Посмотрела на постель Хатче. «Спит»,— подумала она и занялась своими делами. Настало утро, а Хатче все не поднималась; мать встревожилась. Сдернув с постели одеяло, она остолбенела. Под одеялом были подушки. Значит, ночью Хатче убежала. Мать застыла с одеялом в руках. Только услышав голос мужа, она пришла в себя и выпустила из рук одеяло.

В горах Тавра есть обычай: тот, у кого похитили дочь, лошадь, вола или петуха, выходит на крыльцо и начинает поносить всех и вся. Так он стоит часами и бранится. Крестьяне ему не отвечают, никто не обращает на него

никакого внимания. Только когда пострадавший немного успокоится, начинается серьезный разговор.

— Удрала девчонка,— сказала старуха мужу.— Что теперь будем делать?

Муж свистнул, не скрывая радости.

— Премного благодарен аллаху,— отвечал он.— Премного благодарен! У меня не было никакого желания отдавать ее этому плешивому племяннику Абди-аги. Но я ничего не мог поделать. Премного благодарен...

— Молчи,— закричала на него жена.— Молчи, чтобы никто не слышал. Абди-ага подумает, что это мы построили ее побег, и сдерет с нас шкуру.

Затем она по обычаю вышла из дома на крыльцо и начала бить себя в грудь. Ей совсем не хотелось этого делать. Она не могла никого ругать. Покачиваясь из стороны в сторону, она притворно заголосила:

— Ах, что у меня стряслось!.. Дочь моя! Дочь моя! Да пошлет аллах на твою голову несчастья! Продала мою честь за два гроша! Будь проклята, дочь моя! Чтoб лопнули твои глаза!

— Зайди в дом,— резко сказал муж.— Дочь поступила правильно. Она убежала с тем, кого полюбила. Будь что будет. И ничего не болтай! И не ори. Пойди к Абди-аге и расскажи ему. А дочь не проклинай. Иди в дом.

Жена послушалась. Она повязала голову черным платком и пошла к Абди-аге.

Увидев ее, Абди-ага воскликнул:

— О-о-о-о, где сестрица пропадаешь? Ты совсем забыла дом своего аги. Присаживайся.

Женщина села и сразу начала плакать.

— Что случилось, сестрица? — с беспокойством спросил Абди-ага. Но женщина не ответила и, опустив голову, продолжала плакать.

— Говори! — закричал ага.— Говори, черт бы тебя побрал! Что-нибудь случилось с моей невесткой?

— Ага...

— Говори!

— Ага...— снова начала она и замолчала. Слезы не давали ей говорить.

— Рассказывай,— настаивал ага.— Черт бы тебя побрал! Не выводи меня из терпения.

Женщина вытерла глаза.

— Убежала,— вздохнула она.— Подложила под одеяло подушки и ночью убежала.

— Ах вот как! — закричал он.— Этого еще не хватало! Невестка Абди убежала с батраком!?

Он подошел к женщине и с силой пнул ее ногой.

— Дотла сожгу всю деревню. Все сожгу!

Абди-ага на минуту задумался, потом взял женщину за руку, наклонился к ней и спросил:

— Она убежала с голодранцем Мемедом?

Женщина вытерла глаза платком и кивнула: «Да».

Абди-ага пришел в ярость. Он немедленно собрал своих людей, всю деревню. Это был большой удар для него.

— Я ему покажу! — гремел он.— Я покажу этому несчастному голодранцу! Я разорву его на куски! Разорву...

Весть быстро облетела деревню. Крестьяне были втайне довольны. Радовались все: взрослые, молодежь, дети, но тайком от Абди-аги. Встречаясь с Абди-агой и его людьми, все становились печальными, старались говорить шепотом.

Дождь шел не переставая. Крестьяне высыпали на улицу и, собираясь кучками, шептались. Промокнув до нитки, съезжившись, они ходили от дома к дому.

В это время в Деирменолук с криками «Аллах! Аллах!» ворвалась толпа крестьян из другой деревни во главе с женихом. У каждого было охотничье ружье. Жених стрелял из ружья. Страх охватил крестьян. «Сожгу и разрушу...» Он направился прямо к дому Мемеда. Доне сидела дома, ничего не подозревая. Жених соскочил с лошади и вбежал в дом. Он схватил Доне за волосы и поволок к Абди-аге. Увидев Доне, Абди-ага рассвирепел. Он бросился к ней и начал пинать ногами. Доне не издала ни звука. Она была вся в грязи, не видно было даже глаз. Когда Абди-ага отошел от Доне, на нее накинута жених. Время от времени он выскакивал во двор и прохаживался взад и вперед, разглаживая свои усы. Потом снова вбегал в дом и принимался бить Доне. Изо рта ее шла кровь. Смешиваясь с грязью, она красной струйкой стекала на землю.

Абди-ага был возбужден до предела. Молча ходил он по двору, ни на кого не глядя. Люди смотрели на него и ждали приказаний. Абди-ага, как и обычно, когда ему надо было решить что-то важное, тербил бороду. Когда он подошел к людям, все замолкли и затаили дыхание.

— Слушайте меня,— начал ага, поглаживая рукой бороду.— Сейчас беглецы должны быть где-то здесь неподалеку, в скалах или в лесу. Будем искать их. Только не такой толпой. Человек десять хватит. Если найдете, без меня не убивайте, приведите ко мне. Я с ним сам рассчитаюсь. Я ему покажу, как убегать с невесткой Абди-аги!

Когда Абди-ага кончил, из толпы выскочил Рюстем. У него большая лысая голова, изъеденное оспой лицо и огромный нос. Рюстем был из деревни, в которой жил племянник Абди-аги.

— Послушай-ка меня, ага,— сказал он.— Со вчерашнего дня идет дождь, не так ли?

— Так,— ответило несколько голосов сразу.

— На грязи остаются следы, правда? — продолжал Рюстем.

— Остаются.

— Даже если не остаются... Пусть не остаются. Может быть, они пошли по скалам. Мы должны отыскать следы. Они где-то здесь, близко. Мы их обязательно найдем... По следу...

— Трое пойдут по дороге в касабу,— приказал Абди-ага.— Я слышал, что они удрали в касабу...

Затем он обратился к Рюстему:

— Кто пойдет по следу?

— Хромой Али.

— Если Хромой Али захочет, он не только в дождливую погоду, он и на сухой земле и в скалах найдет следы даже птицы,— подтвердили крестьяне.

— Он выследит даже птицу. Достаточно, чтобы она чуть-чуть коснулась крылом земли. Он выследит даже летящую птицу,— убеждал Рюстем.

— Немедленно приведите Хромого Али, где бы он ни был,— распорядился Абди-ага.

— Хромой Али здесь.

Хромой, волоча за собой ногу, подошел к Абди-аге.

— Ага,— сказал он,— ни о чем не беспокойся. Если нога Тощего Мемеда ступила на землю, я его найду. Если он не превратился в птицу и не улетел, я его найду. Будь спокоен, ага.

Крестьяне из деревни Хромого Али на все лады расхваливали его.

— Сколько бы в деревне ни было случаев воровства, все раскрыв Хромой Али.

— Вот уже пятнадцать лет, как у нас не пропало даже иголки.

— На оленей нужно охотиться только с Хромым Али.

— На скалах и камнях не остаются следы. А Хромой Али ведет по следу и приводит на то место, где пасутся олени.

— Его не зря прозвали Хромым Али.

— В этих краях не осталось воров.

— Благодаря Хромому Али...

— Даже если Тощий Мемед поднялся на небо, он его все равно найдет. Если он, конечно, остался человеком... Али чует запах человека, прошедшего по дороге три дня назад.

У дома Абди-аги появился и Хосюк. Он, никогда не ходил на сходки, и очень редко показывался на деревенской площади. Вы припоминаете Панджара Хосюка? Вот это тот самый Хосюк. Он давно уже знал Хромого Али. Несколько лет подряд они работали бок о бок на одном поле. Панджар Хосюк знал, что Хромой Али — хороший следопыт. Нет такого человека, который бы этого не знал. И до Абди-аги дошла слава Хромого. Сейчас крестьяне раздували ее, чтобы похвастаться своим земляком.

Хосюк слышал, как Хромой согласился пойти по следу Мемеда. Где бы ни был Мемед, Хромой его тотчас найдет, обязательно найдет. Надо незаметно поговорить с Хромым. Он не откажет. Ведь столько лет они вместе ели хлеб-соль.

Хромой с восторгом слушал, как крестьяне нахваливали его, и приговаривал, обращаясь к аге:

— Благодаря тебе, ага, с позволения аллаха...

Хромой Али не обратит внимания, если скажут, что он смелый человек, что он человек хороший, что в деревне нет такого человека, как он. Да этого никто и не скажет. Но стоило произнести: «Нет такого следопыта, как Хромой», — и радости его не было границ.

Те, кому приходилось прибегать к его помощи, заранее говорили всюду, где их мог услышать Хромой: «На свете нет лучшего следопыта, чем Хромой! Обойди всю Аданскую равнину, лучшего не найдешь. Один только раз родился на свет следопыт, и это Хромой Али», — говорили они. И когда узнавали, что их слова дошли до Хромого,

обращались к нему и получали от Али, что им было нужно. Али все готов был сделать для таких людей.

Хромой вышел из толпы и направился к дому Хатче — искать след. По дороге его догнал Хосюк.

— Постой, Али! — крикнул Хосюк. — Я хочу тебе сказать несколько слов.

— Хосюк! — Хромой бросился к Хосюку и обнял его. — Я соскучился по тебе. На днях хотел навестить. Как ты поживаешь, брат Хосюк? Кончу это дело и приду к тебе ночевать. Разушу этого парня... Нет ничего проще, чем разыскать человека!..

— Иди за мной, Али! Только чтобы никто не видел. Ага будет подозревать меня.

Хромой Али с любопытством шел за Хосюком. Прекратившийся было дождь зарядил снова.

У дома аги седлали лошадей для Хромого Али. Они пойдут по следу на лошадях? По такому ясному следу Хромой Али пойдет даже с закрытыми глазами.

Хосюк свернул за угол. Али подошел к нему.

— Послушай, братец, — тихо начал Хосюк, — присядь-ка рядом. Неужели ты отдашь в руки Абди этого беднягу? Ты это сделаешь? Не губи Тощего Мемед! Не губи сироту! Не губи единственного сына Ибрагима! Разве были люди лучше Ибрагима? Он и тебя любил. Кости его перевернутся в могиле. Я знаю, ты быстро найдешь Мемед. Абди делает ему много зла, и виноват в этом будешь ты. Знаешь, что я тебе посоветую, Али? Сбей их сегодня с пути. Пройдет день, и Мемед спасется. В детстве Мемед убежал в деревню Кесме и жил у Сулеймана. Тогда все считали, что он погиб. Через полгода или через год, уж не помню, я первым увидел его и рассказал матери, что он жив и здоров. Да, это было так. Все думали, что парень погиб. Он и теперь спрячется. Давай, братец, сбей их с пути. Кто знает, где укрылись несчастные в такой дождь? Дрожат, наверное, где-нибудь от холода. Ну, Али! Скажи мне слово. Откажись от этого дела.

По мере того как Хосюк говорил, лицо Хромого все время менялось. А ведь совсем недавно он так радовался, что пойдет по следу на глазах у всей деревни и найдет беглецов. Хромой Али молча смотрел в землю.

— Да, братец Али, — с болью в голосе продолжал Хосюк, — бедняжки сейчас прижались друг к другу, дрожат под каким-нибудь деревом. Не дождь, целая река льет на

них. Целая река! Али, братец! Бедняжки сейчас дрожат от страха. Сердце разрывается, когда подумаешь о них! Смотри, как льет дождь. Никак не перестанет... Хотя бы дождь сжалился над ними и перестал! Взлетит птица — им страшно... Пробежит мышь, зашуршит ящерица, карабкающаяся на дерево, — им опять страшно. Сейчас они не помнят себя от страха. Одна мысль у них в голове: вот придут, вот придут. Они влюбленные, Али! Влюбленным нельзя делать зло. У тебя отсохнут руки. Отсохнут, как ветви дерева, которое лишилось соков. Сбей их со следа, спаси влюбленных, и для тебя уготован дворец в раю. Целый дворец! Ну, скажи что-нибудь, Али!.. Дай мне слово!..

Хосюк пристально смотрел в глаза Али. «Ты должен это сделать», — говорил его взгляд. Али открыл было рот, но так и не сказал ни слова. Хосюк взял Али за руку.

— Вот что я тебе скажу, Али! Они с детства любят друг друга. Стоит девушке не увидеть Мемеда один день, она не может ни есть, ни спать, горько плачет. Их сам аллах обручил, понимаешь, Али? Аллах! Когда Мемед убежал в Кесме и я пришел и сообщил об этом его матери, девушка слезла в постель и до его возвращения не могла встать. Она сходила с ума. Это так, братец Али. Да, это так. Об остальном ты подумай сам, Али! Потом девушку отдали плешивому племяннику Абди-аги. А они взяли и убежали. Об остальном подумай сам! Птица укрывается в кусте, и куст бережет ее. Мемед укрылся у тебя, Али. Не будь причиной его несчастья. Если ты это делаешь, Али, Абди станет твоим другом, но у тебя будет целая деревня врагов. Ты скажешь, пусть лучше один Абди будет другом. Это не так, Али. Не так. Ты это знаешь, Али. Вот все, что я хотел тебе сказать.

Али не проронил ни слова. Он встал. Плечи его опустились, лицо стало печальным.

— Вся деревня будет тебя ненавидеть, — сказал Хосюк ему вслед.

Потом Хосюк снова догнал его и зашептал:

— А знаешь ли ты, что бывает с теми, кто разлучает влюбленных? Не будь для них черным кустом! Тот, кто разрушает чужое гнездо, разрушает свое! Когда в деревне узнали, что двое влюбленных соединились, для всех это было настоящим праздником. Ты превратишься в гнилое дерево. Тебя все возненавидят. Посмотри, что они сделали

с матерью Мемеда. Она все еще лежит в грязи! Может быть, она уже... Подумай, Али!

В это время оседали лошадь и позвали Али. Какой-то юноша почтительно держал лошадь под уздцы и ждал его. К седлу была приторочена черная лохматая бурка.

Дождь лил как из ведра.

Все жители деревни, даже дети, высыпали на улицу. Их взоры были устремлены на Хромого. Али чувствовал на себе колючую тяжесть сотен глаз. Старая боль в ноге снова дала о себе знать. Она не стихала; так бывало всякий раз, когда Али попадал в затруднение,—боль в хромой ноге сразу оживала и становилась невыносимой.

Вся деревня, даже камни и земля проклинали сейчас Хромого Али.

Два следа начинались от тутового дерева, что около дома Хатче. Хромой пошел по следу. Сначала он несколько раз обошел дом Хатче. За ним шла ватага детей. Затем наугад свернул к центру деревни. Некоторое время он кружил по деревне и вдруг остановился.

— Что ты сказал Хромому? — спрашивали Хосюка крестьяне, стоявшие рядом с ним.

— Что нужно было, то и сказал. Думаю, что Хромой меня послушает,— гордо ответил Хосюк.

Когда люди увидели, что Хромой бесцельно кружится по деревне, у них отлегло от сердца. Разве Хромой когда-нибудь так делал, когда шел по следу? Обычно стоило ему начать, как он шел до конца, не останавливаясь. У людей появилась надежда.

— Хромой делает благое дело! — передавалось из уст в уста.

— Кто сказал?

— Хосюк говорил.

— Кто?

— Панджар.

— Хромой все кружится по деревне,— сказал Хосюк.— Видит аллах, сердце его сжалось над влюбленными. Он собьет их со следа. Не подведи, Хромой!..

— Знаю я этого Хромого,— сказал Плешивый Али.— Он пойдет по следу своего отца. Даже если будет знать, что отца повесят. Ему лишь бы был след. Он не устоит. Хромой хороший, добрый человек, и сердце его сейчас разрывается от жалости к влюбленным, но он не может не пойти по следу. Когда он видит след, для него больше ни-

чего не существует. Даже если он будет знать, что его убьют, ему только покажи след — и он все равно пойдет!

— Прекрасно, Али,— сказал Хосюк,— видите, он уже раз десять обошел деревню. Он бродит по деревне, делая вид, что ищет. Когда Мемед убежал с девушкой, он ведь не кружил так по деревне! Тот, кто похищает девушку, не оглядывается назад. Хромой Али не из тех, кто теряет след. Особенно в такой дождь... Я ему сказал: «Али! После этого не смотри мне в лицо...»

Плешивый Али задумался. Появилась надежда. Лицо его засветилось радостью.

— Да пошли аллах, чтобы изменился нрав Хромого. Когда я увидел, как он возвратился и кружил по деревне, я подумал, что у него изменился нрав. Ведь так, Хромой Али, я верю тебе!

Хромой Али уходил и возвращался, снова уходил и снова возвращался. Он слез с лошади и внимательно осмотрел землю, оглядел камни. Али, казалось, делал все, чтобы найти след. Но никак не решался подойти к месту, откуда он начинался. Он боялся. Он знал, что, как только увидит след, он не устоит и поведет. Делая вид, что идет по следу, он вышел из деревни. В сознании мелькала мысль погнать во весь опор лошадь и удрать. Во весь опор! Он долго смотрел в сторону леса. Следы вели прямо в лес. Ему показалось, что он видит двух влюбленных. В голове у него все перемешалось.

Моросил дождь.

Хромой снова повернул лошадь к дому Хатче. Подъехал и стал у забора около тутового дерева. На земле виднелись длинные следы чарыков. Али подумал: «Чарыки сделаны недавно. Шерсть на них длинная. Они из шкуры бычка, который сдох самое позднее зимой». Ему показалось, что он снова видит влюбленных в лесу, под дождем. Хромого охватил азарт. Он сжигал его.

Пока он раздумывал, к нему подошел крестьянин:

— Ну что, Али,— спросил подошедший.— Ты что, зазнался? Абди-ага ждет с нетерпением, спрашивает, почему ты все вертишься в деревне? Спрашивает, что это ваш хваленый следопыт...

В это время верхом на лошади подскакал сам Абди-ага.

— Что это? — сказал ага.— Знаменитый следопыт! Так ты идешь по следу! С самого утра вертишься в деревне,

как будто у тебя на нее купчая. Того и гляди заснешь у этого забора!

Глаза Хромого Али потемнели. Он резко повернул лошадь к Абди.

— Ага,— сказал Хромой.— Спроси-ка у крестьян, были ли на нем новые чарыки? Эти чарыки не из шкуры ли бычка, который сдох зимой?

Ага повернулся к крестьянам:

— Это так? — спросил он.

— Так,— крикнул кто-то из толпы.— Зимой у Исмаила сдох бычок. У него, у мельника, Мемед купил шкурку на пару чарыков.

— Так,— сказал ага, поворачиваясь к Али.— Ну-ка, Али, покажи свое умение!

Али втянул голову в плечи. Подхлестнул лошадь. Вместе с Абди-агой и несколькими всадниками они выехали из деревни. Когда они добрались до скал, Али остановил лошадь. Следы вели к скалам, в лес... Али это поразило. Он осмотрел следы на скале.

— Они пошли по скалам. Слезайте с лошадей и пойдём по скалам,— сказал он.

Они оставили с лошадьми одного человека, а сами последовали за Али. Среди скал они увидели маленький клочок земли. На этом клочке росло три желтых цветка. Яркие цветы выделялись на фоне черной земли. Один из цветков был примят. Али показал на него:

— Знаете, почему он примят, а остальные стоят прямо? Вчера вечером в полночь на него наступил чарык. Смотрите, вот след.

Все нагнулись, но следа никто не заметил. Али стал лазить по скалам. Абди-ага не отставал от него ни на шаг. Когда они подошли к подножью высокой скалы, Али сказал:

— Вот здесь беглецы свернули.

Люди снова подошли к лошадям. Дальше следы вели в лес. Теперь любой мог бы вести по ним. Подойдя к лесу, Али остановился. Он побледнел, как полотно, но тут же лицо его побагровело. Следы сворачивали к скалам в лесу. Это были беспорядочные следы, следы людей, которые не знают, куда идти. Временами следы шли прямо, потом поворачивали в противоположную сторону, затем снова возвращались. Али видел, что следы по нескольку раз проходят по одному и тому же месту. Словно здесь бродили сле-

пые. Ему стало жаль ребят. Он подумал: «Заведу-ка я этого Абди-агу в нижнюю часть леса, пусть бегут бедняжки». У корней большого дерева росла молодая травка. Она была примята. Вокруг валялись щепки.

Дождь пошел с новой силой. Али отвязал от седла бурку и накинул на себя. Ехали молча.

— Время идет,— торопил ага Хромого.— Ты что, снова упустил след?

— Нет,— ответил тот.— Следуйте за мной.

Он направил лошадь в лес.

На этот раз он действительно потерял след.

— Я упустил след,— сказал Али, поворачиваясь к Абди-аге.

— Таково оно, твое умение? Эх, ты, Хромой Али! — крикнул ага.

Жених сжал позади всех. В руке он сжимал рукоятку револьвера.

Слова Абди-аги разозлили Али.

— Сейчас я снова найду след,— сказал он.— Беглецы должны быть недалеко отсюда. Здесь их застала гроза. Они долго кружили. Поэтому я и сбился со следа.

Поиски длились долго. Но вот Али снова попал на след. Лес становился все гуще и гуще. Наконец он стал таким густым, что лошади уже не могли пробраться сквозь его чащу. Пришлось сойти с лошадей и продолжать путь пешком.

— Вот здесь они сломали ветку,— указал Али и вдруг заволновался.— Здесь они собирали хворост. Сухой хворост. Следы ведут к скалам.

Все, кроме Али и Абди-аги, промокли до костей.

— Почему ты не взял бурку? — спросил Абди-ага жениха.

Тот не мог раскрыть рта. Он так дрожал, что, казалось, вот-вот выронит из рук револьвер. Хромой Али побежал в сторону скал. Он задыхался от волнения. Остальные побежали за ним.

— Я нашел,— закричал Али.— Они под этой большой скалой. Тише!..

— Они там? Отвечай же, Али!..— кричал Абди-ага, который бежал позади всех.

Али молчал.

К нему подскочил запыхавшийся Абди-ага. Подбежали и остальные.

— Здесь,— указал Али,— они разожгли костер. Вот тут на этой ветке они сушили одежду. Огонь они развели не спичками, а кавом...

Он пошел в глубь расщелины, туда, где земля была сухая. Али нагнулся и долго рассматривал землю. Он заметил на ней следы широких крепких бедер. Немного выше были видны следы лопаток.

— Идите, идите скорее сюда! — позвал он. — Смотрите!

Все нагнулись и посмотрели на землю. Абди-ага заглянул в лицо Хромого Али, словно не понимая, в чем дело.

— То, чему суждено было случиться,— случилось,— сказал Али.

Абди-ага не понял и снова спросил:

— Что случилось?

— Посмотри, ага,— сказал Али. — Вот следы бедер девушки. Вот лопатки... А вот здесь след головы. Посмотри на эти полоски. Здесь рассыпались ее волосы. Это значит, ага, что дело...

Абди-ага изменился в лице. Некоторое время он молчал.

— Куда они, по-твоему, теперь ушли? — спросил он, овладев собой.

— Они где-то близко. Сейчас мы их найдем,— отозвался Али.

Солнце заходило.

— Не оставаться же нам здесь до темноты, Али! — крикнул Абди-ага.

— Прошло не больше двух часов, как они ушли отсюда. Сколько можно пройти по такому лесу за два часа? К тому же они голодные! Здесь, где они обогревались, не найдешь крошки хлеба. Если бы у них было что-нибудь, они бы поели.

Жених согнулся в три погибели. С него ручьем стекала вода. Его трясло.

— Давайте разведем костер и согреемся,— предложил он. — Я сейчас околею от холода.

— Мы околели от холода,— поддержали его другие.

Абди-ага разозлился.

— Мы будем искать. А вы оставайтесь и грейтесь,— сказал он. — Бабы!..

Али и Абди-ага углубились в лес. Абди-ага вытащил револьвер.

Увидав, что Абди-ага рассердился, жених не стал разводить огонь и пошел за ним.

Начало темнеть. Али, не останавливаясь, шел по следу. Следы были такими глубокими, что он их видел даже в темноте. Беглецы были в ловушке. Вот-вот они попадутся. Следы становились все более отчетливыми. За кустами слышался шорох. Все насторожились. Стало почти совсем темно.

— Пошарьте в кустах,— приказал Абди-ага.

— Они здесь! — крикнул Али.

Вдруг послышался женский голос.

— Мемед не убивайте! — закричал Абди-ага.— Поймайте и приведите ко мне. Я его своими руками... Я разделаю его своими руками. Не троньте на нем и волоска!

Мемед спрятался за кустом. Он сжимал в кармане рукоятку револьвера. Он не боялся никого и ничего.

— Не бойся! — успокаивал он Хатче.— Я тебя им не отдам.

Мемед поднялся на ноги.

— Сдаюсь, сдаюсь! — крикнул он преследователям, трусливо подходившим к нему.

— Постойте,— сказал Абди.— Я сам возьму эту собаку.

Люди отступили. Абди с женихом вышли вперед. Мемед стоял как вкопанный. В темноте еле вырисовывался его силуэт. Еще недавно Хромой радовался, что привел по следу. Сейчас, видя безвыходное положение, в котором оказались беглецы, он пришел в отчаяние. Так случалось с ним каждый раз. Али сел на пень и, обхватив руками голову, бормотал про себя: «Больше я этого делать не буду. Ни за что не буду. Несчастный Мемед!»

— Ну, неблагоприятная скотина,— начал Абди-ага.— Слушай, голодранец. Что это ты устроил? Подожди, приведу тебя в деревню... Знаешь, что я с тобой сделаю?

В этот момент послышался глухой щелчок спущенного курка. Но выстрела не последовало. Абди повернулся и с гневом крикнул:

— Разве я вам не говорил, чтобы вы его не трогали!..

Мемед не шевелился. Он был спокоен. Стоял и ждал, и только сильнее сжал в кармане рукоятку револьвера. Спокойно, словно собираясь достать портсигар, он вытащил револьвер и прицелился в Абди-агу. Раздалось два выстрела.

— Боже, я погиб! — вскрикнул Абди-ага. Падая, он повернул револьвер в сторону племянника и выстрелил в него три раза.

— Я погиб! — крикнул племянник и тоже упал на землю.

Мемед сунул револьвер в карман и с тем же хладнокровием произнес:

— Хатче здесь. Берегитесь, если хоть один волосок упадет с ее головы! А ты, — обернулся он к Хатче, — сейчас же возвращайся домой. Я приду за тобой. Мы уйдем куда-нибудь, где нас никто не найдет. Иди прямо домой. Они тебя не тронут.

Кто-то начал стрелять по тому месту, где недавно стояли беглецы. Мемед улыбнулся: стреляли в темноту.

К полуночи он вышел из лесу. Моросил дождь.

Х

Легкий, робкий стук в дверь. Тишина, и снова легкий стук. Женщина разбудила мужа:

— Вставай. Кто-то стучит.

Заспанный старик несколько раз пытался подняться, но каждый раз ронял голову на подушку. Опять стук, на этот раз более сильный.

— Вставай же, — теребила его жена. — Кто-то стучится.

Старик встал, покачиваясь и соня, подошел к двери.

— Кто там?

— Это я, — слышался хриплый голос. Потом кто-то откашлялся.

— Кто ты?

— Открой, тогда узнаешь...

Старик открыл дверь.

— Заходи, коли так, — пригласил он.

Незнакомец вошел, споткнувшись о порог. В доме было темно...

— Зажги-ка свет, — сказал старик жене. — Гость пришел.

Зажгли свет. Женщина подошла к ним. С гостя ручьями стекала вода. Одежда прилипла к телу. Старики с удивлением разглядывали его.

Женщина не могла отвести глаз. Стояла и смотрела. Смотрела ему в глаза, на волосы и не узнавала.

— Он кажется мне знакомым,— сказала она наконец.— Но не могу вспомнить.

Старик улыбнулся; он всегда улыбался.

— И мне,— сказал он.— И хоть глаза мои видят слабо, все же он кажется мне знакомым. Но и я не могу его припомнить.

Он положил руку на плечо пришельца и еще раз посмотрел ему в лицо.

— Лицо знакомое, а узнать не могу.

— Жена,— позвал он,— наш гость, наверное, озяб, он весь промок, разведи-ка поскорей огонь.— И повернувшись к гостю, сказал: — Ну рассказывай, кто ты? Лицо знакомо, но не узнаю.

— Дядя, я Тоший Мемед.

Сулейман крикнул жене, которая пошла за дровами на другую половину:

— Посмотри-ка, кто к нам пришел!.. Ты только посмотри!

— Кто это? — с волнением спросила жена.

— Наш Тоший Мемед! Возмужал... Молодец. На днях я вспоминал тебя. Что, думаю, случилось с парнем? Сердце мое чувствовало.

— Да-а, сынок,— подтвердила женщина,— последние дни Сулейман все время тебя вспоминал.

Сулейман сильно постарел. Брови его стали длиннее и, как белая бахрома, прикрывали глаза. Борода тоже отросла — она была, точно ворох хлопка. Вид у него был величественный.

Женщина принесла пару белья и положила перед Мемедом.

— Переоденься,— сказала она.— А то схватишь воспаление легких.

Мемед отошел в темный угол и переоделся. В рубашке и кальсонах он сел около очага.

— Ну? — начал Сулейман.

— Я очень соскучился по вас,— сказал Мемед.— Но что поделаешь! Много забот.

— Ты в «ту деревню» не ходил еще? — спросил Сулейман.

— Не удалось,— горько улыбнувшись, ответил Мемед, и в глазах у него замелькали далекие желтые огни.

— Ты ничего такого не подумай, но я хочу спросить, что это ты так поздно ночью пришел, Мемед?

— Я все расскажу тебе,— ответил Мемед.— Я пришел к тебе, надеясь, что ты поможешь моему горю. Я никого на свете, кроме тебя, не знаю. Кроме тебя, у меня нет никого, кто мог бы мне помочь.

— Ты озяб, сынок,— проговорила женщина.— Я дам тебе похлебки, поешь. Озяб ты.

Мемед держал в руках горячую миску с похлебкой и вспоминал, как несколько лет назад он сидел около этого очага такой же озябший и ел похлебку. Тогда он был один. Он боялся. Боялся всего. Жизнь казалась тогда беспросветным лесом. Ему было страшно. Сейчас он стал смелым. Он принял решение. Его представление о мире расширилось. Он познал радость свободы. Он совсем не раскаивается в совершенном...

— Вы посидите и поговорите, а я пойду прилягу,— сказала старуха.

— Ну рассказывай, Мемед,— сказал Сулейман, когда жена ушла.

— Я убил и Абди, и его племянника,— начал он.

— Когда?

— Сегодня, когда стемнело.

— Ты правду говоришь, Мемед? — недоверчиво спросил Сулейман.— По тебе не видно, что ты убил человека.

— Случилось, что поделаешь. Такова судьба!

И он все подробно рассказал Сулейману.

Уже начинали петь петухи, когда Мемед закончил свой рассказ.

— Пусть будут крепкими твои руки, сынок. Ты поступил правильно. А чем ты сейчас думаешь заняться?

— Во всяком случае, не пойду сдаваться властям. Уйду в горы.

— Поспи, завтра решим, что делать.

— Как бы меня здесь не схватили.

— Никому и в голову не придет. Кто подумает, что человек, совершивший убийство, станет укрываться в деревне под боком.

— Пожалуй,— согласился Мемед.

— Тебя будут разыскивать в дальних деревнях, в горах...— успокаивал Сулейман.

У стены стояли расшитые узорами мешки. Сулейман подозревал Мемеда:

— Иди-ка сюда, отодвинем эти мешки. На всякий случай приготовимся. Постелю тебе за этими мешками.

Они оттащили мешки и освободили ровно столько места, чтобы устроить Мемеду ложе.

— Ложись и спи хоть целый месяц. Никто и не заподозрит. Сейчас я накину на мешки попону. А ты ложись, спи.

Мемед ничего не ответил и лег.

Сулейман плотно прикрыл дверь и тоже лег. Жена уже спала. Сулейман разбудил ее.

— Я постелил Мемеду за мешками. Никому не говори, что он у нас,— ни невестке, ни сыну.

— Хорошо,— ответила она, опуская голову на подушку.

Мемед вспомнил Хатче. Перед его глазами всплыла скорчившаяся фигура Абди, когда тот падал. Абди-ага не ожидал выстрела.

Жених кричал, царапал руками землю, а затем рухнул, обливаясь кровью. И тут Мемед заметил незнакомого человека. Незнакомец сидел на пне и, обхватив руками голову, раскачивался из стороны в сторону. Было видно, что он чем-то сильно огорчен. Но чем? Мемед никак не мог этого понять. Кто он, этот человек?

Вскоре Мемед забылся. Голова его была ясной, словно он заново родился. Начало светать. И он заснул как ни в чем не бывало.

Утром Мемед проснулся радостный. То, чему суждено было случиться,— случилось. Когда он вспомнил прошлую ночь, в глазах его снова блеснул злой огонек.

— Послушай! — сказал Сулейман. — Я сегодня утром встал и прошел по деревне. Здесь уже известно об убийстве Абди. Может быть, и у нас тебя будут искать. Ночью мы поднимаемся в горы и разыщем разбойников.

Мемед обрадовался.

— Шалый Дурду доводится нам родственником,— продолжал Сулейман. — Много хорошего видел он от меня. Он тебя сбережет. Больше трех месяцев не оставайся у него. Это собака. Он недолго продержится в горах. В один прекрасный день его убьют. Такой разбойник, как он, больше года не продержится в горах. Но теперь он тебе поможет. Он недолго протянет. Ты присмотришься и постарайся от него отойти. К тому же за два-три месяца наберешься опыта. Затем ты соберешь свой отряд. Смотри! Повторяю тебе еще раз, не связывайся надолго с этой собакой. Он не

разбойник *, а грабитель, вор... Если бы не ты, я бы в лицо никогда не посмотрел этой собаке. С другой стороны, Шалый Дурду — хороший малый. Его испортили крестьяне. Однажды он пришел в гости в свою деревню, крестьяне его накормили до отвала, а потом выдали жандармам. Он с трудом спасся. После этого он стал совсем другим. Но что бы там ни было... Оставайся месяц-другой у него в отряде.

— А большой отряд у Шалого Дурду?

— Сколько есть в этих краях собак — все у него; все, кому удалось спастись от веревки, от тюрьмы, — все у него. Сын мой Мемед, я тебе дам несколько советов, запомни их хорошенько. Ты еще молод. Со временем возмужаешь. Долго ли ты пробудешь в горах, одному аллаху известно. Слушай внимательно. Думаю, что тебе пригодятся мои советы. Долго жил я среди разбойников. Я знаю эту жизнь. Я знаю участь почти всех. Как прибудешь в отряд, не раскрывай свою душу перед каждым. Многие сразу захотят стать с тобой на короткую ногу, покажутся тебе хорошими и добрыми приятелями, будут внимательны к тебе, захотят поделиться с тобою своими горестями. Такие уж это люди. Но ты себя не открывай, не болтай лишнего. Тогда ты им понравишься. Держи себя серьезно. Пользоваться уважением у разбойников — это самое главное. Да, делай, как я тебе говорю, не раскрывай свою душу каждому. Как только они найдут у тебя слабую струнку, до самой смерти не отстанут. И уважать не будут ни на грош. В свое время ты сам всех хорошо узнаешь. Суди о людях не по словам, а по делам! Выбери человека, с которым ты можешь подружиться. Знай, день, когда ты отдашь им в руки конец веревки, — начало твоего падения. Между горами и тюрьмой нет никакой разницы. И тут и там есть вожаки и рабы. И какие низкие рабы! Вожак живет, как люди, остальные — как собаки... Ты будешь вожаком. Но не поступай с другими, как с рабами. Пусть это будет для тебя путеводной звездой в жизни. Как только мы прибудем, Шалый Дурду даст тебе маузер. Со временем ты достанешь себе и другое оружие. Я сейчас схожу в одно место и узнаю, где бродит Шалый Дурду.

Один из крестьян укрывал Шалого Дурду, когда тот

---

* Речь идет о «благородном разбойнике» — бунтаре, так называемом «эшкия» (подробно об «эшкия» см. Предисловие). — *Прим. ред.*

приходил в деревню. Сулейман пошел к нему и узнал, где скрывался его отряд.

Дурду был из деревни Аксёгут, находившейся напротив Кесме. Сулейман знал его еще с детства. Он был непослушным ребенком. Отец Дурду ушел на войну и не вернулся. Так как они были дальними родственниками, Сулейман помогал Дурду и его матери. Однажды они голодали, он спас их от смерти.

Вот уже пять лет Дурду в горах. Он все сжигал и все разрушал. Много слез пролили из-за него крестьяне. Никто не мог свободно проехать по дороге. У тех, кто попался ему в руки, он отбирал все, раздевал догола. Шалый Дурду не знал, что такое дружба и товарищество. Он не слушал ни брата, ни отца, ни матери. Вот почему Сулейман боялся за Мемеда. Взбредет Дурду что-нибудь в голову, и он может убить парня.

— Я узнал, где сейчас эта бешеная собака,— сказал Сулейман Мемеду.— На холме Думан. Мы поднимемся на этот холм и три раза выстрелим. Придут люди Дурду и проведут нас. Я не очень-то полагаюсь на этого сумасшедшего... Ну что ж... Он меня уважает. Если бы в этих краях был другой отряд... Да нет...

Когда зашло солнце, они двинулись в путь. Впереди шел Сулейман, за ним Мемед.

— Послушай, Мемед,— начал Сулейман, когда они вышли из деревни.— Когда станешь разбойником, смотри не нападай на мой дом.

— Я прежде всего ограблю ваш дом. Это дело чести для разбойника. Или я не из отряда Шалого Дурду?

— Вот-вот! — рассмеялся Сулейман.

— А что, разве неправда? — спросил Мемед.

— Мемед,— сказал, изменившись в лице Сулейман,— если бы ты сделал плохое дело, убил кого-нибудь — не Абди-агу,— я бы собственными руками выдал тебя властям.

— Безвинного я и сам не убил бы,— ответил Мемед.

Сулейман остановился, схватил Мемеда за ворот рубахи и притянул к себе. Посмотрел ему в глаза.

— Послушай меня, сын мой Мемед! Если ты убьешь невинного человека, человека с малой виной или из-за денег, то я задушу тебя вот этими руками.

— Я больше не буду убивать людей,— спокойно ответил Мемед.

Сулейман не отпускал Мемеда.

— Если ты встретишь еще одного Абди-агу и не убьешь его, то и тогда я задушю тебя. Если ты встретишь сто таких людей, как Абди, убей их всех...

Мемед улыбнулся.

— Даю тебе слово,— сказал он.— Если я встречу сто таких людей, то всех до одного отправлю на тот свет...

Утром дождь перестал. Равнина превратилась в сплошное месиво грязи. Но они уже взбирались на гору. Мелкие камешки выскальзывали из-под ног. В воздухе пахло гнилым деревом, горькими цветами и травой. На небе горели яркие звезды. Вокруг каждой звезды — светлый ореол... Пела какая-то птица. Пение ее походило на блеяние козленка. Поднявшись еще немного, слышали горлицу. Наконец они достигли вершины горы.

— Тоший Мемед, вытащи револьвер и выстрели три раза! — сказал Сулейман и присел на землю, чтобы перевести дыхание. Ему было трудно дышать.

— О-о-о! — вздохнул он.— О-о-о, старость... Эх, молодость!

Мемед выстрелил три раза в воздух.

Издалека, отражаясь в скалах, долетело эхо выстрела.

— Ах, колени мои,— крикнул, вставая, Сулейман.— Идем, сынок, прямо туда.

Мемед взял Сулеймана под руку. Вдруг совсем рядом раздался выстрел. Они остановились.

— Щенки, вы что, собираетесь меня убить? — закричал Сулейман.

— Кто здесь? — загремел молодой голос.

— Отведи нас к Шалому,— сказал Сулейман.

Справа, из-за скалы, вышел человек.

— Это вы стреляли? — спросил он.

— Мы,— громко ответил Сулейман.— Где Шалый? Веди меня к Шалому.

— Как мне сказать о вас Дурду-аге? — немного растерянно спросил человек.

— Скажи, дядя Сулейман из деревни Кесме.

— Извини, дядя Сулейман, я тебя не узнал по голосу.

— Старость, сынок,— ответил Сулейман.— Она и голос меняет. А ты кто будешь? И я тебя не узнал.

— Я — Джаббар, сын Мустука, из деревни Караджа-орен. Помнишь, мы с отцом заказывали у тебя седла? Ты нам и седла сделал и песню спел.

— Удивительно! — сказал Сулейман. — И ты стал разбойником? А я ничего и не слышал.

— Случилось однажды... — ответил Джаббар и крикнул Дурду: — Это дядя Сулейман из деревни Кесме...

Ударяясь о скалы, звук его голоса рассеялся.

Перед большой расщелиной в скале, напоминающей грот, горел костер. Человек семь-восемь стояли около костра и чистили оружие. Скала возвышалась над ними, как тополь. Огромные языки пламени чертили на ней страшные узоры. Когда Мемед увидел эту скалу, людей, оружие и огонь, душу его охватила тоска.

В темноте слышались шаги; человек, сидевший вместе с другими у костра, встал. Он был очень высокого роста. Его огромная тень заслонила длинные двигающиеся отсветы на скале. Человек шел прямо к ним.

— Это Шалый? — спросил Сулейман.

— Он, — подтвердил Джаббар. — Дурду-ага!..

— Добро пожаловать, дядя Сулейман! — закричал Дурду. Голос его гремел, как колокол. — Почему в такое позднее время? Ты что, хочешь в наш отряд?

Он взял руку Сулеймана и поцеловал ее.

— Послушай, Шалый, — сказал Сулейман, — я слышал, что ты стал падишахом здесь в горах. Делаешь все, что тебе вздумается.

— Стал, дядя Сулейман. Клянусь богом, я по нижней дороге не буду больше пропускать людей. Скоро закрою здесь проезд. Больше человеческая нога не ступит на эту землю. По всем дорогам до самого Мараша харадж * буду собирать я. Еще узнают в Аксёгюте, кто такой Шалый Дурду!..

— Ты опять начал болтать вздор, — сказал Сулейман.

— Если меня еще когда-нибудь разозлят, я сожгу и разгромлю эту деревню, сровню с землей.

— Брось эти разговоры, Шалый! — сказал Сулейман.

— Тогда ты ничего не знаешь обо мне, — с сожалением проговорил Дурду, — ничего не знаешь!

— Все знаю, — сказал Сулейман. — Знаю, недостойный. Ты опозорил имя разбойника.

— Пройдет несколько лет, и я разбогатею. Увидишь тогда, как нужно разбойничать.

---

* Х а р а д ж — налог, взимаемый с немусульманского населения, освобожденного от военной службы. — *Прим. перев.*

— К тому времени я умру,— сказал Сулейман.— Я не увижу, каким ты будешь. А пока что о тебе идет слава, как о грабителе.

— Вот ты увидишь, увидишь,— говорил Шалый Дурду. Сулейман рассердился.

— Если так пойдет дальше, тебя убьют, и я увижу только твою смерть. Жаль твою молодость. Ты знаешь, Шалый, ведь я тебя люблю!

— Думаешь, я не знаю, что ты меня любишь? — сказал Дурду.— Спроси у моих товарищей, я каждый день им говорю: «Если корень мой от аллаха, то плоть моя от Сулеймана». — И обратившись к товарищам, спросил: — Ведь так, ребята?

— Так, так,— слышались голоса.

— Я никогда не хотел, чтобы ты стал разбойником. Скажи, почему ты ушел в горы? Из тщеславия? Нельзя так, Дурду. Это безумие.

— Садись пока, дядя Сулейман,— пригласил Дурду,— садись и попей чайку.

Сулейман сел, положив руки на колени.

— Так и промчится молодость,— сказал он.— Сучьи дети! Сгноите вы свою молодость в горах!

Затем он посмотрел на Дурду и улыбнулся:

— Ты знаешь себе цену. Где это ты нашел майоран? *

Вокруг костра на площадке величиной с деревенский ток был разложен майоран. Разбойники устроили из него ложе, мягкое, как тюфяк. В воздухе витал нежный, дурманящий аромат майорана.

— Благодаря тебе находим, дядя,— важно сказал Дурду.— Все в этих горах — наше.

— Ах, Шалый! — рассмеялся Сулейман.— Значит, ты и на поля с майораном достал купчую?..

Мемед внимательно присматривался ко всему. Разбойники были в красных фесках **. В горах был обычай носить красные фески. Красная феска — отличительный знак разбойника. Никто не видел разбойников в кепках или фуражках. В горах не знали, кто придумал феску. Не знали также, кто первый начал носить ее после введения шапок.

---

* Майоран — многолетний кустарник с пахучими листьями и семенами. — *Прим. персв.*

** Феска — головной убор в Османской империи. После кемалистской революции ношение фески было запрещено, так как она являлась символом приверженности старому режиму. — *Прим. персв.*

Может быть, в то время в горах были разбойники, они не захотели расстаться с феской. С тех пор каждый, кто уходил в горы, надевал феску.

Сулейман сидел у костра, а к нему по очереди подходили разбойники, говорили «Добро пожаловать!» и целовали руку. Они с любопытством смотрели на Мемеда. Мемед сидел за спиной Сулеймана; он казался совсем маленьким.

— Вы хотите спросить, кто этот мальчик? Его зовут Тоший Мемед. Он убил человека. Я привел его к вам,— представил Сулейман Мемеда, который втянул голову в плечи и от этого стал еще меньше.

Дурду посмотрел на мальчика, потом на Сулеймана.

— Ты его привел к нам? — удивленно спросил он.

— Если примете... Не примете, будет бродить один.

— Примем, раз уж ты его привел, дядя Сулейман...

Дурду достал из сумки феску и кинул ее Мемеду. Тот, не поднимая головы, поймал ее на лету.

— На, храбрец, носи! Это моя старая феска, сейчас нет другой. Потом найдем получше,— сказал Дурду и, повернувшись к Сулейману, улыбнулся из-под усов: — Очень молод парень.

Это рассердило Сулеймана.

— Очень молод, а уложил сорокалетнего Абди-агу,— ответил Сулейман.— Этот осел не показывается в горах, боится ограбят.

— Абди-агу? — с ужасом спросил Дурду.— Абди-агу? Мать его!..

— Ну что ты твердишь одно и то же?

Дурду недоверчиво посмотрел на Мемеда.

— Да у тебя и ружья нет, братец,— сказал он.— Здорово ты рассчитался с Абди-агой. Ловкие у тебя руки. Он высасывал кровь из пяти деревень. Точно пиявка...— Джаббар,— обратился он к проводнику.— Помнишь, в последний налет мы захватили винтовку, а потом зарыли. Пойди откопай и принеси сюда. Захвати также пару подсумков и патроны.

И все-таки Дурду не верилось, что такой юный, щупленький паренек мог убить Абди-агу. Поэтому он продолжал смотреть на Мемеда с подозрением.

— Не только Абди-агу, но и его племянника,— добавил Сулейман, заметив его взгляд.— Понял, Дурду?

— Значит, и племянника вместе с ним?! — еще более удивляясь, воскликнул Дурду. — Здорово!..

Мемед весь съежился; казалось, он сильно озяб.

Им принесли в тонких стаканах горячий чай.

Сулейман с отцовской нежностью наклонился над Мемедом:

— Начинается жизнь разбойника, держись, Тоший Мемед!

В костер подбросили дров. Огонь постепенно разгорался. И чем теплее становилось вокруг, тем острее чувствовался аромат майорана. От света костра звезды на небе становились все мельче; они казались булавочными головками.

— Не бойся, дядя Сулейман. Пока Дурду жив, с парнем ничего не случится, — сказал Дурду.

Сулейман сочувственно оглядел Дурду с ног до головы.

— Ты, Дурду, сам ищешь смерти.

— Почему, дядя? — улыбаясь, спросил Дурду.

— Настоящий разбойник никогда не развеет на вершине горы такого огня. Замечай у врага даже муравья, не относись к мелочам с презрением. Поступать так — значит явно идти навстречу смерти, — поучал Сулейман.

В ответ на это Дурду громко рассмеялся:

— Э, брось, дядя! Кто здесь бывает? Кто увидит?

— Один раз не увидят, второй раз не увидят... А потом, как саранча...

— Никто не увидит, дядя. А если и увидят?.. Разве жандармы осмелятся пойти на Шалого Дурду? Ты еще не знаешь Шалого Дурду! Ведь Шалый Дурду — орел. Кто в этих горах осмелится забрести в его владения?

— Увидим, — сказал Сулейман.

Желая переменить тему разговора, Дурду обратился к Мемеду:

— Когда ты стрелял в Абди-агу, у тебя не дрожала рука?

— Нет. Совсем не дрожала.

— Куда ты целился?

— В грудь... Прямо туда, где сердце...

Необъяснимое чувство одиночества охватило Мемеда. Все вокруг слилось в одно пятно. Сердце его никак не принимало этого Шалого Дурду. Может быть, это и было причиной странного чувства одиночества?

Костер догорал. Лица разбойников, чистивших оружие, растворились в темноте. Тени на скалах стали больше, затем исчезли. Поднявшийся ветер клонил языки пламени в сторону запада. Взгляд Мемеда случайно упал на Сулеймана. Сулейман был весел. Лицо его с белой бородой менялось в отсветах пламени. Мемед подумал, что Сулейман очень верит в него. Тоска немного улеглась. Ему вдруг страшно захотелось спать. Он повалился на землю.

— Ребята, я тоже здесь прилягу. Наш мальчик заснул,— сказал Сулейман.

— У меня есть приличная солдатская шинель, накрой-тесь ею, дядюшка...

— Давай,— отозвался Сулейман.

Он укрыл одной полой Мемеда, а другую натянул на себя.

Вскоре заснули и разбойники. Не спал лишь дозорный на выступе скалы.

До восхода солнца было еще далеко. В предрассветной мгле Мемед увидел спящих возле костра разбойников. Мемед огляделся по сторонам, ища часового,— его не было. Храп стоял такой, что страшно было подойти. Обычно храпят люди, у которых беспокойно на душе. Это правда. Несколько дней назад в душу Мемеда впервые закрался страх. Вот и теперь ему стало страшно. Ведь если бы сейчас откуда-нибудь появились два человека, всего два, они бы в одно мгновение расправились с этими спящими людьми.

Мемед зарядил ружье и решил идти в дозор.

Первым проснулся Дурду, за ним — остальные. Последним открыл глаза Сулейман.

— Часовой! — крикнул Дурду, протирая глаза.

— Здесь,— ответил Мемед и сбежал со скалы.— За прошедшую ночь происшествий не было,— четко отработал он.

— Это ты, Тоший Мемед? — изумился Дурду.— Разве ты часовой?

— Да.

— Ты только пришел,— сказал Дурду.— Успеешь еще.

— Мне не хотелось спать,— сказал Мемед,— вот я и сменил товарища...

— Бывает... Первую неделю человеку не спится в горах. Он не находит себе места. Чувствует себя одиноким,— сказал Дурду.

— Поглядите-ка на нашего Шалого, осмотрелся наконец! И чего только не знает? — пошутил сонный Сулейман.

— Послушай, дядюшка Сулейман, — сказал Дурду. — Ты же мне ничего не говоришь путного. Что будет со мною дальше?

Постепенно рассвело. Солнце еще не показалось; вершина противоположной горы уже порозовела, но остальная ее часть по-прежнему была темной. Солнце сползало по склону все ниже и ниже. Наконец оно показалось из-за горы.

Сулейман ничего не ответил на вопрос Дурду.

— Будьте здоровы! — сказал он, поцеловал Мемед в лоб и пошел.

Дурду догнал его.

— Попей чайку, дядюшка Сулейман, тогда и пойдешь. Без чая не отпускаю.

— Да умножатся блага твои, — сказал Сулейман.

Дурду схватил его за рукав.

— Без чая, клянусь, не отпускаю! Раз в тысячу лет подниматься в горы... и уйти без чая!..

«От этого Шалого не отделаешься», — подумал Сулейман и сказал вслух:

— Ну что ж, вернемся...

— Разведите большой огонь! — приказал Дурду.

— Дым и сейчас виден, — заметил Сулейман Дурду.

— Что же еще делать, как не разжигать костры? Чем мне еще заняться, научи?

— Сынок, я тебя ничему не буду учить. Ты сам должен всему научиться.

Шалый Дурду задумался и покачал головой. Из-под фески на лоб выбились черные вьющиеся волосы.

Сулейман продолжал:

— Ты не должен притеснять бедных. С несправедливыми и плохими людьми делай все что хочешь. Не надейся только на свою смелость. Работай и башкой. А то погибнешь. Здесь горы; а горы — как железная клетка.

Чай вскипел быстро. Первому подали Сулейману. В утренней прохладе из тонкого стакана шел пар.

— Мемед может вам помочь, — сказал, прощаясь, Сулейман. — Обращайтесь с ним хорошо. Не обижайте. Дайте осмотреться. Через несколько дней он привыкнет.

Старик ушел. Согнувшись, с палкой в руках, он начал спускаться с горы быстро, как молодой. Мемед почувство-

вал, как глаза его наполнились слезами. «Кто знает, увижу ли его еще...— подумал он.— Есть же на свете такие хорошие люди!»

Солнце грело вовсю. Дурду сидел на камне. Он подождал к себе Мемед.

— А ну-ка, Тоший Мемед, попробуй это новое ружье! Ты когда-нибудь стрелял из такого ружья?

— Несколько раз.

— Вон видишь на той скале белое пятно...

— Да.

— Целься в него...

Мемед прижал приклад к плечу, прицелился и выстрелил.

— Не попал! — объявил Дурду.

— Как это получилось? — с досадой сказал Мемед.— Как же это получилось!..

— Почему я знаю,— пожал плечами Дурду.— Не попал — и все.

Мемед кусал губы. На этот раз он хорошенько прижал приклад к плечу, прицелился, спустил курок.

— Вот теперь попал,— сказал Дурду.— Прямо в середину.

Из середины белого пятна на скале поднималась легкая пыль.

— Но почему я в первый раз не попал? — спрашивал себя Мемед.

— А ты бьешь без промаху? — спросил Дурду.

— Не знаю,— улыбнувшись, ответил Мемед.

Длинное лицо Дурду еще больше вытянулось. Он был молод, но все лицо у него — в морщинах. Рот большой, губы тонкие. На правой щеке длинный след ожога. Острый подбородок казался очень сильным. Дурду постоянно улыбался, и в улыбке его была скрыта какая-то горечь.

— Тоший Мемед, в тебе что-то есть...

Застенчивое, как у ребенка, лицо Тощего Мемед по-краснело. Он потупил взгляд.

Снизу три раза свистнули. Все насторожились.

— Вестовой идет,— доложил Джаббар.

Вскоре прибежал запыхавшийся вестовой.

— Снизу, с равнины Чанаклы, в сторону Акйола едут пять всадников,— сказал он, с трудом переводя дыхание.— Все хорошо одеты... Видно, люди с деньгами.

— Приготовиться. Пусть каждый возьмет побольше патронов,— приказал Дурду своим людям, которые бросились к оружию.— Шалый Дурду разорит еще несколько очагов.

Затем крикнул, обращаясь к Мемеду:

— Смотри, Тощий Мемед!

Дурду прицелился в белое пятно. Скалу заволокло пылью. Когда она рассеялась, Дурду весело воскликнул:

— Ну как?

— Прямо в середину...

— Ах вот как: в середину,— улыбнулся Дурду и подмигнул Мемеду: — Тощий Мемед, это твоя первая вылазка. Держись!

Мемед ничего не ответил.

— Ну, все готовы? — спросил Дурду.

— Все,— раздалось в ответ.

Было уже около полудня, когда они спустились на дорогу, проходившую через густой дубовый лес. Все залегли на расстоянии полусотни шагов друг от друга. Далеко вперед выставили наблюдателя.

Вскоре на дороге показался старик. Впереди себя он гнал серого осла, у которого от слабости заплетались ноги. У старика была спутанная грязновато-белая борода и длинные усы, за которыми скрывался рот. Желтые от табака концы усов видны были издали. Уголки глаз изрыты морщинами. Его большие грязные ноги торчали из заплатанных штанов. Он с трудом передвигался по пыльной дороге и что-то напевал. До разбойников долетали слова песни:

Струя смолы по дереву течет,
Жених глядит и глаз не отведет.
Уж груди смуглые твои созрели,
И аромат их сладок, точно мед.

Твоих кудрей и ночи не затмить,
А эти брови тонкие, как нить.
Пускай наймет меня отец твой старый
За пазухой гранаты сторожить.

— Сдавайся! — крикнул Дурду.— Стрелять буду.
Песня оборвалась. Старик застыл на месте.

— Сдаюсь, сынок, сдаюсь. А что случилось?

Шалый Дурду выскочил из своего укрытия на дорогу:

— Раздевайся!

Старик остолбенел:

— Что мне снимать, ага?

— Все, что на тебе...— сказал Дурду.

— Не шути, ради бога,— улыбнулся старик.— На что тебе мое тряпье? Отпусти меня, и я пойду. Я очень устал. Ноги так болят, что я вот-вот упаду. Отпусти меня, дорогой ага...

— Да ты раздевайся, раздевайся поскорее,— торопил Дурду, хмурия брови.

Старик недоверчиво смотрел в глаза Дурду, заискивающе улыбаясь, словно собака при виде злого хозяина, и не мог понять, шутят с ним или говорят серьезно.

— Поскорей, не заставляй так долго ждать,— резко сказал Дурду.

Старик улыбался, все еще ничего не понимая. Дурду нахмурил брови и пнул его ногой. Старик закричал от боли.

— Снимай, говорю тебе, снимай!

Старик начал умолять.

— Паша-эфенди... ноги твои поцелую... руки твои буду целовать. Ведь мне нечего больше надеть... Я останусь совсем голым, в чем мать родила...

Он сунул в рот указательный палец, обсосал его и вытащил:

— Вот таким голым... Кроме этого, у меня нет ничего, паша-эфенди. Руки твои поцелую... И ноги... Не отбирай мою одежду... Ты великий паша-эфенди, что ты будешь делать с моими лохмотьями? Руки твои поцелую...

— Снимай, сукин сын, говорят тебе,— настаивал Дурду.— Заладил: «Паша-эфенди! Паша-эфенди!»

Старик продолжал умолять. Потом заплакал.

— Я пять месяцев был на чужбине, возвращаюсь с Чукуровы... Я возвращаюсь с работы.

— Значит, у тебя есть деньги? — перебил его Дурду.

Старик плакал, как ребенок, то и дело шмыгая носом.

— Пять месяцев я мучился на чужбине... Мухи на Чукурове заели меня...

— Значит, у тебя есть деньги? — снова спросил Дурду.

— Немного есть,— отвечал он.— Я, такой старый, работал на рисовых полях. По колено в воде. Я там чуть не умер. Сейчас иду домой. Не делай этого, эфенди. Не дай мне голым прийти к моим детям.

— Так еще лучше. Снимай, снимай! — разозлившись, кричал Дурду.

Старик переступал с ноги на ногу, не желая расставаться со своими лохмотьями. Дурду вытащил кинжал, который блеснул на солнце, и острием его кольнул старика. Тот подпрыгнул.

— Не убивай меня,— взмолился старик.— Я хочу увидеть своих детей. Сейчас разденусь. Возьми мою одежду.

Не вылезая из укрытий, разбойники смеялись. Только Мемед молчал. В глазах его снова вспыхнул огонек, как у разъяренного тигра. Сейчас он ненавидел Шалого Дурду.

Старик начал торопливо снимать пиджак, потом штаны. Он был напуган, руки его тряслись.

— То-то,— приговаривал Дурду.— Вот так... Надоело ждать тебя.

Старик дрожащими руками сложил одежду на землю.

— Снимай кальсоны и рубаху тоже! — закричал Дурду и снова кольнул его кинжалом.

Старик, дрожа всем телом, стал снимать рубаху.

— Хорошо, ага, я все снимаю. Не убивай меня, паша.

Он снял рубашку и положил ее на одежду. Минтана на нем не было. Сгорбившись, он умоляюще посмотрел на Дурду.

— Ну, живо! Чего смотришь? Снимай кальсоны!

У старика так дрожали руки, что он с трудом снял кальсоны. Прикрыв низ живота руками, он засеменял к ослу, который пощипывал травку на обочине дороги. Схватив осла за недоуздок, старик потянул его по дороге. На волосатых, тонких, как спички, ногах старика выпирали твердые желваки. Запавший живот был сморщен, как и вся кожа на всем теле. Грудь его обросла седыми волосами. Он был весь в соломенной трухе. На спине горб. По телу, красному от расчесов, ползали насекомые. Когда старик проходил мимо Мемеда, юноша задрожал от гнева.

Разбойники смеялись над стариком, который медленно удалялся, прикрываясь руками. Через каждые пять-десять шагов он оборачивался и с тоской и страхом смотрел на свою одежду. Пройдет, остановится и снова смотрит.

Прибежал наблюдатель.

— Едут! — закричал он.

— Всадники едут! — подхватил Дурду.

— Эй! Забирай свое барахло! — крикнул он старику.— Наша добыча едет. Тебе повезло...

Старик с неожиданной для него ловкостью бросился к грязной куче своих лохмотьев, схватил их и быстро побежал за ослом.

Лицо Мемеда потемнело, руки дрожали. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не разрядить ружье в голову Дурду.

На этот раз Дурду закричал еще громче:

— Сдавайтесь!

Пять всадников сразу остановили лошадей.

— Если сделаете еще хоть один шаг, буду стрелять.

Дурду повернулся к сидевшим в укрытии разбойникам:

— Я подойду к ним. Если будут сопротивляться, открывайте огонь со всех сторон.

Слегка покачиваясь, как ни в чем не бывало, он подошел к всадникам:

— Слезайте с лошадей!

Всадники молча спешили. Они были хорошо одеты. Двое походили на горожан. С ними был юноша лет семнадцати. Сбруя на лошадях, отделанная серебром, блестела.

Дурду крикнул своим:

— Трое, ко мне!..

Юноша громко заплакал.

— Не убивайте меня! — молил он. — Берите все что хотите. Только не убивайте!..

— Храбрец, ты сначала разденешься, останешься в чем мать родила, а тогда сможешь уйти.

— Правда?.. Вы меня не убьете? — обрадованно закричал юноша. — Значит, не убьете? — повторял он, быстро раздеваясь.

В одно мгновение мальчик снял с себя одежду и белье и отдал Дурду.

— Бери!..

Остальные, не проронив ни слова, тоже быстро разделись. На них оставались только кальсоны.

— Снимайте и кальсоны, господа, — сказал Дурду. — Самое главное для меня — кальсоны.

Все безропотно сняли кальсоны и, прикрывая руками наготу, двинулись по дороге. Отобрали все — лошадей, одежду, все до нитки.

Дурду со своими людьми повернул в горы.

— Тебе повезло, парень, — говорил Дурду Мемеду, поднимаясь в гору. — Сегодня у нас хорошая добыча. — Тысячи на полторы лир. Лошади, одежда, вещи... Одежда

мальчишки будет тебе впору. Она совсем новая. Как он кричал, этот сукин сын! Какой нежный!..

Когда они добрались до своего убежища в скале, Дурду соскочил с лошади и тотчас заставил Мемеда надеть одежду мальчика.

— Как тебе хорошо подошла одежда этого сукина сына...— сказал он, глядя на Мемеда.— Ты стал похож на школьника...

Чужая одежда душила Мемеда. Он чувствовал себя в ней каким-то униженным, подавленным.

Он не находил себе места, не знал, чем заняться. Неожиданно Мемед задал Дурду вопрос, который мучил его всю дорогу:

— Мы все у них отобрали. Хорошо! А зачем отобрали кальсоны? Это я не могу понять!..

Спросив это, Мемед почувствовал облегчение и даже забыл на миг, что на нем чужая одежда.

Дурду рассмеялся:

— Кальсоны мы отбираем во славу нашего края! Ни один разбойник, кроме Шалого Дурду, не отнимает кальсоны. Пусть все знают, что их раздел Шалый Дурду...

XI

После дождя наступила жара. Воздух был влажный и душный. Грязный, окровавленный труп Вели лежал на войлочной подстилке во дворе Абди-аги; мокрая одежда прилипла к телу. Большие зеленые мухи, блестящие на солнце, кружились над покойником; он лежал в жалком одиночестве. Восковые руки беспомощно свисали по сторонам.

Абди-ага был ранен в левое плечо. Пробив плечо, пуля застряла под лопаткой. Вторая пуля, не задев кость, пробила навывлет левую ногу. Деревенский лекарь еще в лесу наложил повязки на раны аги. Поэтому ага не потерял много крови. Только пуля под лопаткой причиняла сильную боль.

У аги было два сына, четырнадцати и шестнадцати лет. Сыновья созвали всех родственников, верных Абди людей, батраков. Сидя у изголовья, все ждали, когда он заговорит. Но ага только слабо стонал. Его жены тихо плакали.

Вдруг Абди-ага открыл глаза и спросил:

— Что с моим племянником? Где мой Вели?

Женщины что-то пробормотали сквозь слезы.

— Так что же? — переспросил Абди-ага.

— Была бы цела твоя голова, — ответил кто-то из крестьян. — Хранит тебя господь, наш Абди-ага.

— А что с тем окайнным? — спросил, блеснув глазами, Абди-ага.

— Упустили.

— А что с той потаскухой, которую называют девушкой?

— Схватили и привели.

Абди-ага закрыл глаза и, положив голову на подушку, снова застонал. Потом открыл глаза и спросил:

— Ее, конечно, не били?

— Нет, не тронули.

— Это хорошо. Даже пальцем не тронули?

— Не притронулись.

— Очень хорошо...

Все знали, что если Абди-ага не изобьет крестьянина за провинность, значит приготовит для него что-нибудь очень неприятное. До конца своей жизни этот человек будет искупать свою вину. Крестьяне, которые считали, что они провинились перед Абди-агой, приходили, садились перед ним и не вставали, пока он их не избивал палкой — только тогда он забывал их проступок.

Абди опять закрыл глаза. Лицо его пожелтело и вытянулось. Когда он снова открыл глаза, на лице промелькнула еле заметная вспышка радости. Он спросил:

— Кто ходил со мной в лес, все здесь?

— Нет Хромого Али и Рюстема.

— Тотчас найдите их и приведите сюда, — приказал Абди-ага.

Через некоторое время двор наполнился женским плачем. Пришли мать и отец Вели, соседи. Мать, припав к сыну, начала целовать его окровавленное, запачканное грязью лицо. Отец сидел рядом, приложив руку к виску. Мать с большим трудом оторвали от тела сына и отвели в сторону. Обессиленный от горя отец, не поднимая головы, медленно встал. Он был высокого роста, худой, с продолговатым лицом и широким лбом. На нем был вышитый минтан и полосатые штаны из хлопчатобумажной ткани. На ногах — чарыки из сыромятной кожи, на которой еще не вытерлась щетина. Он застыл в растерянности, беспомощно опустив руки вдоль длинного тела. Лицо

выражало безутешное горе. Он не мог даже взглянуть на тело сына.

К нему подошел крестьянин, взял его под руку и повел к Абди-аге. Абди-ага покачал головой:

— Горе.

Отец Вели не выдержал и высказал все, что у него было на душе:

— Горе, горе... Это не называют горем, Абди-ага. Это не горе. Если много раз бить кошку, собаку, в первый раз она испугается, во второй испугается, а уж в третий раз соберется с силами и разорвет тебя на куски... Человека не следует так часто бить. Вот видишь, они взяли да и удрали... Да покарает их аллах! Будь они прокляты!..

Он утих, им овладела прежняя слабость. Трудно было поверить, что минуту назад он разговаривал, двигался. Он застыл на месте, как камень.

Скрипнув зубами, ага сказал:

— Если бы я знал, что он осмелится стрелять... Если бы я знал! Вот увидишь, что я с ними сделаю. Этот проклятый со своей потаскухой тысячу раз сами будут искать смерти. Тысячу раз!.. Я заставлю их ее искать... Не надо было Вели брать с собой... Я привяжу их к дереву и подожгу. Вот пусть только попадется... Погоню отправили?

— Еще вечером.

— А в полицейский участок послали кого-нибудь?

— С вечера послали.

— Жандармы еще не пришли?

— Только к вечеру прибудут. Властям сообщили, они ждут, пока приедут следователь и доктор...

— Без доктора не обойтись. Покуда они не приехали, пусть придут все, кто был со мной в лесу. Только чтобы все были...

Кто-то подошел и сказал:

— Хромой Али и Рюстем во дворе.

— Значит, все?

— Все.

— Подойдите ко мне. Всем остальным выйти из комнаты. Чтобы не было никого лишнего...— властно сказал Абди-ага.

Отец убитого поднялся и медленно вышел из комнаты, даже не взглянув на Абди-агу. За ним последовали остальные.

Вокруг аги собрались все, кто был с ним в лесу. Лица взволнованны. Они знали, что Абди-ага будет их учить, как давать показания. Всякий раз, когда дело доходило до властей, никто не мог сказать от себя ни слова. Абди-ага заранее вызывал к себе и заставлял заучивать ответы. После этого допрашиваемые представляли перед чиновником и отвечали, как им велел ага. И если у них спрашивали сверх заученного, они отделывались ответом: «Больше ничего не знаю». О чем бы ни спрашивали, ответ был один — «не знаю».

Абди-ага испытующе оглядел присутствующих. Они были бледны. Он опустил глаза. Некоторое время в комнате царил молчание. Потом ага снова поднял голову и опять пронизывающим взглядом осмотрел каждого. Губы его слегка зашевелились.

— Слушайте меня, братцы,— начал он слабым голосом.— Сначала руку положите вот так, на сердце... Положили? А теперь подумайте... Что бы вы сделали, если бы к вам в дом ворвалась благодетельствованная вами собака и загрызла ваших детей? А ну-ка отвечайте... Не забывайте, что рука ваша лежит на сердце...

Снова пристальный взгляд его прощупал каждого.

— Ну, отвечайте. Что бы вы с ней сделали? — допытывался ага, окидывая всех быстрым взглядом.— Как бы вы поступили в таком случае?

Послышался шепот:

— Получила бы по заслугам.

Выпучив глаза, Абди-ага попросил повторить:

— А именно?

— Ты знаешь, ага.

Абди-ага, услышав это, как бы в подтверждение сказал:

— Так вот, братья, моя собака загрызла моего сына. Загрызла моего сына, искусила меня. Собака удрала. Но ее поймают. Если даже она превратится в птицу, все равно будет поймана. Спасения ей нет. Здесь остался соучастник преступления. По правде говоря, все зло от этой девки. Во всем виновата она... Да, парня убила она... Мы своими глазами видели, что Вели убила она. На меня напал Тоший Мемед, а Вели убила девка. У обоих в руках были револьверы. Вы все это видели. Вначале проклятый стрелял в меня. Затем она прицелилась и выстрелила в Вели.

Абди-ага подошел к окну и крикнул на улицу:

— Дети! Подойдите кто-нибудь сюда!

Вошел старший сын.

— Принеси мой револьвер, сын мой.

Юноша вынул из стенного шкафа новенький револьвер и подал отцу. Абди-ага передал его стоявшему рядом крестьянину.

— Смотрите все. Вот револьвер, который вы отобрали у девки! Из него убили Вели. Посмотрите хорошенько...

Револьвер переходил из рук в руки и снова вернулся к Абди-аге.

— Все видели? — спросил он.

— Да...

— Это револьвер, из которого Хатче стреляла в Вели. В тот момент, когда Вели упал на землю, револьвер выпал из ее рук. Его поднял Хаджи. И девушку схватил Хаджи. Вы все видели это. Не так ли, Хаджи?..

Хаджи, прежде времени состарившийся, страшно грязный, чахлый мужичок с голубыми глазами и огромным носом, обросший и взлохмаченный, в рваной заплатанной одежонке, ответил:

— Да, так было, уважаемый ага. Точно так все было. Когда револьвер упал на землю... Ну да, когда револьвер упал, мой любимый ага, с земли его поднял я. Девчонка бросилась бежать. А парня схватила за руку... Я говорю, того проклятого парня, Тощего Мемеда. Я догнал и схватил Хатче. Вели убила Хатче.— Хаджи покачал головой и сделал вид, что вытирает глаза.— Ах, Вели-ага! Был ли еще такой человек, как Вели-ага? Только дурные люди могут нападать на бравого парня. Видел ли кто, чтобы настоящий парень поднимал руку на смельчака! Ой, ой, мой бедный Вели-ага! Погиб от пули бабы, которая не стоит ломаного гроша. На моих глазах убила, каналья... И ведь целилась, сукина дочь... целилась... И где только научилась...

— Слышали? — вмешался Абди-ага.— Именно так все видели, правда? Ты, Зекерия, видел? Так было?

— Да, да, точь-в-точь так,— ответил Зекерия.

— Ну а ты что скажешь, Хромой Али? Так ли это было?

Хромой Али уже давно с трудом сдерживал себя.

— Я, я ничего не видел, ага. Ничегошеньки. Никто не смотрит на меня. Словно я в чем-то провинился. Все, даже дети, отворачиваются от меня. Жена и та смотрит на меня

брезгливо. Не разговаривает... Я ничего-ничего не видел, ага. Знай это! Я не видел даже, как тебя ранил Мемед.

Хромой Али встал и быстро направился к двери. Он весь кипел от негодования.

Абди-ага никак не ожидал этого. Он пришел в бешенство. Губы его задрожали. Придя немного в себя, он чуть не бросился вслед за Али.

— Хромой Али! Убирайся из деревни! Укладывай пожитки и отправляйся, куда хочешь! Если удержишься хоть на один день, я пошлю людей, они перевернут твой дом вверх тормашками. Слышишь ты, Хромой Али? Нахалы неблагодарные, голодранцы...— бормотал он. И вдруг резко сказал: — Все было так, как говорил Хаджи.

Все хором подтвердили.

— Положите руку на сердце, крестьяне, братья мои... Какой-то сморчок пытался меня убить! Меня, хозяина пяти больших деревень... Своего господина... Из-за какой-то девки... Что было бы с вами, если бы я умер? Только подумайте! Только подумайте, что меня нет в живых... Чтобы какая-то девка была моей невесткой! Да пусть она лучше бежит с босяком. В какой книге это писано? Положите руку на сердце... Дело, в которое не вложено сердце, не может иметь успеха. Нет, не может. И именно сердце...

— Мы ради нашего аги на все готовы,— сказал Муса.

— Молодец, Муса,— одобрительно кивнул Абди-ага.

— Ради нашего аги мы на все готовы,— повторил Кадир.

— Всем вам спасибо. В этом году возьму с вас только четверть урожая. И скот, который сейчас у вас, подарю вам. Теперь идите, положите руку на сердце и запомните, что нужно говорить властям...

От аги крестьяне вышли довольные, улыбающиеся. Три четверти урожая! И скот! Вот здорово! Они присели на корточки в углу двора, метрах в пятидесяти от покойника, и начали заучивать то, что им предстояло говорить на допросе.

— Господин начальник... Вот этот Хаджи-эфенди поднял с земли револьвер. Девка, взявшись за руку с парнем, убегала. Потом бросила его руку... Мы подбежали и схватили ее...

— Нет, так не получается,— прервал Хаджи.— Скажешь, что Хаджи, то есть я, догнал их, когда они бежали, взявшись за руки. Я схватил Хатче... Как только я ее схва-

тил, то есть скажешь, когда Хаджи схватил, парень, то есть Тоший Мемед, отпустил девчонку и убежал.

— Хаджи подбежал и схватил девчонку. Когда Хаджи ее схватил, парень, то есть Тоший Мемед, отпустил ее и удрал.

— Девчонка целилась. И где она научилась этому, сукина дочь? Прицелилась в Вели, выстрелила три раза. Все три пули попали! Ах, сукина дочь. Все три!.. После, когда Вели упал без чувств на землю, из рук девчонки выпал револьвер. Хаджи подошел, вот этот Хаджи, и поднял револьвер.

— Вот так правильно! До их прихода еще заучим...— сказал Хаджи.

Во второй половине дня в деревне появились доктор, прокурор и жандармский унтер-офицер. Впереди них шагали два вооруженных жандарма. Они пошли к дому Абди-аги. Покойник, лежавший во дворе, был накрыт ватным одеялом из пестрого ситца. Восковая рука торчала из-под одеяла. У доктора было женственное молодое лицо и голубые глаза. Сойдя с лошади, он брезгливо осмотрел труп и снова накрыл его одеялом.

— Можете хоронить,— сказал доктор..

Прибывшие вошли в дом, мрачно опустив головы, и сели рядом с Абди-агой. Они очень устали. Все знали Абди-агу по касабе. Жандармский унтер-офицер был его первым другом. Он то и дело выражал аге свою печаль по поводу случившегося.

— Ты, ага, не расстраивайся. Убийцу я найду. Он получит по заслугам. Об этом ты не беспокойся. В погоню за ним я послал четырех жандармов.

Унтер-офицер захватил с собой пишущую машинку. Он вынул ее из мешка и поставил на стол. Послали жандарма за Хатче. Взяли у нее показания. Хатче рассказала все, как было. Ее показания записали в протокол. Потом опросили свидетелей. Первым выступил Хаджи. Рассказав все от начала до конца, он кончил словами:

— Когда Мемед стрелял в Абди-агу, я заметил, что эта девка, то есть Хатче, целится из револьвера в Вели, потом стреляет... Вели крикнул: «Погибаю!» и упал на землю. Хатче застыла на месте. Револьвер выпал у нее из рук. Я поднял его из грязи. Мемед схватил ее, то есть эту Хатче, за руку и побежал. Я догнал их. Но Мемед

вырвался. Ее я не выпустил. Да, не выпустил. Вот видите, не выпустил... Можно ли выпустить!

Хатче поразили показания Хаджи. Она не понимала, что он хотел сказать.

— Он говорит, что ты убила Вели. Что скажешь, Хатче? — спросил прокурор.

— Неправда. Да как же я могу убить такого человека? Все было вовсе не так, как говорит Хаджи. Как он может так говорить?

После этого начали допрашивать Зекерию. Он повторил слово в слово то, что сказал Хаджи. Ни слова больше, ни слова меньше. После того как все свидетели дали одинаковые показания, Хатче почувствовала, что против нее что-то замышляется. В сердце ее закрался страх, на душе стало тяжело. В глазах блеснули слезы.

Прокурор показал свидетелям револьвер.

— Этот револьвер был в руках Хатче?

— Да, да, этот самый... — ответили они хором.

На ночь приезжие остались в доме Абди-аги. В их честь зажарили ягнят.

Бывая в горных деревнях, прокурор обычно заказывал себе жаркое. Мясо, по его мнению, вкуснее всего в жареном виде. Спать каждого уложили на двух тюфяках.

Хатче заперли в соседней комнате. Она ни о чем не могла думать и, положив голову на колени, тихо проплакала всю ночь до утра. Утром два жандарма вытолкали ее из комнаты и повели в тюрьму. Она была в отчаянии, она не могла представить себе, что с ней будет. У Хатче заплетались ноги. За всю свою жизнь она второй раз покидала деревню. Но в первый раз возле нее была опора, ее любимый. Тогда она знала, куда и зачем идет. Они бежали навстречу призрачному счастью, к своей земле и дому. Сейчас же в душе у нее были только страх и отчаяние. Что с ней сделают эти люди?.. Когда они выходили из деревни, даже мать не пришла проводить ее. Не пришли и сестры. На душе было тяжело. Она шла, терзаемая невыносимым горем. Казалось, она ничего не слышала, ничего не замечала, ни о чем не думала. Только когда ее взгляд останавливался на двух жандармах, она словно приходила в себя и вздрагивала. Остальное терялось во мгле, и с каждым шагом она все глубже погружалась в эту мглу. Перед глазами стояла власть наказующая

в образе злого духа... Идущие впереди жандармы — два ее представителя.

На следующий день, когда подходили к касабе, Хатче совсем ослабела и еле передвигала ноги. При виде касабы у нее появилась маленькая надежда, гнетущий страх отступил. Она вспомнила о Мемед. Он без конца рассказывал о каком-то желтом блеске, об апельсинах, о белой-пребелой гальке, о текущей по арыкам воде, о запахе кебаба... Он говорил о доме, на крыше которого надстройка из камыша, напоминающая гнездо аиста. Где этот дом?

Окна одного из домов горели на солнце, словно были занавешены красными камышовыми шторами. Вдруг все закружилось... Хатче опять вспомнила о Мемед. «Мемед, где он сейчас? Если его поймают — убьют. И все из-за меня».

Цементный пол камеры в подвале жандармского управления был по щиколотку залит водой. Откуда взялась эта вода, и зачем так было сделано? Пахло мочой и нечистотами. Единственное узкое, как бойница, окошко было наглухо закрыто... Хатче оказалась в полной темноте. Всю ночь она не сомкнула глаз. Прикорнуть было негде, но, если бы было спокойно на душе, она могла бы заснуть и стоя. Хатче будто растворилась в этой сплошной, как море, тьме и с нетерпением ждала, когда откроется дверь. Она думала: когда откроют дверь, придет освобождение и кончатся все ее муки. И хотя в камеру совсем не попадал свет — даже через замочную скважину, — ей казалось, что уже наступило утро.

Неожиданно открылась дверь. Яркий свет ослепил ее.

Долгое время она не могла прийти в себя. Жандарм взял ее за руку и вывел из камеры.

При появлении Хатче все головы повернулись в ее сторону. До ее слуха донеслись слова: «Вот девушка, которая убила своего нареченного». Хатче поняла, что она причина этого собрания. Опустив голову, ни на кого не глядя, она прошла сквозь толпу. Теперь жандармы не внушали страха, ей казалось, что они даже защищали ее.

Ее подвели к судье. Это был многое повидавший на своем веку старик с отвисшим подбородком и длинными усами.

— Говорят, ты убила Вели, сына Мустафы, так ли это? — спросил он.

— Я не убивала Вели, ей-богу,— простодушно ответила Хатче.— Разве я могу убить человека? Я и револьвер-то боюсь в руки взять.

Судья хорошо знал крестьян и деревенских женщин. Ему не раз доводилось иметь с ними дело. Старик сразу понял, что Хатче невиновна. Но все-таки вынужден был арестовать ее. Слишком вескими были улики.

Хатче повели в камеру. Женское отделение находилось в соседнем помещении, которое было присоединено к тюрьме позже. Стены были в кровавых пятнах: следы убитых комаров. Штукатурка осыпалась. Потолок, окна, перекрытия прогнили. В камере стоял едкий запах сырости и мочи. За дверью — ведро. Тюремный стражник пояснил, что ночью в случае надобности можно им пользоваться.

Хатче нехотя отломил маленький кусочек от хлеба, который принес тюремный стражник и положила в рот. Пожевала, но проглотить не смогла и выплюнула.

Не могла она ничего съесть и в следующие два дня. Хатче очень страдала; она никак не могла свыкнуться со своим положением.

На третий день к ней пришла мать. Глаза ее покраснели от слез. Подсев к тюремному окошку, мать начала причитать:

— Дочь моя, доченька дорогая! Что с тобой случилось? Зачем ты убила парня?

— Как же я могла убить его? Ведь я никогда в руках и ружья не держала! Разве ты не знаешь этого? — Впервые Хатче говорила с возмущением и гневом.

Мать немного смягчилась при этих словах. И как это она могла подумать, что ее дочь способна на убийство.

— Откуда мне знать, доченька! Ведь все говорят: Хатче убила Вели. А что я знаю? Приду попрошу писаря написать прошение. Я скажу, что моя дочь боится оружия. Да, чуть не забыла... Абди-ага не велел мне ничего писать. Но он и знать не будет, что я написала прошение по твоему делу, моя ненаглядная. Пусть даже убьет, все равно подам прошение. Да, доченька моя, ты ни в чем не виновата. Это все Тошый Мемед, несчастный ублюдок! Он убил парня. А сваливают на тебя. Этот ублюдок Тошый Мемед принес несчастье в наш дом. Я попрошу написать о тебе хорошее прошение. Пойду поплачу перед писарем... Ну, я пойду, доченька...

Она передала в окно узелок с едой.

— Я обо всем попрошу написать. Власти прочтут и увидят, что ты не виновата... Власти — тоже люди... И у них есть жалость. Почему же они будут держать тебя ни за что!

С приходом матери Хатче стало легче. Она впервые заметила за окном красную, блестящую черепицу новенького дома, за ним купол мечети, белый минарет, тонкий и прямой, как перо. Поодаль, около стены, росла смоковница с широкими листьями, еще дальше виднелся огромный пыльный двор и снующие по нему люди... Мемед в своих рассказах говорил обо всем, но умалчал о красоте и блеске красной черепицы.

Стражник открыл дверь.

— Можешь выйти подышать свежим воздухом, — грубо крикнул он.

Два раза в сутки — в полдень и вечером — он открывал дверь и выпускал Хатче во двор. До сих пор она как-то не замечала, что выходила на свежий воздух. Зато теперь она испытывала такую радость, словно заново родилась.

Ворота тюрьмы были напротив бокового окна ее камеры. Несколько заключенных, заметив, что она повеселела, крикнули ей:

— Эй, сестрица! Не сдавайся! Всякое бывает. Ты заступилась за парня. Правильно, сестрица! Вот это настоящая любовь!

Хатче ничего не ответила. Она отошла от окна и задумалась о Мемеде.

Мать пошла к писарю, пьянице Фахри. Несколько лет назад его выгнали из секретарей суда за взятки. Тогда он стал писать прошения. Это занятие приносило ему в два-три раза больше денег, чем служба в суде. О нем пошла слава, как о человеке, более ловком, чем сам адвокат. Он всегда был пьян. Даже прошения писал под хмельком.

Фахри дремал, положив голову на стол, на котором стояла пишущая машинка. Все вокруг пропахло запахом раки *. Услышав шаги, он поднял голову. Он знал шаги просителей. Приобретенная с годами привычка позволяла ему распознавать просителей по походке. Стол его стоял под навесом у мясной лавки, мимо Фахри без конца про-

---

* Раки — род виноградной водки. — *Прим. пер.*

ходили люди. Он сидел, опустив голову, словно не замечая прохожих. Своих клиентов Фахри узнавал еще издали. Он сразу поднимал голову, смотрел в глаза пришедшему и говорил:

— Ну, в чем дело?

То же самое сказал он и матери Хатче. Женщина села на тротуар, прислонилась спиной к стене:

— Я все готова для тебя сделать, Фахри-эфенди. Такая беда свалилась на голову.

Фахри-эфенди держал во рту карандаш.

— Я раба твоя, Фахри-эфенди. Есть у меня единственная дочь. Красивая... Ох, моя Хатче!.. Да, дорогой Фахри-эфенди, взяли мою доченьку и бросили в тюрьму. Сидит моя красавица в тюрьме...

Фахри-эфенди медленно вынул карандаш из рта:

— Ты лучше расскажи, почему твоя дочь попала в тюрьму?

— Мой повелитель, Фахри-эфенди, я тебе расскажу, а ты слушай внимательно... Сосватали мы дочь за племянника Абди-аги. Мою единственную ласточку. Да вот есть такой ублюдок Тоший Мемед, сирота, сын Доне, они с моей дочерью полюбили друг друга. Откуда нам знать об этом. Однажды ночью они убежали. Ты Хромого Али знаешь? Все его знают! Он пошел по следу, и их поймали в горном ущелье, когда они миловались. Парень вытащил револьвер, выстрелил в Абди-агу и в Вели и убежал... С тех пор, братец Фахри-эфенди, парня так и не могут поймать. Вместо него схватили мою дорогую дочь и засадили в тюрьму. И все из-за этого несчастного Мемеда, чтоб он ослеп! Будто моя дочь убила Вели!.. Все так говорят. Только один Хромой Али отказался, его Абди-ага за это выгнал из деревни. Что там говорить, братец, я и то было поверила, что Хатче убила Вели. Деревня большая, не будут же все в один голос говорить неправду. За что они могут ненавидеть мою дочь? Это проклятый Абди-ага всех подговорил. Крестьяне не могут перечить Абди-аге... Ох, глупая моя голова... Так легко им поверила! Эх, братец Фахри-эфенди... Потом я пошла и расспросила свою доченьку. Все не так. Доченька сказала: «Да разве я умею стрелять, мама!» Я тоже подумала, откуда же ей уметь стрелять? К тому же она боится ружья. У нас в доме никогда не было ружья. Отец моей доченьки никогда не имел оружия. Все наговаривают

на мою доченьку... Затаили злобу. Фахри-эфенди, вот как все было... Моя доченька боится ружья... Увидев ружье, она дрожит от страха. Так и напиши властям об этом!

Фахри-эфенди взял лист бумаги, вложил его в старую разбитую машинку и начал с шумом печатать. Ни разу не остановившись, он исписал целых пять страниц.

— Ну, давай я прочту тебе. Смотри, как я расписал.

Фахри-эфенди, перекидывая сигарету из одного угла рта в другой, одним духом прочел прошение.

— Ну как? — спросил он.

— Да благословит бог твою руку, очень хорошо написал.

— Уважаемая, другому бы я не написал так и за пятнадцать лир. А с тебя возьму всего десять. Такое прошение написал, ей-богу, и камень прошибет.

Мать дрожащими руками вынула из узелка деньги, приговаривая:

— Да благословит аллах твои руки... Камень и тот прошибет...

Вертя в руках красную ассигнацию, Фахри-эфенди объяснил, куда следует отнести прошение и что нужно при этом говорить. Уходя, мать Хатче сказала:

— Ты не взыщи, братец Фахри-эфенди. Я тебе еще яиц и масла принесу...

Она пошла, куда указал ей Фахри, чтобы отдать прошение. Увидев перед собой чиновника, который увел ее дочь в тюрьму, она сначала испугалась, но затем сказала:

— Мой господин, за что ты увел мою дочь и посадил ее в тюрьму? Моя дочь не убивала человека, она не умеет стрелять. Она очень боится ружья... В детстве, бывало, как увидит, заплачет, вцепится в мой подол и прячется. Я принесла тебе прошение. Фахри-эфенди описал все как надо. Прочти и верни мне дочь. Ноги твои целовать буду... Моя доченька ни в чем не виновата. Она убежала с гяуром Тошим Мемедом, будь он проклят... У всех дочери убегают. Отдай мою дочь. Ноги твои целовать буду...

— Ну, ты не очень-то умничай! — строго оборвал ее прокурор. — Оставь свое прошение и уходи! Суд вынесет справедливое решение.

Склонившись над бумагами, он снова начал писать.

Когда мать вернулась в тюрьму, уже вечерело. Хатче с нетерпением ждала ее с утра.

— Фахри-эфенди составил такое прошение, что прошибет и камень. Как только власти прочтут его, сразу же тебя освободят. Они увидят, что ты не виновата, и отпустят. Я просила написать в прошении, что ты боишься ружья. Еще в детстве ты убегала и пряталась у меня в подоле. И про это просила написать. Очень хорошо написал Фахри-эфенди, написал на двадцать лир, а с меня взял десять. Пусть. Ради любимой дочери я готова отдать не только все свое добро, но и душу... Пусть власти почи-тают.

— Если бы это было так! — сказала Хатче, взглянула матери в глаза и опустила голову. — Мама, дорогая, принеси мне в следующий раз весточку от Мемеда. Принеси мне весточку!..

— Горе ты мое! — в голосе матери послышалось раздражение.

Хатче подняла голову и умоляюще посмотрела на нее:

— Мама, мамочка, родная! Смотри, я заживо гнию в этой дыре. Без Мемеда я не могу. Ты что, хочешь моей смерти? Весточку от него...

— Горе! Чтоб его растерзали на части. Дай бог, чтобы я принесла тебе весть о его смерти!

Хатче заплакала. Она долго плакала, а мать молчала.

— Наступает вечер, доченька. Я пойду, — наконец проговорила мать.

— Мама...

Мать остановилась. Глаза ее были полны слез.

— Хорошо, — сказала она. Голос у нее дрожал. — Из любви к тебе постараюсь что-нибудь узнать. Мать Мемеда так избили... Может умереть... Бедная Доне! Ну, будь здорова, доченька, не бойся! Фахри-эфенди написал хорошее прошение.

Мать многого ждала от этого прошения.

XII

Темная ночь. Ничего не видно, хоть глаз выколи. Только лес шумит. Лес стоит сплошной черной стеной. Высоко, почти у вершины горы — вспышки огня. На небе мерцают редкие звезды. Воздух напоен влагой. Запах сосны, граба, майорана перемешан с резким запахом пота. Люди идут на ощупь, натыкаясь на деревья, поднимая шум...

Несколько месяцев они грабили дома, разбойничали на дорогах, вступали в схватки с жандармами.

Жандармы, напав на след отряда Шалого Дурду, оказались от преследования других разбойников. А Шалый Дурду играл в прятки с жандармами, дразнил их. Мемед за короткий срок сумел проявить себя, он полюбился Шалому Дурду и его товарищам. Его помощь стряду была ощутимой.

Из темноты донесся голос Дурду:

— Останемся здесь. Мы совсем выдохлись! Два дня без отдыха удираем. Ничего не поделаешь. Здесь! — голос его звучал твердо.

Подожел Мемед:

— Спокойно, ага. Говори дело.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскипел Дурду.

Если бы кто-нибудь другой посмел так говорить с Дурду, его бы это так не разозлило. А то какой-то Мемед! Только вчера пришел в отряд, а сегодня уже лезет с поучениями.

— Даже если враг ничтожен, как муравей... — сказал Мемед.

— Ну и что дальше? — спросил Дурду.

Мемед сделал вид, что не заметил насмешливого тона Дурду:

— Я хочу сказать... не пренебрегай.

Дурду не выдержал и выпалил все, что было у него на душе:

— Ого-го-го, Тоший Мемед, оказывается Сулейман привел тебя к нам не как товарища, а как начальника генерального штаба. Ты в такие дела не лезь!

Слева от Дурду шел Джаббар. Он тяжело дышал.

— Мемед прав, ага, — сказал Джаббар. — Если мы останемся в лесу, нас окружают. Они совсем близко. Они идут за нами по пятам. Окружат и перестреляют, как куропаток. Асым Чавуш только и ждет удобного случая...

— Как куропаток... — в тон ему повторил Мемед.

— За нами гонятся жандармы, крестьяне, — продолжал Джаббар, — да еще и враждующие с нами отряды. Мы не одолеем всех.

— Не одолеем. У нас нет даже патронов, — подтвердил Мемед.

— Ни шагу отсюда! — приказал Дурду и застыл как вкопанный. Его голос эхом прокатился по лесу!

— Два дня удираем, как собаки. Да, как собаки!

Среди разбойников был один, по имени Реджеп Чавуш. Никто о нем толком ничего не знал: ни откуда он пришел, ни сколько лет занимается разбоем. Никто никогда не спрашивал его о прошлом. Реджеп злился и готов был убить каждого, кто начинал с ним об этом разговор. Он избегал таких любопытных, а если сталкивался, то смотрел на них, как на давних врагов. Чавушу было за пятьдесят. О нем знали только, что он из отряда Ахмеда Великана. Когда объявили амнистию, весь отряд сдался властям. Реджеп Чавуш не пошел со всеми и около двух лет бродил в горах один. Когда спустя два года после амнистии начали появляться новые отряды, он вступал в них. Не было такого отряда, с которым бы он ни разбойничал. Всюду его любили, считались с ним. Но Реджеп не удержался нигде. Сегодня он в отряде Шалого Дурду, а завтра — у Йозджу, самого заклятого врага Дурду. Но он не разводил сплетен о своих атаманах. Любой отряд готов был принять Реджепа. Никто не спрашивал, зачем он пришел. Больше того, во всех отрядах радовались его приходу. Считали, что он приносит счастье. К тому же Чавуш был большим мастером своего дела.

В темноте послышался спокойный голос Реджепа:

— Дурду, ребята дело говорят! Давай выйдем из леса и закрепимся на скалах.

— Мы не двинемся отсюда ни на шаг! — крикнул Дурду.

— Если им не удастся взять нас в лоб, они окружат нас и подожгут лес... — сказал Джаббар.

— Ни на шаг! — заорал Дурду.

— Не упорствуй, ага, — уговаривал его Джаббар.

— Не двинемся ни на шаг!

— Нас разобьют, — сказал Джаббар.

— Я командир отряда или не я? — орал Дурду.

— Ты, — ответил Джаббар.

— Ты, ты... — загудели разбойники.

— Знаешь, что я тебе скажу, ага, только ты не сердись, — сказал Мемед.

— Говори, «генеральный штаб», — улыбнулся Дурду.

— Нужно хотя бы добраться до густого леса, где камни и балки.

— Не сделаем отсюда ни шагу, — упорствовал Дурду.

Он сел. Все тоже сели. Долгое время молчали. В темноте, как звезды, поблескивали огоньки папирос.

Джаббар встал, потянулся и отошел в сторону. Мемед двинулся за ним. Подойдя к дереву, они оправились.

Обернувшись, они увидели маленький огонь и, пораженные, застыли на месте. Дурду поджег сосны? Как призрак, покачивалась на свету его фигура.

— Он ищет смерти,— сказал Мемед.

— За нами гонятся Асым Чавуш и обозленные крестьяне, которых мы раздели догола.

— С тех пор как я пришел в отряд, раздели человек пятьсот,— сказал Мемед.

— Если бы мы хоть роздали награбленное бедным крестьянам, тогда, может быть, мы спаслись бы от их кары. Вот уже два дня, как стало ясно, что нам нет спасения. Никакой надежды — никто нам не поможет. Если мы попадем в руки крестьян из села Аксёют, они живьем сожрут нас. Беда!.. Что только ни делал Дурду в Аксё-гюте! Страх один!.. Пытал, оскорблял...

— Нельзя издеваться над людьми,— продолжал Мемед.— Можно убивать, бить, но нельзя глумиться. Для человека появиться в родной деревне без белья, голым, хуже смерти. Этого нельзя делать. Нельзя играть людьми. Я знаю это по себе. Унижать людей нельзя...

Возвращаясь, они провалились по колено в воду. Звезды заколыхались на ее поверхности. От воды пахло майораном. Майораном пахло все: и маленькая речушка, и звезды, и шумящие сосны...

— А что, если все-таки отозвать сюда Дурду и попробовать уговорить?

— Убей его — он шагу не сделает. Упряма как осел,— сказал Джаббар.

Огонь, разведенный Дурду, разгорелся вовсю. Он уже охватил большой участок. Огненные языки поднимались к небу. Треща, горели огромные пни.

Дурду, посмеиваясь, ходил вокруг костра.

— Смотри на огонь. Разве пройдешь через него? Ну, где еще разводят такой костер?

— Лучше бы его не зажигать! — сказал Джаббар.

— А как трещит! — восхищался Дурду.

— Лучше бы... — повторил Джаббар.

— Брось, Джаббар, — с упреком оборвал его Дурду.

Ночь провели у костра. Никто не спал, кроме Дурду.

Каждый боялся быть застигнутым врасплох и убитым. И страх, раз овладевший людьми, больше уже не покидал их.

Выставив в дозор Реджепа Чавуша, Хорали и Мемеда, разбойники, казалось, успокоились. Люди пытались заснуть, но только ворочались с боку на бок; сон не шел. Первым поднялся Джаббар. Поджав под себя ноги, он сел у костра. За ним поднялись и другие... Дурду крепко спал. Разбойники сели возле костра и безмолвно уставились на огонь.

На рассвете раздались выстрелы. Со всех сторон, как град, посыпались пули. Начала стрельбы ожидали еще с вечера, поэтому сейчас это никого не удивило. Разбойники разбежались и залегли.

Когда пули засвистели над головой, Мемед припал к корням большого дерева.

Спина Асыма Чавуша была не защищена. Мемед был ближе всех к нему. Он поднял винтовку, прицелился. Но вдруг его замутило. Мемед опустил винтовку и выстрелил. Пуля полетела в сторону. Он засмеялся про себя и крикнул:

— Чавуш! Ты плохо укрылся. Пулю можешь получить.

Чавуш услышал его. Кругом ложились пули. Они изрешетили все. Одна из них сбила с Асыма шапку.

— Ох, проклятый, попадешься ты мне в руки,— пригрозил он.

— Меня зовут Тоший Мемед. А ты уже в руках у смерти. У тебя есть жена, дети? Уходи, Асым Чавуш, займись делом.

— Жаль тебя! — крикнул Асым Чавуш.

Пуля попала Асыму Чавушу в руку. На землю закапала кровь.

— Ступай, Асым Чавуш, не связывайся с нами. Зачем тебе умирать от наших пуль? Ты часто нападал на нас...

Чавушу негде было укрыться, и он отступил, подумав, что человек, сбивший пулей с него шапку и ранивший в руку, давно мог убить его. Кто же этот Тоший Мемед? Такого имени Асым Чавуш не слышал. Много есть Мемедов. Но Тоший Мемед?

— Эй, парень! Слушай, я тебе покажу Тощего Мемеда.

Пули свистят, летят на восток, туда где светлеет небо... Дурду пришел в ярость. Еле сдерживая свою злобу, он

беспорядочно стрелял. Изредка останавливаясь, он кричал Чавушу:

— Асым Чавуш! Ты не подумай, что Шалый Дурду сбежал. Я тебя отправлю к твоему капитану без кальсон...

Асым Чавуш, жандармы, крестьяне окружили разбойников.

Шалый Дурду понял, что попал в ловушку. Он полз к Мемеду. В отряде самый надежный человек — Мемед. Место, где залегли разбойники, простреливалось со всех сторон. Если Асыму Чавушу удастся подойти ближе и сжать кольцо, их всех перебьют поодиночке.

Дурду немного нервничал, может быть, впервые в жизни. Ловушка...

Преследователи в свою очередь боялись Дурду и медлили. Они терялись в догадках, почему Дурду принимает бой с ними здесь, на лесной поляне? Они не сомневались, что за этим, конечно, кроется какая-то хитрость.

Поэтому они не двигались с места. Они никак не могли понять, зачем Дурду удирал от них, чтобы принять бой здесь, на открытой местности.

— Плохи наши дела,— сказал Дурду. Он тяжело дышал и был весь мокрый от пота.— Никто из нас не спасется.

Вдруг кто-то закричал:

— Прощай, мама!

— Это первый,— проговорил Дурду.— Погиб Реджеп Чавуш. Я никого из них не боюсь. Говорят, среди них жандарм из Дортйола и Черный Мустан из нашей деревни. Не будь их, я бы легко пробился. А эти даже блоху не пропустят.

— У меня ружье накалилось. Руку обжигает, Что делать? — повернувшись, спросил Мемед.

— Ты расстрелял очень много патронов, братец Мемед,— сказал Дурду.— У тебя отличное ружье. Пока не стреляй, приложи ствол к земле, пусть остынет, а то совсем не сможешь стрелять, раздует.

Мемед сплюнул от огорчения.

— Братцы,— осторожно начал Дурду,— мы окружены. Вы обо мне не беспокойтесь. Со мной не то бывало. Где-нибудь да найду брешь, выберусь. А если и убьют — ничего страшного. Я думаю о вас. Все это из-за меня... по моему безрассудству... Как вы спасетесь — вот о чем я

беспокоюсь. Скажут, удрал Шалый Дурду, оставил своих товарищей.

— По-моему, нет никакого выхода,— сказал Мемед.— До вечера должны продержаться.

Пули чиркнули по земле, подняв у самых ног Дурду два пыльных облачка.

— Это пули Черного Мустана,— сказал Дурду.— Сейчас он убьет нас обоих. Должно быть, он видит нас.

— А что с Реджепом Чавушем? Подойдем к нему! — сказал Мемед.

— Постой. Не ходи туда! Этот тип нас подстрелит,— остановил его Дурду.

Вдруг около них вспыхнуло еще одно облако пыли. Десятка два пуль легло совсем рядом.

— Что я тебе говорил? Я знаю этого Черного Мустана.

— А, чтоб его! — выругался Мемед.

— Надо сейчас же переменить место, а то...

Перекаtywаясь по земле, они добрались до большого дерева и укрылись за его стволом.

— Если б не Черный Мустан...

Реджеп Чавуш не выходил у Мемеда из головы.

— Реджепа совсем не слышно. Надо бы посмотреть...

Пули свистели так, что нельзя было головы поднять. Падали срезанные ими ветки деревьев.

Под пулями ползком они добрались до Реджепа Чавуша. Он лежал на правом боку, весь в крови. Увидев товарищей, Реджеп Чавуш стиснув от боли зубы, улыбнулся.

— Ребята, подумайте о своей голове,— с трудом говорил он.— Их самое малое сто пятьдесят человек. Оставьте меня. Ничего не поделаешь, такова судьба.

Осмотрели его рану. Пуля пробила шею и через верхнюю часть лопатки вышла наружу, открыв на спине большую рваную рану.

— У меня к вам просьба,— начал Реджеп Чавуш.— Я хочу сказать о Джаббаре. Не бросайте его — это честный, хороший парень. Он может командовать армией. Если бы не он, я бы давно погиб. Когда он увидел, что меня ранили, он принял огонь на себя. А после так начал стрелять по ним, что они растерялись.

Разорвали рубашку и перевязали рану. Уже в полузабытии Реджеп Чавуш сказал:

— Прорвите... прорвите кольцо.

— Это невозможно, Чавуш. При попытке пробиться

мы погибнем. Они и так нас боятся. Или продержимся до вечера, или погибнем здесь,—сказал Мемед.

Реджеп Чавуш сосредоточенно смотрел в одну точку. Он с трудом сдерживался, чтобы не закричать от боли.

— Знаешь, Мемед, пожалуй, ты прав. Если хоть один из вас попытается бежать, вы все погибнете. Собери всех товарищей. Пусть они дадут клятву не отступить ни на шаг. Я понял, что убегать от них — значит погибнуть. Держитесь. Они не осмелятся напасть; если бы могли, давно бы сделали это. Они боятся ловушки.

— Давай, Дурду-ага, последуем этому совету,—предложил Мемед.

— Берегитесь сына Зала,—продолжал Реджеп Чавуш,—он трус. За ним смотрите в оба. Он может сбежать...

— Давай собирать ребят. Хорали и Джаббар пусть продолжают стрелять, сдерживая врага,—распорядился Дурду.

Раздался свист — сигнал сбора. Но разбойники не обратили внимания на этот сигнал.

Сын Зала жаловался стоявшему рядом товарищу:

— Как можно созывать людей в этом аду? Спасения ведь нет. Реджеп Чавуш погиб.

На свист первым пришел Хорали, потом Юсуф, за ним Гюдюкоглу.

— Где сын Зала? — настороженно спросил Дурду.

— Идет,—ответил Хорали.—Припал к земле, ни одного выстрела не смог сделать. Все время дрожит.

— Странно. Я считал его самым храбрым у нас.

В это время подполз сын Зала. Руки его были в крови.

Дурду приказал Хорали и Джаббару продолжать стрельбу.

— Вы должны их сдерживать. Нам нужно поговорить.

Наступившая пауза, вызванная сборами, сильно встревожила Асыма Чавуша. Это была не первая его встреча с Шалым Дурду. Асым Чавуш никогда не понимал его замыслов. Шалый Дурду мог действовать безрассудно, но мог предпринять и умный маневр. Человек, принявший бой на открытой местности, либо просто ищет смерти, либо неопытен, сумасброден и глуп, либо готовит западню. Разве Шалый Дурду, который мог проскочить сквозь игольное ушко, попадет в ловушку? Асым Чавуш думал, что здесь скорее ловушка для него самого! Вот-вот попа-

дется он в сети! На что решиться? Этого он не знал. Если он отступит, грош ему цена. Держаться? Но здесь, конечно, подстроена ловушка... Его уничтожат. А пули, которыми сбили шапку с его головы, ранили в руку? Не предупреждение ли это? Да и слова Мемед напугали его. Если бы тот, кто стрелял в Асыма Чавуша, захотел, то давно бы убил его. Но как отступать, когда Шалый Дурду окружен? Разве еще представится такой случай?

— Братцы,— закричал Асым Чавуш.— Ни с места! Посмотрим, что будет делать Шалый. Он окружен. Он в наших руках, и по своей воле, не то он давно бы добрался до скалы на горе Мордак...

— Я этого подлеца давно знаю,— сказал ефрейтор из отряда Асыма.— Это большой сумасброд. Захотелось ему, вот он и остался здесь. Ни о какой ловушке он и не думает. Уж очень самонадеян. Давайте сожжем кольцо, и вы увидите, как он попадется нам в руки.

— Шалый Дурду — матерый волк. Он много лет пробыл в горах и сразу боя не примет. В случае чего — отступит и укроется в лесу. Здесь самое открытое место... За этим, конечно, что-то кроется. Будем смотреть в оба и ждать,— все еще раздумывал Асым Чавуш.

— Нет, Асым Чавуш, он очень верит в себя,— продолжал ефрейтор.— Нужно его окружить и на этом дело кончить. Нужно сжать кольцо. Мы его утопим в ложке воды.

Асым Чавуш выругал ефрейтора и приказал:

— Стоять на своих местах!

Раздались выстрелы. Это стреляли Хорали и Джаббар. Но Асым Чавуш не обратил на них внимания.

— Держаться друг за друга, не отходить. Все будем стрелять с одного места. Если даже подойдут вплотную и приставят к виску винтовку — с места не сходить. Дайте слово! — приказал Дурду.

— Слово,— ответили все вместе.

— Теперь ищите удобное место, чтобы надежно окопаться...

— И мне идти? — спросил Мемед.

— Иди.

Вдруг Мемед закричал:

— Ложись! — и быстро припал к земле. Над головами разбойников засвистели пули.

— Видели? Здесь нас не оставят в покое,— сказал Дурду.

Долгое время никто не поднимался. Жужжа в воздухе, пули ложились совсем рядом, справа, слева.

Сын Зала все еще дрожал. Вдруг, широко раскрыв глаза, он закричал:

— Мемед ранен!

— Правда? — спросил Дурду.

Мемед, услышав, что речь идет о нем, повернулся:

— В чем дело?

Сын Зала стучал зубами.

— Ты весь в крови... Ты ранен...

— Я ничего не чувствую, — сказал Мемед.

Он провел рукой по голове. Рука окрасилась кровью. Сердце Мемеда учащенно забилося. Он ощупал голову, ища рану, но не нашел.

К Мемеду подошел побледневший Дурду. Он осмотрел голову Мемеда и, найдя рану, сказал:

— Немного царапнула.

— Не обращай внимания. Почин... — улыбнулся Мемед.

Потом Мемед встал и направился в лес. Он шел, не замечая свиста пуль. Немного спустя послышался его голос:

— Идите сюда!

Жандармы палили вовсю. Но разбойники поднялись и двинулись на голос Мемеда.

Они добрались до оврага, заваленного буреломом.

— Растаскивайте деревья, — приказал Дурду.

Вдруг кроны деревьев над ними зашумели, посыпались листья, с треском полетели ветки. Все попрыгали в овраг и открыли ответный огонь. Обе стороны поливали друг друга свинцом. Так продолжалось с полчаса. Потом так же неожиданно все стихло. Дурду больше не боялся. Пусть попробуют-ка теперь сунуться! Даже если бы их совсем сжали в кольцо, до темноты они могли бы продержаться. Дурду уже не хотел бежать на глазах у этого Чавуша.

Вскоре в овраг спустились Хорали с Джаббаром.

— А где же Реджеп Чавуш? — спросил Джаббар.

Поднялся шум.

— Не ссорьтесь! — вставил Мемед. — Я пойду и приведу его.

Все успокоились.

Мемед с трудом выбрался из оврага. Он очень устал, дыхание перехватывало. Он залег у пня. С той стороны опять началась стрельба. Теперь он не мог двинуться

с места. Пень простреливался со всех сторон. Мемед сделал прыжок и вдруг почувствовал нестерпимую боль в ноге. «Ранили», — подумал он и испугался. Потом ощупал ногу. Раны не было.

Когда Мемед добрался до Реджепа Чавуша, его руки и ноги были в крови.

— Что с тобой? — спросил Реджеп Чавуш. — Ты весь в крови.

Мемед улыбнулся. Лицо его тоже было залито кровью, поэтому Реджеп не заметил улыбки.

— Пошли, Реджеп Чавуш. Я пришел за тобой.

— Иди, сынок! Вы сами спасайтесь, а я останусь тут. Эти негодяи окружили нас со всех сторон. Влипли мы из-за какого-то сумасброда. Ни один из вас не выйдет из этого кольца. Пули всюду. Поумнел, должно быть, Асым Чавуш. Оставь меня здесь одного. Слушай меня, Мемед. Ты хороший парень. Если выберешься из кольца, не связывайся больше с этим сумасбродом. Странно, почему они не сжимают кольцо, ведь уже за полдень? Они ведь теперь знают, чем мы располагаем.

— Боятся, — сказал Мемед.

— Странно...

— Они боятся ловушки, — сказал Мемед. — Не знают, что Шалый остался на открытом месте из-за своего упрямства. Они никак не могут этого понять. Они не знают, что Дурду не мог не стрелять. Ну, вставай, пойдем! Умирать, так вместе, жить — тоже...

— Сынок мой Мемед, если мы выживем...

— Рана у тебя легкая, Чавуш, выживешь.

Реджеп Чавуш не мог идти. Мемед взвалил его на спину, пронес немного и опустил на землю.

Реджеп понял, что Мемеду не под силу тащить его.

— Постой, сынок, я хочу опереться на тебя. Так будет лучше...

По земле за ним тянулся кровавый след. Вдруг их снова обстреляли. Они припали к земле, но, должно быть, были видны. Пули ложились то слева, то справа.

— Плохо дело... — сказал Реджеп Чавуш. — Опять негодяи что-то придумали!

Они с трудом добрались до оврага и нашли там еще двух раненых: сына Зала и Хорали. Сын Зала все еще дрожал, плакал и кричал.

Разбойники видели, как сжимается кольцо. Выстрелы наступающих стали более меткими. Земляк Дурду, Черный Мустан, кричал во все горло:

— Шалый Дурду, село Аксёют увидит твою удачу немного погодя. Ты хорошо знаешь дядю Мустафу... Не гордись, сынок...

Шалый Дурду злился, но молчал и продолжал стрелять.

— Шалый Дурду, ты что, проглотил язык? — издевался Черный Мустан.

Наконец Дурду не выдержал, поднялся во весь рост и закричал:

— Эй, Черный Мустан, я тебя хорошо знаю! Ты тоже меня хорошо знаешь. Не быть мне Шалым Дурду, если я не сниму штанов с твоей жены и не напялю их тебе на голову! Пусть плюнут мне в лицо, если так не будет!

Мемед быстро схватил Шалого Дурду и повалил его на себя. Еще мгновение — и Шалого изрешетили бы пулями: в него целились Черный Мустан и еще четверо. Все пятеро выстрелили одновременно, но Дурду уже был в овраге.

— Негодяй! Если ты еще будешь так кривляться, то первую же пулю получишь от меня. Все это из-за тебя! — закричал Реджеп Чавуш.

— Уж если тебе так хочется стрелять, стреляй в кого-нибудь еще! — засмеялся Дурду.

— А на этого мальчика молись, — продолжал Реджеп Чавуш, кивнув на Мемеда. — Не будь его, мы бы уже все погибли.

Мемед почувствовал сильный голод. Он покосился на Дурду, тот дружелюбно смотрел на него и улыбался; на руках, на лице и на волосах Мемеда чернела запекшаяся кровь. Дурду вспомнил их первую встречу. Мемед прятался тогда за спину Сулеймана... Каким маленьким казался он за спиной старика. Глаза Дурду засветились любовью. «Дитя человеческое, — подумал он про себя, — чего только не бывает на белом свете... Вот молоденький паренек, вчера только стал разбойником, а сегодня уже опытнее пятидесятилетнего...»

— Сдавайся! — послышалось рядом.

— Получай, Черный Мустан! Вот тебе... — закричал Дурду.

Черный Мустан как подкошенный повалился на землю.

— Ну что, и здесь я неправ? — спросил Дурду, обращаясь к Реджепу Чавушу.

— Да сохранит аллах твою руку, — отвечал тот. — Вы что, решили здесь погибнуть?

— Да. Поклялись в этом. Из оврага мы не выйдем. А разве ты сам не поклялся?

— Начали бить из пулемета, — сказал Реджеп Чавуш. — Как прочесывают! Больше нет надежды на спасение. Или смерть, или плен.

— Как «смерть или плен»? — переспросил Мемед с удивлением и испугом.

Перед ним на мгновение возник блеск латунных кувшинов и тут же исчез.

— Может быть, ты знаешь другой выход, тогда скажи нам, Тоший Мемед.

— Если ты не знаешь, Реджеп, откуда мне знать? — ответил Мемед.

Реджеп задумался. Рана перестала кровоточить и застыла. Боль не давала покоя. Реджеп опустил голову и, сморщив лицо, кусал губы.

— У меня есть предложение. — Он поднял голову и обвел всех взглядом. — Если мы его выполним, мы спасемся. Асым Чавуш ни минуты не продержится здесь, отправится вслед за своим капитаном.

— Что ты придумал? Говори? — заволновались все.

— Три ручные гранаты... Найдется среди вас храбрец, который сможет бросить гранаты в пулемет? — спросил Реджеп.

Заряжавший ружье Джаббар повернулся и сказал:

— Мы все храбрые. Но Асым Чавуш все равно задаст нам перцу. Чем так, лучше пусть будет по-твоему...

— Разве нет надежды? — проговорил Мемед.

— Есть одна — сделать так, как я сказал.

— Я готов, — откликнулся Мемед.

В глазах его сверкнул злой огонек. В голове вновь мелькнул, как молния, блеск латунных кувшинов. Боль и радость захлестнули на мгновение его душу.

— Молодец! — похвалил Дурду и поднялся из оврага. — Дайте-ка мне еще пару гранат, — попросил он.

Джаббар протянул Дурду гранаты. Тот шагнул вперед и изо всех сил побежал. Пули свистели над головой. Вдруг он упал за камень. Это было так неожиданно, что

следившие за ним разбойники ахнули: всем показалось, что его подстрелили. Из-под камня пробивалась желтая повилика. Камень был круглый и довольно большой. Дурду попробовал толкнуть его; камень поддался. Перекатывая камень и прячась за него, Дурду полз вперед. Пули, попадая в камень, рикошетом отскакивали в стороны. Сзади доносились крики. Дурду понял, что так ему не выбраться. Метрах в пятидесяти была яма, образовавшаяся от вырванного с корнями дерева. Дурду вскочил и, пробежав немного, кубарем скатился в яму. Тут пахло землей и прелыми листьями. Пахло каким-то цветком, названия которого он никак не мог вспомнить. Синий цветок этот растет только на скалах, но и там встречается редко.

Дурду посмотрел на гору. Над ее вершиной повисло маленькое облако, края его золотились.

Поблизости затрещал пулемет; Дурду насторожился. Впереди него один за другим возвышались два холмика. Пулемет, видимо, находился между ними. Чтобы уничтожить его, нужно было выйти за второй, поросший деревьями холмик...

Дурду быстро вскочил на ноги и пошел. Он шел спокойно, размахивая руками, словно был на прогулке. Товарищи, следившие за ним, затаили дыхание. В какую-то долю секунды он забросал пулемет гранатами. Одна, еще одна... Земля содрогалась от взрывов. Холмы окутали клубы пыли.

Дурду бегом вернулся к своим.

Вечерело. Дурду был молчалив, ни на кого не смотрел. Сидел, уставившись глазами в одну точку. Взгляд суровый. Лицо сморщилось, стало маленьким.

Выстрелы стали реже. Изредка просвистят одна-две пули.

Дурду поднялся, потянулся.

— Асым Чавуш, бывай здоров! Отремонтируй свою трещотку и возвращайся, я подожду тебя здесь.

С той стороны не доносилось ни звука.

— Ты эти места хорошо знаешь? — спросил Дурду Реджепа Чавуша. — Нет ли здесь поблизости какой-нибудь деревушки?

— Нет, — ответил Реджеп.

— Значит, до самых скал идти? Если так, дело плохо, — добавил Дурду.

— До скал остановиться негде. Даже мне, старику, с моими ранами придется идти... Остановок не будет.

К рассвету, когда подходили к скалам, люди потеряли последние силы. Хорали всю дорогу кого-то ругал неизвестно за что. Он и сейчас еще продолжал браниться. Реджеп Чавуш не выдержал; стиснув зубы, он начал тихонько стонать.

Измощенный, раненный Дурду присел у скалы. С трудом свернул сигарку и закурил. Несколько раз затаившись, он обратился к Мемеду:

— Знаешь, братец, чего я хотел бы больше всего на свете?

— Нет.

— Я хотел бы отрезать голову Черному Мустану, которого убил, и выставить ее напоказ всей деревне. За что он меня преследовал? Какое ему дело до меня, скажи, брат Мемед?

Издали послышался голос Джаббара:

— Вы как хотите, а я не могу больше терпеть. Рана болит...

— Соберись с силами!.. Будешь молодцом,— подбодрил его Дурду.

— Замолчите и послушайте. Где-то далеко лают собаки. Деревень здесь нет. Что, по-вашему, может означать этот лай? — перебил Дурду Джаббар.

— Слушай, Джаббар, много видел я дураков, но глупее тебя еще не встречал,— со стоном проговорил Реджеп.

— Это почему же, Реджеп?

— Не видел, и все.

— А, чтоб тебе...— выругался Джаббар.— Глядите, как пали мы в глазах Реджепа.

— Неужели, осел, ты все еще не догадался, откуда доносится лай собак?

— А почему я знаю, я их не рожал...

— Пойми, осел, это лают собаки у шатров юрюков*. Недалеко отсюда юрюки разбили свои шатры. Теперь понял?

— Понял.

— Наконец-то.

— Если так,— сказал Джаббар,— мы с Мемедом пойдем к ним и попросим хлеба. Пойдешь, Мемед?

---

* Юрюки — турецкие кочевники.— *Прим. перев.*

— Идите, а мы здесь разведем огонь, погреемся и подождем вас,— сказал Дурду.

— Хорошо, Джаббар, сходим,— согласился Мемед.— Но посмотри, на кого мы похожи? Нас примут за цыган или за избитых до полусмерти собак...

— Не обращай внимания на одежду,— сказал Джаббар.— Умоюсь, и все будет в порядке.

До равнины они спускались молча, боясь повернуть голову и посмотреть друг другу в лицо. Словно совершили какое-то страшное преступление.

Наконец Джаббар протянул руку и взял Мемеда за палец. Мемед медленно поднял голову, посмотрел на Джаббара. Тот в свою очередь взглянул в глаза Мемеду. Так, уставившись друг на друга, они простояли некоторое время.

— Нехорошие это люди, а мы к ним идем, Джаббар.

— А все равно! Увидим на месте.

Солнце стояло высоко, когда они подошли к шатрам. Навстречу им выскочило несколько огромных собак.

— Держите собак! — закричал Джаббар.

Из шатров выбежали дети и тут же опять скрылись с криками:

— Разбойники! Разбойники идут!..

Из шатров показались женщины, за ними мужчины.

— Салам алейкум! — приветствовал Мемед юрюков, сбежавшихся к большому шатру.

Юрюки удивленно смотрели на этого маленького разбойника и на крупного, сильного Джаббара, который стоял с ним рядом.

Бородатый юрюк пригласил их в шатер. Нагнув голову в дверях, они вошли. Мемеда поразило красивое убранство шатра. В шатре он был впервые. Мемед даже не слышал, как с ним поздоровался какой-то юрюк, он с любопытством рассматривал убранство. У дальней стенки — расшитые мешки пестрели разными красками и рисунками... Узоры и цвета менялись с головокружительной быстротой... Какие яркие краски! Откуда в шатре столько света? Мемед долго не мог оторвать глаз от одного мешка. На нем были вышиты маленькие райские птички... их было, наверное, не меньше тысячи. Клюв к клюву... зеленые, синие, желтые, красные, фиолетовые птички. На глазах Мемеда навернулись слезы. Разноцветные птички...

Посреди шатра стоял резной стояк с летящими ланями. Шкурки ланей светились, словно были сделаны из перламутра.

— Что онемел? Проснись! — толкнул Мемеда Джаббар.

— Я первый раз в жизни в шатре. Как в раю... До чего красиво! — улыбнулся Мемед.

— Чей это шатер? — спросил Джаббар.

— Мой, — ответил седобородый улыбающийся старик с розовым лицом и добрым взглядом. — Меня зовут Керимоглу.

— Слышал. Значит, ты и есть Керимоглу?

— Да, это я.

— Я много слышал о тебе, ага, а вижу впервые. Ты Керимоглу, вождь племени Сачыкаралы, не так ли? — продолжал Джаббар.

Керимоглу подтвердил.

В шатре запахло горячим молоком.

Керимоглу и Джаббар посмотрели друг на друга.

— Эти парни, кажется, голодны, — обратился Керимоглу к жене. — Дай им скорей поесть!

— Молоко греется. Как вскипит, сразу подам, — ответила она.

Мемед улыбнулся.

— Мой нос... — показал он Джаббару.

— Что с твоим носом? — спросил Джаббар.

— Он еще на улице почуял запах молока. И не ошибся...

— И мой тоже. У голодных носы одинаковые.

И без того красное лицо Керимоглу покраснело еще больше, когда он застенчиво спросил:

— Вы, надо полагать, только что из боя?

— Асым Чавуш совсем было задушил нас. Слава богу, выбрались, — ответил Джаббар.

— Он, должно быть, трус, — сказал Мемед. — Ведь мог нас переловить, как куропаток.

— Не выпустил бы, — вставил Джаббар. — А он только зря расстреливал патроны.

Жена Керимоглу поставила посреди шатра столик. Керимоглу, с лица которого не сходила улыбка, раздвинул его. Мемеду все было ново; он впервые почувствовал себя неловко. Он посмотрел на свое ружье, потом на свою одежду. На груди висели крест-накрест патронташи,

сбоку — большой нож и ручные гранаты. На голове грязная, помятая фиолетовая феска, которая досталась ему от Шалого Дурду уже поношенной.

«Итак, я стал разбойником? — мелькнуло у него в голове. — Теперь я всю жизнь буду разбойничать!..»

Сначала подали горячее молоко, от которого поднимался голубой пар. Сверху плавали пенки. Потом принесли бекмес и жаркое. У гостей текли слюнки. Улыбнувшись, они переглянулись, как дети. Керимоглу понял их радость и тоже улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Угощайтесь. Не ждите особых приглашений.

Гости взяли ложки... С жадностью набросились они на молоко. В одно мгновение весь хлеб на столе был уничтожен. Подали еще. Потом принесли еще молока.

Наевшись, они поблагодарили хозяина, который не торопясь заканчивал еду:

— Да умножатся ваши блага!

— На здоровье, ребята, в молодости все так едят, — отвечал ага.

Он вытер тыльной стороной ладони усы и встал из-за стола.

— Курите? Свернем по одной.

— Мы не курим, — сказал Джаббар.

Керимоглу поднес ко рту сигарку и выбил из огнива огонь. В воздухе распространился запах серы. Сделав несколько затяжек, Керимоглу раскурил сигарку:

— Я хочу вам кое-что сказать, только вы не обижайтесь на меня, не подумайте чего-нибудь дурного.

— Говори, ага. Мы ничего плохого не подумаем, не бойся, — сказал Мемед.

Керимоглу снова смутился.

— Я не хочу сказать... — начал он, заикаясь, — что в этих горах нет у вас ни матери, ни дома. Вот вы вышли из боя. Одежда ваша в крови, может быть, вы даже ранены. Снимите с себя все. Дети выстирают и тут же все высохнет. Если тропитесь, ребята высушат над огнем. А пока оденетесь в мое. Не подумайте, что Керимоглу вас разденет и выдаст. В доме Керимоглу человека не обидят. Пока Керимоглу жив, никто не тронет его гостя. Знайте это.

— Мы знаем Керимоглу. Как тебе, ага, могло придти такое в голову, — с упреком сказал Джаббар.

— Придет же такое в голову... — повторил Мемед.

— Ох, не зарекайся, сынок! Человек вскормлен сырым молоком. Поэтому от него можно ожидать всякой пакости, как, впрочем, и хорошего. Не зарекайся!

Черноглазая, розовощекая невестка Керимоглу с насурмленными бровями принесла и положила перед каждым пару белья. От него пахло мылом.

— Я выйду, а вы переоденьтесь,— сказал Керимоглу, направляясь к двери.

— Вот Джаббар, какие хорошие люди есть на белом свете! — вздохнул Мемед, когда Керимоглу вышел из шатра.

— А какие жестокие, какие окайнные люди есть на этом свете, Мемед! — возразил Джаббар.

— Посмотри на Керимоглу, какой он гостеприимный!

— Переоделись, ребята? Можно войти? — слышался голос Керимоглу.

— Переоделись,— ответил Мемед.

— Дай-ка я взгляну на твою рану? — обратился Керимоглу к Мемеду.

— Да что там! Маленькая царапина...

— А ты не ранен? — повернулся Керимоглу к Джаббару.

— Слава богу, все в порядке.

Керимоглу вышел из шатра. Немного погодя он вернулся с миской и тряпками. Сам приготовил пластырь.

— В два дня заживет,— приговаривал он, перевязывая рану Мемеда.— У нас тоже, сынок, в молодости бывали раны. Все проходит.

Он перевязал голову Мемеда не хуже опытного лекаря.

— Спасибо тебе, ага,— поблагодарил Мемед.

— Рана пустяковая, только вот загноилась. Пластырь все залечит. Не тревожься! — приговаривал Керимоглу.

Керимоглу держал себя как-то странно. Когда ему нужно было что-нибудь спросить, он, как ребенок, смущался. При этом он улыбался, лицо его становилось красным. В конце концов, делая над собой мучительное усилие, он задавал вопрос. Сейчас с ним происходило то же самое.

— Сынок,— обратился он к Мемеду,— мне неловко спрашивать. Ты что, в самом деле разбойник?..

— Наш Тоший Мемед играет в разбойники, ага,— улыбаясь, пошутил Джаббар.

Мемед тоже улыбнулся.

— Значит, ты считаешь, что я не похож на разбойника, ага?

— Ты уж прости меня, я спросил не для того, чтобы тебя обидеть. Ты очень молодо выглядишь. На вид тебе лет шестнадцать. Поэтому я и спросил. Не обижайся...

— Восемнадцать,— гордо поправил Мемед.

— Я просто поллюбопытствовал. Не сердись. Что тебя заставило в твои годы стать разбойником?

— Стащил у своего аги осла и продал его. Потом испугался, что ага побьет, и удрал к нам. Что делать — приняла. Пусть среди нас будет и такой, кто ворует ослов. Всякое бывает... — опять пошутил Джаббар.

Керимоглу понял, что Джаббар шутит, пожалел, что задал такой вопрос, и замолчал.

Заметив, что Керимоглу расстроен, Джаббар спросил:

— Ты знаешь Абди-агу из деревни Деирменолук?

— Очень хорошо знаю,— оживился Керимоглу.— Слышал, что его ранили, но не убили. Племянника его убили.

— Это он его убил! — указал Джаббар на Мемеда.

Керимоглу внимательно посмотрел на Мемеда.

— Странно. Тоший Мемед совсем не похож на убийцу. Даже не верится!..

— Ага, не можешь ли ты сделать еще немного пластыря? У нас есть раненые. Для них... — попросил Мемед.

— Есть готовая мазь,— сказал Керимоглу.— Целебная... Я вам дам. Сейчас приготавливаю и пластырь.

— Чтоб тебе не видеть плохих дней в жизни,— поблагодарил Мемед.

Керимоглу завернул мазь и пластырь в большой кусок материи и подал Мемеду.

Когда они собирались в путь, Керимоглу сказал:

— Удивляюсь я тебе, Тоший Мемед. Нисколько ты не похож на разбойника. Что ты будешь делать? Странно!.. Человек не знает, что у другого на душе.

— Будь здоров, ага,— в один голос сказали Мемед и Джаббар.

— Счастливого пути,— ответил Керимоглу, обнажая в улыбке молочно-белые зубы.— Заходите как-нибудь. Потолкуем.

Оба уходили с большими тяжелыми свертками. Керимоглу дал им хлеба, сыру и масла.

— До чего хороший человек! — восхищался Джаббар.

— До чего хороший... — вторил ему Мемед.

Вдруг Мемед изменился в лице:

— Джаббар, а белье мы не отдали старику...

— Пустяки, не стащили же мы, а забыли...

— Так не годится. Вернемся, нужно отдать.

— Да, Керимоглу прав, ты совсем не похож на разбойника.

— Что поделаешь. Не все же родятся разбойниками.

— Ну, если так, вернемся...

— Пошли.

Они побежали назад. Керимоглу встретил их у входа в шатер.

— Что это вы вернулись? — удивленно спросил он.

— Ушли и совсем забыли про твое белье. Принесли обратно! — сказал Мемед.

— А я испугался, думал, что случилось. Пусть белье будет вам от меня подарком. Не снимайте.

— Да разве можно?.. — удивился Мемед.

— Можно, можно. Если снимете, я обижусь.

К скалам они подходили уже в сумерках. Вдали, на вершине скалы, искрился большой огненный шар костра.

— Это наши, — сказал Джаббар. — Кто же еще разведет такой костер? Дурду назло Асым Чавушу велел разжечь такой огромный костер.

— У меня нет больше сил двигаться. Свистни им! — попросил Мемед.

Джаббар сунул два пальца в рот и засвистел.

— От твоего свиста можно оглохнуть. Тебя и на том свете услышат.

Немного спустя со скалы раздался одиночный выстрел. За ним последовала целая серия.

— Не случилось ли чего-нибудь? — беспокоился Мемед.

— Шалый Дурду празднует. Когда у него хорошее настроение, он без конца палит из винтовки.

Сколько они ни свистели, встречать их никто не вышел. Мемед с Джаббаром охватила злость. Пот лил с них ручьем.

Выбиваясь из последних сил, добрались они до костра. Разбойники приветствовали их стоя. Шалый Дурду подошел и в честь их выстрелил несколько раз в воздух.

— Если бы вы сейчас не пришли, мы умерли бы с голоду. Реджеп Чавуш вон все еще стонет. И не из-за раны, а от голода. Клянусь богом!

Костер был огромный. Извивались, переплетаясь друг с другом, высокие, в рост человека, языки пламени. Поленья трещали, от них исходил приятный запах испаряющейся влаги... Сырые дрова разгораются плохо, долго сопротивляются они огню. Потом раскалываются на две части и исчезают в языках пламени.

Мемед подошел к Реджепу.

— Как дела, Чавуш? — спросил он.

— Рана болит, — застонал Реджеп. — Загноилась. Не заживет, наверное. Умру. Я уже полуживой...

Потом Мемед подошел к Хорали:

— Ну а ты как поживаешь, брат?

Хорали разразился бранью:

— Мать твою, жену и детей... Патроны, разбойников, деревню, деревья, землю, скалы, рану и жену Абди-аги!.. Слышал? Абди-ага-то не умер. Вот мерзавец! Но ты не огорчайся, мы еще покажем этому подлецу! Ничего.

— Я вам принес пластырь и мазь. Керимоглу дал. Своими руками приготовил. Старый человек. В два дня все раны заживут... — сказал Мемед.

— И мазь твою туда же!.. — огрызнулся Хорали.

— Не говори так, Хорали, может быть, поможет.

— Дай бог, — пробурчал Хорали.

— Твой Керимоглу хвастался, — вставая, сказал Реджеп. — Хорошо, если мои раны заживут через месяц.

Мемед, сняв повязки, наложил ему на раны пластырь.

— Ох и устал же я... — вздохнул Мемед, подсаживаясь к костру.

— Послушай, Мемед, что говорит о тебе Джаббар. Он говорит, что в шатре Керимоглу ты стоял, разинув рот...

— Было дело. Никогда я не видел такого шатра. Райский уголок... — сознался Мемед.

— Это ведь Керимоглу! Уважаемый человек. Кому же, как не ему, иметь такой шатер! — сказал Джаббар.

— Ты знал его раньше, Джаббар? — спросил Дурду.

— Слышал о нем. Говорят, очень богатый человек. Да и мы своими глазами видели. Должно быть, спит на миллионах.

— Сколько хороших людей на этом свете! А какой гостеприимный! Перевязал мне рану. Накормил досыта. Подарил по паре белья, — восхищался Мемед.

— Очень богатый ага,— подтвердил Джаббар.

— Раз он такой известный и богатый, почему мы о нем ничего не слыхали до сих пор? — удивился Дурду.

— Он ага юрюков, они кочуют,— сказал Джаббар.

— Кочуют или не кочуют, это их дело, но они хорошие люди.

— Стояк в шатре отделан перламутром,— продолжал Мемед.— Что? Перламутром? Ух ты, черт! Так этот дядя действительно богат! Ничего себе: стояк отделан перламутром! — удивленно восклицал Дурду.

— Ну да. Шатер у него большой, в нем стояков десять-пятнадцать. Невестка принесла нам поесть. На шее у нее висело, должно быть, полсотни золотых монет, лир по пять каждая. Богатый и хороший человек. Приятный человек, и лицо у него приветливое, доброе,— говорил Мемед.

— Он прямо опешил, когда узнал, что ты ранил Абди-агу. Уставился на тебя, словно съесть хотел. Помнишь, Мемед?

— Смотрел... ну просто смотрел,— смутился Мемед.

Дурду молчал и пристально глядел на огонь. Лицо его стало задумчивым. Была у него такая привычка, прежде чем принять решение, уставиться на что-либо глазами — будь это человек или дерево, облако, птица, ружье или огонь — и надолго застыть в таком положении.

Стоило ему замолчать, как замолкали все.

— Идите ложитесь. Эту ночь будут в дозоре Хорали, я и Реджеп Чавуш,— строго приказал он.

В такие минуты ему никто не перечил. Он расправился бы с каждым, будь то даже родной отец.

Дозорные молча ушли и устроились под скалой. Наступила тишина. Только Хорали изредка бранился. Стоны Реджепа стихли.

Есть люди, которые вполне довольны уже тем, что они родились на свет. Таким был и Реджеп Чавуш. Люди эти родились только для того, чтобы их любили. Может быть, они в отличие от других обладают какими-то особыми достоинствами, за которые их стоит любить? Вовсе нет. Вот, скажем, Реджеп Чавуш. Разговорчив? Нет. Всегда весел? Тоже нет. Может быть, он любит смеяться, шутить, делать добро людям? Да нет же! Он загадка. Вот уже три года, как он в отряде Шалого Дурду. До этого он больше двух месяцев не оставался ни в одном отряде.

Люди просто поражались тому, как Реджеп Чавуш задержался на три года в отряде Шалого Дурду.

При первой встрече с Шалым Дурду Реджеп сказал:

— Слушай, Шалый. Если бы ты был таким же умным подлецом, как те, я бы тоже больше двух месяцев у тебя не продержался. Я бы не вступил в твой отряд. Те дураки все делают, чтобы попасть в ловушку или получить пулю в лоб. Ты понял?

— Понял,— ответил Дурду.

С того дня Реджеп Чавуш больше не заводил разговора на эту тему. Что бы Шалый ни делал, он не возражал. Ни слова он не сказал Шалому Дурду и когда из-за него был несколько раз ранен.

Никто ничего не знал о его жизни. По выговору можно было подумать, что он из Антепа. Во всяком случае, было ясно, что он долго там жил. Он любил рассказывать об этом городе.

О нем ходило много слухов. Говорили, что, проснувшись однажды ночью, Реджеп Чавуш сказал жене: «Дай мое ружье да приготовь чего-нибудь поесть. Я ухожу». Реджеп хорошенько смазал ружье, надел патронташ. Перед уходом он сказал: «Поддай мой старый колпак. Я ухожу в горы. Прости меня». Жена растерялась: «Ты что, с ума сошел! Встать среди ночи с постели и отправиться в горы! Видано ли это?» Реджеп Чавуш ответил: «Душа требует, жена. Я пошел». И ушел. После этого он домой не возвращался.

Говорят, что Реджеп Чавуш ушел в горы потому, что был зол на зятя. Говорят, зять ссорился с его дочерью. Якобы однажды, входя в дом, он услышал слова зятя: «Чтоб отца твоего...» Его взбесило это. Он не осмелился убить зятя и ушел.

Если верить рассказам, Реджеп Чавуш был очень богат, но не любил платить налогов. Когда в деревне появлялся сборщик налогов, Реджеп притворялся больным и ложился в постель. Говорили, что и в горы-то он ушел, чтобы не платить подорожный налог. Ходил еще слух, что он убил свою тещу и поэтому ушел. Много было толков, но нельзя было отличить, где правда, а где ложь.

Никто не знал, был ли он на самом деле в чем-нибудь виноват. Но независимо от того, почему он в свое время ушел в разбойники, если он теперь попадется, то получит

самое малое лет тридцать. Его имя так связано с налетами, с грабежами на дорогах и даже с убийствами, что...

Светило солнце. Было уже позднее утро. А Дурду не просыпался, хотя обычно не имел привычки спать так долго. Наступил полдень, а он все еще не вставал. Джаббар строил разные предположения: «Тут что-то не так. Шалый никогда так долго не спит. Наверняка готовится к налету. У него привычка вставать поздно перед трудным делом. Это бывает раз в год, а то и в два года один раз. Интересно, куда его понесет сейчас?» Джаббар с любопытством ждал, когда он проснется.

Сегодня Реджеп Чавуш был очень весел. Старческим, слабым голосом он даже затянул какую-то песню.

— Послушайте, ребята,— сказал он, неожиданно обрывая песню,— разбудите-ка Шалого. Надо ведь что-нибудь поесть.

— Я не буду его трогать,— сказал Мемед.

— Я тоже,— отозвался Джаббар.

Тогда к Шалому Дурду подошел Гюдюкоглу.

— Вставай, Дурду-паша, пора,— сказал он.

Гюдюкоглу называл Дурду «паша», и это очень нравилось Дурду. Гюдюкоглу выполнял в отряде разные обязанности. Одной из них было корчить из себя шута.

— Проснись, паша. Уже за полдень перевалило, паша.

Дурду медленно поднялся и протер глаза своими огромными кулаками.

— Быстро поедим — и в путь.

— Что делать с ранеными? У Реджепа Чавуша и Хорали дела плохи...— сказал Джаббар.

— Сможете идти с нами?— обратился Дурду к раненым.

— Я могу. Боль утихла,— сказал Реджеп Чавуш.

— И я с вами. Плевал я на эту рану...— выругался Хорали.

Все уселись в большой круг и принялись за еду. Когда отряд спустился со скал, тени с севера уже сдвинулись на восток. Со стороны стойбища юрюков доносился лай собак.

— Куда мы идем?— спросил Мемед у Дурду. Тот не ответил и только зло глянул на Мемеда.

Мемед не стал повторять вопроса.

Когда Дурду свернул в сторону шатров, Мемед и Джаббар все поняли. Джаббар шепнул на ухо Мемеду:

— Дурду замышляет недоброе.

— Да,— согласился Мемед.

— Если он что-нибудь выкинет с Керимоглу, как нам быть? Что будем делать? — волновался Джаббар.

В походе Дурду было что-то подозрительное. Лицо его почернело. Редко бывало оно таким, как сейчас. Черное, жестокое... Казалось, он готов был даже муху разорвать на тысячу кусков.

— Сколько шатров возле шатра Керимоглу? — спросил Дурду у Джаббара, замедляя шаг.

— Три.

Дурду снова пошел вперед.

У шатров, как и в тот раз, навстречу им бросились собаки. За ними выбежали дети. Потом появились женщины и, наконец, мужчины. Выйдя вперед, Керимоглу улыбался приближающимся к нему разбойникам. Белые овцы и ягнята блеяли около черных шатров, резко выделяясь на их фоне. Вокруг них бегали огромные, как волкодавы, псы. Мирно лежали верблюды. Из рта их текла слюна. Все дышало спокойствием.

— Добро пожаловать. Рады вас видеть в добром здорье,— приветствовал разбойников Керимоглу, пожимая каждому руку.

— Рады тебя видеть,— ответил Мемед.

Его одолевало сомнение. Что собирался делать Шалый? Указав на Дурду, Мемед сказал:

— Это наш атаман.

Керимоглу много видел на своем веку. Он исподлобья взглянул на Дурду и сделал знак Мемеду, что лицо ему незнакомо. Дурду шел мрачный, подняв голову и не оглядываясь по сторонам.

— Как его зовут? — спросил Керимоглу у Мемеда.

— Шалый Дурду.

— Ах, вот он какой! — удивился Керимоглу.

— Он самый.

На розовом лице Керимоглу застыла улыбка. Глаза стали влажными.

— Это он раздевает людей до исподнего?

— Да,— вздохнул Мемед.

Дурду вошел в шатер и тоже поразился его убранству, хоть и не так сильно, как Мемед. На стене висело ружье с инкрустациями. Дурду сердито посмотрел на Керимоглу и властно сказал:

— Ну-ка принеси мне это ружье. Посмотрим, что за ружье у аги.

Керимоглу уловил в словах Дурду угрозу. Он насторожился, недоброе предчувствие шевельнулось в его сердце. Ни в лице, ни в глазах Дурду не было ничего располагающего.

— Приказать, чтобы вам принесли поесть? — спросил Керимоглу, подавая Дурду ружье.

Глаза Дурду блеснули недобрый огоньком.

— В доме, куда я пришел грабить, я не ем хлеба и не пью кофе. Если я что-нибудь съем или выпью, я не могу грабить.

Он быстро вскочил на ноги. За ним вскочили и остальные.

— Ты можешь и есть и грабить! Тот, кто приходит в дом Керимоглу, от еды не отказывается, — отвечал Керимоглу. Голос у него дрожал. Нос покраснел. На лбу выступили крупные капли пота.

— В этих горах много разбойников, — продолжал он, — но до этого дня ни один разбойник не грабил дом Керимоглу. Если ты намерен делать это, делай!

Мемед и Джаббар готовы были сквозь землю провалиться. Оба пылали от негодования.

— Я не такой, как все.

Керимоглу не дрогнул. Он был спокоен так же, как стояк его шатра.

— Сначала принеси деньги, — приказал Дурду.

Реджеп Чавуш и Хорали встали вместе со всеми, но потом снова сели и издали следили за происходящим. В глазах Реджепа таялась улыбка.

Керимоглу не двигался с места. Тогда Дурду медленно подошел к нему и изо всех сил ударил прикладом в плечо. Керимоглу упал. Дурду схватил его за руку и поднял.

В другой половине шатра громко плакали женщины, дети.

— Послушай, ага, ты хозяин над кибитками племени Сачыкаралы, но не надо мной. Здесь, в этих горах, распоряжаюсь я! — Он обернулся к Гюдюкоглу: — Иди с агой и принеси все его деньги. Сними золото с женщин. Понял?

— Понял, паша,

Пытать и отбирать деньги во время налета было одной из обязанностей Гюдюкоглу. И он был виртуозом в этом деле. После того как Гюдюкоглу обыскивал дом, не оставалось ни одного куруша. Обирал все дочиста.

Гюдюкоглу обрадовался. Он взял Керимоглу за руку и потянул:

— Пойдем, Керимоглу. Покажи, где лежат твои денежки. Или я тебе покажу где раки зимуют!

— Керимоглу, слушай,— сказал Дурду,— или отдашь нам все до последнего, или...

У входа в шатер столпились дети и женщины.

— А ну по домам! — закричал на них Дурду. — Скоро очередь дойдет и до вас.

Керимоглу стал искать глазами Джаббара и Мемеда. Они стояли сзади. Обернувшись, он встретился взглядом с Мемедом. Мемед опустил глаза. Керимоглу перевел взгляд на Джаббара. В глазах Керимоглу блеснули слезы обиды. «Так-то вы меня отблагодарили?» Керимоглу повернулся к ним спиной и пошел впереди Гюдюкоглу. Он подошел к группе плачущих женщин и сделал знак одной из них:

— Открой сундук и отдай этому человеку все деньги. Снимите с себя все золотые вещи, браслеты, кольца и отдайте их мне,— приказал он.

Керимоглу было ясно: Дурду решил отнять у него все до последнего гроша. Поэтому все, что имелось в шатре, он должен был передать Дурду собственными руками.

Гюдюкоглу вручил Дурду пачку денег, мешочек с золотом, а Керимоглу — снятые с женщин кольца, браслеты, ожерелья и расшитые золотом головные уборы.

— Это все? Ничего не осталось? — спросил Дурду.

— Ничего,— решительно ответил Гюдюкоглу.

Обычно в таких случаях Гюдюкоглу говорил: «Осталось, паша», отправлялся и приносил еще золотую или бумажную лиру. Он обшаривал дом по десять-двадцать раз и приносил все, что можно было найти. И только после этого делал жест, обозначающий, что теперь уже ничего не осталось. Гюдюкоглу узнавал по лицу тех, кого он грабил, осталось ли что-нибудь еще или нет, и никогда не ошибался.

— Ты умный человек, Керимоглу,— сказал Дурду,— ты правильно сделал, что отдал все собственными руками. Все равно мы отобрали бы силой. Многих я грабил, но среди них не встречал никого умнее тебя.

Керимоглу окаменел. Лицо его побледнело. Губы дрожали.

А Дурду снова загремел:

— У Шалого Дурду есть одна привычка. Другие разбойники этого не делают. Знаешь какая?

Керимоглу молчал.

Дурду продолжал:

— Когда Шалый Дурду кого-нибудь грабит, он снимает все. Раздевайся!

Керимоглу не шевельнулся.

— Раздевайся, тебе говорю!

Керимоглу стоял все так же неподвижно.

Дурду рассвирепел. Он подошел к Керимоглу и наотмашь ударил его по лицу. Потом несколько раз ударил прикладом в грудь... Керимоглу покачнулся и упал. Дурду ударил его еще раз.

— Раздевайся!

— Не делай этого со мной, Дурду...— сказал Керимоглу.— До сегодняшнего дня никто не нападал на дом Керимоглу. Это тебе так не пройдет!

Его слова привели Дурду в бешенство. Он начал пинать старика ногами. Керимоглу только повторял:

— Это тебе даром не пройдет...

— Я знаю, что не пройдет!— кричал Дурду.— Поэтому я и раздену тебя. Тогда хоть скажут, что Шалый Дурду снял штаны с Керимоглу!

К ним подбежало несколько женщин. Одна из них с криком бросилась к Керимоглу. Гюдюкоглу оторвал ее от Керимоглу и отшвырнул в сторону.

— Если сам не разденешься догола, я тебя убью!— орал Дурду.

Женщины кричали в голос.

— Не делай этого на глазах детей, семьи...— стонал Керимоглу.

На какую-то долю секунды глаза его встретились с глазами Мемеда, который застыл на месте и только дрожал. Старик умоляюще смотрел на него. Мемеда словно обожгло. В глазах его снова вспыхнули злые огоньки. Он взглянул на Джаббара. Тот кусал губы.

— Не делай этого, Дурду!— продолжал умолять Керимоглу.

— Раздевайся!..— кричал Дурду.

Он приставил дуло ружья ко рту Керимоглу.

— Раздевайся!

Вдруг Мемед выскочил из шатра.

— Стой, Шалый Дурду! Или я уложу тебя на месте!

Затем послышался насмешливый голос Джаббара.

— Не шевелись, Дурду! Отпусти его. Не то застрелю. Мы с тобой друзья, и мне не хотелось бы быть причиной твоей смерти.

— Не хотелось бы, чтобы ты умер по нашей вине,— повторил Мемед.

Дурду не ожидал этого. Он растерялся.

— Значит, так?..

Он поднял ружье и два раза выстрелил в воздух.

Сумерки сгущались.

— Так не стреляют,— сказал Мемед, и две пули просвистели над ухом Дурду.

— Оставь его. Хватит, поиздевался. Оставь его и уходи!

— Ах вот как, Тоший Мемед?..

— Оставь его и выйди из шатра.

— Пошли,— сказал Дурду разбойникам и еще раз пнул ногой Керимоглу.

Выйдя из шатра, Шалый увидел Тошего Мемеда, залегшего в овраге.

— Будь ты проклят, Тоший Мемед! Будь проклят и ты, Джаббар! — крикнул Дурду.

Последним из шатра вышел Реджеп Чавуш.

— Молодцы! Это мне нравится! Я бы хотел остаться с вами! — сказал он.

— Оставайся, Реджеп Чавуш! — крикнул Мемед.

— Значит, и ты с ними? — повернулся Дурду к Реджепу.

— Да, с ними,— спокойно ответил Реджеп.

— Будь ты проклят! — сказал Дурду.

Дурду со своими друзьями расположился метрах в пятидесяти от оврага. Лежа на земле, он крикнул:

— Беритесь, ребята, за оружие. Сегодня решается, жить нам или умереть.

Шесть человек разом начали стрелять. Мемед и Джаббар знали, что Дурду поступит именно так, поэтому они не выходили из оврага.

— Ступай своей дорогой, Дурду! Не дури! — крикнул Мемед.

— Или вы, или я!.. — отвечал Дурду.

— Дурду, послушай, ступай своим путем,— раздался голос Реджепа.— Не приставай к ребятам. Ты накликать на себя беду тем, что тронул Керимоглу. Племя Сачыкаралы уже знает об этом. Скоро они прочешут горы. Да так, что и блоха не проскочит. Иди своей дорогой!

— Иди своей дорогой,— повторил Мемед.

— Мы не хотим быть причиной твоей гибели. Иди своим путем...— кричал Джаббар.

Стрельба прекратилась.

— Уходят, сволочи. Идут делить деньги Керимоглу,— сказал Джаббар.

— Пусть уходят. Племя Сачыкаралы им покажет. Им это так не пройдет. Скоро придут люди из племени Сачыкаралы... Если это тот самый Керимоглу, им несдобровать,— сказал Реджеп Чавуш.

— Ну что мы скажем Керимоглу? Как мы посмотрим ему в глаза? — спросил Мемед.

— Он нам сделал добро, а мы ему чем ответили? Ну что мы ему скажем? Это, мол, называют у нас мужеством! Сказать ему, что мы так раздеваем людей? Лучше уж не показываться ему на глаза,— решил Джаббар.

И все же, выйдя из оврага, они направились прямо к шатрам. Оттуда доносился шум, женский плач и крики. Заглянув в шатер, они увидели, как несколько женщин, нагнув голову Керимоглу над тазом, смывали кровь. При этом все громко причитали.

— Керимоглу-ага,— сказал Мемед.

Все головы обернулись к нему.

Рассудок подсказывал Мемеду, что надо бежать. Но бежать он не мог.

— Не сердись,— сказал Мемед.— Мы не думали, что так получится.

И тут он повернулся и побежал.

— Постой,— кричал ему вслед Керимоглу,— куда же ты без ужина? Постой...

Мемед подбежал к Джаббару:

— Вставай, пойдем. Я не могу больше оставаться здесь. Мне тяжело...

— Что поделаешь, так случилось...— поднимаясь, сказал Джаббар.

— Мы должны были убить Шалого,— вздохнул Мемед.

— Его не так легко убить, Мемед. Это такая тварь! Разве я его бы так выпустил...

— Чтобы он сделал, если бы получил пулю в лоб?

— Пуля его не берет. Я никогда не встречал таких людей.

— В этом человеке что-то есть. Что бы он ни делал, ему все сходит с рук. Другой и дня не прожил бы... В нем что-то есть. Хорошо, что мы расстались с ним. Но какой отчаянный человек! Он каждую минуту идет на смерть,— сказал Реджеп Чавуш.

— Это меня и пугало! Поэтому я и не убил его. Иначе...— покачал головой Мемед.

— Как бы там ни было, есть в нем что-то! — сказал Джаббар.

* * *

— Давай поспим,— предложил Али.

— Зачем? Идти осталось немного. К обеду будем в деревне,— возразил Хасан.— Переночуешь у нас, а утром ты отправишься в путь и к ужину будешь уже дома.

Али был высокий и такой худой, что, казалось, дунешь на него, и он упадет.

— Куда мы пойдем, когда ни зги не видно. Переспим лучше здесь. Ведь до утра осталось всего час или два.

— Я ни минуты не могу ждать,— рассердился Хасан.— Вот уже четыре года я не был дома.

— И я тоже, но...

— Тогда что же ты?..— в недоумении спросил Хасан.

— Устал.

— Здесь есть родник. Пойди умойся, и вся усталость пройдет.

— Нет, от холодной воды еще хуже,— сказал Али.

— От нашей воды?.. Да разве где-нибудь есть еще такая вода!? Холодная, как лед, бьет ключом из-под земли, клокочет, бурлит, белая, как молоко... Раньше здесь, над родником, рос огромный чинар. Я сам его видел, своими глазами... Как-то лил дождь. Небо почернело от туч. Вдруг загрохотало, и молния как ударит — прямо в чинар... Он превратился в пепел. Клянусь аллахом, в пепел... И вот следа от него не осталось!

— Три года моя мать плачет одна,— перебил его Али.— Теперь я возвращаюсь с деньгами.

Всю дорогу Али повторял эту фразу, не переставив в ней ни слова. Он без конца рассказывал, с каким трудом достались ему заработанные деньги и как он собирается их истратить. Потом Хасан и Али замолчали, но скоро опять начали каждый о своем. Хасан рассказывал о деревне, о детях, о чинаре, который превратился в пепел, о Чукурове и о своем хозяине. А у Али на уме было совсем другое.

— Двести лир я отдам родителям невесты и увезу ее к себе домой. Куплю им еще пару волов. Матери закажу теплую кофту. Бедная, она все время мерзнет. Потом сменю крышу — старая протекает, — чтобы любой дождь выдержала. Крыша стала совсем дырявая, черт ее побери.

— Да, нужно сменить! Нет ничего хуже дырявой крыши.

— Я чуть не погиб на Чукурове. Прямо сгорел весь. Человек там поджаривается, как на вертеле. Туда бы только гяуров! Я больше не останусь! Малярией заболел в эту зиму, теперь придется помучиться.

— У меня тоже малярия, — заметил Хасан.

— На Чукурове я мучился только потому, что нужно было накопить денег для женитьбы, купить пару волов и справить матери теплую кофту. А то я бы не вытерпел.

— Да, вытерпеть трудно. Если мы будем так идти, то доберемся до дому только завтра к полудню.

— Вон там... — перебил его Али.

— Да, где-то там, на равнине...

— Большое...

— Дерево, на нем всегда шелестит листва.

— А за деревом...

— Да, влево, за деревом...

— Гора камней...

— И там заброшенное кладбище.

— И посреди него растет дерево.

— В тот день, когда я уходил из деревни, кто-то посадил посреди кладбища тоненькое, толщиной в руку, деревце с увядшей листвой.

— Да, бедное, одинокое дерево... — подтвердил Али.

— Вон там.

— Да, но оно, наверное, засохло...

— Когда я буду проходить мимо кладбища, меня кто-нибудь увидит.

— Не кто-нибудь, — поправил Хасан, — а сын Керд-же — Бекир.

— Да, Бекир увидит, он часто сидит на камне у родника, смотрит на воду и все о чем-то думает.

— Это у него привычка такая?

— Да...

— Бекир зайдет к вам и скажет: «Хасан вернулся!»

— И моя сгорбившаяся мать...

— Упадет на колени...

— Бросится на дорогу встречать меня...

— Спросит: «Ну, как ты, сынок?»

— Давай немного передохнем здесь, — предложил Хасан.

Друзья присели. Хасан был щуплый, низкого роста. Когда он говорил, на его загорелом лице сверкали крупные зубы. Длинные, густые ресницы покрыты пылью. На нем были простые голубые шаровары, совсем новые, еще не утратившие фабричного запаха. Чудом державшаяся на голове фуражка — тоже новая. Минтан с красными цветочками подходил к фуражке. На ногах — новенькие узорчатые носки домашней вязки и чарыки из сыромятной кожи; ботинки, купленные в Адане, Хасан жалел и в дороге не надевал.

— Ох, как я устал! — сказал он.

— Вставай, довольно отдыхать... Нам нельзя оставаться здесь. Знаешь, что говорят старики?

— Дорога дана для того, чтобы идти по ней вперед.

— Да, брат, пойдем. Моему сыну теперь уже шесть лет. А когда я уходил, ему было только два года.

— А теперь шесть...

— Меня встретят мать и сын.

— Сыну скажешь тебе «отец», и мы войдем в дом.

— Все крестьяне соберутся ко мне. «Ну, Хасан-эфенди, скажут они, рассказывай, сколько ты заработал на Чукурове?» А я отвечу: «Ничего, что можно там заработать? Сходили туда и вернулись!»

— Утром я встану рано, поем похлебки, которую приготовит твоя мать, и отправлюсь в путь...

— Ты уйдешь, Али, а мы с сыном пойдем в соседнюю деревню покупать больших рогатых волов. Потом я пойду на берег реки и очищу от камней свою землю.

— Потом ты дважды ее перепашешь, как обычно делают на Чукурове, чтобы земля стала мягкой и рассыпчатой, как мука, и засеешь...

— Да, и взойдут на ней такие всходы... Дружные и густые.

— Кофту для матери я сам закажу в Гёксюне.

Хасан наклонился к Али и почувствовал его дыхание.

— Сколько лет прошло, как ты ушел из деревни? — спросил он.

— Уже три года...

— Как только вернешься, сразу же забирай свою невесту.

— Да, она, бедная, долго меня ждала. В этом году исполнится шесть лет, как мы обручились. Как вернусь, отдам деньги ее отцу. А на второй день...

— Ты сделаешь доброе дело, — сказал Хасан.

— Все мучения мои на Чукурове забудутся в один день, — сказал Али.

Друзья замолчали; дорога круто поднималась в гору. Они перевалили через холм, и перед ними открылась бескрайняя равнина. Над равниной стелился густой туман. На обочине дороги слышался шорох. Друзья остановились. Вдруг щелкнул затвор винтовки.

— Не шевелитесь, — проговорил кто-то.

— Мы погибли, — прошептал Хасан.

— Да, погибли, — повторил Али.

— Бежим. Пусть убивают! Лучше быть убитым, чем раздетым. А не убьют — доберемся до дому.

— Давай, — согласился Али.

Они побежали. Вслед им посыпались пули, Али и Хасан припали к земле.

Тот же голос приказал:

— Ни с места. Мы идем к вам.

Али и Хасан боялись пошевелиться. Мемед, Джаббар и Реджеп подошли к ним.

— Вставайте! — сказал Мемед. — Откуда вы?

— Из Чукуровы, братец, — ответил Хасан.

— Да, оттуда, — повторил Али.

— Значит, много денег заработали. А мы тут умираем с голоду. Доставайте-ка деньги, — улыбаясь, сказал Джаббар.

— Лучше убейте меня! — закричал Хасан, — Вот уже четыре года...

— Давай, давай,— настаивал Джаббар.
— Лучше убей меня, ага,— повторил Хасан.
— Шесть лет ждет меня невеста,— сказал Али.— Что с ней будет, если меня убьют...

— Целых шесть лет!..— повторил Хасан.

Джаббар просунул руку за пазуху Хасана и вытащил пропитанный потом сверток. Джаббар развязал его. В конверт были завернуты бумажные деньги.

— Смотри, как много денег! И как он их запрятал! — сказал Джаббар.

— Приставляй ко рту дуло винтовки и стреляй. Убей лучше. С пустыми руками я не пойду к жене и детям,— говорил Хасан.

— Целых шесть лет!..— твердил Али.— Мне незачем жить. Убейте меня! Я не сойду с места!

— Целых четыре года я пил горькую воду Чукуровы,— продолжал Хасан.— Заболел там малярией.

— Убейте нас!..— простонал Али.

— Убейте!..

На глазах у Мемедов навернулись слезы.

— Послушайте,— сказал он,— деньги ваши мы не возьмем. Джаббар, отдай им деньги.

Хасан не верил своим глазам. Испуганно протянув дрожащие руки, он взял деньги. От растерянности он не знал, что сказать.

— Дай аллах тебе долгих лет жизни,— вымолвил наконец он и заплакал.

— Долгих лет жизни!..— повторил Али.

— Вот что я вам скажу,— продолжал Мемед.— Не ходите через равнину Чанаклы. Там сейчас орудует отряд Шалого Дурду. Они до нитки ограбят вас. А теперь счастливого пути. Да поможет тебе аллах встретиться со своей невестой...

Мемед осекся. Он хотел сказать что-то еще, но не мог. Хасан плакал, громко всхлипывая, как ребенок, и никак не мог сдержаться.

— Спасибо! Спасибо, братцы,— крикнул Хасан вслед удаляющимся разбойникам.— Будьте счастливы! Да выведет вас аллах из этих гор и соединит вас с любимыми!

Друзья пошли своей дорогой, то и дело оборачиваясь назад и благословляя своего избавителя.

Разбойники уже скрылись из виду, а Хасан все плакал.

— Хватит, Хасан,— сказал Али.— Успокойся!

— Сколько на свете хороших людей! Взять хотя бы этого парня-разбойника! Если бы не он, тот детина отобрал бы у нас деньги.

— Не отобрал бы...

— Если мы пойдем не через равнину Чанаклы, то доберемся до нашей деревни только через два дня.

— А что делать?

— Даже если всю равнину Чанаклы отдадут мне, даже если путь наш удлинится не на два дня, а на два месяца, я все равно не пойду через нее.

— Если так, то давай как следует отдохнем. Больше по дороге не пойдем. Будем осторожно передвигаться по обочинам.

Они присели.

А тем временем Мемед говорил своим спутникам:

— Отобрать у них деньги значило убить их. Им не так страшно умереть, как потерять заработанные деньги.

— А тот, высокий, как он умолял, чтобы его убили,— добавил Джаббар.

— Да, кто знает, какие надежды они возлагали на свой заработок?..

— Целых шесть лет его ждала невеста!

— Если бы они пошли через Чанаклы, Шалый Дурду непременно ограбил бы их.

— Прямо беда, что по свету ходит этот Шалый! — не вытерпел Джаббар.

Мемед, Джаббар и Реджеп вернулись туда, где укрывались раньше. У Реджепа болела шея, и он был безучастен ко всему происходящему.

— Со мной творится что-то неладное, ребята,— сказал Реджеп.— Сердце леденеет, какой-то озноб... Если я умру...— Тут он замолк, будто пожалел, что произнес эти слова.

— Из-за такой раны ничего с тобой не случится,— утешал его Мемед.

— Ложись, поспи немного,— посоветовал Джаббар.

Реджеп закрыл глаза, стараясь уснуть.

Прошло немного времени. Мемед подошел к Джаббару, словно хотел сообщить ему какую-то тайну:

— Мы ведь теперь с тобой братья?

— Кто же в этом сомневается! — радостно воскликнул Джаббар.

— Ох, Джаббар, места себе не найду... Сердце как в огне горит!

— Говори, брат, может, вместе что-нибудь придумаем.

— Много месяцев прошло с тех пор, как я это сделал. Теперь известно, что я ранил Абди-агу и что он не умер. Но что с Хатче? С матерью? Так хочется узнать... Все время гонялись с этим Дурду, бесконечные грабежи, схватки... Так и не мог выбрать время разузнать о них...

— Пойдем в деревню и узнаем. Чего ты волнуешься?

— Этот гаур не умер. Он наверняка сделал что-нибудь с Хатче. Нехорошо у меня на душе. Болит... Сердце мне говорит: «Не жди, Мемед, иди в деревню».

— Вот заживет рана у Реджепа и пойдем.

— Сердце не велит ждать, брат Джаббар.

ХІІІ

На равнину привели его с гор,
На него не глядел я, прятал взор.
Передай мой привет младшей дочери бей,
Поднимись на вершину, рукой мне махни.

Кликни гору Нукраг, а Офун даст ответ,
Жир орлиный спасет от болезней и бед.
Видишь, бей, я у ног твоих, я умоляю,
Поднимись на вершину, рукой мне махни.

Ираз было двадцать лет, когда она осталась вдовой с девятимесячным ребенком на руках. Она очень любила своего мужа.

— Да накажет меня аллах, если я выйду замуж после смерти Хусейна,— поклялась Ираз над его прахом.

Она сдержала свое слово и не вышла замуж.

После смерти мужа Ираз поручила смотреть за ребенком родственнице, а сама принялась пахать землю, которую не успел вспахать муж. За месяц она все сделала и засеяла свой участок.

Настало лето, и она сама собрала урожай. Ираз была сильная, здоровая женщина. Никто не слышал от нее слова жалобы. Часто брала она ребенка на руки и, играя с ним, ходила по деревне.

— Разве мой ребенок не вырастет, если на него не посмотрят дядюшки? — говорила она.

Но вот старший из дядей посватался к Ираз.

— Не пойду я замуж,— ответила Ираз.— Не допушчу,

чтобы в постели моего Хусейна спал другой мужчина. Если даже до светопреставления доживу, все равно не выйду.

— Ираз,— говорили ей,— он же брат твоего мужа. Он не чужой тебе. И дядя твоего сына. Ребенок будет любить его, как родного отца.

Но Ираз не соглашалась.

Деверь возненавидел Ираз и отобрал у нее землю, которая осталась ей от Хусейна. По правде говоря, он не имел никакого права на эту землю.

После смерти отца три брата поровну разделили землю. И одна часть досталась мужу Ираз—Хусейну.

Как теперь быть? Ираз молода, неопытна, не знает, куда и кому жаловаться.

Ираз так и осталась без земли. Но она не унывала.

— Разве мой ребенок не вырастет, если его дяди так жестоко поступают с ним? Разве мой Рыза не вырастет? Разве не вырастет он без земли?

Летом она батрачила, зимой работала в домах богатых людей. Она ни минуты не сидела сложа руки. Ребенок у нее всегда был чистенький и здоровый, а Ираз все время напевала, но ее песня была похожа на плач.

— Мой сиротинушка, разве он не вырастет?

И вот он вырос.

Почему они так бедны? Почему у них нет земли? Рыза почти каждый день спрашивал об этом мать, крестьян. В его душу запала печальная песня, песня о страданиях и горе матери, о ее тяжелой судьбе и несливаемой воле. «Разве моя крошка не вырастет?»

Рызе шел двадцать первый год. Он был строен, как тополь. В деревне Сакаркёй не было парня, который мог бы тягаться с ним в верховой езде, в стрельбе, в метании дротика, в пляске. Однако ни мать, ни сын не могли найти покоя... В их сердцах ныла незаживающая рана. Иметь свою землю и батрачить, работать на чужих людей!

Земля в деревне Сакаркёй очень плодородна... Да ее здесь и больше, чем в других деревнях. Здесь равнина. В самом центре равнины виднеется белая точка. Это огромный, как скала, камень — «Островок». Когда все посевы начинают зеленеть, «Островок» резко выделяется на фоне зеленого ковра хлебов.

Один из самых больших участков у «Островка» когда-то принадлежал отцу Рызы. А теперь вот уже многие годы

его обрабатывает дядя Али. Хороший участок... Рыза мечтал об этой плодородной, щедрой земле... И чем больше он мечтал, тем сильнее становилась его ненависть. Куда бы он ни шел, где бы он ни пахал, мысли его всегда были возле «Островка». Как будто у подножия этой скалы покоилась его любовь. Каждый день мать говорила ему:

— Ох, сынок, земля у «Островка»... Отец твой этим участком кормил нас досыта. Чтоб он ослеп, этот Али!..

Рыза опускал голову и, погруженный в свои мысли, уходил куда глаза глядят. Он слышал запах этой плодородной земли... Тоска по земле не давала ему покоя...

— Этот гяур, дядя твой!.. Это ему даром не пройдет!

В последние дни с Рызой творилось что-то неладное. Никогда он не был таким. Встает чуть свет и отправляется в путь... прямо к «Островку»... Он приходит на поле к подножью скалы, садится на камень и о чем-то думает... Посевы взошли дружно. По земле ползают жуки. С восходом солнца от нее поднимается пар. Тоска по земле — горькая тоска. Рыза опускает руку в мягкую, теплую землю. Затем поднимает ее, сквозь пальцы сыплется золотистая пыль.

«Ведь это моя земля, моя, — говорит он сам себе, испытывая радостный трепет во всем теле. — Но вот уже двадцать лет, как ее засевают и собирают урожай чужие люди». Рыза встает и, усталый, но полный решимости, возвращается домой.

— Где ты пропадал с самого утра, сынок? — спрашивает Ираз.

Рыза молчит, лицо его темнеет.

Так продолжалось два месяца. Хлеба поднялись до колен. Бледно-зеленые поля потемнели.

Однажды Рыза спросил мать:

— Мать! Ведь это наша земля?..

— Конечно, наша, сынок. Чья же еще?..

— Тогда я пойду к властям.

— Я только и ждала этого дня, сынок.

— Я спрашивал у стариков. Еще при жизни отца братья поделили землю деда между собой. Даже если бы не поделили, все равно наша доля должна быть нашей. Эта земля досталась мне от деда.

— Конечно, наша земля должна принадлежать нам, сынок.

Так как дело касалось наследства, в суде оно разбира-лось не очень долго. Участок жирной мягкой земли у под-ножия «Островка» возвратили Рызе. Молодой Рыза, мно-гие годы тосковавший по земле, любил ее, как девушку, как мать. Земля ему была передана летом. Она горела под лучами солнца. Хлеб был убран, блестела только короткая стерня.

Рыза раздобыл пару волов, чтобы перепахать сухую землю. Земля легко вспарывалась под лемехом плуга. Рыза только и думал о том, как бы поскорее вспахать поле, закупить семена, даже если запросят тридцать-сорок про-центов годовых.

Если перепахиваешь сухую летнюю землю, то ее нужно проходить плугом два раза: первый раз — за два часа до рассвета и второй раз — после обеда, когда стихает запад-ный ветер. Утром волы тянут плуг до тех пор, пока не на-чинает припекать солнце. Как только становится жарко, на волов набрасываются слепни. Животные останавли-ваются. Приходится бросать работу. До вечера можно от-дохнуть в тени какого-нибудь дерева. К вечеру, когда над морем появляются перистые облака, крестьяне снова начи-нают пахать и пашут при лунном свете до полуночи, а если луны нет — пока не стемнеет.

Рыза пахал с утра, пока не становилось жарко, и по-сле обеда — до полуночи. Он не жаловался ни на зной, ни на усталость. Иногда он так увлекался, что пахал до утра. Вспаханная мягкая земля, освещенная лунным светом, ка-залась еще красивее. Ночь... Тишина... Слышно только, как лемех плуга врзается в землю.

Ираз гордилась сыном, гордилась, что вырастила та-кого сильного, стройного парня, который отобрал у про-клятых родственников свою землю. В эти дни она ходила по деревне счастливая.

Если кто-нибудь спрашивал ее про Рызу, она отвечала: — Он пашет свой участок!

Четырнадцатое число. Полнолуние. Дует прохладный ветерок. Волы медленно тащат плуг, ноги их глубоко по-гружаются в землю. Несмотря на лунный свет и на блеск словно луженой земли, Рызу клонило ко сну. Он устал. Отпустив волов, он положил голову на бугорок и заснул. На огромной равнине издали он казался маленькой точкой на черном клочке вспаханной земли...

Утром, как всегда, одиннадцатилетний мальчуган Дурмуш, родственник Рызы, принес ему завтрак. Солнце поднялось высоко и уже сильно накалило землю. Мальчик, как обычно, искал Рызу под деревьями. Сейчас вот Рыза, заметив его, встанет и, улыбаясь, пойдет навстречу. Он схватит его за локти и поднимет в воздух. Но где Рыза? Мальчик в недоумении. Он обошел все деревья. Нет... Наконец он увидел Рызу, который лежал посреди поля. Волов не было. Подойдя к Рызе, мальчик в ужасе уронил завтрак и с диким криком бросился назад. Он тяжело дышал, с трудом держась на ногах. Он кричал, но из горла вырывался только хрип. Наконец он добрался до дома Рызы и повалился на землю. Сбежались женщины. Они пытались потянуть мальчика за язык, чтобы прошел испуг. Дали ему холодной воды. Полили на голову. Немного погодя мальчик пришел в себя:

— Рыза лежит там... в крови... около него лужа крови... И изо рта — кровь...

Женщины все поняли. Они молча опустили головы. Весть об убийстве Рызы вмиг облетела деревню. Дошла она и до Ираз. В отчаянии схватилась она за голову и побежала к «Островку». За ней бежали крестьяне.

У Рызы была рассечена шея. Голова сползла с бугорка, на который он прилег.

— Сын мой! — с воплем кинулась Ираз на тело убитого.

Рыза лежал, поджав колени. В яме перед ним — лужа крови. Кровь загустела. В ней копошились слепни и мухи...

А вокруг сияло солнце. Было жарко и пахло кровью. Над трупом вились мухи... Они блестели в лучах солнца... Кровь не пенилась, застыла. Но от яркого солнца и жары она словно бурлила. А может быть, людям так казалось...

— Сиротинушка мой! Не дожидая я до светлого дня... — стонала Ираз.

Женщины, мужчины и дети кольцом окружили тело убитого. Женщины плакали.

— Храбрый мой! Кто посмел убить тебя?

Ираз металась и билась над трупом. У крестьян разрывались сердца от ее стонов.

Две женщины подошли к Ираз; они хотели ее поднять, но она так крепко обхватила труп, что оторвать ее было невозможно.

— Похороните и меня вместе с Рызой! — молила она.

Так до вечера пролежала Ираз, припав к телу сына. О случившемся дали знать в касабу. Прибыли жандармы, следователь и врач. Жандармы с трудом оторвали плачущую Ираз от тела сына. Глаза у нее были красные, лицо потемнело. Она упала на землю и долго лежала неподвижно, словно мертвая, не проронив ни звука.

Ираз, как этого требовал закон, привели к следователю.

— Кто убил твоего сына? — спросил он. — Кого ты подозреваешь?

Лицо Ираз вытянулось. Пустыми, ничего не видящими глазами она взглянула на следователя.

— Кто убил твоего сына? Кого ты подозреваешь? — повторил он.

— Гяуры, — ответила Ираз, — кто, кроме них, мог убить моего сына? Дядя его убил, из-за земли.

Следователь начал записывать показания в протокол. Толпа постепенно редела. На безотрадной равнине остались только труп, облепленный зелеными мухами, хомут с плугом, будто ожидающий убежавших волов, и несчастная мать, у которой от горя иссякли слезы. Полоска черной, жирной земли, как бы вытканная рукой человека, темнела посреди желтой равнины.

Али арестовали за убийство и отвели в жандармский участок. Он заявил следователю, что в злополучный день был в деревне Оксузлу на свадьбе. Показание Али подтвердили и свидетели. Деревня Оксузлу была в четырех часах езды от Сакаркёя. Но Ираз и все крестьяне знали, что Рызу убил Али, убил из-за земли. Вот почему все были удивлены, когда через два дня после убийства Али вернулся в деревню целый и невредимый. Ираз была уверена, что его повесят. Мысль об этом успокаивала ее. Но, узнав, что убийца разгуливает по деревне, Ираз не выдержала. Как безумная, выскочила она с топором на улицу и побежала прямо к дому Али. Ираз решила зарубить убийцу своего сына.

Родные Али, увидев Ираз с топором в руках, закрыли дверь на засов. Тогда Ираз стала рубить дверь... Али дома не было. В доме были только родители Али, две девочки и маленький мальчик. Дверь трещала под ударами топора. На шум сбежались крестьяне. Вокруг дома собралась толпа, но люди боялись приблизиться к Ираз. По правде говоря, они и не хотели подходить к ней. Пусть отомстит за сына...

Из дома доносились голоса:

— Не делай так, мать! Мы ни при чем. Али нет дома. Уходи!

Отец Али кричал:

— Уходи, Ираз, Али нет дома!

Вдруг откуда ни возьмись из толпы выскочил Али и выхватил из рук Ираз топор. Он оттолкнул от дверей обесилевшую женщину и начал топтать ее ногами. Крестьяне с трудом отняли от него Ираз.

В ту же ночь Ираз подожгла дом Али. Крестьяне пытались погасить пожар. Али помчался в жандармский участок. Там рассказал он о том, что сделала Ираз.

— Дом еще горит! — кричал он.

Рассветало, когда Али с жандармами вошел в деревню. Крестьяне обступили их.

— Не бери греха на душу, Али. Несчастная потеряла такого сына. У нее болит сердце, — говорили крестьяне. — Она не знает, что делает. Не сыпь соль на живую рану. Ведь ты сгноишь в тюрьме бедную женщину. Крестьяне потушили пожар.

Но Али не послушал их уговоров. Жандармы увели Ираз в участок. На допросе Ираз сказала:

— Да, я изрубила двери. Все это сделала я. Если бы мне удалось попасть в дом, я бы всех, кто там был, зарубила топором. Но мне не удалось. Даже и такой мести за сына было бы мало. Я подожгла дом. Думала, что ночью вся его семья сгорит. Да разве бессовестные крестьяне помогут? Донесли в касабу. Погасили пожар. Неужто это много за моего Рызу? Мой сирота был достоин своего отца. А знаете ли вы, как я растила сына? Неужели это много за моего сына?

На суде Ираз говорила то же самое. Ее арестовали и посадили в тюрьму, но и в тюрьме она не отступила от своих слов. Ираз повторяла:

— Мой сын стоит всей деревни, всей страны. Это не много за него, нет...

Ираз бросили в камеру. Этого она не ожидала. Ведь она подожгла дом, мстя за сына, за такого сына! Несправедливость казалась ей тяжелее, чем утрата. Ираз не поднимала головы, ничего не замечая вокруг себя. Протянув вперед руки, как слепая, ходила она по камере. Потом опустилась в углу и сидела, безмолвно и неподвижно, как камень, упавший на дно колодца.

Голова ее была повязана косынкой. На смуглом от загара лице сверкали большие голубые глаза. Тонкие, немного выгнутые брови придавали лицу особую красоту. Лицо было широкое, удлинявшееся книзу. На высокий лоб спадали вьющиеся волосы. Сейчас Ираз была печальна. Лицо ее исхудало и почернело. Белки глаз налились кровью от долгих рыданий. Подбородок казался высохшим, бескровные губы потрескались от жажды. И только косынка на голове сверкала белизной.

Время от времени Ираз бормотала:

— Мой сын подобен скале. Он — достойный сын своего народа. Если я целую деревню превращу в пепел, то и этого будет мало за моего сына.

Хатче никак не могла заговорить с новой арестанткой. Она очень обрадовалась приходу Ираз. В камере появилась еще одна живая душа... Хатче радовалась ей и очень ее жалела. Что с ней случилось? Да, Хатче знала, что здесь, в тюрьме, нет места радости. Здесь только несчастье. Хатче хотелось расспросить женщину о ее горе, но язык ей не повиновался. Трудно расспрашивать тех, кто так страдает. В таких случаях не знаешь, о чем спросить. Хатче долго молча смотрела на Ираз.

Вечером на тюремном дворе Хатче разожгла мангал и начала варить пшеничную похлебку. Она внесла пахнущую луком и прогорклым маслом похлебку в камеру. Над кастрюлей поднимался пар. Когда похлебка остыла, Хатче с опаской подошла к Ираз:

— Ты, наверное, голодна. Вот, поешь похлебки.

Но Ираз словно не видела и не слышала Хатче.

— Поешь, — повторила Хатче ласково, — поешь немного. Ты, наверное, проголодалась.

Ираз сидела как изваяние. Глаза ее ничего не выражали, они даже не моргали, совсем как у слепых. Но слепые смотрят так, будто хотят прозреть, а в глазах Ираз этого не было. Глухие напрягают слух, чтобы что-нибудь услышать, а Ираз даже не пыталась.

Хатче слегка толкнула ее и снова сказала:

— Поешь!

Глаза Ираз остановились на Хатче. От этого взгляда Хатче растерялась, вся съежилась. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Поставив перед Ираз миску, Хатче, тяжело дыша, выскочила во двор. Там она оставалась до тех пор, пока тюремщик не начал закрывать

двери. Хатче боялась войти в камеру, боялась снова увидеть эту несчастную женщину. Сердце ее сжималось. Когда за Хатче захлопнулась дверь камеры, она, дрожа, со страхом посмотрела в угол, где сидела Ираз, бросилась к своим нарам и залезла под одеяло. Свернувшись в комок, девушка некоторое время лежала неподвижно. Стемнело, но Хатче даже не встала зажечь лампу. С наступлением темноты она всегда зажигала лампу, но сегодня не решалась этого сделать. Ей казалось, что, как только она зажжет лампу, во мраке всплывет лицо женщины в предсмертной агонии. Было страшно, но все-таки Хатче предпочитала оставаться в темноте. Мрак отделял ее от Ираз.

За ночь Хатче не сомкнула глаз. Она встала, как только в камеру сквозь щели ставней проникли первые лучи солнца. Ираз, как привидение, продолжала сидеть в своем углу, прислонившись к стене. Ее белый платок ярко выделялся на фоне грязной стены.

Наступил полдень. Ираз не двигалась. Наступил вечер — она не меняла положения. И эту ночь Хатче не спала. Она дремала, то и дело пробуждаясь от страха. Как только забрезжил рассвет, Хатче протерла глаза и подошла к Ираз. Она готова была сделать все, лишь бы вывести несчастную из оцепенения.

— Послушай,— сказала Хатче,— прошу тебя, сдвинься с места, не сиди так,— и она взяла руки Ираз в свои, повторяя: — Ну прошу тебя, пошевелись!..

Ираз перевела свои огромные потускневшие глаза на Хатче. Глаза ее потемнели от горя.

— Расскажи мне о своем горе. Да буду я жертвой твоей! Разве не горе привело тебя в тюрьму? Что здесь делать тем, у кого нет горя?

— Что ты говоришь, дочь моя? — простонала Ираз.

Хатче так обрадовалась голосу Ираз, как будто с ее сердца сняли огромную тяжесть.

— Отчего ты такая? Ты ни слова не произнесла с тех пор, как пришла сюда. Ты и хлеба в рот не брала.

— Во всей деревне не было парня лучше, чем мой сын! И разве это много за него? — сказала Ираз.

— Когда я увидела тебя, я забыла о своем горе. Расскажи мне, что с тобой, ничего не скрывай.

— Я подожгла дом убийцы моего сына, и это считается преступлением. Даже если я убью их всех, и это будет немало за моего сына!

— Да ослепит бог твоих врагов!

— Во всей деревне не было парня лучше, чем мой сын! Всех их убить за него мало...— стонала Ираз.

— Да ослепнут твои враги!

— Он был гордостью деревни, первым парнем! — стонала Ираз.

— Ох, бедная!

— Меня схватили и бросили сюда. А убийца моего сына разгуливает сейчас по деревне. Мне остается только умереть.

— Так ты умрешь с голоду. У тебя ни крошки не было во рту. Пойду сварю похлебку.

На этот раз Хатче решила положить в нее побольше масла. Просидев в тюрьме месяц, Хатче начала стирать белье богатым арестантам, поэтому у нее было несколько курушей. Хатче подозвала к себе маленькую девочку, которая покупала арестантам продукты, и дала ей пятьдесят курушей.

— Купи на эти деньги масла,— сказала Хатче.

Хатче радовалась, что женщина заговорила. Когда человек начинает делиться своим горем с другим, он уже не умрет. Если же он молчит и уходит в себя — дело плохо. Вот почему Хатче повеселела. Она даже напевала что-то веселое. Наложив в жаровню углей, она начала раздувать огонь. Угли покраснели. Хатче дула изо всех сил. Потом налила воды в старенькую кастрюлю и поставила ее на огонь. Похлебка сварилась так быстро, что Хатче сама удивилась.

Ираз уловила запах похлебки и почувствовала острую боль в желудке. С того дня, как убили сына, во рту у нее не было ни крошки. Со двора в камеру доносился запах жареного лука и топленого масла. Ираз слышала шипение масла, которое Хатче наливала в похлебку.

Вскоре вошла Хатче и поставила перед Ираз полную миску похлебки.

— Ну что с тобой?

Хатче вложила в руку Ираз деревянную ложку. Ираз держала ее как-то неловко. Ложка, казалось, вот-вот выпадет у нее из рук.

— Поешь,— уговаривала Хатче.

Ираз осторожно опустила ложку в миску и начала есть. Когда она, наконец, съела похлебку, Хатче сказала:

— В кувшине есть вода. Умойся!

Ираз умылась.

— Спасибо тебе, дочка,— сказала Ираз,— Да исполнит аллах твое желание.

— Ах, если бы так! Ах, если бы!..— Хатче подсела к Ираз и рассказала ей свою историю.

— Вот как все это было. Ничего мне не нужно, кроме весточки о Мемед. Ровно девять месяцев назад я попала сюда, и с тех пор никаких известий о нем... Моя мать, да, моя родная мать, и та только раз приходила ко мне. В первые дни я умирала в этой яме с голоду. Потом стала стирать белье богатым арестантам... Да, тетушка... Хоть бы получить какую-нибудь весточку... Только одну весточку, жив он или мертв! Пусть потом вешают меня. Мне все равно. Получить бы только весточку о моем Мемед...

Ираз постепенно приходила в себя. От арестантов она узнала, что ей не следовало во всем признаваться суду. Можно убить всех, но, если нет свидетелей, нельзя задерживать убийцу. Сначала Ираз ничего не понимала. Когда же начала понимать, она отказалась от своих прежних показаний.

— Да, если бы я была на воле, я доказала бы властям, что Али убил моего сына.

Хатче успокаивала ее.

— Аллах поможет, и тебя выпустят. Ты выйдешь из тюрьмы и предашь убийцу властям. А мне-то что делать? Моя молодость погибла. Я сгнию здесь! Пусть аллах накажет того, кто на меня донес...

Прошло много дней. Хатче и Ираз подружились. Они стали друг другу ближе, чем мать и дочь. Все делили пополам. И горе у них стало одно, общее. Хатче знала все, до мельчайших подробностей,— она знала наружность Рызы, его черные глаза, руки, волосы, она знала его детство, игры и проделки, трудности, которые испытывала мать, когда растила его, споры о земле, последние события и убийство. А Ираз знала все о Мемед, знала, как Хатче и Мемед мечтали о своем доме.

Ираз и Хатче делили горе и радость и думали теперь только об одном человеке — о Мемед.

С утра до ночи женщины вязали носки, вязали до тех пор, пока не слипались глаза. Их носки были известны на базаре. Люди говорили: «Эти носки вязала девушка, которая убила своего жениха, и женщина, у которой убили

сына...» На носках были красивые цветные узоры, и женщины всякий раз придумывали новые. Их рисунки говорили о горе. Нигде нельзя было найти таких красивых и таких печальных узоров, как те, что придумывали Ираз и Хатче. Так говорили люди.

Когда человек впервые попадает в тюрьму, он теряется. Ему кажется, что он в другом мире, что он заблудился в бескрайней лесной чаще. Нет, хуже чем заблудился. Человек теряет все, что имел: землю, дом, семью, друзей, любимую. Он словно попадает в пустоту. Камни, земля, стены, двери, окна с железными решетками, даже клочок неба над тюрьмой — все новичку кажется враждебным. А если к тому же у него нет денег, то он обречен на жалкое прозябание в своем тюремном углу.

Ираз и Хатче не напрасно вязали носки до слепоты. Они не тратили из заработанного ни одного куруша. В течение нескольких месяцев их единственной пищей был тюремный паек.

Рано или поздно Мемеда арестуют и приведут в тюрьму. Может быть, завтра, может быть, через месяц. Тогда ему понадобятся деньги. И женщины работали с утра до ночи, чтобы Мемед не голодал в тюрьме.

— Дочь моя, — часто говорила Ираз, — Мемеду не придется, как нам, терпеть нужду и лишения. С нами он не пропадет.

— Да, ведь мы здесь, — радовалась Хатче.

— У нашего Мемеда будут деньги. К его приходу мы еще подработаем и отдадим ему все наши деньги. Мемеду не придется краснеть. Он не станет брать в долг у других арестантов, — говорила Ираз.

Усталые и голодные, они ложились спать поздно ночью. Лежа на нарах, они еще долго говорили о своем горе. Чего только не приходило им в голову, когда они думали о том, что могло случиться с Мемедом! Хатче сердилась на свою мать.

— Разве это мать!? Как просила ее: «Принеси мне весточку о Мемедe! Я больше ничего у тебя не прошу». А она не приходит.

— Кто знает, что случилось с твоей бедной матерью, — успокаивала Ираз Хатче. Ираз всегда брала под защиту мать Хатче.

В ту ночь женщины не спали. Их постели были влаж-

ными от сырости. Жужжали ночные жуки. Женщины терли глаза, чтобы привыкнуть к темноте.

— Ираз,— начала Хатче.

— Что?

— Как сыро...— сказала Хатче.

— Что делать, дочь моя.

Так всегда начинался их ночной разговор.

— Что ты скажешь о моей матери?

— Мы ведь не знаем, что с ней...

Хатче перевела разговор на другую тему.

— На Чукурове в Юрегире мы хотели построить себе маленький домик. Мемед стал бы батрачить и на заработанные деньги купил бы участок земли. Да, так думал Мемед.

— Вы еще молоды. Успеете.

— Он обещал повести меня в шашлычную.

— Еще сходите.

Так они разговаривали в темноте, пока Хатче не засыпала. Только во сне она забывала о тюрьме и о бегстве Мемеда. Ираз тоже во сне переставала думать о своем горе.

На следующий день женщины снова продолжали свой разговор.

— Земля в Юрегире теплая,— мечтала Хатче.— Там всегда светит солнце. Посевы такие густые, что даже тигры не могут сквозь них пробраться. Наше поле в тридцать дёнюмов.

— Тридцать дёнюмов, дочь моя?

— Да, половину мы засеем пшеницей, половину ячменем.

— А среди пшеницы сделаем грядку лука.

— Полдома я обмажу зеленой глиной.

— Зеленой?.. Ведь есть и красная.

— И корова у нас будет большеглазая, породистая...

И теленок...

Ираз не отвечала, и Хатче умолкала.

— Мой дом — твой дом. Мемед твой сын, а я твоя дочь,— продолжала Хатче.

— Дочь моя.

— Перед нашим домом — плакучая ива. Ее ветки свисают до земли.

— Обнесем участок изгородью и посреди разобьем садик... Цветник...— говорила Ираз.

Хатче словно просыпалась от глубокого сна и спрашивала Ираз:

— Когда, по-твоему, схватят Мемед и приведут сюда? Чего же ты молчишь? — снова тормошила она Ираз.

— Если не завтра, то, может быть, через месяц... — отвечала Ираз.

— Пока мы живы?

— Пока мы живы, — говорила Ираз с гордостью. — И у нас есть деньги.

Наконец женщины засыпали.

Когда наступала пятница, Хатче просыпалась задолго до восхода солнца. По пятницам в касабе устраивался базар. В пятницу к Хатче могла прийти мать.

— Хоть бы сегодня пришла, — с надеждой говорила Хатче каждую пятницу, поднимаясь с нар.

Было уже светло, когда высокая женщина с узелком, поминутно озираясь по сторонам, подходила к тюрьме.

— Смотри, Ираз! — закричала Хатче.

— Что случилось, дочь моя? — взволнованно спросила Ираз, подбегая к окну.

— Это моя мать!

Ираз взглянула на дорогу. К тюрьме подходила женщина, это была мать Хатче. Она была босая и слегка прихрамывала. На голове ее был черный платок, уголок которого она держала в зубах. Женщина шла, понурив голову. Подойдя к воротам тюрьмы, она остановилась.

Маленький, хилый тюремщик визгливым голосом крикнул ей:

— Что тебе надо, старуха?

— У меня здесь дочь, я пришла повидаться с нею.

— Мать! — крикнула Хатче.

Женщина медленно подняла взгляд на тюремщика.

— Вот моя дочь, господин.

— Говорите!

Женщина села у стены, положив возле себя узелок.

— О-ох, кости болят, — простонала она.

Хатче изумленно смотрела на мать. Кожа на ее ногах потрескалась, в трещины забились пыль. Волосы казались седыми от пыли. По шее стекали черные капли пота. Даже брови и ресницы были покрыты пылью. Вокруг ног обвилась рваная, грязная юбка. Сердце Хатче сжалось от боли. На глаза навернулись слезы. В горле пересохло. Она никак не решалась подойти к матери.

Мать заметила взгляд Хатче и ее полные слез глаза. Она тоже не могла начать разговор.

— Подойди, моя дочка, подойди к своей матери,— с этими словами женщина заплакала. Хатче поцеловала руку матери и села возле нее. Пока они разговаривали, к ним подошла Ираз.

— Это Ираз, мы с ней в одной камере,— сказала Хатче матери.

— А за что она сидит?

— Ее сына Рызу убили.

— Ой! Чтоб им ослепнуть!

Некоторое время все трое молчали. Потом заговорила мать Хатче:

— Моя златокудрая, моя черноглазая, не сердись на меня! Что только ни делал со мной гяур Абди! Он винит меня в том, что я будто жаловалась на него властям! Одному аллаху известно, чего я от него натерпелась. Он запретил мне появляться в касабе. Да, моя красавица. Неужели я оставила бы свою дочку на чужбине, в тюрьме, одну? Я каждый день приходила бы к своей девочке.

Вдруг мать Хатче остановилась. Лицо ее озарила улыбка. Она привлекла к себе Хатче и Ираз и тихо заговорила.

— Да, доченька, чуть было не забыла. У меня есть для тебя новость. Мемед стал разбойником! Настоящим разбойником!

Как только мать заговорила о Мемеде, лицо Хатче засветилось радостью. Сердце у нее заколотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Мемед убил Вели, ранил Абди-агу и ушел с отрядом Шалого Дурду,— продолжала мать.— Их отряд никому не дает прохода. Все дороги заняты ими. Как только показывается кто-нибудь на дороге, его убивают и обирают до нитки...

— Мемед такими делами заниматься не будет,— недовольно перебила ее Хатче.— Мемед не станет убивать людей.

— Откуда мне знать? Так говорят люди. После Шалого Дурду упоминают имя Мемеда. Слава о них прошла везде. Теперь только и говорят о Тощем Мемеде. Откуда мне знать, дочь моя. Я только повторяю то, что рассказывают люди. Абди, узнав обо всем этом, каждую ночь выставял вокруг своего дома сторожей. И все-таки, гово-

рят, Абди от страха не может сомкнуть глаз и всю ночь шагает по комнате. Приходил Асым Чавуш и сказал аге, что он начал погоню за Тошим Мемедом. Асым Чавуш говорил, что еще не видел в горах такого разбойника, как Тоший Мемед. «Если бы не он, я давно бы разгромил отряд Шалого Дурду», — уверял он Абди-агу. Вот почему Абди-ага удрал из деревни. Одни говорят, что он живет в касабе, другие — на Чукурове, а третьи — что он убежал в Анкару, под защиту властей. Абди-ага боится Мемед. Как только я узнала, что Абди сбежал из деревни, я решила пойти к тебе. Вот какие дела, дочь моя...

Во время рассказа лицо у матери было спокойное, радостное, но, как только она кончила говорить, оно снова приняло зеленоватый оттенок, как у мертвецов.

Узнав, что Мемед стал разбойником, Хатче и Ираз радостно посмотрели друг другу в глаза. Но, взглянув снова на мать, они испугались. В лице у нее не было ни кровинки.

— Мать... что с тобой? — взволнованно спросила Хатче.

— Не спрашивай, дочь моя. Я принесла тебе дурную весть. Да поможет аллах, и все окажется ложью. Язык не поворачивается... Я слыхала, что вчера утром... из-за юрюкского аги Мемед подрался с Шалым Дурду. Шалый с двумя товарищами убил Мемед. Так я слыхала... Мемед защищал юрюкского агу, и Шалый убил его... Через нашу деревню проскакал вооруженный с головы до ног юрюк. Он сказал, что спешит на помощь своему аге. Его лошадь была вся в пене... Так рассказывают крестьяне. Будто он сказал им, что Мемед убили...

Хатче не шевелилась. Потом она взяла Ираз за руки, обняла ее.

— И это суждено мне услышать! — сказала она, зарывшись. Но вдруг остановилась.

— Я ухажу, — сказала мать. — Да поможет тебе аллах, дочь моя. Завтра или послезавтра я принесу тебе вести поточнее. В узелке — масло, яйца и хлеб. В следующую пятницу я опять принесу тебе еду, если гяур не вернется в деревню. Береги платок, не потеряй. До свидания.

Мать ушла. «Не надо было ей говорить», — думала она по дороге, — опять будет убиваться...»

Изредка Хатче снова начинала всхлипывать:

— И как у Шалого поднялась рука на моего Мемеда! Разве можно убивать товарища? Как он посмел?

— Раз человек стал разбойником, люди каждый день будут говорить о его смерти. Не верь этому. Потом ты привыкнешь к таким вестям,— утешала ее Ираз.

Хатче не слушала ее.

— Я не буду жить,— твердила она,— я не смогу жить без Мемеда.

— Перестань! — рассердилась Ираз.— Откуда ты знаешь, что он убит? По живому не плачут. Я в детстве и в молодости двадцать раз слышала о смерти Ахмеда Великана. А он и сейчас жив.

— Ах, это совсем не так... Ведь он еще совсем молод. Нет, я не буду жить. Я решила, я умру.

— Глупая, разбойники часто сами распускают слухи о своей смерти. Видишь, узнав, что Мемед стал разбойником, Абди-ага Козлиная Борода удрал из деревни. Может быть, этот слух пущен как раз для него. Козлиная Борода подумает, что Мемед убит, и вернется в деревню. Тут Мемед его и убьет. Может быть, это все подстроено.

— Он такими делами не станет заниматься. Нет, тушка, это решено. Я не смогу жить без него. Я умру.

Хатче начало трясти, потом бросило в жар. Ираз обняла девушку, подвела к нарам и уложила.

— Перестань, глупая. Потерпи до рассвета, а там увидим, что будет. Потерпи! Не верь этим разговорам...

На другой день Хатче встала бледная как смерть. Голова ее была перевязана черным платком. Лицо приняло восковой оттенок.

После этой вести она не могла прийти в себя. С каждым днем Хатче бледнела и слабела. Она потеряла сон. Целыми ночами просиживала она на своих нарах, положив голову на колени. Вместе с ней не спала и Ираз. По ночам они не разговаривали. Только Ираз время от времени говорила:

— Увидишь, дочка, скоро о Мемедке придет добрая весть.

Но Хатче не слышала слов Ираз.

К Н И Г А

ВТОРАЯ

XIV

Вторые сутки Тоший Мемед, Джаббар и Реджеп Чавуш вынуждены были передвигаться по ночам, а с наступлением дня прятались в скалах.

Наконец они добрались до скал, поросших сосновым лесом, и сделали привал. Они боялись, что Шалый Дурду устроит им здесь ловушку.

— Он не упустит удобного случая, чтобы напакостить нам,— сказал Джаббар.— Знаю я его. Недаром скитался с ним четыре года. Но ему недолго осталось жить. Скоро

он получит пулю в лоб... Иначе он не перестанет преследовать нас. Лучше бы мы не ввязывались... Лучше бы...

— Ты боишься его? — спросил Мемед.

— Нет, но...

— Что «но»?

— Он ведь не перестанет нас преследовать...

— А что, если он появится перед нами?

— Если бы он пришел, как человек. А то ведь обязательно подкрадется и устроит нам ловушку. И мы попадем в нее. Если бы он открыто вышел нам навстречу... Ну что ж, кому-нибудь из нас поможет аллах!

Задумавшись, Реджеп Чавуш смотрел на верхушки сосен, золотившиеся в лучах заходящего солнца. Потом он опустил голову. Солнце бросало золотые лучи на его лицо и на платок из пестрой бязи, которым была перевязана рана на шее.

— Может быть, аллах поможет нам, — сказал он и снова уставился на верхушки сосен.

— Мемед, ты обиделся на меня? — нарушил молчание Джаббар.

— Нет. Зачем мне обижаться? Вероятно, ты прав. Мне тоже кажется, что он не оставит нас в покое.

— Я только хотел сказать, что не нужно забывать об этом. На всякий случай.

— Ты прав. Мало ли что...

— Ребята, послушайте, — сказал Чавуш, — знаете, что мне нравится в этих горах?

— Не знаем, — улыбаясь, сказал Мемед.

— Я люблю смотреть на деревья, освещенные лучами заходящего солнца.

— Ну вот, теперь ясно, что ты любишь, — сказал Мемед.

Солнце скрылось. Стало темно. Вскоре показалась луна, но не надолго. При ее свете деревья отбрасывали на землю длинные тени.

— Пошли, что ли? — раздался в темноте голос Джаббара.

— Пошли, — сказал Мемед, поднимаясь на ноги.

— Подождите немного, — отозвался Реджеп Чавуш.

Он встал и пошел к скале. Спустя некоторое время он вернулся.

— Когда начало темнеть, — сказал Реджеп, — я заметил

под скалой яркую зеленую полосу, она играла, как клинок. Подошел, смотрю — да это мох!

Джаббар рассмеялся.

— Вот тебе и на! Реджеп Чавуш принял мох за клинок!

— Я тоже удивился. Да вот посмотрите сами,— серьезно предложил Реджеп Чавуш.

— Некогда. Мы должны спешить,— ответил Мемед.

Друзья стали спускаться. Вот уже два дня они не шли, а ползли.

Провизия кончилась еще утром. Их мучил голод. Острые камни изорвали обувь. Ладони стерлись до крови.

Реджеп Чавуш не выдержал:

— Опять то же самое. Ползем и ползем. Чего вы боитесь этого подлеца? Давайте спустимся вниз. Пусть он устраивает засаду, пусть делает что хочет.

— Не волнуйся, Реджеп Чавуш,— сказал Мемед,— видишь, мы спускаемся вниз.

— Мне не дают покоя боль в руке и рана на шее. Ну как я смогу держать винтовку? А ты говоришь, не волнуйся.

— Раны твои заживут. Дай только добраться до деревни. Сразу наложим пластырь,— утешал его Мемед.

— Ноешь, как старуха,— сказал Джаббар.

Реджеп Чавуш разозлился:

— Если ты скажешь это еще раз, я сброшу тебя вон туда. Понял?

— Замолчи, Джаббар! — крикнул Мемед.

Джаббар засмеялся. Реджеп Чавуш рассвирепел.

— Это не мужчина, а проститутка,— сказал он сквозь зубы.

— Оставь, Чавуш,— пытался успокоить его Мемед.— Сейчас спустимся вниз.

— Ты лучше скажи этому ублюдку, чтобы он перестал смеяться. Не то, клянусь аллахом, я сброшу его со скалы! — закричал Чавуш.

Джаббар подошел к Чавушу и, схватив его руку, поцеловал.

— Ну, помирились? Что тебе еще надо? — спросил он Чавуша.

Немного успокоившись, Реджеп Чавуш сказал:

— Я с ублюдком мириться не стану.

Чтобы перевести разговор на другое, Мемед спросил Чавуша:

— Твоя винтовка заряжена?

— Заряжена.

— Вот и отлично!

— Все пять пуль всажу в голову этому гяуру Абди. Будет знать, как угнетать бедных!

— Вместе будем рассчитываться с Абди. Я не успокоюсь до тех пор, пока своими руками не убью его.

Мемед думал о том, как он ненавидит Абди-агу. Убить человека! Уничтожить... Это теперь в его силах! Он вспомнил перестрелку в лесу. Он представил себе последние минуты Вели... его предсмертные судороги в грязи... Но это не убийство. Прицеливаясь, он не думал, что лишит человека жизни. Только так можно было избавиться от Абди. Теперь он должен снова убить. Опять лишит жизни живое существо... Уничтожить человека, который любит и любим, который может сердиться и радоваться... Думая о своей жертве, он даже считал себя неправым. В последнее время он привык обо всем размышлять. Быть может, этому научил его Хасан Чавуш, который жил в касабе. Как знать? А что будет, если он не убьет Абди? Ему вдруг стало не по себе от этих мыслей, но как он ни старался отделаться от них, страх перед аллахом не покидал его. «Добраться бы уж поскорее...»

Его мысли были прерваны громким криком Реджепа Чавуша:

— Помогите!

Мемед и Джаббар подбежали к Чавушу. Пытаясь перепрыгнуть с одной скалы на другую, Чавуш сорвался и повис над пропастью, ухватившись руками за дерево. Друзья вытащили его.

— Ради аллаха, Мемед, сколько еще до равнины? — слабым голосом протянул Чавуш.

— Осталось немного, — ответил ему Мемед.

Друзья достигли равнины, когда луна уже опускалась за гору.

— Наконец-то! — с облегчением воскликнул Реджеп Чавуш. — Добрались мы без потерь. Теперь пусть этот мерзавец устраивает нам засаду. Давайте передохнем здесь как следует. Если бы вы знали, как у меня болят ладони...

У всех троих болели ладони, ноги, колени. Им казалось, будто на каждой скале они оставили по куску своего тела. Мемед задумался. Все молчали. Мемед повторял про себя: «Абди заслужил свою смерть». Он вспомнил, как

с их двора угоняли коров, как в холод он босиком бежал за плугом по земле, заросшей колючками. Холод обжигал ранки на ногах. Боль доходила до самого сердца. В памяти Мемеда четко всплыло его детство, полное слез и горечи... «Да, Абди должен умереть,— твердо решил он.— Поскорее бы добраться до деревни!»

— Эй, Мемед! О чем это ты опять задумался? — толкнул его Джаббар.

— Так, ни о чем,— смутился Мемед.

— Тогда поднимайтесь, и пошли дальше. Мы ничего не сделаем, если просидим здесь до утра.

Через четверть часа они добрались до поросшей колючками равнины.

— Мать родная! — воскликнул Чавуш.— Уж лучше было идти по скалам! Проклятые колючки вгрызаются в ноги, как собаки.

— Эта равнина с колючками напоминает мне поле, которое я пахал...— грустно произнес Мемед.

— Разве плугом возьмешь такие колючки? Это ведь настоящий лес...— сказал Джаббар.

— Да, лес,— согласился Мемед.

— И нужно же было нам после скал попасть в этот лес колючек!..— бормотал Джаббар.

— Мать родная! Вот так счастье у Тошгё Мемеда! — твердил Чавуш.

Устроив небольшой привал, друзья отдохнули и вытерли кровь на ногах. Мемед ругался. Он с удовольствием повторял ругательства, которые помнил еще с детства. Ругаться Мемед научился у Дурсуна. Где он теперь?

Двинувшись снова в путь, они с трудом прокладывали себе дорогу среди колючек. Под ногами похрустывали сухие ветки. В ночной тишине казалось, что треск этот шел откуда-то издалека.

— Вот мы и добрались до тех мест, где я пахал землю. Да, вот здесь,— спокойно размышлял Мемед.

— Ой, мамочка,— стонал Чавуш.

Где-то далеко на юге пропел одинокий петух. Он долго пел в тишине ночи. Друзья начали спускаться по склону оврага. Из-под ног выскальзывали мелкие камешки; колючки здесь были еще острее, чем на равнине.

Внезапно перед путниками возник темный силуэт огромного чинара. Как только чинар остался позади, раздался оглушительный шум бурлящей воды.

— Ох, мамочка! — простонал Чавуш.

— Вот мы и добрались до деревни. Давайте вымоем руки и ноги. Завтра я вам достану по паре чарыков, — сказал Мемед.

Сбросив рваные ботинки, они вошли в воду.

— Ох, мамочка!

— Да перестанешь ли ты наконец, Реджеп Чавуш! Ведь колючки уже кончились, — прикрикнул на него Джаббар.

— Да, таких колючек я нигде не видал! Ох, мамочка!

Мемед вспомнил, что, когда он убежал из родного дома и скрывался у Сулеймана, его мать приходила сюда и неделями не сводила глаз с воды, ожидая, что вот-вот из-под скалы появится тело сына. Мемед вспомнил мать и в тысячный раз спросил себя: «Что они сделали с моей матерью?»

— Что они сделали с моей матерью? — произнес он вслух мучивший его вопрос.

— Ничего они не могли с ней сделать, — ответил Джаббар.

Мемед промолчал.

— Это место называется «Грохочущий источник», — сказал он. — Внизу мельница Безухого Исмаила.

— Давайте зайдем на мельницу и спросим обо всем, а уж потом пойдем в деревню, — предложил Джаббар.

— Ох, мамочка!

— Да перестань ты ради аллаха, Реджеп Чавуш! — оборвал его Джаббар.

— Да, пожалуй, лучше сначала заглянуть на мельницу, — согласился Мемед.

— Так будет лучше. Мы не должны входить в деревню без предварительной разведки, — сказал Джаббар.

— И верно. Этот шут, сукин сын Джаббар, не дурак. Ведь разбойники в каждом камне, даже в муравье должны видеть своего врага. За каждым камнем они должны ждать ловушку. Ты молод и неопытен, Мемед. Если нет опыта, обдумывай каждый свой шаг. Ты все хорошенько обдумай, — сказал Чавуш.

Они поднялись с земли. Вдали мерцал маленький огонек. Указывая на него, Мемед сказал:

— Видите огонек? Это и есть мельница Безухого Исмаила.

Когда они подходили к мельнице, где-то совсем близко залаяли собаки.

— Деревня должна быть там, в той стороне,— сказал Джаббар.

— Да, она там,— подтвердил Мемед.

Путники подошли к мельнице.

— Кто там? — слышалось из-за двери.

— Тоший Мемед. Сын Ибрагима, Тоший Мемед.

Ответа не последовало. Затем за дверью сказали:

— Вранье. Тошего Мемеда убил Шалый Дурду. Об этом еще вчера все знали.

Пахло мукой. Громким эхом отдавался в тишине ночи гул воды, падавшей с мельничного колеса.

— Это я, дядя Исмаил. Я не умер,— пытался убедить Мемед хозяина мельницы.— Разве ты не узнаешь меня по голосу?

— Узнал, узнал. Иду. Сейчас открою,— слышался за дверью голос Исмаила.

Дверь со скрипом отворилась. На лица разбойников упал оранжевый луч света. Исмаил внимательно оглядел Мемеда.

— Да, это Тоший Мемед,— сказал он.— Почему ты до сих пор не убил этого гяура и не избавил от него нашу деревню?

В ответ Тоший Мемед только улыбнулся.

Друзья вошли в мельницу. Горел очаг. Языки пламени металась из стороны в сторону. Здесь еще сильнее пахло мукой. Мука покрывала длинную морщинистую шею Исмаила, продолговатое лицо, бороду, старую лоснящуюся фуражку.

Исмаил взглянул на руки и ноги пришельцев и испуганно спросил:

— Что с вами случилось?

— Мы столкнулись с Шалым Дурду и вот уже два дня бродим по скалам,— сказал Мемед.

— Вчера через деревню проскакал всадник. Говорили, что он собирается мстить Шалому Дурду. Он-то и сказал нам, что Дурду убил тебя. Вся деревня оплакивала тебя. Ты ведь знаешь, как тебя любят.

Исмаил похлопал Мемеда по плечу:

— Знаешь, Мемед, я не верю своим глазам. Откуда у тебя столько оружия? Мне странно видеть тебя с ружьем и патронами. Я помню, как ты еще за плугом ходил по колючкам на равнине Сарыджа. Словно это было вчера. Просто не верится.

— Так случилось, ничего не поделаешь, — вздохнул Мемед.

— Вы голодны, я приготовлю вам поесть, — сказал Исмаил. Он встал, посмотрел на огонь и, улынувшись своим мыслям, сказал:

— И огонь-то разгорелся на славу.

Исмаил горбился, и Мемеда это удивило. Он все еще считал его молодым.

— Что ты знаешь о матери, о Хатче? Абди дома? — с тревогой спросил Мемед.

Исмаил замер на месте. Он знал, что Мемед задаст ему этот вопрос. И вот случилось то, чего он так боялся. Не выдержав молчания, Мемед повторил свой вопрос:

— Что с матерью?..

— Живы-здоровы, — заикаясь, пробормотал Исмаил и быстро перевел разговор на другую тему: — Послушайте-ка, что я вам расскажу о гяуре. Да, чуть было не забыл, пойду приготовлю соленую воду для рук и ног...

Мемед волновался, поведение Исмаила показалось ему странным. Разве так отвечают?

С тазом, наполненным водой, вошел Исмаил.

— Опустите руки и ноги в воду. Об камни разодрали. Соленая вода заживит раны, — сказал он.

— Ты видел мою мать? — снова спросил Мемед.

— Я же сказал, жива-здорова... Пойдите-ка, я лучше расскажу вам про гяура. Узнав, что ты присоединился к разбойникам, Абди перепугался... Каждую ночь он выставлял вокруг своего дома человек десять, а потом и вовсе перестал появляться в деревне. Если вы его увидите, удивитесь. Как меняется человек от страха! Может быть, узнав о твоей гибели, он уже вернулся в деревню. Говорят, его родня устроила пир по поводу твоей гибели. Они всегда боялись тебя.

Мемед уже не мог усидеть на месте. Внутри у него все горело. Ему нетерпелось поскорее добраться до деревни.

— Вставайте, ребята, до рассвета мы должны быть в деревне, — сказал он.

Джаббар и Реджеп Чавуш поняли его с одного слова. Молча надели они чарыки и встали.

— Похлебка уже готова. Обождали бы немного... Не забудьте про соленую воду. Подержите еще раз руки и ноги в соленой воде... — печально упрасивал Исмаил.

Мемед и его друзья вышли из мельницы и сразу оказались в поле, поросшем колючками.

На небе еще мерцали звезды. Реджеп Чавуш посмотрел на восток.

— Полярной звезды не видно, — сказал он. — Значит, до рассвета еще далеко.

Мемед и Джаббар ничего не ответили. Руки и ноги у них болели меньше. Мимо пробежала лисица. Реджеп Чавуш догнал бы ее, если бы они были далеко от деревни. Но теперь... Лисица тяжело волочила по колючкам свой пышный хвост. При свете звезд шерсть ее казалась бесцветной.

— Скоро деревня, — сказал Мемед. — Вон там, внизу...

Мемед, Джаббар и Чавуш приближались к дому на окраине деревни. Навстречу им с громким лаем бросились собаки. Мемед окликнул их, и собаки сразу узнали его. Прижавшись к земле, они завиляли хвостами.

Друзья прошли через всю деревню и направились к дому Мемеда. Стояла мертвая тишина. Когда раньше Мемед не видел своей деревни в такой ранний час. Ему было не по себе. Он искал глазами хоть какое-нибудь живое существо. Подошли к дому. Мемед тихонько постучал в дверь. Прислушался. Никто не отозвался. Он постучал еще, потом, не вытерпев, подошел к окну и тихо позвал: «Мать!» Ни звука... Мемед прильнул ухом к окну и, затаив дыхание, прислушался. Из дома доносилось лишь шуршание червей, точивших доски. Предчувствие недоброго усилилось, но в душе еще теплился огонек надежды.

Мемед повернулся к друзьям.

— Ее нет дома... — с горечью произнес он.

Кого больше всех в деревне любила мать? Помнится, семью Дурмуша Али. Дурмушу сейчас, наверное, лет семьдесят пять. В последнее время он ходил немного согнувшись, но выглядел крепким и здоровым, словно ему пятьдесят. А вот и дом дяди Дурмуша Али. Перед домом сидел огромный пес. Заслышав шаги, пес поднял морду и лениво вытянулся на передних лапах.

Измученный Мемед прислонился к двери.

— Дурмуш Али! — крикнул он. — Эй, Дурмуш Али!

Из дома послышались встревоженные голоса, среди которых легко можно было различить старческий голос Дурмуша Али.

— Да это же Мемед! — воскликнул он вдруг. — Это его голос.

— Узнали твой голос! — шепнул Реджеп Чавуш.

Дверь отворилась, и показался Дурмуш Али в нижнем белье, с лампой в руках. Это был высокий старик, такой высокий, что казалось удивительным, как он мог уместиться в этом маленьком домике. Его белая борода доходила до пояса.

— Да, это Мемед! — воскликнул он, улыбаясь. — А ведь только вчера один юрюк принес нам печальную весть о тебе. Я рад, что ты жив и здоров. Эй, девушки, смотрите, кто к нам пожаловал, — крикнул он, обращаясь к своим домочадцам. — Поднимайтесь-ка быстрее, разведите огонь и постелите гостям тюфяки.

В доме засуетились.

— Заходите, — пригласил гостей Дурмуш Али.

Разбойники вошли в дом.

Джаббар, печальный, стоял в стороне. Казалось, он вот-вот заплачет. Поставив лампу на край очага, Дурмуш Али сел.

— А ну-ка дай на тебя посмотреть! Рассказывай, что нового. Вся деревня была в трауре, когда узнали о твоей смерти. Если бы Хатче узнала, она умерла бы от горя. Есть у тебя вести о Хатче? Бедная твоя мать... Мы похоронили ее с почестями. Сам хоронил, своими руками.

Подняв голову, Дурмуш Али взглянул на Мемеда. Лицо Мемеда было бледным.

— Что с тобой, Мемед?.. — растерянно спросил Дурмуш Али. — Разве ты не знал?

В глазах Джаббара блеснули слезы. Реджеп Чавуш схватил винтовку, с шумом высыпал из обоймы патроны, снова зарядил ее.

— А что с Хатче? — спросил Мемед.

— Ах глупая моя голова! — с горечью сказал Дурмуш Али. — Я думал, он все знает. Вот бестолочь...

Жена Дурмуша Али, до этого молча смотревшая на огонь очага, вмешалась в разговор.

— Вот ты всегда так, — ворчливо сказала она мужу. — Предложил бы сперва поесть. Ничего бы не случилось!

— Разве я знал! Ведь уже целый месяц прошел. Мне и в голову не приходило, что он ничего не знает! — чуть не плача, оправдывался Дурмуш Али. — Ты уж прости меня, Мемед, старость...

Пришельцев окружили тесным кольцом домочадцы Дурмуша Али — сыновья, внуки, невестки. Они рассматривали Мемед, его фиолетовую феску, револьвер, патрон-таши, кинжал, гранаты и бинокль. Глаза Мемед растерянно блуждали, в них сквозило недоверие и грустная усмешка. Всем казалось, что он играет в разбойники с этими взрослыми людьми.

— Что с Хатче? — снова спросил Мемед.

Дурмуш Али не ответил. Склонив голову, он пристально глядел на пламя очага.

Тогда Мемед обратился к жене Дурмуша Али. Это была женщина с морщинистым лицом и седыми волосами, которые выглядывали из-под платка.

— Что случилось с Хатче?

Старуха с жалостью посмотрела в глаза Мемед и сказала:

— Что я могу сказать тебе, сынок? Что с Хатче?..— Лицо ее то краснело, то бледнело.

— Все равно мне кто-нибудь расскажет, что с Хатче,— сказал Мемед.

Вдруг старуха со злостью накинулась на мужа:

— Ах ты негодный! Как знать, сколько дней парень на ногах! Предложил бы ему поесть, а потом и рассказал все...

Она подошла к Мемеду и села рядом с ним. Опершись локтями о колени, она начала говорить.

— Расскажу тебе, сын мой, все по порядку. Абди-ага был ранен. Жаль, что пуля не попала ему в сердце. Поправившись, он собрал подставных свидетелей. Только один Хромой Али отказался давать ложные показания этому гяуру, изгнавшему вас. Когда этот урод с козлиной бородой услышал отказ Али, он прогнал его из деревни. Али с семьей и всем своим скарбом ушел куда глаза глядят.

Старуха рассказала Мемеду о свидетелях, о том, что Хатче сидит в волостной тюрьме и что в ближайшие дни ее собираются повесить.

Мемед жадно слушал. В глазах у него вспыхнул злой огонек. Джаббар заметил это. Как только глаза Мемед начинали так блестеть, лицо его менялось — оно начинало нервно подергиваться, а весь он походил на тигра, который собирается броситься на свою жертву.

Мемед тяжело поднялся.

— Друзья,— сказал он,—пора расквитаться с Абди-агой.— Повернувшись к жене Дурмуша Али, он взял ее за руки и спросил: — Скажи-ка, тетушка, мать мою они убили?

В глазах старухи блеснули слезы. Она ничего не ответила.

— Это правда?

Женщина молчала.

Мемед отпустил ее руки.

— Пошли, друзья,— сказал он.

Мемед, Джаббар и Чавуш исчезли в темноте. Мемед проверил свою винтовку: обойма была заряжена.

Он приказал:

— Проверьте винтовки и полностью зарядите обоймы. Приготовьте гранаты.

Слова старухи глубоко запали в сердце Реджепа Чавуша. Пока старуха рассказывала Мемеду, Реджеп смотрел на товарища и качал головой.

Схватив Мемеда за руку, Чавуш остановил его.

— Послушай, Мемед. Мы никого не оставим в живых. Детей, женщин — всех зарежем!

— Тебе лучше знать, Чавуш,— ответил Мемед и, выйдя на свободу, продолжал идти.

Они шли так быстро, что не заметили, как оказались у дома Абди-аги.

— Постучись и скажи, что пришел гость и привез важную весть,— приказал Мемед Чавушу.

Чавуш три раза стукнул в дверь.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Отвори, сестра. Гость. Привет хочу передать. Я привез известие, но сразу же должен ехать обратно.

Бормоча что-то себе под нос, женщина открыла дверь.

— Подожди здесь. Я зажгу светильник.

Она прошла в дом, оставив Реджепа Чавуша на пороге. От спички, зажженной ею, комната осветилась. В это мгновение Мемед, Реджеп и Джаббар переступили порог комнаты. Увидев их, женщина растерялась, ее изумленные глаза остановились на Мемеде. Она закричала. Реджеп Чавуш зажал ей рот.

— Абди-ага дома? — глухим голосом спросил Мемед.

— Нет его,— ответила женщина.— Он не приходит домой, Мемед. Чтoб ему сгинуть!

Между тем в доме все проснулись и, дрожа от страха,

смотрели на разбойников. Здесь были две жены Абди-аги, два его сына и женщины, приехавшие погостить из соседних деревень.

— Обыщи весь дом,— приказал Чавушу Мемед.— Если найдешь Абди, всади ему пулю в лоб!

— Получит все пять пуль...— сказал Чавуш.

Затем он подтолкнул женщину прикладом и приказал ей:

— Зажги светильник и ступай впереди меня!

Не проронив ни слова, женщина выполнила его приказание.

Мемед застыл посреди комнаты как изваяние. Маленький, тощий, он казался сейчас великаном и внушал людям страх. Женщины и дети плакали.

Через некоторое время появился Чавуш.

— Обыскали весь дом, его нигде нет,— с отчаянием произнес он.

— Уже месяц, как Абди уехал на Чукурову. По ночам он не мог спать: чувствовал, что ты придешь. Однажды он не выдержал и ушел,— вмешалась в разговор женщина.

— Слушай, выведи их во двор и сделай что положено,— показывая на детей, сказал Мемед Чавушу.

Жены Абди-аги бросились в ноги Мемеду.

— Мы готовы погибнуть у ног твоих, в чем вина наших детей?.. Найди гяура и убей его. Но в чем виноваты наши дети? — с мольбой спрашивали они.

Схватив детей, Чавуш поволок их во двор. Ребята отчаянно отбивались, стараясь вырваться. Тогда Джаббар поднял одного мальчика и швырнул его на пол. Ребенок закричал. Одна из женщин, вытянувшись, словно труп, без сознания лежала у ног Мемеда. Другая продолжала умолять:

— Мой дорогой Мемед, что плохого сделали тебе дети? В чем их вина?

Чавуш наступил на мальчика ногой и приставил дуло винтовки к его виску.

— Стрелять или нет? — спросил он Мемеда.

Женщина, лежавшая без сознания на полу, вдруг, словно коршун, бросилась к Джаббару, который пытался оттащить другого мальчика к двери, и вцепилась ему в руки.

Джаббар выхватил висевший у пояса кинжал и вонзил его в женщину. Вскрикнув, она упала на пол. Другая

женщина, увидев, как Чавуш направил дуло винтовки в мальчика, закричала:

— Мой дорогой Мемед, не губи моего ребенка! Он не виноват!

Лицо Мемеда непрестанно менялось. Пламя ненависти погасло в его глазах. Он взглянул на Чавуша, державшего палец на спусковом крючке. Медлить было нельзя. Мемед ударил ногой по стволу винтовки. Раздался выстрел, пуля вонзилась в стену.

— Отпусти мальчишку,— сказал Мемед Джаббару.

Мать мальчика бросилась целовать руки Мемеда.

— Иди, Мемед, разыщи гяура и убей его. Ты имеешь на это право. Не быть мне Зейнеп, если пророню хоть слезинку. Разыщи его и отомсти. Это твой долг.

Мемед молчал. Потом медленно вышел из дома. Он сразу как-то поник, осунулся и снова превратился в маленького и тощего.

Реджеп Чавуш был зол. Он ругал всех и вся. Яростно сжав руку Мемеда, он кричал ему:

— С таким сердцем ты не сможешь ни разбойником стать, ни отомстить гяуру! В один прекрасный день люди Абди убьют тебя где-нибудь в овраге. Уже сейчас Шалый Дурду твой враг!

— Не занимайся болтовней, Реджеп Чавуш,— сказал Джаббар.— Шалый Дурду наш враг, но у нас много и друзей — все племя Сачыкаралы. По-твоему, мы должны вместо Абди убивать малолетних детей?

Реджеп Чавуш ничего не ответил.

Услышав вопли, соседи, кто в чем, сбежались к дому Абди-аги. Шепотом из уст в уста передавалась весть: «Мемед жив!»

— Мемед жив. Разве он мог умереть, не рассчитавшись с Абди-агой?

— Мемед не убил мальчиков.

— У Мемеда большое сердце...

Перед домом собралась огромная толпа. Было так тихо, что слышалось дыхание людей. Мемед и его друзья пробирались сквозь толпу. Наконец Мемед нарушил молчание.

— Крестьяне узнали нас,— тихо сказал он.— Надо уходить.

— Пойдем,— сказал Джаббар.

— У меня рана болит. Что будем делать, если уйдем из деревни? Умрем с голоду,— сказал Чавуш.

— Мы еще вернемся,— успокоил его Мемед.

Они тронулись в путь. В деревне не скоро утихли разговоры. Долго не смолкал лай собак.

Тяжело вздохнув, Чавуш попросил:

— Посидим немного. Я устал. Рана не утихает...

— Какой же ты солдат, если не можешь перенести боль?

Чавуш разозлился.

— Послушай ты, щенок,— закричал он,— если еще раз откроешь рот, я всажу тебе пулю в лоб!

Джаббар засмеялся.

— Хватит, Джаббар,— сказал Мемед.— Накликаешь беду на нашу голову.

— Я натворю что-нибудь из-за этого ублюдка! Клянусь аллахом! — взорвался Чавуш.

— Он шутит, не слушай его,— спокойно сказал Мемед.

— Пусть не шутит со мной. У меня душа болит.

— Отстань от него, Джаббар.

Джаббар подошел к Чавушу и поцеловал ему руку.

— Не обижайся на меня. Больше не буду шутить,— сказал он.

— Оказывается, этот детина— большой шутник,— улыбнулся Реджеп Чавуш.

— Клянусь, больше не буду.

Друзья сели на землю. Они ждали; когда утихнет шум и крестьяне разойдутся по домам. Сидели молча. Каждый думал о своем.

Наконец шум стал утихать, лишь изредка раздавался лай собак.

— Скажи, Реджеп,— сказал Джаббар,— если бы Мемед не вмешался, ты бы убил мальчонку?

— Не только бы убил, душу бы из него вынул. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Так просто, хотел знать,— сказал Джаббар.

— Твоя мать, Джаббар, наверно, была единственной потаскухой в деревне? — процедил сквозь зубы Чавуш.

— А твой отец — мерзавец и сволочь.

— Прекрати, Джаббар,— сказал Мемед.

— Молчу.

В деревне воцарилась тишина; все погрузилось в глухую ночь.

— Вставайте, до рассвета надо добраться до дома Дурмуша Али,— сказал Мемед.

— За эти слова я готов тебя расцеловать, Мемед,— воскликнул Реджеп Чавуш.— Идемте скорее.

Услышав шаги, Дурмуш Али открыл дверь и вышел на порог.

— Я не мог уснуть. Ждал вас,— сказал он.— Курицу для вас зарезал. Вы ведь голодны.

— Что и говорить, конечно, голодны,— ответил за всех Чавуш.

Его патронташи, ремень винтовки и пояс были украшены серебром. Во всем чувствовалась рука умелого мастера. Красно-рыжие усы Чавуша свисали по углам рта. Он красил их хной.

Как только все трое сели, появилась девушка. Застенчиво улыбнувшись Мемеду, она постелила скатерть. Прямо с огня подали дымящийся плов. На медном подносе принесли жареную курицу.

— Этот плов успокоит мою рану. Мне как раз нужен такой плов с ароматным запахом и маслом,— повеселел Реджеп Чавуш.

— Ты, Чавуш, не разбойник, а изнеженный чинуша,— сказал Джаббар.

— Замолчи! — огрызнулся Чавуш.

— Джаббар, не трогай его,— сказал Мемед.

— Я же ничего особенного не сказал,— оправдывался Джаббар.

Дурмуш Али все время порывался что-то сказать Мемеду, но, видимо, никак не мог решиться и только изредка вставлял в разговор слово. Мемед заметил это и спросил:

— Дурмуш Али, ты хочешь что-то сказать? С утра молчишь, словно воды в рот набрал.

Тогда Дурмуш Али заговорил.

— Что мне сказать тебе, сынок. Когда ты был еще маленьким, я уже знал, что ты будешь благородным человеком. Ты хорошо сделал, что не убил мальчиков Абди-аги.

Слова Дурмуша Али вывели Реджепа Чавуша из терпения.

— Старик! — закричал он.— Можешь ли ты понять такие дела? Да и знаешь ли ты, что такое месть? Испытал ли ты на своем веку эту жажду мести?

Дурмуш Али опустил голову.

— Нет,— тихо сказал он.

— Будь я на месте Мемеда, я бы в доме Абди не оставил живой души. Всех перерезал бы, а дом сровнял с землей. Понял, старик? — сказал Чавуш.

— Понял, — ответил Дурмуш Али и посмотрел на Мемеда.

Мемед сидел за столом задумчивый, с опущенной головой. Наконец он поднялся. Встали и его товарищи.

— Спасибо тебе за хлеб-соль, — поблагодарил Мемед хозяина. — Да умножит аллах твое богатство!

— Славно накормил нас, старик. Дай тебе бог здоровья, — сказал Чавуш.

Джаббар тоже хотел отблагодарить Дурмуша Али, но Мемед перебил его:

— Дядя, я хочу спросить тебя.

— Спрашивай, сынок.

— Не знаешь ли ты, в какую деревню ушел Хромой Али?

— Говорят, что он в Чагшаке, два дня ходу отсюда.

— Как нам узнать, там ли он сейчас?

— Сестра Слепого Али и ее муж живут в той же деревне. Два дня назад она пришла из Чагшака. Пойдем, спросим у нее, — предложил Дурмуш Али.

— Мы должны найти Хромого Али, — сказал Мемед. — Если он в Чагшаке, нам придется пойти туда.

— Ну что ж, пойдем, — согласился Джаббар.

— А мои раны? — простонал Реджеп Чавуш.

— Если хочешь, оставайся здесь. За тобой посмотрит Дурмуш Али, — сказал Мемед.

— Не беспокойтесь, я буду ухаживать за ним, — подтвердил Дурмуш Али.

Реджеп Чавуш вскочил.

— Чтобы я отстал от вас? Никогда. И умирать буду с вами. Но я предлагаю послать человека за Хромым Али, пусть он приведет его сюда.

В разговор вмешалась жена Дурмуша Али, Хюрю, сидевшая в стороне.

— Ведь Хромой Али — предатель. Не он ли выследил нашего Мемеда? Если вы пошлете за ним, он скроется, убежит в горы. Разве гяур придет добровольно?

— Тебе нужен Хромой? — спросил Дурмуш Мемеда, взглянув ему прямо в глаза.

— Да, — сказал Мемед.

— Можете обождать в моем доме денька два?

— Даже неделю,— не задумываясь ответил Мемед.

— Я отправлю Слепого Али верхом к Хромому. Он передаст, что Дурмуш Али просит заехать к нему. Надо, мол, пойти по следу. Правда, говорят, что после случившегося Хромой Али забросил свое любимое занятие. Но мне он не откажет. Придет обязательно, даже если не захочет искать след. Мемед, ничего плохого ты ему не сделаешь, не правда ли?

— Сделает! Мемед изрубит его на куски. Ведь Хромой Али навлек на него всю беду. Разве не так? Кто бы узнал, что Мемед скрывается в лесу, кто бы его нашел, если бы не Хромой гяур? Дурмуш Али заманит его сюда, а ты, Мемед, изрубишь его вот здесь у этих дверей. Я позову крестьян, пусть все видят! — не вытерпела Хюрю.

— Не болтай попусту, глупая женщина,— рассердился Дурмуш Али.— Хромой Али не с плохими намерениями шел по следу Мемеда. Когда он идет по следу, он ни о чем не думает, ничего не замечает вокруг. Он забывает обо всем на свете. Разве ты не видела его лицо, когда он вернулся из леса? Хромой был бледен как смерть. И хотя все наговаривали на Хатче, он предпочел покинуть родную деревню, остаться без крова, чем дать ложные показания. Он просто ушел из родного дома. Мемед, не тронь Хромого Али! Он неплохой человек...

— Плохой или хороший человек Хромой Али — это неважно. Он причинил Мемеду зло, и поэтому Мемед должен его убить. Если Дурмуш Али не заманит его сюда, пойди сам, вытащи эту змею из норы и вонзи в нее кинжал, который висит у тебя за поясом! — не унималась Хюрю.

— Смотри, жена! Если в аллаха не веришь, то хоть в эти дела не вмешивайся.

— А ты не сбивай с толку парня. Пусть он делает что задумал.

— Вот тебе и на! Убить бедного человека! Да Хромой помешан на следопытстве. Когда он шел по следу, он не хотел сделать Мемеду плохого. Хромой Али просто не знал, чем все это кончится. Но даже если бы и знал, все равно пошел бы по следу. Помешан он на этом деле. Ну что ж, пусть Мемед убьет бедного человека и утешится,— уже спокойнее добавил Дурмуш Али.

— А мое сердце успокоится, когда я увижу труп Хромого Али! — твердила Хюрю.

— Мемед, ты, конечно, ничего не сделаешь с этим бедняком? — спросил Дурмуш.

— Я только заставляю его пойти по следу, — спокойно ответил Мемед.

— Заставь его, сынок. А затем расправься с ним. Это он довел тебя до такого состояния. Моя Хатче сейчас где-то в тюрьме мучается из-за него, — со слезами в голосе сказала Хюрю.

Дурмуш Али наклонился к Мемеду.

— По его следу? — спросил он.

Мемед кивнул.

— Я рад твоему решению, Мемед. Очень рад. Я сейчас же пойду, подыму с постели Слепого Али и немедленно отправлю его за Хромым. Он прилетит как на крыльях. А вы останетесь у нас и сможете дня два отдохнуть. А ты, жена, чем болтать попусту, лучше бы постелила гостям постели. Пойду к Слепому Али.

— Провались ты... — проворчала вслед ему Хюрю.

Хюрю подошла к Мемеду. Это была смуглая женщина небольшого роста, совершенно седая, без единого зуба во рту, с губами, напоминающими стянутое бечевкой горло мешка, и голубыми глазами. Она поманила рукой Мемед и, словно поверяя какую-то тайну, зашептала ему на ухо:

— Не верь подлецам, не доверяй им. Не доверяй и Дурмушу Али. Это люди гяура Абди. Вас устроят в хлеву, а сами донесут жандармам. Не верь им. Я буду караулить на мельнице и, как только покажутся жандармы, дам знать вам, чтобы вы могли убежать. Эх, Мемед! Во всей деревне, наверное, только я одна желаю тебе добра. Ты для меня — память о Доне, твой отец был замечательный человек. Я постелю вам в хлеву. Вы, наверное, сразу заснете?

— Я так хочу спать, просто умираю, мамаша Хюрю, — сказал Мемед. — Уже третьи сутки, как мы не спим...

— Ой, — спохватилась вдруг Хюрю. — Чтоб мне ослепнуть! Эй, вы, дочери гяура! Гости спать хотят, а мы еще ничего не приготовили. Набросайте в коровьи стойла соломы и постелите постели.

— Ой, мамочка! — вдруг закричал Чавуш.

— Что с тобой? — спросил Мемед.

— Посмотри как распухла у меня шея! Она скоро сольется с плечами, — с ужасом сказал Чавуш.

— Что-нибудь придумаем,— успокаивал его Мемед.

— Сейчас мамаша Хюрю сделает тебе такую примочку, что от опухоли ничего не останется,— сказала Хюрю.

Девушки быстро перетащили постели в хлев. Мемед, Реджеп Чавуш и Джаббар пошли следом за ними.

Посредине хлева на столбе была подвешена маленькая лампадка, едва освещавшая его изнутри. Половина хлева была завалена соломой, от которой распространялся резкий запах. В углу лежала куча кизяка. Он тоже издавал свой, особый запах. К висевшей под крышей паутине прилипли соломинки.

Прикрыв за собою двери, женщины ушли. Бледные лучи восходящего солнца пробивались через маленькое окошко. Становилось все светлее...

Джаббар сладко зевнул. Реджеп Чавуш сразу же бросился на постель.

— Я весь горю, ребята,— сказал он.— Пусть кто-нибудь дежурит. Всем спать нельзя.

Джаббар мгновенно уснул. Реджеп продолжал стонать... Мемед, опустив голову на колени, с винтовкой в руках сидел на куче соломы.

Было около полудня, когда Хюрю принесла им обед. Чавуш все еще стонал. Услышав стоны, Хюрю с досадой плюнула и сказала:

— Ах, совсем забыла...

— Что ты забыла, мамаша Хюрю? — спросил Мемед.

— Лекарство для его ран,— показала она на Реджепа и вышла из хлева.

Гости кончали обед, когда вернулась Хюрю с горшком, из которого поднимался пар.

— Этим отваром пользовался мой отец. Хорошо заживает раны. Я приготовила его для нашего гостя,— сказала она.

Реджеп Чавуш стал разматывать повязку. Она прилипла к ране, и он с трудом оторвал ее.

— Ох, сынок, рана-то у тебя загноилась,— не выдержала Хюрю.

Сжав зубы, Реджеп Чавуш тихо стонал. Хюрю приложила к ране лекарство и перевязала ее чистой тряпкой.

— Спасибо, мать. Золотые у тебя руки. Дай аллах тебе здоровья. Легче стало,— сказал Реджеп и снова лег.

— Теперь ты спи, я покараулю,— обратился Джаббар к Мемеду.

— А я подымусь на мельницу. Как только замечу жандармов, сразу дам вам знать. В моем доме никто не сможет сделать плохое Мемеду, сыну красавицы Доне.

Мемед лег, но долго не мог заснуть. Уже много дней он не спал и не отдыхал, но заснуть теперь, когда, казалось, можно было спать, он все-таки не мог. Смерть матери и арест Хатче потрясли Мемеда. Горе душило его, а сердце пылало, как факел. Мемед не мог отделаться от тяжелых мыслей. Он боялся самого себя, товарищей и даже окружающих вещей. Но он никому не открывал того, что творилось в его душе.

В полночь Джаббар разбудил его:

— Мне хочется спать, подежурь ты.

Мемед словно и не спал. Он поднялся, взял винтовку и залез наверх. Там он сел, обхватив руками колени, и, положив на них голову, погрузился в раздумье.

До рассвета оставалось недолго. Вдруг дверь хлева отворилась. Мемед схватил винтовку.

— Что ты, Тоший Мемед, уж не в меня ли собираешься стрелять? — улыбаясь, спросил Дурмуш Али.

Мемед не ответил.

— Слепой Али привел Хромого. Он у меня. Разбуди товарищей и заходите в дом. Я уже рассказал Хрому Али, в чем дело. Он очень боится. Чего только не наговорила ему моя сумасшедшая жена, а потом плюнула ему в лицо. «Если тебя не убьет Тоший Мемед, то убью я», — сказала она Али. У Хромого душа в пятки ушла. Дрожа от страха, он спросил: «Меня сюда привели, чтобы убить?» У него был такой вид, словно он вот-вот умрет от страха, — закончил Дурмуш Али.

В глазах Мемеда блеснула радость.

Проснулся Джаббар. Друзья сначала не хотели будить Чавуша, но, боясь, что он может на них обидеться, решили взять его с собой.

— Вставай, Чавуш! Знаменитый следопыт Хромой Али здесь. Надо с ним переговорить, — сказал Джаббар.

С трудом подняв голову, Чавуш удивленно переспросил:

— Хромой Али?

— Да, следопыт Хромой Али.

— Ах, мать его... Значит, пришел?

— Вставай, пойдем к нему; — нетерпеливо сказал Мемед.

— Подождите меня,— попросил Реджеп Чавуш. Он стянул одежду, поправил серебряные украшения и закрутил свои длинные усы. Вытащив из кармана серебряный гребешок, он тщательно расчесал волосы. Потом с презрением посмотрел на свои ноги: каблуки ботинок почти совсем стерлись. Феска была покрыта пылью; он начал стирать пыль рукавом. Джаббар не выдержал:

— Хватит, Чавуш! Что делать, если ботинки у нас немного износились?

— Да, ничего не поделаешь,— согласился Чавуш.

Когда они вошли в дом, Хромой Али сидел у очага. Увидев их, он попытался подняться, но тут же снова сел. Лицо его стало пепельно-серым.

— Я привел Хромого Али,— сказал Слепой.

— Спасибо тебе,— поблагодарил Мемед.

Сжав зубы, Реджеп Чавуш впился глазами в лицо Хромого Али.

— Ты и есть этот следопыт? И ты, мерзавец, не боялся аллаха? Как же хватило у тебя совести?

Неподвижным взглядом Хромой Али смотрел на очаг.

— Помолчи, Чавуш, я сам с ним поговорю,— сказал Мемед.

— Ну и говори с этим бессовестным человеком, с этим мерзавцем! — резко бросил Чавуш.

Мемед сел напротив Хромого Али.

— Али-ага,— сказал он,— у меня есть к тебе дело. Выйдем-ка на минутку на улицу.

— Мемед, сжался надо мной!.. Я не хотел делать тебе зла. Ведь у меня дети. Пожалей их,— взмолился Хромой Али, уставившись на Мемеда застывшими от страха глазами.

— Не бойся; я только хочу поговорить с тобой с глазу на глаз,— успокоил его Мемед.

— Пожалей меня! — не унимался Хромой Али. — Я сделал тебе зло, а ты не делай, брат!

— Ну, вставай. Я здесь расскажу тебе, что хотел. Отойдем в угол,— сказал Мемед.

Хромой побледнел. Лицо его стало белым как бумага. Его била дрожь.

— Сжался надо мной!.. Не делай сиротами моих ребят... — бормотал он.

— Хватит! Есть же предел терпению. Вставай! — заорал Реджеп Чавуш и выхватил кинжал,

— Не трогай его, Чавуш,— спокойно сказал Мемед.

— Хорошо, не трону. Дело твое. Хоть к сердцу его прижми,— сказал Чавуш, неохотно вкладывая кинжал в ножны.

— Не бойся, Али, я тебя не трону. Я убил бы тебя сразу, если бы хотел. Мне надо тебе кое-что сказать по секрету,— успокоил Мемед Хромого.

Али встал и, с трудом передвигая ноги, пошел в темный угол комнаты. Подойдя к нему, Мемед тихо сказал:

— Слушай, Хромой Али. Ты причина моих бед. Что и говорить, ты герой! Ну ладно; это уже позади. Поговорим о настоящем. Ты должен пойти по следу.

— Клянусь аллахом, после истории с тобой я зарекся ходить по следу. Убей меня, но я не хочу больше пачкать руки в крови,— тихо ответил Хромой.

— Я убью тебя, если не пойдешь! — твердо сказал Мемед.

— А по чьему следу? — нехотя спросил Али.

— По следу Абди-аги. Ты найдешь его, где бы он ни был. Ты должен его найти. Если не найдешь...

— Что же ты, братец, сразу не сказал, кто тебе нужен? Я найду Абди даже в аду. Он или в касабе, или в деревне Авшар, или в Сарыбахче. Пойдемте на Чукурову, там мы найдем гяура и схватим его. Он разрушил мой дом только потому, что я отказался быть его лжесвидетелем. Мои дети голодают из-за него в Чагшаке. Убей этого гяура! Я сделаю все, чтобы найти его. Я готов пойти в горы и стать разбойником...— с жаром говорил Хромой Али.

— Значит, решено,— сказал Мемед.— Пойдем к очагу. Об остальном поговорим после. Но смотри: никому ни слова. Об этом знает только Дурмуш Али, но он никому не расскажет.

— Пусть весь мир знает! Много горя причинил гяур крестьянам, тебе, Хатче, мне, и горе наше, как каленое железо, жжет сердце. Пусть знают все! Я возьму винтовку и пойду с вами. Мне теперь все равно...

Мемед сел у очага. Хромой Али улыбался.

— Что, Хромой, улыбаешься? — спросил его Дурмуш Али.— Уж не собрался ли ты снова идти по следу?

— Нет. Я рад, что могу помочь Мемеду.

Реджеп Чавуш, Джаббар, Хромой Али и Мемед пошли в хлев.

Было еще темно, когда они отправились в путь.

— Будь счастлива, мамаша Хюрю. Будь счастлив, дядя Дурмуш. Будьте все счастливы,— прощался Мемед.

Деревня начала просыпаться. Закурились трубы домов: хозяйки разожгли очаги.

Хюрю крикнула вслед удаляющимся разбойникам:

— Мемед! Если ты не изрубишь его на куски, прах Доне перевернется в могиле!

— Да благословит тебя аллах, сын мой,— перебил жену Дурмуш Али.— Не слушай глупую женщину. И ты, Хромой, не обижайся на нее, под старость женщины глупеют.

Когда они выходили из деревни, Хромой Али, облизнув губы, сказал:

— Теперь я своими глазами увижу смерть гяура.— Мемед, послушай меня,— продолжал он.— Я причинил тебе много горя и хочу искупить свою вину. Как только мы избавимся от гяура, я буду тебе помогать. Ты хороший парень. Другой на твоём месте убил бы меня. Ты понял, что я не виноват. Я не стал давать ложные показания о Хатче.

— Значит, ты хорошо ходишь по следу? — спросил молчавший до этого Реджеп Чавуш.

— Ходил. С того дня дал себе зарок не выслеживать человека.

— А зачем тебе животные? — спросил Чавуш.

— Иногда меня берут на охоту, я отыскиваю следы зверей. Если не буду ходить по следу, умру от тоски.

Молча дошли они до скалистого обрыва. Все вокруг покрывала утренняя роса. Краснозем в этих краях издает какой-то особый запах, напоминающий запахи Чукуровы.

Вдруг Реджеп Чавуш застонал.

— Что с тобой? — подошел к нему Джаббар.

— Рана у него сильно опухла. Нельзя так оставлять. Может распухнуть еще больше. Надо зайти в деревню. Здесь рядом дом Сары Уммета. Если хотите, можем зайти к нему. Он хороший человек,— предложил Хромой Али.

— Не буду я валяться из-за какой-то раны. Я должен идти за Абди-агой,— решительно возразил Чавуш и добавил: — Мемед и Джаббар, подойдите ко мне. В этом деле разрешите мне быть старшим. Вы без возражений должны мне подчиниться.

— Согласны,— ответил Мемед.

— Мы согласны на все, но посмотрим, что ты придумаешь, — сказал Джаббар.

— Кто будет мне перечить, ребра пересчитаю, — угрозил Чавуш.

— Никто тебе перечить не будет. Говори, что ты хочешь делать? — спросил Джаббар.

— Это не твое дело, — сказал Чавуш и обратился к Хромому Али: — Ты хороший следопыт. И ты дал слово отыскать Абди.

— Даже если бы и не дал слова, я готов убить его, — ответил Хромой Али.

— Теперь скажи мне, где, по-твоему, сейчас Абди?

— Точно не знаю, но думаю, что в касабе или в деревне Авшар. Он мог спуститься и на равнину Юрегир. Если Абди узнал, что вы его преследуете, он наверняка на Юрегире. Туда разбойники никогда не спускаются, потому что там негде укрыться.

— Отлично. Что мы будем делать, если сойдем на равнину? — спросил Реджеп Чавуш.

— Я буду следить за ним. Как только он покинет Юрегир, дам знать вам. Я не упущу его, — убеждал Хромой Али.

— Что же ты предлагаешь нам делать? — спросил Чавуш.

— Вы останетесь в доме Сары Уммета, а я спущусь на Чукурову, разузнаю, где Абди, и сообщу вам. Идемте к Сары Уммету. Он приходится мне дальним родственником. Он тоже не любит Абди.

К полудню путники добрались до дома Сары Уммета, одиноко стоявшего на холме, окруженном деревьями. Подойдя к дому, Хромой Али представил Мемед хозяину:

— Это наш Тоший Мемед.

— Мне давно хотелось увидеть тебя, — сказал Уммет. — Я был рад, когда узнал, что ты ушел в горы.

Хромой Али тотчас отправился в путь. Сары Уммет успел только крикнуть ему вдогонку:

— Выпил бы хоть чашку кофе...

— Срочное дело, — ответил Хромой, даже не оборачиваясь.

Он шел быстро, слегка покачиваясь и волоча за собой хромую ногу.

Ночь. Дует легкий ветерок. Лунный свет, пробиваясь сквозь листву деревьев, падает на землю.

— Если Абди спрятался даже под крылышком птицы, я все равно отыщу его,— бормочет Хромой Али.

Он вспомнил свой разрушенный дом, который строил столько лет. Его чистенький домик за один час был превращен в груды обломков людьми Абди-аги. Али сжал зубы и ускорил шаги.

Светало, когда Хромой входил в касабу. Он направился к базарной площади. Дворник Мухаджир Мурат подметал площадь, поднимая столбы пыли. Хромой Али на ходу поздоровался с Муратом и подошел к кофейне Тевфика. Кофейня только что открылась. Али попросил стакан чая. Ему подали. От чая шел свежий аромат. Али решил обождать в кофейне, пока откроются лавки.

Когда первые лучи солнца упали на мостовую, выложенную белым камнем, Али направился в лавку Мустафы. Мустафа был родом из Мараша. Это был седобородый благообразный старик. Лавка его была еще закрыта. Хромой Али присел на порог и, прислонясь к двери, стал ждать хозяина. Обнюхивая землю, прошла облезлая собака. Напротив лавки Мустафы была кузница Слепого Хаджи. Через некоторое время пришел сам хозяин и открыл кузницу. Напевая что-то себе под нос, он стал ковать подкову. От кучи навоза возле стены поднимался пар. Когда солнце начало пригревать землю, пар исчез. Наконец вдали на горе показалась фигура Мустафы-эфенди. Увидев Хромого Али на пороге своей лавки, Мустафа-эфенди озабоченно спросил:

— Что случилось? Уж не след ли вора привел тебя к моей лавке?..

Хромой Али выпрямился и ответил:

— Видимо, так.

Мустафа-эфенди открыл лавку и пригласил Хромого Али войти.

— Зайди, расскажи, где ты обитаешь? Что-то тебя давно не видно.

— Не спрашивай. Одно несчастье за другим обрушивается на меня,— ответил Хромой Али.

— Я слышал. Абди-ага нехорошо поступил. Он верующий человек, а поступил плохо, бесчеловечно.

— Говорят, Абди-ага где-то здесь,— сказал Али, пытаясь выведать что-нибудь об аге.— Что он здесь делает? Если он здесь, я лучше уйду. А то, чего доброго, опять на мою голову свалится беда.

— Не бойся, он себе места не находит. Ты, верно, слышал, что тот парень стал разбойником. Абди боится его как огня. Вчера он зашел ко мне в лавку, купил сигарет, спичек и поскакал в деревню Актозлу. Он боится оставаться в городе. В деревне он должен собрать недоимки и налоги. С этим неверным может справиться только такой же безбожник, как он сам. И он с ним расправится, будь уверен. Абди причинил тебе зло, но теперь он тебя боится! Он трус: от сопливого мальчишки бежит так, что пятки сверкают.

— А где он останавливается в Актозлу? — спросил Хромой Али.

— У кого же, как не у старосты Хусейна? Тот приходится ему родственником.

Хромой Али старался выведать у Мустафы все, что ему было нужно.

— Абди не любит Актозлу. На Чукурове он обычно останавливается в Сарыбахче, в доме своего двоюродного брата.

— Ну что ты городишь, Али,— перебил его Мустафа-эфенди.— Абди за последнее время стал желтый, как янтарь, в лице ни кровинки. Неужели ты думаешь, что он может довериться такому кроткому человеку, как его двоюродный брат? Абди ведь пройдоха и дьявол! Несколько дней назад до нас дошел слух, что разбойник побывал в доме Абди, хотел убить его детей, но пожалел малолетних. За ним послан отряд жандармов. Тоший Мемед его звать, что ли? Разве Абди покинет Актозлу в такое время! Староста Хусейн — смелый человек. Умрет, а гостя не выдаст. Ох, это дьявол! Разве Абди пойдет в Сарыбахче? Он сидит сейчас у очага Хусейна, словно ты только сейчас расстался с ним.

— Что посеял, то и пожнет,— сказал Хромой Али.— Он причинил мне много зла, аллах накажет его. Он еще будет просить милостыню и корчиться в предсмертных судорогах.

— Да, да, конечно,— вторил ему Мустафа-эфенди,— что посеял, то и пожнет.

Хромой Али нервничал, хотя ему как будто удалось узнать, где находится Абди-ага. «А вдруг я напрасно приведу Тошого Мемеда на Чукурову, и он попадет в беду?» — спрашивал себя Али.

Хромой Али купил у Мустафы халвы, а в лавке напротив — хлеба и направился в Актозлу.

В часе ходу от касабы начинались болота Агджасаза. За болотами лежали непроходимые заросли кустарника. Река Саврун с трудом пробивалась сквозь заросли, и ее мутная вода сливалась с грязью болот.

Деревня Актозлу лежит у самого Агджасаза. Все ее жители больны малярией.

Дойдя до камышовых зарослей, Али стал блуждать. Он начал искать следы. След какого-то шакала завел его в трясину. Али и радовался, что нашел след, и злился. Быть может, шакал обезумел, думал он, но продолжал идти по следу. Наконец след вывел его на сухую землю. «А этот шакал не глуп,— подумал Али.— Должно быть, все шакалы умные...»

На рассвете второго дня Хромой Али добрался до Актозлу. В деревне было дворов тридцать. Куполообразные крыши глинобитных домов в деревнях, расположенных возле болот, обычно покрыты свежескошенной травой. Вдалеке от болот на крышах домов почти всегда лежит жареная, выжженная солнцем трава.

Хромой Али вошел в безлюдную деревню. Все спали.

Из полуразвалившегося домика высунулась голова женщины и тут же исчезла.

— Сестра! — крикнул ей Хромой Али. — Где находится дом Хусейна-аги?

Женщина подошла к калитке. Она указала на длинный дом, покрытый соломой и жестью.

С трудом переводя дыхание и волоча ногу, Хромой Али зашел к дому. Ворота были открыты. На мгновение Али остановился. В воротах появился высокий человек.

— Что тебе надо? — спросил он.

— Я из деревни Абди-аги. Хочу передать ему весть.

— Заходи в дом, — пригласил человек.

Они вошли. Человек провел его в комнату, где ярко пылал очаг. У очага сидел Абди-ага. Не замечая вошедших, он дремал, склонившись над огнем и медленно перебирая четки. Али остановился на пороге. Высокий мужчина, который привел Али, громко сказал:

— Абди-ага, пришел человек из вашей деревни.

Абди-ага медленно поднял голову, глаза его встретились с глазами Али. Али стоял, наклонившись на хромоту ногу. Казалось, он вот-вот упадет. Абди-ага не сразу узнал Хромого Али; прищурившись, он внимательно всматри-

вался в него. Вдруг он побледнел и что-то проворботал. Хромой Али подошел к Абди-аге. Широко раскрыв от испуга глаза, ага выронил из рук четки.

— Подойди ко мне, сынок, — с трудом овладев собой, выговорил он. — Какие вести привез?

Хромой Али подошел ближе и сел рядом у очага.

— Ну, какие там новости? — спросил Абди-ага.

Али молча указал на высокого человека, приведшего его, как бы говоря, что его присутствие нежелательно. Абди-ага понял.

— Осман, — сказал он, — нам надо поговорить, оставь нас.

Высокий человек вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Абди-ага придвинулся к Али:

— Какие вести, Али?

И вдруг, словно чего-то испугавшись, он спросил:

— Может быть, ты по моим следам ходишь?

У Хромого Али был такой вид, словно он вот-вот заплачет.

— Ага, — начал он, — чего только не пришлось мне пережить из-за моего занятия. Я вынужден был уйти из родной деревни, бросить дом и семью. Мне хотят отомстить. Тоший Мемед пришел в Чагшак, схватил меня и потащил в вашу деревню. Он сказал мне: «Я казню тебя вместе с Абди-агой». Однажды ночью он сломал двери и ворвался в твой дом. Я сам слышал плач и крики. Я убежал к Хосюку. Он развязал мне руки. Я попросил Хосюка посмотреть, что делается в твоём доме. Он пошел и вскоре вернулся. «Абди-аги в доме нет, — сказал Хосюк. — Мемед запер двери и никого не впускает. Из дома слышатся вопли женщин и детей». Два других разбойника по всей деревне искали меня. Но я убежал из этого ада. Я пришел к тебе, ага, чтобы ты принял меры.

Абди-ага побледнел еще больше. Хромой Али заплакал. Он плакал по-настоящему, всхлипывая.

— Жена, дети мои остались в Чагшаке. Чем я виноват? Как я пойду в горы? Научи меня! А что будет с тобой? Что ты будешь делать здесь, на Чукурове? Мы-то ничего, а вот ты как? Ты почтенный, солидный человек, хозяин пяти деревень. Люди говорят, что ты испугался трех парней и скрываешься на Чукурове. Я беспокоюсь о тебе, мой ага, — закончил Али.

Щеки и шея Абди-аги побагровели, на глазах показались слезы.

— Али,— сказал Абди-ага.— Я сделал тебе много плохого. Перевези свою семью из Чагшака в родную деревню. Я напишу, чтобы тебе дали вола и семян. Не сердись на меня. Ступай и перевези семью.

— Как я пойду в горы? Убьет меня этот негодяй...— хныкал Али.

— Не бойся. Не долго ему ходить по горам. Он поссорился с Шалым Дурду. Я сказал Дурду, что делать. Скоро я уничтожу Мемеда. Как птицу, подстрелят его мои люди. Пока я жив, можешь не бояться,— успокаивал Хромой Абди-ага.

Он вытащил из кармана пачку денег и вытянул из середины десяток зеленых ассигнаций.

— Возьми на расходы. А теперь у меня к тебе просьба: иди в мою деревню и скажи моим домашним, чтобы пригнали на Чукурову три стада. Но смотри не попадайся на глаза этому мерзавцу. Уходи отсюда ночью, чтобы никто тебя не видел. Передай кому-нибудь из моих людей, чтобы он перевез твою семью из Чагшака. Хорошенько разузнай о моих родных и сообщи мне. Что сделал этот окаянный с моими детьми? Я боюсь за них. Поешь и отправляйся в путь.

Али снова захныкал:

— Не гони меня, мой ага. Не посылай в горы. Один раз удалось мне вырваться из рук окаянного, второй раз не удастся.

— Не медли, прошу тебя! Делай, что я тебе сказал! Не бойся, быть может, его уже схватили жандармы. Какой из него разбойник!..— сердился Абди-ага.

— Хорошо, ага, я пойду — сказал Хромой Али.— И в самом деле — откуда ему знать разбойничьи приемы?

Принесли еду. Али быстро поел и вскоре отправился в дорогу.

— Я доберусь до деревни и вернусь к тебе с вестями,— сказал он, прощаясь с Абди-агой.

Выйдя на улицу, Хромой Али не чувствовал под собой ног. Временами он даже переставал хромать. Ни разу не отдохнув, за полдня добрался он до дома Сары Уммета.

Дождавшись ночи, он подошел к дому и тихо свистнул. Услышав знакомый свист, Сары Уммет вышел из дома.

— Хорошо, что ты пришел! — сказал Сары Уммет.—

Говори тихо, в доме полно жандармов. Они ищут твоего знакомого. Сейчас они спят. Их командир Асым Чавуш взбешен, не знает, что делать. А твои ребята на сеновале пируют. Я зарезал им ягненка... Твой Тоший Мемед — парень скрытный и с железной волей. Молчит все время. Ни во что не вмешивается, видно, переживает. Только глаза иногда как заблестят! Вот увидишь — он прославится в наших горах. Пойдем, я проведу тебя к ним.

Они пошли на сеновал. Сары Уммет поднял два камня и ударил их друг о друга. Дверь тихо отворилась.

— Это я, Хромой Али.

— Я рад, что ты вернулся, — сказал Мемед и скрылся за дверью.

Али вошел и осторожно притворил дверь.

— Твой друг Уммет — смелый и очень хороший человек, — сказал Мемед. — Другой на его месте давно бы нас выдал, и нам пришлось бы схватиться с жандармами. Хорошо, что ты вернулся.

— Я нашел его, — сказал Али, — он в деревне Актозлу, в доме Хусейна-аги.

Мемед обрадовался. Забывая об опасности, он вынул спички и зажег стоявшую на пороге лампадку. В углу, на одной постели, спали Джаббар и Чавуш. Мемед разбудил Джаббара. Раскрыв глаза, тот схватился за винтовку.

— Это я, Джаббар, — сказал Мемед, отстраняя рукой его винтовку.

— Что случилось? — спросил Джаббар.

— Али вернулся.

— Неужели?

— Вернулся.

— Нашел он Абди?

— Нашел.

— Тогда все в порядке.

— Да, надо приниматься за дело.

— Сейчас же в путь! Не так ли, Мемед?

— Да, нужно отправляться немедленно.

— А как же быть с Чавушем? Он не может повернуть шею.

— Что же нам делать?

— А что, если оставить его здесь? — предложил Джаббар.

— Он не останется. Натворит еще чего-нибудь, — сказал Мемед.

— Другого выхода нет. Разбудить его?

— Буди,— сказал Мемед.

Джаббар потряс Чавуша за плечо, но тот только перевернулся на другой бок.

— Вставай,— тормошил его Джаббар.

— Я умираю, умираю, понимаете? — пробормотал Чавуш.

— Поднимайся, нам пора в дорогу,— сказал Джаббар и попытался поднять Чавуша.

— Не трогай меня. Я умираю...— стонал Чавуш.

— А еще считал себя атаманом разбойников! Разве атаманы такие? — уговаривал его Джаббар. Он отпустил Чавуша, и тот снова упал на сено и захрапел.

— Бедняга! Он спит впервые за много дней,— сочувственно сказал Мемед.

— Что же делать? Оставим его здесь? — спросил Джаббар.

— Нельзя,— решительно сказал Мемед. Он схватил Чавуша, поднял его и начал трясти: — Вставай! Абди-ага в Актозлу... Хромой Али только что оттуда.

Реджеп Чавуш открыл глаза.

— Что-о? — протянул он.

— Абди-ага в Актозлу,— повторил Мемед.

— Али нашел его?

— Да.

— Я решил, что убью Хромого, если он не найдет Абди-агу. Выходит, он сохранил себе жизнь,— сказал Чавуш. Вставая, он сморщился от боли.

— Ребята, перед тем как двинуться в путь, полечите мою рану. Реджеп Чавуш совершит благороднейший поступок в своей жизни — он убьет гура. Пусть аллах простит мне все мои грехи,— сказал Чавуш.

— Я буду лечить твою рану,— вызвался Хромой Али. Он подошел к Чавушу.

— Если бы ты не нашел его, Али, тебе была бы крышка. Я убил бы тебя,— сказал Чавуш.

— Мы нашли врага бедняков, накажите его,— сказал Хромой Али.

— Еще как накажем! Вот увидишь! — волновался Чавуш. Али наложил на рану Чавуша густой слой мази, перевязал.

— Теперь пошли. Быстрее! Каждая минута жизни этого гура может принести нам зло,— сказал Реджеп Чавуш.

Друзья поспешно вышли с сеновала и, забыв даже попрощаться с Сары Умметом, направились в Актозлу.

— Вот это деньги! — воскликнул Джаббар.

— Я очень рад, что наступил наконец этот день, — отозвался Мемед.

От радости Мемед не знал, что делать. Он шел, не чувствуя под собою земли. Словно летел. Хромой Али еле поспевал за ним.

Хромой Али рассказал, как он обманул гяура, и тот даже дал ему десять лир. Друзья смеялись.

Дойдя до деревни Ялыздут, они вдруг почувствовали страшный голод. Но сознание того, что скоро свершится месть, гнало их в Актозлу. Днем друзья скрывались, как могли, от людей, а по ночам шли по оврагам, обочинам дорог и зарослям.

— Сейчас я вам принесу хлеб, — сказал Хромой Али. — Подождите меня в этой пещере.

Али направился в деревню Ялыздут. На расстоянии получаса ходьбы от нее находилась крепость Анаварза, с которой уже можно было увидеть Актозлу.

Через полчаса Хромой Али принес два мешочка: один — с хлебом, другой — с кислым молоком.

— Кислое молоко я украл, — сказал он. — Висело на столбе перед домом, ну, я и взял, как из родного дома.

Друзья подкрепились, скрутили цигарки и задымили.

По лицу Реджепа Чавуша было заметно, что рана на шее не дает ему покоя. Он то и дело морщился и стискивал зубы.

— Я атаман разбойников, — часто повторял он. — Если вы будете вмешиваться в мои дела, пеняйте на себя. Я не сделал ничего хорошего за всю свою жизнь. Так хоть теперь сделаю доброе дело. Вы будете бесприкословно выполнять то, что я прикажу. Поняли?

Повернувшись к Джаббару, он переспросил:

— Понял, Джаббар? А ты, Мемед?

— Поняли, — в один голос ответили Мемед и Джаббар.

— До наступления ночи переждем здесь. Ночью укроемся в овраге у деревни. Не перебивайте меня! Эти места я хорошо знаю. Мне знаком здесь каждый овраг, каждый камень. Понятно? Каждый камень. Вон там — остров на реке Джейхан. За Анаварзой находится Хаджидар, а дальше — горы. Как расправимся с гяуром, уйдем туда. За нами наверняка пошлют не меньше роты жандар-

мов. Трудно будет нам ускользнуть от них, хотя я знаю эти места как свои пять пальцев. Нас никто не поймает. Вы должны подчиняться мне. Сухорукий брат не послушал меня, и это привело к гибели огромного отряда. Самого его убили. На Чукурове будет теперь хозяйничать Реджеп Чавуш. Не забывайте об этом ни на минуту,— закончил Реджеп Чавуш.

Место, которое служило для них укрытием, представляло собой котлован, размытый потоками внешних вод.

Вода принесла с собой белые камешки, сосновую кору, камыши, корни деревьев, которые застряли возле кустарников, покрывавших склоны котлована. Крестьяне поставили здесь деревянную запруду, возле которой тоже скопилось много камней и ила.

Наступил вечер. Солнце медленно опускалось. Его последние теплые лучи освещали равнину, золотили повисшие над горизонтом тучи.

— Давно я не видел захода солнца на Чукурове,— прервал молчание Реджеп Чавуш.— Смотрите, солнце словно садится на землю. Постепенно краснеет, становится золотисто-красным. Вот оно застыло на миг на месте. Еще мгновение — и солнце исчезнет. Какая красота! Смотрите, смотрите!

Джаббар улыбнулся.

— Над кем ты смеешься, щенок? — с раздражением закричал Чавуш.

— Над Хромым Али,— ответил Джаббар.

Реджеп Чавуш успокоился.

Солнце скрылось. Сразу стало темно. Реджеп Чавуш стоял неподвижно, как изваяние.

— Теперь я могу спокойно умереть. Я еще раз видел заход солнца на Чукурове...— сказал он.

Друзья прошли равнину Ялныздут. Но вскоре дорогу преградили болота, которые они преодолели с большим трудом.

Вдали замерцали огоньки деревни Актозлу. Дальняя окраина деревни была окутана сплошным мраком. Друзья очень устали и присели возле кустов. Хромой Али вынул из кармана спички и хотел закурить.

— Положи сейчас же спички в карман, или я тебя ударю! — закричал Чавуш.

Хромым Али, не сказав ни слова, опустил спички в карман.

— Еще раз повторяю,— строго сказал Чавуш,— я ударил бы даже своего отца, если бы он сейчас не послушал меня. Атаман я или нет?

— Атаман, атаман, Чавуш! — закричали все хором.

После этого Чавуш долго молчал, размышляя. Наконец, подняв бровь, он повернулся к Мемеду:

— Тебе еще понадобится Хромой Али?

— Да,— ответил Мемед.

— Разбойникам всегда нужен такой человек, как Али,— сказал Реджеп Чавуш и опять замолчал.

— Ну, Чавуш, заснул ты, что ли? — не выдержал Джаббар.

— Сукин ты сын! — распалился Чавуш.— Ты думаешь, легко из такой большой деревни, да еще так неудобно расположенной на равнине, похитить человека? Я обдумываю план.

Он опять погрузился в свои мысли.

Через некоторое время Чавуш снова поднял голову, словно кто-то разбудил его. В темноте он различал лишь темные силуэты Мемед и Джаббара. При слабом свете звезд лиц их не было видно.

— Ребята,— с неожиданной нежностью сказал Реджеп Чавуш.— Я конченный человек. Моя рана не заживет. Я умру, я это знаю. Я думаю о вас, о Тощем Мемед. Прекрасная у него душа. Много лет крестьяне из пяти деревень Абди-аги не решались выступить против своего хозяина; только Мемед решился. Он человек дела. Если бы я выжил, я бы берег Мемед как зеницу ока. Но мне суждено умереть. Ты, Хромой, умный человек. К тому же ты не разбойник и можешь здорово помочь Мемеду.

— Я делаю для Мемед все, что могу. Тяжелый камень лежит у меня на сердце — разрушенный дом и семья, которую прогнали из деревни,— отозвался Хромой Али.

— Теперь о деле,— сказал Чавуш.— В полночь мы подойдем к дому Хусейна-аги. Потребуем, чтобы нам открыли двери. Войдем в дом, убьем Абди-агу и скроемся. Но Хромого Али не должно быть с нами.

— Так уже полночь, нужно идти. Как вы думаете? — спросил Мемед.

Чавуш поднялся, поправил подсумок и зарядил револьвер; потом проверил в карманах гранаты.

— Дай спички, Хромой. Не задерживайся здесь. Поскорее уходи куда-нибудь,— сказал Чавуш.

Вынув из кармана спички, Али протянул их Чавушу.

— Желаю вам удачи,— сказал он, повернулся и пошел прочь.

— Скоро увидимся. До свидания, Али! — крикнул ему вдогонку Мемед.

— До свидания! — обернулся Али.

Когда он скрылся в темноте, друзья направились в деревню.

Холодный северный ветер свистел, гуляя по карнизам соломенных деревенских крыш. Пройдя по деревне, друзья остановились у дома, крыша которого наполовину была крыта железом.

— Постучи в дверь, Мемед,— сказал Чавуш.— А ты, Джаббар, будь наготове. Зайди за угол и стреляй в каждого, кто попытается подойти к дому. Никого не слушай, что б тебе ни говорили.

Через некоторое время из дома послышался голос:

— Кто там? Что надо?

— Это я, брат, крестьянин из деревни Абди-аги. Отвори — я принес ему весточку,— сказал Реджеп Чавуш.

— Приходи утром. А сейчас проваливай!

На другом конце деревни залаяли собаки.

— У меня срочное дело. Я должен повидать Абди-агу. Открой дверь, брат! — твердил Реджеп Чавуш.

Дверь приоткрылась, но тотчас захлопнулась. Послышался скрежет задвигаемого засова.

— Эх, рана мешает, а то бы я уже давно был в доме! — вздохнул Реджеп Чавуш.— Но ничего, я заставлю их открыть дверь,— и вдруг закричал: — Я Реджеп Чавуш, атаман разбойников! Выдайте мне гяура Абди! Если не выдадите его, пеняйте на себя. Хусейна-агу я не трону. Ну, давайте гяура!

Потом закричал Мемед.

— Я Тоший Мемед, пришел отомстить за мать и невесту, за крестьян моей деревни. Я буду мстить за бедняков! Выведите гяура во двор. Мы не уйдем, пока он не выйдет к нам!

— Нет у нас Абди-аги,— раздался голос из дома.— Уходите подобру-поздорову. Нет его здесь.

— Меня зовут Реджеп Чавуш, я атаман разбойников. Пока не выдадите Абди-агу, я не уйду отсюда.— Сказав это, он обратился к Мемеду: — Мемед, достань-ка гранату и подложи под дверь. Подорвем ее.

Из дома послышался вопль:

— У меня семья, дети! Нет у меня Абди...

— Тогда открой дверь!

— Не открою!

— Мемед, запали гранату! — закричал Реджеп Чавуш.

— Готово, Чавуш. Взорвать?

— Да чего ты ждешь?!

За дверью послышался лязг оружия.

— Мемед, ложись! — крикнул Чавуш. — Ложись! Гяур собирается стрелять!

Раздались выстрелы.

— Бросай гранату! — скомандовал Реджеп Чавуш.

— Пожалейте детей! — взмолился хозяин дома. — Мы сдаемся. Что хотите, то и делайте. Абди, перестань стрелять! Мы выйдем, а вы делайте что угодно.

Стрельба прекратилась. Дверь дома распахнулась, выбежали полураздетые, испуганные женщины с сонными детьми. Они побежали куда-то вдоль улицы. За ними из дома вышли старик и два парня.

— Абди там, расквитайтесь с ним, — сказал старик разбойникам.

Из дома снова начали стрелять. Это стрелял Абди-ага.

Услышав выстрелы, к дому Хусейна-аги сбежались крестьяне.

— Это разбойники, — сказал кто-то. И через минуту возле дома Хусейна-аги уже никого не было.

— Сторожи дверь, — приказал Реджеп Чавуш Мемеду. — И продолжай стрелять.

— Это не поможет. Мерзавец спрятался в доме. Скорее он нас всех убьет, — сказал Мемед.

— Убьет, говоришь, — улыбнулся Чавуш. — А вот я ему сейчас покажу. Стреляй в дверь и не спорь со мной! Делай, что я приказываю!

И вдруг он закричал:

— Эй, Абди, вместо того чтобы сдаться и просить пощады, ты стреляешь в меня? Спрятался и палишь? Ну, я тебе покажу!

Реджеп Чавуш обогнул дом и подошел к нему с наветренной стороны. Мемед без передышки стрелял в дверь. Что же задумал Реджеп Чавуш? Не прекращал стрельбы и Абди-ага. Джаббар неподвижно лежал на земле и следил, чтобы никто не подходил к дому. Абди-ага стрелял

очень метко. Мемед залег немного в стороне от двери, и это спасло его.

Крестьяне разбежались по домам. На улице не было ни души, как и в тот момент, когда разбойники входили в деревню.

Прошло много времени. Мемед непрерывно обстреливал дверь. Сколько это будет продолжаться? Чавуш скрылся и не возвращается. Мемеду надоело стрелять впустую. Но как только он остановился, раздался голос Реджепа:

— Почему перестал стрелять? Стреляй сейчас же!

Мемед повиновался.

Из-за тутового дерева послышался чей-то голос:

— Хоть до утра стреляйте, но как вы вытащите Абди-агу из дома?

— Кто это? — спросил Мемед.

— Я, Хусейн-ага. После Курда Решида ни один разбойник не спускался на Чукурову. Решид погиб здесь. Утром и вас подстрелят, как дичь. Бросьте пустую затею и уходите.

— Что вы там разговариваете с этим предателем! — кричал Реджеп Чавуш. — Заткните ему глотку!

Джаббар выстрелил несколько раз в сторону тутовых деревьев.

В этот момент со всех четырех сторон и на крыше дома показались красные языки пламени. За секунду огонь охватил весь дом.

— А ну, Хусейн-ага, старый хрыч! — кричал Реджеп Чавуш. — Курда Решида могли подстрелить, но меня подстрелить вам не удастся. Реджеп Чавуш — волк в этих краях. Или я сегодня ночью убью Абди-агу, или подожгу всю деревню!

Хусейн-ага вскрикнул. Вслед за ним заголосили женщины, дети. Казалось, кричала вся деревня.

— Мемед, прекрати огонь, пусть этот гяур выйдет из дома, — приказал Реджеп Чавуш.

Мемед перестал стрелять.

Ветер наклонял из стороны в сторону огромные, как тополя, языки пламени. Пожар разрастался. Огонь быстро перебросился на два соседних дома, а через десять-пятнадцать минут пламя охватило уже десяток домов.

Джаббар с Мемедом лежали перед дверью, ожидая Абди-агу. Реджеп Чавуш метался вокруг дома и кричал:

— Выходи, Абди-ага! Не то сгоришь. Выходи и проси пощады у Мемеда. Быть может, он сохранит тебе жизнь.

Из дома никто не отзывался. Только возле уха Реджепа Чавуша прожужжала пуля.

Высоко в небо поднимались языки пламени. Красные искры, взлетая вверх, рассыпались в воздухе. Было светло, как днем. Огонь освещал темные скалы Анаварзы до самой излучины реки Джейхан.

Полуголые люди, поднятые пожаром с постелей, метались по деревне, вытаскивая свой скarb из охваченных пламенем домов.

Всюду царили паника и смятение.

— Выходи, Абди, не то поджаришься, как шашлык! — продолжал кричать Реджеп Чавуш.

— Другого выхода в доме нет, — успокаивал он Мемеда. — Абди-ага сейчас выскочит, и ты пристрелишь его на месте.

— Положись на меня, — ответил Мемед.

Пожилая женщина выскочила из-за тутового дерева и бросилась в горящий дом. Реджеп Чавуш молча наблюдал за ней. Вскоре она выбежала из дома с тюфяком. Потом снова кинулась в дом и вынырнула с сундучком из орехового дерева. Женщина выносила ковры, одеяла, кастрюли, подносы. Последним она вынесла большое свернутое одеяло. Пламя охватило дверь.

Джаббар и Мемед лежали на своих местах, а Реджеп Чавуш ходил вокруг дома, ожидая появления Абди-аги. Но Абди не было. Скоро обрушилась крыша. Рухнули стены. Из дома никто не выходил.

Внезапно налетел северный ветер. Он разметал пламя по всей деревне. Огонь охватил все дома. Стало светло, как днем, словно над Чукуровой взошло солнце. Ивы и тутовые деревья отбрасывали на землю длинные тени. По деревне металась перепуганная толпа. Пламя бушевало. То там, то здесь к небу взвивались огромные снопы искр.

— Упустили... — пробормотал Мемед.

— Да, упустили, — повторил Джаббар.

— Не было такой лазейки, где бы он мог проскочить, — сказал Реджеп Чавуш. — Я все время ходил вокруг дома. Он, наверное, сгорел. Решил лучше сгореть, чем попасть к нам в руки.

— Может, и так, — согласился Джаббар.

— Даже если и так, хотелось бы собственными глазами увидеть его труп,— вздохнул Мемед.— Жаль только, что из-за этого подлеца сгорит большая деревня.

— Ох, горит,— печально сказал Джаббар.

— Ну и пусть горит,— со злорадством заключил Реджеп Чавуш.— Пусть горят камни и земля Чукуровы.

— Что же останется беднякам? — с горечью спросил Мемед.

— Все равно у них ничего не было. Теперь не будет и дома. Их судьба от этого не изменится. Какими они были, такими и останутся,— ответил Реджеп Чавуш.

— Чавуш, долго мы будем здесь стоять и чего-то ждать? — не вытерпел Мемед.

— Чего мы ждем? — спросил Реджеп Чавуш.

— Давно уже дали знать в касабу, и там, наверное, переполох,— сказал Мемед.

— И в Анкару послали телеграмму о поджоге деревни,— расхохотался Чавуш.— Вот наделали паники! Мы должны уйти в горы Анаварзы. Если они настигнут нас на равнине, мы пропали.

Друзья еще раз взглянули на горящий дом. Каждый из них по-своему переживал неудачу. Но делать было нечего, нужно было спешить. Выйдя из деревни, они обернулись. Повсюду были видны языки бушевавшего огня.

— Ни один дом не уцелел. Это потому, что ветер с севера. Не будь ветра, этого бы не случилось. Лучше бы я умер,— сказал Мемед.

— Да, все сгорело,— подтвердил Джаббар.

— Когда мы выходили из деревни, все смотрели на нас окаменевшими глазами. Вы заметили это? Никто слова не проронил,— продолжал Мемед.— Никто не ругал нас и камня не бросил. Только их застывшие глаза смотрели на нас. Лучше бы мне не видеть этого, лучше умереть...

— Ничего не поделаешь... Ох, шея моя... умру я, наверно. Ой, режет шею,— застонал Реджеп Чавуш.

Он присел на землю, закрыл лицо руками и некоторое время сидел так. Мемед и Джаббар стояли возле него. Вдруг Реджеп Чавуш вытянулся на земле и забился в судорогах. Джаббар попытался удержать его, но не смог.

Со стороны деревни донесся шум толпы.

На востоке, над самым горизонтом, появилась большая звезда. Она ярко мерцала на темном фоне неба.

Шум приближался. Послышался чей-то голос:

— Они пошли в эту сторону. Только что прошли.

И тут же кто-то спросил:

— В какую сторону?

Мемед нагнулся к Джаббару:

— По голосу это Асым Чавуш.

— Да, это он,— взволнованно сказал Джаббар.—
Нужно бежать. Чавуш, мы перевязали твою рану. Вставай.
Джаббар взвалил на спину Чавуша, и они пошли куда-то в темноту. Вскоре пожар стал затихать.

— Перережьте им дорогу. Держитесь на Анаварзу,—
донесся до них голос Асыма Чавуша.

— Пропали,— сказал Джаббар.

— Если бы я знал, что гяур погиб, я не думал бы о себе. Ах, если бы я знал, что он сгорел...— размышлял Мемед.

— Чавуш успокоился,— сказал Джаббар.

— Спусти его, может быть, с ним что-нибудь серьезное?

— Ничего страшного,— простонал Реджеп Чавуш.—
Все прошло. Спусти меня на землю.

Изумленный Джаббар спустил Чавуша на землю.

— Куда мы идем? — спросил Реджеп Чавуш.

— Нас преследует Асым Чавуш,— ответил Джаббар.

— Приподними меня,— обратился Реджеп Чавуш к
Джаббару. Джаббар приподнял Чавуша, и тот долго
всматривался в темноту.

— Слушайте меня,— сказал он.— Сейчас мы недалеко
от зарослей. Если бы мы смогли добраться до гор Ана-
варзы, мы были бы спасены. Но это невозможно, по до-
роге они схватят нас.

Реджеп Чавуш умолк и прислушался.

— Они совсем близко. Слышите голоса?

— Слышу...— ответил Мемед.

— Я тоже...— сказал Джаббар.

— В зарослях от них трудно будет укрыться. Завтра
крестьяне ближних деревень станут нас искать. Но другого
выхода нет,— сказал Реджеп Чавуш.

— Да, ты прав,— согласился Мемед.

— По ту сторону зарослей — река Джейхан. Бросимся
в реку, поплывем по течению. Может быть, так спасемся,—
предложил Реджеп Чавуш.— Знать бы только, сожгли мы
этого язычника или нет,— добавил он.

— Конечно, сожгли,— уверенно сказал Мемед.

— А может быть, ему удалось бежать? — усомнился
Джаббар.

— Да ты сам язычник! — рассердился Чавуш. — Уж не радуешься ли ты что ему удалось бежать? Как мог он удрасть? У дверей караулил Мемед, я ходил вокруг дома. Дом без окон. Ну скажи, как он мог убежать?

— Он сгорел в доме, — сказал Мемед. — Теперь мне и умереть не страшно.

— Это верно, — поддержал его Чавуш.

Джаббар молчал.

Ночную тишину нарушал только нарастающий топот ног преследователей. Люди ступали по стелющемуся по земле кустарнику, и звук их шагов напоминал шум морского прибоя.

— Они догоняют нас, — прошептал Джаббар.

— Быстрее к зарослям! Возьмите меня под руки, — приказал Чавуш.

Мемед и Джаббар подхватили Чавуша и побежали к зарослям. Преследователи были совсем близко. Беглецам казалось, что за ними гонятся горы, скалы, деревья, кустарники. Надвигается огромная волна, которая вместе с темнотой ночи задушит их... Вот-вот настигнут. Равнина... многострадальная. Как широко ты раскинулась! Эх, мамочка!

Вдали виднелись небольшие холмы. За ними — скалы Анаварзы. Добраться до них, и они спасены. Но впереди еще река Джейхан. Бурная, темная. Лишь местами она течет спокойно. Джейхан бежит через черноземы, унося с собой плодородную землю. По заросшим тростником берегам ее не пройдешь. Здесь укрываются лишь длинноногие дрофы... И только посреди равнины одиноко стояло тутовое дерево с пыльными листьями. Если бы впереди не было зарослей, им негде было бы укрыться. От зарослей пахло болотом. К ним страшно было подойти. Сюда еще не ступала нога человека.

Шум нарастал, он летел по равнине, словно ветер.

— Сюда, ребята, — тяжело дыша, прошептал Реджеп Чавуш. — Осталось немного.

Неожиданно впереди раздался ружейный залп.

— Ложись! — скомандовал Реджеп Чавуш и бросился на землю. — Они уже в зарослях. Тихо! Не стрелять. Ползите в кусты. Разрядите винтовки. Если кто-нибудь выстрелит, мы пропали. Крестьяне этой деревни разорвут нас на куски.

Навстречу им сыпался град пуль; шагу не сделаешь.

Занималась заря. Стрельба вдруг прекратилась.

— Здесь их нет,— сказал кто-то совсем рядом.— Если бы они были здесь, они бы ответили.

— Крестьяне идут,— послышался другой голос.— Они-то знают...

Было слышно, как подходили крестьяне.

— Они, наверное, ушли в Анаварзу...

— Конечно, в горы... Они не сумасшедшие, чтобы скрываться в зарослях Чукуровы.

Большая группа крестьян, среди которых были женщины и дети, присоединилась к жандармам. Говорили все сразу... То тут, то там слышались возгласы, крики. Ночная тишина наполнилась шумом голосов. Жаждающая мести толпа гудела и металась по полю у самых зарослей, пытаясь отыскать беглецов.

Вдруг со стороны Анаварзы раздались выстрелы.

— В Анаварзу! — заревела толпа.

С криком и проклятиями все бросились в Анаварзу.

— Не шевелитесь,— шепнул Реджеп Чавуш,— нас спасли крестьяне. Они сбили с толку жандармов. Не шевелитесь, ради аллаха!

Дыхание Реджепа Чавуша обжигало ухо и шею Мемеду.

Совсем рядом, метрах в пятнадцати от них, сновали жандармы. Беглецы лежали под кустами, припав к земле. Если бы жандармы остановились и прислушались, они услышали бы биение их перепуганных сердец.

Шум толпы у подножия Анаварзы не утихал. Это было на руку беглецам. Крестьяне побродили по полю, поговорили и, никого не найдя, решили уйти... Жандармы пошли следом за ними.

Реджеп Чавуш с облегчением вздохнул.

— Ох! Слава аллаху! Попадись мы в руки крестьян, нас разорвали бы на клочки. А теперь быстрее в горы, подалее...

Они поднялись. Сделав несколько шагов, Реджеп Чавуш остановился.

— Что с тобой? — спросил его Мемед.

Реджеп Чавуш застонал.

— Что же нам делать, Чавуш?

— Туда, дальше... дальше,— бормотал Чавуш.— В горы...

Мемед с Джаббаром подхватили Чавуша под руки. Ноги атамана волочились по земле.

Так шли они до рассвета. На востоке верхушки кустов пожелтели. Темная зелень посветлела, окуталась голубоватой дымкой. Над зарослями медленно поднимался густой туман.

Ноги разбойников были изодраны колючками ежевики. Мемед вспомнил о зарослях колючек на своем поле. В голове у него вдруг, словно молния, промелькнул желтый блеск латуни... Он вспомнил, как мальчишкой впервые попал в касабу.

Друзья осторожно положили Чавуша на землю. Шей его распухла и почти слилась с плечами... Чавуш попытался что-то сказать, но не смог. Он указал рукой на Анаварзу, потом на землю и не отрываясь смотрел на нее. По лицу его текли слезы. Он закрыл глаза и вдруг как-то вытянулся, чуть приподнялся и упал на землю.

— Чавуш! — крикнули одновременно Мемед и Джаббар.

— Мне и в голову не приходило, что он может умереть, — сказал Мемед.

— Он ведь все время говорил об этом.

— Исполнилось ли его желание? — спросил Мемед.

— Никто не знал, кто он и откуда, как стал разбойником. Я не знаю, исполнилось ли его желание, — сказал Джаббар.

— Он сильнее меня желал смерти Абди. Для чего ему это было нужно? Ведь Абди был моим врагом. Когда ты сказал ему, что Абди не сгорел, а сбежал, он готов был разорвать тебя на части.

— Вытащи кинжал. Выроем могилу, — сказал Джаббар.

Мемед стал рыть яму.

— Бедный Чавуш, — сказал он.

За час они вырыли в сырой земле большую яму. Потом опустили Чавуша в могилу и, набросав сверху веток, засыпали землей.

— Нужно посадить дерево, — сказал Мемед.

Разыскав тоненькое тутовое дерево, друзья посадили его возле могилы.

— Быть может, это первая могила в зарослях, — сказал Мемед.

— Да, наверное. Кто станет здесь хоронить?

Вскоре взошло солнце. От сырой земли над могилой Чавуша поднялся пар. Земля заблестела под лучами солнца.

Со стороны деревни слышался шум.

— Что говорил нам Чавуш? — спросил Джаббар.

— Он указал на скалы Анаварзы, — ответил Мемед.

— Мы должны идти к реке Джейхан. Прямо через заросли мы не доберемся до Анаварзы.

— Нам надо исполнить последнюю волю Чавуша. Он очень хорошо знал эти места. Как он радовался, что сгорела эта деревня! Правда, Джаббар? Он хотел бы поджечь и превратить в пепел всю Чукурову. Хороший был человек! Видимо, здорово досадила ему эта Чукурова!

— Я знаю только, что он очень любил Чукурову. При нем никто не смел плохо говорить о ней. Иногда Чавуш задумывался и пел песню...

Чукурову окутала жара.

Таится яд в укусе комара.

Умрешь, мой брат, и больно будет мне.

Вставай, в родимый край идти пора!

После этой песни Чавуш всегда долго молчал. Несколько дней ходил печальный, но потом печаль рассеивалась. Кто знает, о чем горевал бедняга! Теперь все похоронено в зарослях Анаварзы. Последнее время он не ругал Чукурову и не пел свою любимую песню. От его товарищей я узнал, что, когда разбойники спускались с гор на Чукурову, Чавуш не шел вместе со всеми, он оставался один и ждал их на дороге. И вот такова уж его судьба. Тело его в земле Чукуровы.

— Быть может, он этого и хотел... — добавил Мемед.

— Пойдем, Мемед. Скоро здесь появятся люди и собаки, — сказал Джаббар.

Мемед обернулся к могиле Чавуша. В глазах его блеснули слезы.

— Прощай, Чавуш!

— Прощай, — сказал Джаббар.

Друзья отправились в путь через густые заросли кустарника.

Джаббар нес винтовку Чавуша и его серебряные украшения. Этот груз и сплошная стена кустарника, через которую надо было пробираться, отнимали у него последние силы.

Мемед казался бодрым. Он рубил кинжалом кусты, заграждавшие ему путь, прокладывал дорогу шедшему за ним Джаббару. Казалось, Мемед сражался с самой природой.

Стояла полуденная жара. Тишину нарушал только треск ломаемого кустарника. Мемед и Джаббар медленно продвигались вперед, оставляя после себя длинную просеку.

До Анаварзы было еще часа два ходу.

Они видели перед собой лишь небо да вершины скал.

Уже перевалило за полдень, а друзья прошли лишь половину пути.

— Переждем здесь до темноты, а потом выберемся отсюда,— предложил Мемед.

— Я умираю от усталости,— сказал Джаббар и растянулся на земле.

Мемед лег рядом с ним.

Скалы были близко. Вдруг послышался топот.

Мемед поднялся:

— Никого не вижу... Крестьяне ищут нас. Они, кажется, прошли стороной. Теперь пусть ищут сколько угодно. Мы вырвались из их рук.

Джаббар тоже привстал.

— Не найдя нас ни в зарослях, ни в горах, они призвут на помощь Азаблы, Сумбаса и отряд жандармов из касабы,— сказал он.— Постараются устроить нам ловушку.

— Тогда, может быть, лучше несколько дней переждать здесь?

— Мы поднимемся в горы около Козана.

— Ты знаешь дорогу?

— Я не знаю дороги, но хорошо знаю эти горы. Как только мы взберемся на них, все кругом будет видно как на ладони.

— Давай тронемся отсюда, пока не стемнело,— предложил Мемед.

— Шаги затихли,— заметил Джаббар.

— Как бы не устроили нам ловушку у выхода из зарослей.

— Нет... Им это и в голову не придет,— сказал Джаббар.

— Тогда пошли.

Было совсем темно, когда они поднялись на вершину Анаварз. Где-то далеко внизу, то тут, то там, в ночной темноте мерцали тусклые огоньки. Черной лентой извивалось русло Джейхана. Деревня Актозлу расплывалась в темноте, словно в густом тумане.

— А там что? — спросил Мемед, указав на восток.
— Там должны быть деревни Бозкую.
— Может, пойдем через них? Будет намного ближе.
— Они, наверное, как раз там.
— Ну и пусть. Пойдем туда. Если они там, мы им покажем!

Сказав это, Мемед обернулся к Джаббару. Он с трудом мог разглядеть в темноте его лицо.

— Как ты думаешь, погиб окаянный или нет? — спросил Мемед.

— Не думаю. Если Абди был в горящем доме, он должен был выбежать, закричать по крайней мере.

— Может, он задохнулся от дыма?

— Абди стрелял до последнего момента. Если бы он задохнулся, он не мог бы стрелять.

— А может, на него обвалилась горящая крыша?

— Если бы так! Если бы... Тогда наши мучения не пропали даром.

Они начали спускаться с горы. Оба были страшно голодны.

XV

Старинные предания сохранили много рассказов о древней Чукурове...

В то время, когда в горах разбойничал Тоший Мемед, много говорили о девяностолетнем старике по имени Коджа Исмаил. Глаза у него были совсем зеленые, как лужайка. Узкая, как у всех туркмен, челюсть заросла редкой бородкой. Плечи у старика были широкие, как у юноши, глаза — зоркие, как у сокола. Он все еще охотился. Согнутый годами, с ружьем за плечами, Коджа ходил на охоту и пел печальные туркменские песни. Он любил рассказывать о вражде племен и всякий раз в конце рассказа с гордостью показывал свои раны. Коджа Исмаил много знал и бережно хранил память о древних нравах и обычаях туркмен. Он старался пронести их через всю свою жизнь.

Случались дни, когда он был особенно возбужден. Он словно пьянел. Тогда Коджа Исмаил садился на своего рыжего коня, которого он сам вырастил, и мчался во весь опор в горы, покрытые соснами и тимьяном. Он летел, словно ветер, дующий со стороны старых туркменских селений. Коджа знал и о переселении племен и о великой битве с османами.

Свой рассказ Коджа Исмаил начинал обычно так: «Лет пятьдесят тому назад...» Начинал и уже долго не замолкал. Казалось, он говорил о любви, слова, как песня, лились из его уст: «...Чукурова была сплошь покрыта болотами и зарослями кустарников. Лишь у подножия холмов можно было увидеть клочки обработанной земли. В те времена на Чукурове никто не жил. Только изредка можно было встретить туркменских кочевников, переезжавших с места на место. Когда появлялись кочевники, на Чукурове наступал настоящий праздник. Казалось, что голая земля и деревья празднично убрались. Пестрые шатры кочевников с шумом передвигались по Чукурове. И тогда мы собирали свой скарб, переваливали через горы и разбивали шатры на яйле Бинбога. С наступлением зимы мы снова спускались на низины Чукуровы. Там нас встречали непроходимые даже для тигров заросли кустарника, камыши, болота. Круглый год Чукурова покрыта высокой травой, в которой пасутся стада черноглазых пугливых джейранов. Мы охотились на джейранов, догоняя их на своих резвых лошадях.

Далеко по равнине, по берегам озер тянулись высокие заросли камыша. Осыпаящаяся с них пыльца золотистым дождем падала на водяную гладь озер. Чукурова была усеяна нарциссами. Их ароматом напоен воздух. Ах, несчастная Чукурова!.. Прибои Средиземного моря... Белая пена...

Племена разбивали свои шатры. Огромные клубы дыма стояли над шатрами кочевников. Равнину Топраккале, в верхнем течении реки Джейхан, ближе к горам, занимало племя османов, а на берегу моря осело племя теджирли. Рядом с ними, немного ниже, жили племена джейханбекирли и мустафабейли. Теперешний уезд Джейхан занимало племя джерит, а между Анаварзой и крепостью Хемите жило племя боздоган, между Анаварзой и Козаном — курды-леки, между рекой Сумбас и Таврами — племя сумбаслы, между деревней Экшилер и Кадирли — племя татарлы. Время от времени племена перекочевывали на другие места. Племя боздоган перекочевывало на земли племени джерит, а племя джерит — на земли племени боздоган. Самым сильным было племя авшаров. Они могли занять любую землю, какая только им понравится. Никто не осмеливался выступить против них.

Я смутно припоминаю, как авшары начали борьбу с османами. Во главе авшаров стоял бей Козаноглу. Он жил там, где теперь находится Козан. Все племена, возглавленные Козаноглу, бились против османов, но победили османы. Они взяли в плен Козаноглу. А племя авшар прогнали в Бозок. Османы разорили всю округу. И теперь о разорении авшар поется в песне Дадалоглу. Сложили песню и о самом Козаноглу».

Доходя до этого места, Коджа Исмаил замолкал. Глаза его заволакивали слезы. Дрожащими губами он запевал песню о Козаноглу:

Я взшел на гору Козан,
По колено в снегу бреду,
Кровь течет из глубоких ран,
Тщетно я исцелителя жду.

Разве можно, чтоб сыновья
Убивали отца и мать,
А бойцы — своего вожда?
Может мир на месте стоять?

Не склоняйся, черный шатер,
Не роняй на землю стрелу.
Ты зачем от врагов в темный бор
Мчишься, храбрый Козаноглу?

«Османы силой заставили другие племена поселиться на Чукурове. Каждому племени они выделили земли. Чтобы мы не убежали на яйла, османы выставили в горах стражу. Невыносимая жара, лихорадка косили людей... Племена начали вымирать... Никто не хотел оставаться на Чукурове. Кочевники обжигали корни виноградных лоз и деревьев, которые османы давали им для посадок. Вот почему в деревнях Чукуровы нет ни одного дерева. Вскоре османы увидели, что племена на Чукурове погибнут, и решили им летом уходить в горы. Так на Чукурове появились первые поселения. Племена стали заниматься земледелием. Но и это не смогло задержать их распад.

Прошли века. Люди стали слабыми и беспомощными. Османы добились своего».

Коджа Исмаил мог без конца рассказывать о древних племенах. Он мечтал о свободе. Свой рассказ Коджа всегда начинал словами: «Я видел Дадалоглу». Он очень гордился этим.

Тысяча девятьсот семнадцатый, тысяча девятьсот восемнадцатый, тысяча девятьсот девятнадцатый, тысяча

девяťсот двадцатый годы... Первая мировая война, разгром Османской империи.

В эти годы Чукурова кишела дезертирами, занимавшимися разбоем. В Таврах нельзя было пройти.

Потом, когда на Чукурову пришли французские оккупанты, все, кто был в этих краях, стар и млад, объединились в борьбе против общего врага. Французы были изгнаны из Чукуровы, а позже и из страны. Началась новая эра, установились новые порядки.

К концу девятнадцатого века, спустя много лет после оседания разных племен на Чукурове, население ее было вынуждено заняться земледелием. Земля приобретает ценность. Туркмены покидают яйла и обосновываются на отведенных им землях.

Нетронутые до этого земли Чукуровы дают невиданный урожай. В сорок — пятьдесят раз больше того, что посеешь! После тысяча девятисотого года уменьшается количество земель, занятых болотами, зарослями, и увеличиваются посевные земли. Теперь уже засеваются почти половина Чукуровы.

Республиканский строй пытается положить конец безраздельному господству крупных и средних феодалов.

За последние годы феодальные формы землевладения распадаются изнутри. На место феодалов приходят новые хозяева, которые ведут борьбу за овладение земельными наделами. Они преуспевают в этом, используя любые средства, чтобы прибрать к рукам землю бедноты. Взятки, насилие, «закон» — вот их средства. Народ вступает в смертельную борьбу с новыми хозяевами. А между тем владения богачей растут. Богачи используют скрывающихся в горах разбойников как свою вооруженную силу против народа, который отчаянно борется за свои права. Богачи дают разбойникам деньги, оружие и скрывают их от правительства. Каждый землевладелец опирается на разбойников, которыми кишат горы Тавра. Отстаивая интересы богачей, отряды разбойников нередко ведут борьбу между собою, истребляя друг друга; при этом достается и беднякам. А тем временем земельные владения богачей растут.

Али Сафа-бей был сыном обедневшего помещика. Несмотря на свое разорение, отец постарался дать ему образование, сначала в султаніе * Аданы, а потом в высшей

* Султаніе — среднее учебное заведение в Османской Турции типа лицея. — *Прим. перев.*

юридической школе Стамбула. Однако по неизвестной причине Али Сафа-бей, пройдя лишь половину курса, бросил юридическую школу и вернулся в касабу, где занялся адвокатурой. Столкнувшись с разного рода делами, он многое понял и, наконец, решил связать свою жизнь с землей.

Путем разных махинаций и хитростей он стал отбирать у крестьян земли, некогда принадлежавшие его отцу. Али Сафа-бей был ненасытным. Но крестьяне теперь были уже не те. Они поняли, что земля — богатство, и крепко за нее держались. Между крестьянами и Али Сафой-беем началась долгая, упорная борьба. В этой борьбе во всей силе проявилось коварство Али Сафы-бея. Он прибегал к разным уловкам, чтобы отобрать у крестьян землю. Он начал натравливать одну деревню на другую. Принимая сторону одной деревни, Али Сафа-бей захватывал землю другой. Делать это было проще всего. Но долго так продолжаться не могло. В конце концов крестьяне понимали, кто их настоящий враг. Но к тому времени они уже теряли по крайней мере половину своих земель. А владения Али Сафы-бея увеличивались на две — три деревни.

Шли годы, и Али Сафа-бей придумывал все новые и новые способы ограбления крестьян. И всегда он выходил победителем из борьбы. Поместье его расширялось.

Настало время, когда крестьяне распознали своего хозяина и больше не попадались в его ловушку. Казалось, он был обезоружен. Но через некоторое время Али Сафа-бей пустился на новую хитрость.

В те годы в горах было много разбойников. Это были большей частью дезертиры, грабители и убийцы... Али Сафа-бей решил использовать их в своих кознях против крестьян. Он входил в контакт с атаманами разбойничьих отрядов через своих людей. По наущению Али Сафы-бея разбойники нападали на крестьян. Ни один крестьянин не смел и слова молвить... Стоило кому-нибудь раскрыть рот, и разбойники разрушали его дом, выкрадывали жену и мучили ее... Крестьяне знали, что это делалось по приказу Али Сафы-бея. Но ему все сходило с рук.

Другие помещики, глядя на Али Сафу-бея, тоже начали прибегать к помощи разбойников. Земли Чукуровы обогрелись кровью. Убийства. Резня... Отряды разбойников распадалась и вступали в бой друг с другом. За одну ночь гибла масса людей. Вместо истребленных отрядов создавались новые. Среди разбойников только Изик Дуран,

Курд Решид, Чётделек не служили богачам и продолжали защищать бедняков.

Имена многих кровавых преступников с гор Тавра давно стерлись из памяти людей, но о настоящих героях до сих пор слагают песни и легенды.

Тоший Мемед скрывался в горах как раз в то время, когда отряды разбойников враждовали между собою, защищая интересы богачей и отбирая у крестьян их земли. За два года владения Али Сафы-бея выросли с двадцати дёнюмов до тридцати тысяч. Земли его увеличивались и в последующие годы. Тридцать пять тысяч, сорок, сорок пять, пятьдесят... пятьдесят одна тысяча... Безземельные крестьяне вынуждены были наниматься на работу к Али Сафе-бею. Они становились батраками на своей же собственной земле.

Али Сафа-бей — высокий брюнет со смуглым лицом и густыми черными бровями... На ногах всегда начищенные до блеска сапоги; в руке он постоянно держал плетку с серебряной ручкой, которой то и дело ударял по блестящим голенищам сапог.

Это случилось во вторник. Али Сафа-бей получил известие, что у отряда разбойников атамана Калайджи кончились боеприпасы, а новая партия прибудет из Сирии только через неделю.

Али Сафа-бей возбужденно шагал взад и вперед по огромной гостинной. Он думал о том, как прибрать к рукам земли крестьян деревни Вайвай.

Ему следовало запастись терпением и ждать. А потом засыпать Анкару телеграммами о том, что в касабе восстание, что в горах разбойники и нужна помощь правительства... Ждать предстояло год или два. А тут еще этот отряд Калайджи!

Жена Али Сафы-бея сидела на тахте, любуясь мужем и восхищаясь тем, как ловко он хлещет себя плеткой по блестящим голенищам. Когда Али Сафа-бей был разгневан, он всегда открывал свои сокровенные планы жене и ему становилось легче.

— Ханым, — начал он, как обычно, — ты знаешь, что я собираюсь делать?

— Нет. Расскажи, — отозвалась жена.

— Знаешь ли ты, что я собираюсь делать? — повторил он. — Надоело мне все, клянусь аллахом... Сам себе противен, и все из-за них. Каждый божий день боеприпасы!

Каждый день отряд жандармов!.. Надоело. Крестьяне вчера пошли к каймакаму жаловаться, что разбойники не дают им покоя; жизнь их, честь, имущество — все растоптано. Жизнь опротивела. Они дошли до того, что дали в Анкару телеграмму... Я стал уговаривать их: не позорьте нашу касабу перед правительством. Ждать мне еще два года... Прибрать бы деревню Вайвай к рукам. Знаешь ли, что я собираюсь делать, жена?

Женщина утвердительно кивнула головой.

— Соберу крестьян и засыплю телеграммами Анкару. Сообщу, что тут вспыхнуло восстание, горы захвачены разбойниками, что они создали свое правительство. Сюда направят полк или отряд горных войск, и все будет в порядке. Всех арестуют. Правительство подавило большое восстание курдов, а тут всего-навсего два-три босых и хромых разбойника... Я приказал телеграфисту, чтобы он ничего не передавал в Анкару о разбойниках и о волнениях в уезде. Но года через два, когда земли деревни Вайвай перейдут в мои руки, я знаю, что я сделаю с этими разбойниками...

Али Сафа-бей задумался и, подняв голову, снова стал шагать по комнате.

Но Али Сафе-бею пришлось ждать не два года, а гораздо больше, пока он смог осуществить свой план. Выбрав удобное время, он телеграфировал в Анкару, что на касабу напали разбойники, и просил немедленно выслать полк солдат. С помощью присланных войск он ликвидировал враждебные ему отряды разбойников.

Дверь приоткрылась, и это вывело Али Сафу-бея из задумчивости. Слуга сказал:

— Какой-то человек с перевязанной головой и с длинной бородой хочет видеть тебя, господин.

— Пусть войдет,— сказал Али Сафа-бей.

Вошел старик и со стоном бросился на колени.

— Здравствуй, господин мой, брат мой, Али Сафа-бей!

— Здравствуй.

— Отец твой, Али Сафа-бей, был моим лучшим другом. И вот я, Абди, пришел в твой дом. Спаси меня! На моих глазах сгорела моя родная деревня. Только ты можешь спасти друга твоего отца. Вся надежда на тебя. Ноги твои целовать буду! Ведь мы с твоим отцом были как родные братья... Спаси меня!

— Не тревожься,— улыбнулся Али Сафа-бей.— Передохни немного, потом поговорим.

— Как же мне не тревожиться? — ответил Абди-ага.— Этот злодей занес над моей головой клинок. Он сжег большую деревню, чтобы расправиться со мной. Мою деревню, Актозлу. Я боюсь... Ноги твои целовать буду, спаси меня, Али Сафа-бей! Я и днем не могу спать, не только ночью.

— Абди-ага,— насмешливо сказал Али Сафа-бей,— я слышал, что этот твой Тоший Мемед — мальчишка.

— Это неправда, неправда! — вскочил Абди-ага.— Он сейчас высок, как тополь. Я видел его своими глазами, когда он поджигал дом. Он выше нас двоих! Да, он был ребенком, но сейчас он выше нас. Разве ребенок может сделать то, что он сделал?

— Не беспокойся, ага,— сказал Али Сафа-бей.— Найдем и на него управу. Выпей-ка кофе!

Дрожащими руками взял Абди-ага чашку, протянутую ему слугой.

В комнате приятно запахло кофе. Абди пил, причмокивая. Вошла жена Али Сафы-бея и села на тахту возле Абди-аги.

— Пусть никогда не повторятся твои страдания. Сердце обливалось кровью при известии о постигшем тебя несчастье. Ах, что он сделал с тобой! Но ничего, Али Сафа-бей расправится с ним. Да поможет ему аллах! Не горюй,— успокаивала хозяйка Абди-агу.

После пожара Абди-ага стал заговариваться. Он говорил сам с собой, рассказывал о пожаре. Он рассказывал всем, с кем встречался, не обращая внимания на то, слушают его или нет.

Люди сочувствовали Абди-аге, проклинали Тошего Мемеда. Каймакам, начальник жандармского управления, жандармы, чиновники, писари, жители касабы — все разделяли его горе. Когда он говорил, на глазах у него блеснули слезы и нельзя было не пожалеть его.

Увидев перед собой женщину, готовую слушать его, Абди-ага обрадовался. Как только Абди-ага начинал свой рассказ, он становился жалким, печальным, лицо его менялось, и на нем можно было прочесть трагедию той ужасной ночи.

— Мы все переживаем твою горе. Вчера к нам приходила жена каймакама, она сказала, что муж ее взбешен. Он приказал во что бы то ни стало арестовать разбойника.

Как можно поджечь такую деревню? Жена каймакама хотела тебя увидеть. Что, говорит, он за человек, если сумел убежать из горящего дома. Все мы сочувствуем тебе. Вот только кончит Али Сафа-бей свои дела с деревней Вайвай. Потом он возьмется за них. Ни один разбойник не уйдет живым с гор.

Во время этого разговора Али Сафа-бей шагал из угла в угол, ударяя своей плеткой с серебряной ручкой по голенищам начищенных до блеска сапог.

— О, моя госпожа! — сказал Абди-ага; губы его дрожали. — Если бы вы знали, что я пережил. Даже рабы не испытывали таких ужасов. Ох, моя госпожа, Хатче была обручена с моим племянником. Но гяур похитил Хатче. Ну и бог с ним! Здесь мы бессильны. Когда соединятся два любящих сердца, для них и сеновал — перина. Разве нет больше невест для моего Вели? Стоит ему только рукой махнуть — пятьдесят невест явится. Я хозяин пяти деревень. И дед мой, и отец тоже были богатыми. Я не злопамятный. Думал, Мемед возвратится в родную деревню, хоть он и похитил невесту моего племянника. Ведь крестьяне моих деревень — мои сыновья. Говорили: взрасти ворона — он тебе глаза выклюет. А я не верил. Говорили: жалость приносит горе, но я снова не верил. И оказался глупцом. Пусть теперь скитается, где ему угодно. Выходит, что я пригрел змею. Я простил ему то, что он похитил невесту моего племянника, и пустил его в деревню. Но он убил моего племянника и ранил меня. Еще немного, и я бы погиб. Теперь взгляните, сколько я ему сделал добра и как он мне отплатил...

— Ах, Абди-ага, Абди-ага, — запричитала жена Али Сафы-бея. — Этим людям нельзя делать добро. Наш Али Сафа-бей никогда никому не делает добро.

— Да, вы правы. Не нужно было делать ему добро, но теперь уже поздно. Я его кормил, а он, неблагодарный, плюнул мне же на стол. После того как этот негодяй меня ранил, он бежал к разбойникам. Пусть идет, подумал я, аллах его накажет. Пусть становится кем хочет — разбойником, беглецом... Мне сказали, что он поклялся убить меня и с отрядом разбойников идет в деревню. Да, да, госпожа моя, с целым отрядом! Он хвастал, что идет пить мою кровь, как шербет. Видите вы мою доброту и дела этого бандита! Что ему надо от меня, старого человека? Я уже одной ногой в могиле. Я все время молюсь аллаху о своей

душе. Мне уже не до земных дел. Но этот окаянный может прийти и убить меня. Поэтому я убежал из деревни, покинул дом, семью и укрылся в Актозлу, в доме нашего родственника Хусейна-аги. Лучше было мне не прятаться там. Из-за меня большая деревня сгорела дотла!

— Лучше бы ты укрылся в нашем доме. Тогда этого не случилось бы,— сказала жена Али Сафы-бея.

— Как знать, дочь моя! Мог ли я подумать, что может натворить этот окаянный? Даже мысли у меня такой не было. Ах, дочь моя, большая деревня стала грудой пепла! Бедняги остались без крова, босые и нагие. Несчастные дети — без куска хлеба. Когда смотришь на них, сердце разрывается. Им нечего надеть на себя. Зимой придется голодать, так как у многих погиб скот. Мне не жаль никого, кроме детей. Когда я вижу детей бедняков, я забываю о своем горе. Я послал Хромого Али в деревню за пшеницей для бедняков. Сердце разрывается, глядя на этих несчастных людей. Я всегда заботился о судьбе бедноты. Этот окаянный подожжет и мою деревню. Раз уж ему понравилось... Подожжет и превратит в пепел... Дочь моя, этот волк узнал, где я нахожусь, и пришел ночью в Актозлу со своим отрядом. Когда меня позвал кто-то среди ночи, я сразу догадался, что это он. Как раз накануне я видел его во сне. Так ясно, как наяву! Мне стало страшно... Хусейн-ага не выдал меня этому окаянному. Разве мог он выдать? Тогда окаянный стал ломать дверь, а потом стрелять. Он велел Хусейну-аге с семьей выйти из дому. Хусейн-ага с детьми вышел. Что ему оставалось делать? Потом проклятый потребовал, чтобы я сдался. Но я не сдался и стал обороняться. Тогда он поджег дом. Пламя охватило его со всех сторон. Три человека обстреливали дверь. Выйти было невозможно. Кроме одной двери, в доме не было другого выхода. Я метался по дому, охваченному дымом и пламенем. Несколько раз я уже хотел было выбежать, но каждый раз останавливал себя и думал, что лучше сгореть, чем погибнуть от его руки. Огонь был все ближе... Дым окутал меня... Я не видел двери и метался из угла в угол, потеряв всякую надежду на спасение. Вокруг меня падали горящие балки... Я решил, что пришла моя смерть, и подумал о детях своих — крестьянах. Ведь если я умру, то и крестьяне моих пяти деревень умрут от голода. Бедные, подумал я. Мои волосы и одежда загорелись... Борясь с огнем, я бросился на пол...

Теряя сознание, я вдруг услышал, что кто-то зовет меня. Это была старшая жена Хусейна-аги. Она разыскала меня в этом дыму, завернула в огромное одеяло и вынесла из дома. Этот негодяй думает, что я сгорел. Если бы не жена Хусейна-аги, я действительно бы сгорел. Или они убили бы меня, если бы увидели! Но они не догадались посмотреть, что выносила жена Хусейна-аги.

Глаза женщины наполнились слезами.

— Ну и хорошо, что не догадались!

— Разбойники ждали, пока сгорит дом Хусейна-аги,— продолжал Абди-ага.— Наконец дом сгорел. Загорелись соседние дома. Дом Хусейна-аги подожгли из-за меня, но они знали, что он человек богатый. Ему ничего не стоит построить новый. Но что нужно этим окаянными от бедных крестьян? Ведь они этой зимой останутся без крова.

— Несчастные,— хныкала жена Али Сафа-бей.— Ничего, Али Сафа-бей кончит тяжбу с деревней Вайвай, ни одного разбойника не оставит он в горах! Телеграмму за телеграммой будет посылать в Анкару Исмету-паше *... Прибудут воинские части, потому что одним жандармам не справиться... Всех разбойников выловят и повесят. Поджигают деревни! А мы-то много лет поддерживаем разбойников! Али Сафа-бей все деньги тратит на них, на покупку боеприпасов. Поскорее бы закончились эти дела с деревней Вайвай!

Во время всего этого разговора Али Сафа-бей молча шагал из угла в угол, но, услышав последние слова жены, он словно очнулся и, взяв жену за руку, спросил:

— Что ты говорила Абди-аге?

— Ничего особенного, Али Сафа-бей — вмешался Абди-ага.— Да я же не чужой!

— Будь он чужим, разве я стала бы ему обо всем рассказывать? — оправдывалась женщина.

Али Сафа-бей грозно посмотрел на жену, давая понять, что она сболтнула лишнее.

— Ступай в другую комнату,— сказал он,— мне нужно поговорить с агой с глазу на глаз.

Женщина с виноватым видом вышла из комнаты. Али Сафа-бей улыбнулся и подсел к Абди-аге. Положив руку ему на колено, он сказал:

---

* Исмет-паша (Инёню) — премьер-министр Турции с 1925 по 1937 год. — Прим. перев.

— Я долго думал, ага. С Тошим Мемедом не так легко справиться. Ты имеешь все основания бояться его. Можно не бояться правительства, крестьян, но человека, поджегшего большую деревню, и в самом деле надо опасаться. Уже неделю жандармы разыскивают его в горах и не могут найти. Пятьдесят крестьян из деревни Актозлу тоже ищут его. Пятнадцать вооруженных людей из его деревни идут по его следам и не могут поймать. Такого человека можно бояться.

Абди-ага то бледнел, то заливался краской. Неожиданно он схватил руки Али Сафы-бея и начал целовать их.

— Сделай что-нибудь! Избавь меня от этого проклятого. Завтра он подожжет все деревни на Чукурове! Сделай что-нибудь!

— Трудно будет с ним справиться, очень трудно, но можно,— с гордостью сказал Али Сафа-бей.

— Делай что хочешь!

— Я сделаю все, что в моих силах. Но и у меня к тебе будет одна просьба...— добавил Али Сафа-бей.

— Я к твоим услугам,— с волнением ответил Абди-ага, поднимаясь.— Я готов жертвовать чем угодно, душу за тебя отдам!

— Спасибо,— сказал Али Сафа-бей, усаживая Абди на место.— Я знал, что ты мне предан. Только не подумай, что я с тебя что-нибудь потребую за это дело. Об этом больше ни слова. С Тошим Мемедом я расправляюсь. Но не вздумай отблагодарить меня как-то за это!

— Клянусь аллахом, не подумаю! — воскликнул Абди-ага.

Али Сафа-бей помолчал и снова взглянул в глаза Абди-аге.

— Ты знаешь, Абди-ага, что и у меня много дел. Слава аллаху, за последние годы хлопот стало меньше. Меньше-то меньше, но все равно тяжба из-за земель деревни Вайвай не дает мне спокойно спать.

— Да, я знаю,— сказал Абди-ага.— Земли деревни Вайвай принадлежали твоему отцу. Он их засеивал. После его смерти крестьяне захватили земли. Ты тогда еще учился в школе. Купчая грамота, которая у тебя есть, обеспечивает твое право на эти земли. Я тебе давно говорил. Это известно крестьянам моих пяти деревень, да и в Актозлу. Да что говорить, все об этом знают. Ты предоставь

земельные дела мне. Через шесть месяцев земли деревни Вайвай будут твоими.

— Многих я выселил, и теперь они боятся туда ногой ступить. Все убежали в Юрегир. Но они не унимаются.

— Предоставь все дяде Абди. Я на такие дела мастер. Увидишь, как я выиграю эту тяжбу.

— Через неделю из Сирии придут боеприпасы.

— Что ты с ними сделаешь?

— Я переправлю их отряду Калайджи.

Абди-ага встал и поклонился:

— Абди-ага всегда к твоим услугам.

Али Сафа-бей стал упрашивать Абди-агу остаться. Но Абди-аге казалось это неудобным.

— Нам не следует встречаться в эти дни. Люди не должны видеть нас вместе,— сказал Абди-ага.

XVI

В ту ночь Мемед и Джаббар шли без передышки. На рассвете они добрались до скалы Акча и остановились перевести дух. За всю дорогу они не обмолвились ни словом.

Наконец они поднялись на скалу Акча, сели на камень и, повернувшись лицом к восходящему солнцу, стали смотреть вниз на Чукурову.

Туман рассеивался, вдали виднелись деревни, дороги, холмы и извилистая, сверкающая лента реки.

Взошло солнце, и туман исчез. Перед ними расстилась бескрайняя равнина. Каждое дерево, каждый камень сверкали в лучах яркого солнца. Как на ладони лежали разноцветные поля, частью засеянные, частью вспаханные — черные, красные, серые.

Джаббар первый нарушил молчание.

— Смотри, Мемед,— сказал он,— вчера вечером мы были вон там.

Не поворачивая головы, Мемед ответил:

— Да, там.

Джаббар понял, что Мемеду не хочется разговаривать; он замолчал. Но ему хотелось говорить, словно кто-то подталкивал его изнутри.

— Всмотрись в глубь Анаварзы! Вон то черное пятно— это заросли. Там — болота Агджасаза... Актозлу все еще дымится. Видишь дым? Видишь?

— Вижу,— грустно ответил Мемед, опустив голову.

— О чем ты думаешь? — спросил Джаббар.

— Сгорел ли этот гуяр — вот о чем я думаю. И еще я думаю о бедных жителях Актозлу, ведь на них свалилась беда. Чем я могу им помочь?

— Не думай об этом, — успокаивал его Джаббар. — Что ни делается — все к лучшему.

— Да, дело сделано.

— Пойдем к Сары Уммету. Переночуем у него, а завтра уйдем в горы.

У Мемеда заблестели глаза:

— Знаешь, о чем я думаю, Джаббар? Я пойду на равнину Дикенли. Соберу крестьян пяти деревень и скажу им, что Абди-аги больше нет на свете. Скажу им, что они больше не батраки и скот — их собственный, и земля тоже. Сейте, сколько можете! Пока я в горах, можете быть спокойны! Убьют меня — сами за себя постоите. Потом выйдем на равнину и сожжем колючки. Никто не пойдет на свои участки, пока мы этого не сделаем.

На глазах у Джаббара показались слезы.

— Вот здорово! Деревня без хозяина! Что заработал — все твое!

Мемед улыбнулся:

— Да, что заработал — твое...

— С оружием в руках мы будем охранять их земли.

— Но это еще не все, — сказал Мемед.

— Что же еще? — с любопытством спросил Джаббар.

— Мы обязательно должны еще что-то сделать!

— Что же, что?

— Мы причинили много горя беднякам Актозлу. Из-за нас сгорели их дома.

— Все это так, но что мы можем сделать?

Джаббар встал, расправил широкие плечи, потянулся. Мемед тоже расправил плечи и поднялся. Сильно похудевшее лицо его покрывал темный загар. Но на нем не было видно и следа усталости. С тех пор как Мемед стал разбойником, он изменился. В походке, в каждом движении чувствовалась сила, ловкость. В манере говорить — уверенность в себе.

В голове Мемеда снова промелькнул блеск желтой латуни...

— Крестьянин будет хозяином того, что заработает своим трудом, — сказал он. — А мы будем их охранять. У каждого будет своя земля.

— Да, да, у каждого будет своя земля! И мы будем сторожить ее! — радостно воскликнул Джаббар.

Они спустились по восточному склону скалы и быстро зашагали по тропинке.

— Быть может, нас преследуют жандармы? — спросил Джаббар.

— Они наверняка нас ищут. Мы должны свернуть в лес, — ответил Мемед.

— Да, ты прав.

— С тех пор как мне пришла в голову мысль о земле, мне не хочется умирать.

— Умирать? — испуганно спросил Джаббар.

— Да, умирать...

Перед глазами Мемедом возник образ Реджепа Чавуша.

— Вот наш Реджеп... Я так и не смог как следует узнать его. Даже умирая, он хотел сделать нам добро. А как он радовался пожару... Я так и не смог понять его. Реджеп всех любил и всем был враг. Деревня горела, а он радовался. Если бы мы сделали что-нибудь хорошее для крестьян, мне кажется, он бы тоже радовался.

Джаббар жадно вдыхал освежающий запах хвои. Он держал в зубах сосновую веточку и время от времени принимался ее жевать.

— Мне тоже так кажется, — сказал он.

— У меня легко на сердце, — сказал Мемед. — Даже голова кружится. Не знаю, плакать или смеяться? Земля... А что скажут крестьяне?

Легкий прохладный ветерок доносил аромат майорана.

Только после полудня они вышли из лесу и оказались недалеко от дома Уммета.

— Как только солнце зайдет, пойдем к Уммету, — сказал Мемед.

Друзья сели. Они глубоко дышали. По их лицам градом катился пот.

Солнце зашло. Быстро стемнело. Казалось, над Чукуровой опустился черный занавес. Небо было усыпано звездами.

На востоке мерцало какое-то созвездие. Время от времени падала звезда. Оставляя за собой светящийся след, она скрывалась за темным массивом гор. Друзья поднялись и пошли к дому Сары Уммета.

— Уммет, — тихо позвал Мемед.

Долго никто не отвечал. Наконец дверь отворилась, выглянул Уммет. Узнав Мемед и Джаббара, он испугался и что-то забормотал.

— Здравствуй, Уммет. Как поживаешь? Какие новости? — спросил Мемед.

Наклонившись к Мемеду, Уммет шепнул:

— Тихо!

Мемед сразу догадался, в чем дело.

— Идите за мной, — продолжал Уммет. — Я покажу вам путь в горы. Здесь полно...

— Мы умираем с голоду, — сказал Джаббар.

— Тогда погодите немного.

Уммет вошел в дом и через несколько минут снова вышел.

— Пошли, — сказал он.

Полтора часа поднимались они к вершине горы, карабкаясь по скалам, пробиваясь через густой лес.

Наконец Уммет остановился передохнуть.

— Да разорится ваш дом! — сказал он. — Мыслимо ли это? Поджечь большую деревню на Чукурове! На это не решился бы даже Гизик Дуран *. Как это у вас получилось?

— Какие новости? — перебил его Джаббар. — Расскажи-ка нам, Уммет.

На небольшой полянке Уммет снова остановился и, переведя дыхание, сказал:

— Вот что. Из десяти деревень собрались вооруженные крестьяне: около тысячи человек. Вот уже два дня, как они вместе с жандармами разыскивают вас. Все перевернули, заглядывают во все щели. Если вы им попадетесь, разорвут на куски. Слышанное ли дело — поджечь большую деревню!.. Ну ладно, подожгли, но...

Уммет замолк.

— Что ж, если подожгли? — задыхаясь, спросил Мемед.

Уммет не ответил. Мемед повторил вопрос.

— Да ничего, — ответил Уммет. — Подожгли и все...

Уммет не знал, как все это случилось, и потому решил переменить тему разговора. Но волновавшая его мысль не давала ему покоя.

---

* Гизик Дуран многие годы разбойничал в горах Тавра. Прославился смелостью и добрыми делами. О нем сложены песни. Принимал участие в освободительном движении на Чукурове. — *Прим. автора.*

— Подожгли деревню,— невольно вырвалось у него.— Но хоть этого подлеца вы убили?

— Он сгорел в доме Хусейна-аги.

— Вот здесь пещера. Сюда никто не придет. Спрячьтесь здесь, пока они не уйдут. Хромой Али сейчас в Деир-менолуке. Завтра я принесу вам еду. Никуда не уходите отсюда.

Уммет подошел к пещере.

— Вот здесь,— сказал он.— Если жандармы найдут вас, не вздумайте бежать обратно на Чукурову. Там вас ждет смерть. При опасности поднимайтесь на вершину горы. Внизу течет река Кешиш. До свидания!

Уммет ушел, а друзья сели возле пещеры и быстро расправились с едой, которую он им оставил.

— Я пойду немного посплю. Когда захочешь спать, разбуди меня,— сказал Джаббар.

Мемед не ответил. В голове его снова мелькнул блеск желтой латуни...

Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, думает Мемед. Жив или умер Абди-ага — все равно земля принадлежит крестьянам. Поросшая колючками земля охвачена бушующим пламенем. Огонь бежит по равнине, словно стремительный поток воды... Огненный вихрь мечется в темноте ночи... И так — десять, пятнадцать дней, месяц. Наконец огонь гаснет, колючки превращаются в черную золу, густо покрывающую землю. С равнины Дикенли доносятся песни. Крестьяне, идущие за плугом, теперь не раздрают ноги колючками... В деревне Деир-менолук сыграют веселую свадьбу. Дурмуш Али спляшет на одной ноге, а другой ногой будет выделывать такие штучки, что все упадут со смеху. Если б Реджеп Чавуш знал об этом, он бы порадовался. Но он спит в зарослях Анаварзы.

Вдруг Мемед охватил страх. Более тысячи вооруженных крестьян!.. Это невысказано. Что они будут делать в горах? Сгорела деревня. Какое им дело до нее? Да еще рота жандармов! Не бойся, Мемед! Что ж, пусть будет так. Страх его рассеялся. Пусть их будет даже полторы, две тысячи, сколько угодно. Он не боится. У него больше трехсот патронов; ни один из них не пропадет даром. Он уверен в этом так же, как в том, что будет жить.

До самого утра Мемед думал обо всем этом. Из головы ни на минуту не выходила Хатче. Он представил себе

тюрьму и в ней свою Хатче. Сердце его сжалось от боли. Сколько горя может вынести один человек! Мемед зло выругался.

Джаббар проснулся, когда солнце было уже высоко. Шурысь от яркого света, он спросил:

- Почему ты не разбудил меня?
- Мне не хотелось спать.
- Давай съедем по куску лаваша, и ты поспишь.
- Давай.

Джаббар принес узелок и развязал его. В узелке были зеленый лук и брынза. Положив их на лаваш, они скрутили трубочки и стали медленно есть. Потом подошли к роднику, бьющему из скалы, и жадно прильнули к воде.

— Я прилягу на солнце,— сказал Мемед.

— Ложись,— ответил Джаббар.

Мемед заснул сразу, как ребенок. Лицо его было спокойное, в нем было что-то детское. Когда он проснулся, солнце стояло прямо над головой. Было жарко. Мемед размялся, умылся родниковой водой и только тогда пришел в себя.

— Как бы этот Уммет не напакостил нам,— сказал Джаббар.

— Не напакостил?

— А кто его знает?

— Нет, он не сделает ничего плохого, не решится; но мы все равно уйдем отсюда. Пойдем в Деирменолук?

— А если попадем в ловушку?..

— Разбойники не попадают в ловушку, они сами заманивают в нее своих врагов.

— А может быть, мы все-таки подождем Уммета? — предложил Джаббар.

— Да, ты прав. Нельзя уходить, не сказав ему.

Спустя час внизу, в кустарнике, послышался треск. Мемед и Джаббар укрылись за камни. Треск приближался. Наконец из-за деревьев показался Уммет. Увидев Мемеда и Джаббара, спрятавшихся за камнями, Уммет улыбнулся. Улыбнулся и Мемед.

— Они потеряли надежду найти вас,— сказал Уммет.— Я сказал им, что разбойники, которые вчера подожгли деревню на равнине Анаварза, не могут быть сегодня в горах Акарджа.

— Здорово ты их обвел вокруг пальца! — сказал Джаббар.

Уммет взял за руку Мемеда.

— Я полюбил тебя, как родного брата,— сказал он.— Ты очень хорошо сделал.

— С треском горело,— хвалился Джаббар.

Уммет молчал.

— Братец Уммет, как ты думаешь, а что, если земля будет принадлежать тому, кто на ней сеет? — спросил Мемед.

— О, это было бы очень хорошо.

— А если и волю, которыми крестьянин пашет, тоже будут его собственными?

— Ничего лучше не придумаешь.

— А хорошо ли будет, если поджечь колючки, а потом вспахать землю?

— Очень хорошо...

Джаббар взял узелок с хлебом, который принес Уммет, и привязал его к поясу.

— Счастливо оставаться, Уммет,— сказал Джаббар.

— Если придется трудно, вспомните обо мне,— сказал Уммет.— Я буду беречь вас, как родных братьев. Я тебя очень полюбил, Мемед. До свиданья!

Мемед, шедший впереди, остановился. Джаббар подошел к нему. Мемед сильно сжал руку Джаббара, в которой тот держал винтовку. Они долго смотрели друг другу в глаза.

— Эх, брат,— восторженно сказал Мемед,— я так рад, так рад, что мы решились на это!..

XVII

Деревня Карадут раскинулась на берегу реки Джейхан. Возле деревни река разливается, словно озеро. Течение здесь слабое, кажется, что вода стоит на месте. Раз в десять-пятнадцать лет Джейхан меняет свое русло, оставляя после себя много ила. Вот почему эти районы Чукуровы плодороднее других. Самая дорогая земля здесь оправдывает себя.

Поместье, которое Али Сафа-бей недавно прибрал к рукам, граничило с землями деревни Карадут. Больше половины поместья досталось ему после ухода армян, другую половину он силой и хитростью захватил у крестьян деревни Карадут. Много лет длилась тяжба Али Сафыбея с крестьянами. Дело нередко доходило до перестрелки.

Рассказ об интригах и мошенничествах, с помощью которых Али Сафа-бей захватил плодородные земли деревни Карадут, мог бы составить целую книгу. В этой тяжбе выявилась вся безграничная алчность Али Сафы-бея. Крестьяне увидели, на какую подлость способен Али Сафа-бей из-за клочка земли.

Сары Бекир был единственным грамотным человеком в деревне Карадут. Еще когда он учился в школе, о нем говорили как о способном ученике. Сары Бекир был человеком смелым, дерзким и прямым. За всю свою жизнь он ни разу не солгал. Это был высокий сухопарый человек с улыбающимся, ясным, как у ребенка, лицом. Сары Бекир мешал Али Сафе-бею. Не будь Бекира, он давно бы прибрал к рукам все земли деревни Карадут. Сары Бекир, словно скала, преграждал ему путь. Бекир мог постоять за себя и за других. Крестьяне любили его и повиновались ему во всем.

Долгое время Али Сафа-бей ничего не мог с ним сделать. Тяжба его с крестьянами затянулась. Крестьяне не хотели идти на уступки. Это продолжалось до тех пор, пока...

Атаман разбойников Калайджи Осман был двоюродным братом Бекира. Ленивый и бездельник, он был мальчиком на побегушках у Али Сафы-бея и обо всем доносил хозяину. Крестьяне ненавидели его. Поэтому Калайджи Осман не мог жить в деревне. Он давно бросил ремесло лудильщика и нанялся к Али Сафе-бею. Калайджи похищал у крестьян скот, поджигал их посевы, занимался грязными делами. Крестьяне были возмущены его бесчинствами. Но они уважали Сары Бекира и боялись Али Сафы-бея. Да и не хотели связываться с «этой собакой».

Сары Бекир справлял свою свадьбу. Веселилась вся деревня, пели песни, танцевали. Гремели барабаны, звенела зурна. В последнюю ночь свадьбы у дома Бекира раздалось три выстрела. Началась паника. Калайджи Осман смертельно ранил Бекира на глазах у невесты и, скрывшись в темноте, бежал в горы.

Долго судили и рядили о причинах, побудивших Калайджи застрелить Бекира. Что бы там ни было, а убийство во время свадьбы было невиданным делом. Этого-то уж никто не ожидал. «Проклятый! — твердили в один голос крестьяне. — Разве можно убивать такого человека? Чтоб ему ослепнуть!..» Одни говорили, что Али Сафа-бей

дал ему денег и подговорил убить Бекира, другие — что Осман любил невесту Бекира и не мог смириться с их свадьбой; третьи — что Калайджи сошел с ума и застрелил Бекира. Люди, близко знавшие обоих, говорили, что они с детства не выносили друг друга.

После убийства Бекира Али Сафа-бей попытался использовать Калайджи Османа в своей тяжбе с крестьянами. Осман собрал вокруг себя всех бродяг и преступников, чудом избежавших виселицы. Как злой демон, обрушивался он на бедных крестьян Чукуровы, осмелившихся выступить против Али Сафы-бея, беспощадно уничтожая врагов своего хозяина.

И все-таки даже после смерти Бекира Али Сафа-бей не смог присвоить себе ни одного вершка земли деревни Карадут. А Калайджи не смел и носа показать в деревню. Крестьяне презирали его и не считали за человека. Они не боялись его, хоть он с ног до головы был обвешан оружием.

Когда Тоший Мемед появился на Чукурове, все забеспокоилось. Имя Мемеда не сходило с уст. Поджигатель, разрушитель семейных очагов! С тех пор как Тоший Мемед поджег Актозлу, о нем слагали дестаны. Толпы любопытных из окрестных деревень шли смотреть на пепелища в Актозлу.

Жители Актозлу рассказывали всем о Тошем Мемед: «Он словно великан. С огромным факелом в руке ходил Мемед от дома к дому и поджигал. Точно ветер, летел он по деревне. Если пламя сразу не охватывало дом, он возвращался и снова поджигал его. О, если бы вы видели Тошего Мемеда! В темноте ночи из его глаз сыпались искры. То он был высокий, как тополь, то низкий, как трава. Пули не могли его свалить». В каждой деревне о Тошем Мемед рассказывали по-разному, сочиня всякие небылицы.

Однажды Али Сафа-бей встретился с Калайджи Османом, как обычно, в городском саду и предложил ему покончить с Тошим Мемедом. Осман обрадовался, но ничем не выказал свою радость.

— Трудное это дело, Али Сафа-бей, — сказал он. — Очень трудное. Нелегко расправиться с таким человеком.

— На Чукурове о Тошем Мемед сложили легенды. Если хочешь убить его, то убей сейчас, и имя твое про-

славится повсюду. Не упусти такого случая! Если ты убьешь Мемеда, вся Чукурова будет нашей.

— Трудно,— ответил Калайджи.

— Не бойся,— подбодрил Али Сафа-бей, хлопнув Османа по плечу.

— Трудно, но посмотрим. Может быть, найду способ разделаться с ним.

— Ты должен найти его во что бы то ни стало. Тошый Мемед смел, но еще молод. Он не знает гор. Замани его в ловушку, и ему будет конец.

— Посмотрим,— сказал Калайджи.

Расставшись с Али Сафой-беем, Калайджи Осман направился к своим друзьям.

— Есть дельце. К тому же нетрудное...

Разбойники посмотрели на него.

— Появился Тоший Мемед, тот самый, что поджег деревню Актозлу. Его нужно убрать любым путем. Дадут столько, сколько запросите.

Для бандитов Калайджи убить Тошего Мемеда было так же легко, как выпить стакан воды.

С того времени, как в горах появился Калайджи, были уничтожены три банды. Говорили, что если считать и Сары Бекира, то Калайджи убил больше сорока человек.

Калайджи Осман был низкого роста. У него были голубовато-зеленые, неподвижные глаза. Редкая щетина торчала на щеках, точно иглы у ежа. Багрово-красная от загара тонкая шея и довольно широкие плечи делали его неуклюжим. Он носил голубые шаровары с обшитыми серебром карманами. Патронташи обвивали его с головы до ног. Они тоже были обшиты серебром. На боках сверкали револьверы, кинжалы и ножи с перламутровыми рукоятками. На груди висел бинокль. Из-под темно-красной фески на лоб выбивался рыжий чуб.

Смелости у Калайджи не было ни на грош. Он был хитрым и предпочитал не сталкиваться лицом к лицу с врагом, а наносить удар в спину. Он так ловко устраивал ловушки, что никому и в голову не приходило подозревать его. Все знали, что он действует по приказам Али Сафы-бея. Но и Али Сафа-бей охранял Османа. За все время банда Османа только два раза натыкалась на жандармов. Не успевали начать преследование, как гонец Али Сафы-бея предупреждал Османа. Зимой Осман обычно жил в отведенной для него комнате в доме Али

Сафы-бея. Как только ему надоедала праздная роскошная жизнь в доме хозяина, он уходил в горы к своей банде. Банда Османа жила привольно. Когда в горах выпадал снег, бандиты спускались в ближайшую деревню и предавались разгулу. Деньги на все это давал Али Сафа-бей, и потому его приказания выполнялись беспрекословно. Скажи он им — умрите, и они расстались бы с жизнью.

— Кто из вас знает Тошнего Мемеда? — спросил Калайджи.

Хорали, прислонившись к дереву, дремал. Услышав вопрос Калайджи, он очнулся.

— Я знаю его. Мы вместе были в отряде Шалого Дурду.

— Тогда иди сюда, — позвал Осман.

Хорали подошел. Положив руки на плечи Хорали, Осман сказал:

— Расскажи-ка, что за человек этот Тоший Мемед?

Хорали проглотил слюну и провел рукой по губам.

— Ничего особенного. Маленький, хилый, с большой головой и огромными глазами; на вид ему лет двадцать, но он очень серьезен. Его трудно понять тому, кто не видел, как он стреляет, кто не был с ним рядом в схватке. А стреляет он так метко, что попадает в монету. С первого дня своего прихода в отряд Тоший Мемед стрелял лучше Шалого Дурду. А ведь ты знаешь, как метко стрелял Шалый Дурду. Теперь он, наверное, попадает в ушко иголки. Ловкий он, этот Мемед. Во время ссоры в шатре кочевников если бы он захотел, то мог бы убить и Шалого Дурду и всех нас. Но он не сделал этого. Разве стал бы терпеть его оскорбления Шалый Дурду, если бы Тоший Мемед не был таким? Шалый Дурду боялся его...

— Уж и расхвалил ты этого Тошнего Мемеда. Что он, нанял тебя своим защитником? — усмехнулся Осман.

— Ты просил рассказать о нем. Я сказал все, что знал и что видел. Да, таков Тоший Мемед.

Калайджи сел на землю и, обхватив руками голову, задумался. Думал он долго, а потом снова позвал к себе Хорали.

— Слушай меня внимательно. Доверял тебе Тоший Мемед?

— Нет...

— Почему?

— Я встал на сторону Шалого Дурду, когда Мемед выступил против него.

— Ну и что из этого?

— Просто он не доверял мне. Да он и своему отцу не доверился бы. Я думаю, что и Джаббару, самому близкому человеку, он тоже не доверяет.

— Уж и расписал ты новоиспеченного разбойника, прямо Гизик Дуран!

— Я его знаю.

— Так забудь о нем! — неожиданно закричал Калайджи. И, как это он делал всегда, когда злился, начал выдергивать торчавшие из носа волосы. — Ты хочешь сказать, что Тошсего Мемед не возьмет ни пуля, ни ловушка?

— Нет, я не это хотел сказать, — продолжал Хорали. — В ловушку может каждый попасть. Ведь Тоший Мемед еще новичок. Все зависит от того, какая ловушка.

— Надежда только на тебя, Хорали, — сказал Калайджи. — Ты все можешь. Ты самый опытный разбойник. Замани Мемед в ловушку.

— Но ведь их двое.

— А второй кто?

— Длинный Джаббар.

— Джаббар еще мальчишка. Ей-богу, мальчишка.

— Я и говорю... Его-то чего бояться? Или и его...

— Кончай обоих... — сказал Калайджи и добавил: — Сначала найдем их. Потом ты пойдешь и пригласишь его к нам в отряд. Если откажется, придумаем что-нибудь другое.

— А может, согласится. Тогда мы легко справимся с этим дельцем. Он ведь еще ничего не знает о ловушках.

— Итак, договорились? — спросил Осман.

— Договорились.

— Сможешь ли ты быстро узнать, где он сейчас? Есть у него постоянное место?

— Откуда у новичка может быть определенное место! — усмехнулся Хорали. — Но я его разыщу.

XVIII

Голодные, изнемогающие от усталости Мемед и Джаббар шли по горам и лесам, неся на себе груз боеприпасов. Согнувшись в три погибели, они с трудом передвигали ноги.

Темная, непроглядная ночь. Лишь редкие звезды мерцают на черном небе. Но вот звезды стали исчезать. Небо посветлело.

Вдруг раздался страшный грохот. Джаббар вздрогнул.

— Что это?

— Вода бьет из-под скалы,— ответил Мемед.— Помнишь, я рассказывал об этом месте, когда мы были здесь в первый раз...

— Тогда, может, отдохнем немного у родника?

— Нет, нельзя,— сказал Мемед.

Он очень устал, но шел все время без передышки. Не останавливаясь, Мемед спросил:

— Что с тобой, Джаббар, ведь мы почти дошли.— Он на мгновение остановился и глубоко вздохнул.— Что с тобой? Вот дойдем до деревни — тогда передохнем. В деревню мы должны войти до рассвета. Да, да. Столько прошли, а ты... Вот уже и деревня. Не правда ли, брат?

— Это я так... Не обращай внимания.

Мемед шагал все быстрее, до деревни было уже близко. Джаббар, напрягая последние силы, еле поспевал за ним.

Они вошли в деревню, когда на востоке забрезжил рассвет. Несколько собак, не признав Мемед, с лаем бросились на них. Мемед поспешил к дому Дурмуша Али.

— Дядя Дурмуш Али!

Дурмуш Али тотчас отозвался.

— Это ты, Мемед?

— Я.

— Сейчас иду. Добро пожаловать, сынок. Что ты сделал с гяуром? Мы слышали, что ты поджег Актозлу, и гяур сгорел.

Дурмуш Али открыл дверь.

— Кто сказал вам об этом? — спросил Мемед.— Все крестьяне знают?

— Все. Дай аллах тебе здоровья. Все мы рады. Смерти не радуются, но он заслужил ее. Даже жена его обрадовалась. Получил, говорит, по заслугам. Слезинки не проронила. Заходите в дом, дети мои. А где же третий? Тот, пожилой?

— Лучше не спрашивай,— печально ответил Мемед.

— Да простит его аллах. Сейчас я разожгу огонь. Вы ведь голодны?

— А откуда вы знаете о наших делах? — допытывался Мемед.

— Не догадываешься? Разве ты не знаешь, что Хромой Али оказался слугой гяура? Он и рассказал. Когда начался пожар, Али шел к нам. Отойдя от Актозлу, он наблюдал за пожаром. А потом вернулся обратно и видел, как вытаскивали останки Абди-аги. Весь обуглился.

— Значит, Хромой Али перешел на сторону Абди? Дурмуш Али поворошил в очаге угли.

— Да, сын мой. Это не человек, а выродок.

Мемед засмеялся.

— Что, не веришь? — спросил Дурмуш Али, заглядывая ему в глаза.

— Быстро ты забываешь, дядя, что делал еще вчера...

— Запоматывал... Старость... — смутился старик.

— Да ты не расстраивайся, — похлопал его по плечу Мемед, — не из-за чего.

Они подсели к очагу. Дурмуш Али раздул огонь.

— Что еще новенького? — спросил он, улыбаясь.

— Ничего, — ответил Мемед.

За окном рассвело, и в комнату заглянули первые лучи восходящего солнца. Жена Дурмуша Али, Хюрю, крутилась возле Мемеда.

— Он трещал, когда горел? Ну-ка расскажи, как он горел. Если бы ты знал, Мемед, какое доброе дело сделал! Ха, трещал!

Она сняла суп с очага, растопила масло и влила в кастрюлю. Запах масла наполнил комнату.

— Значит, трещал? Говорят, даже кости — и те сгорели. Вот хорошо! Люди рассказывают, что деревня Актозлу превратилась в пепел. Ну и пусть!

Хюрю принесла скатерть, постелила на пол, перелила суп в большую миску и поставила ее посередине скатерти.

Мемед, задумавшись, неподвижно сидел с ложкой в руке. Он словно оцепенел. Джаббар взглянул на него. Мемед очнулся, опустил ложку в суп и начал быстро есть. В глазах у него снова появился злой огонек. Он словно опьянел. Кружилась голова, опять, как молния, промелькнул блеск желтой латуни... В зарослях колючек бушует пламя. Оно перебрасывается с одного куста на другой...

Мемед поднял голову. Его смуглое лицо просветлело.

— Знаешь, что я тебе хочу сказать, Дурмуш Али,— медленно произнес он.

Дурмуш Али непонимающим взглядом смотрел на Тощего Мемед.

— Слушаю, сынок.

— Гяур, наверно, уже умер...— дрогнувшим голосом промолвил Мемед и умолк.

Убрали скатерть. Кочергой расковыряли угли в очаге. Огонь снова разгорелся.

В стороне стояли дети и, широко раскрыв глаза, с любопытством разглядывали Тощего Мемед. Дурмуш Али уже два раза выходил из дому. А Мемед все молчал. Между тем Дурмушу Али казалось, что Мемед хотел сказать что-то очень важное.

— Ну, и что дальше? — не выдержал наконец Дурмуш Али.

— Вот что я думаю,— неуверенно начал Мемед.— Не знаю, что ты на это скажешь...

Он немного помолчал и потом быстро заговорил:

— Земли этой деревни и других четырех деревень... все, все земли... кто сколько засеет... А все, что засеял... Я с оружием в руках буду охранять вас. А поле с колючками мы подожжем.

— Не торопись, сынок, а то я что-то ничего не понял...

Мемед заговорил спокойнее.

— Я хотел сказать, что земли эти не гяура и не его отца.

Дурмуш Али почесал лоб, задумался.

— Земля общая,— продолжал Мемед.— Земля создана не этим гяуром. Крестьяне пяти деревень, как рабы, работают на него. На Чукурове нет никакого хозяина. Послушал бы ты Хасана Онбаши!..

— Издавна эти земли были общие,— вставил Дурмуш Али.— Еще до того, как на свет появился отец этого гяура. Он обманул нас и отобрал землю. До этого каждый пахал там, где хотел, и сеял сколько хотел.

— Так вот,— загорелся Мемед.— Снова будет так, как было. Так, как ты говоришь.

Дурмуш Али опустил голову.

— О чем задумался, Дурмуш?

— Как было бы хорошо...— прошептал Дурмуш Али. Слезы заволокли его глаза.

— Так будет! У меня к тебе просьба. Передай крестьянам всех пяти деревень, чтобы они пришли сюда. Поговорю с ними, а потом раздам им земли. Они избавятся от ярма. Участок, который крестьянин засекает, будет принадлежать ему. Волы тоже...

— Ох, если бы все было так! — воскликнул Дурмуш Али.— Если бы...

— Передай всем, чтобы пришли.

На почерневшей от копоти стене большой паук плел паутину.

Прислонясь к столбу, поддерживавшему крышу, Хюрю сучила пряжу и внимательно слушала разговор. Вдруг она уронила веретено. Ее охватила дрожь. С трудом овладев собой, она подбежала к Мемеду и стала целовать ему руки.

— Ради аллаха, сын мой, это правда? Ты это сделаешь? Никому не будем отдавать ни половины, ни двух третей урожая?

— Конец рабству,— твердо произнес Мемед.— До конца жизни я буду охранять ваши земли. С оружием в руках. А потом...

— А как же волы? — спросила Хюрю.— И они будут наши?..

— И волы тоже...

Женщина отошла в темный угол комнаты и заплакала.

Дурмуш Али вышел из дома. Постоял немного в нерешительности. Потом вернулся. Посмотрел на Мемед. Лицо его показалось Дурмушу Али решительным, твердым, как скала.

— Сынок, кого я должен позвать сюда?

— Всех, у кого есть голова на плечах,— не глядя на него, ответил Мемед.

Дурмуш Али направился к Панджару Хосюку и рассказал ему обо всем. Панджар ничего не ответил. Он тоже был в нерешительности. Весть о появлении Тошгю Мемед и о том, что он задумал, быстро облетела всю деревню.

Крестьяне сначала обрадовались, но потом призадумались. Они не знали, что делать. Многие считали замысел Мемед невыполнимым.

На улице высыпали все — взрослые, дети. Крестьяне ходили от дома к дому, возбужденно разговаривали,

с тревогой заглядывая друг другу в глаза. Потом все подошли к дому Дурмуша Али и остановились.

Мемед услышал гул толпы.

— Что там происходит? — спросил он Хюрю.

Вытирая слезы, она ответила:

— Крестьяне собрались у нашего дома, смотрят на дверь. Не пойму, чего они хотят...

Хюрю вышла на порог. Все взгляды устремились на нее.

— Что вам нужно? — сердито спросила она. — Чего вы собрались?

Крестьяне молчали.

— Что же вы молчите?

Опять ни звука.

— Хотите увидеть Тощего Мемеда? Тогда идите в дом!

Но опять никто не ответил.

— Да что вы стоите, как истуканы? Остолбенели, что ли? Можно подумать, что у каждого из вас в доме покойник. Вы только взгляните на них! И это мужчины! И вы считаете их мужчинами? — обратилась она к женщинам. — Обнимаете их, спите с ними? С этими олухами! Что вы стоите как вкопанные? Пляшите, веселитесь!

Толпа не двигалась.

— Черт вас возьми! Разве вы не слышали? Тощий Мемед сжег Абди-агу! Он трещал, когда горел!..

Толпа зашевелилась.

— Да, да, трещал! — кричала Хюрю. — Деревня Актозлу сгорела целиком... Неужели вы не слышали. Вчера Тощий Мемед пришел к нам. Он в доме. Теперь не будем работать на Абди-агу. Как он трещал! Земля будет наша... и воле... все!..

Послышался чей-то неуверенный голос. Потом вдруг заговорили все разом. Поднялся невообразимый шум. Лай собак, пение петухов, кудахтанье кур, плач детей — все смешалось. Во дворах ржали лошади, кричали ослы... Такого смятения деревня Деирменолук не знала со времени своего основания.

Немного погодя над деревней взметнулось огромное облако пыли. Потом раздались веселые голоса, песни, звуки зурны и барабана. По толпе пронеслись возгласы:

— Ай да Тощий Мемед!

— Он и ребенком был особенным!

- Да, да, мы его давно заметили!
- Волы тоже будут нашими!
- Мы будем сеять на своих полях, как захотим!
- Не будем отдавать две трети урожая!
- Теперь не будем сидеть зимой голодные!
- И не будем попрошайничать, как собаки!
- Ай да Тоший Мемед!
- Не будем продавать своих коров!
- Нас никто не будет угнетать!
- Куда захотим, туда и пойдем!
- Каждый сможет позвать к себе гостей!
- Сбудется заветное желание каждого...
- Сами себе будем хозяева...
- Тоший Мемед!
- Ага горел с треском!
- Вместе с Абди-агой сгорела большая деревня!
- Вся Чукурова дрожит от страха!
- Вот какой наш Тоший Мемед!
- Хатче выпустят из тюрьмы!
- Все пять деревень устроят праздник!
- Наш Тоший Мемед!
- Мы все отпразднуем свадьбу Тощего Мемеда!

Два дня и две ночи люди радовались; непрерывно раздавались звуки зурны, гремели барабаны. Крестьяне дружных четырех деревень тоже веселились. Оттуда доносились глухие удары в барабан. По ночам поросшая колючим кустарником равнина ярко освещалась. Веселье, казалось, передавалось земле, камням, воде, деревьям...

В доме Дурмуша Али собрались уважаемые люди из пяти деревень. Все они то с недоверием и страхом, то с восхищением и любовью смотрели на Мемеда.

— Кое-кто из вас уже начал пахать свою землю, но многие еще не начинали, — сказал Мемед собравшимся. — У меня есть просьба.

Все закричали хором:

— Говори, Мемед, мы все сделаем!

— Почему перед тем, как пахать, вы не догадаетесь поджечь колючки?

— Нам и в голову это не приходило! — раздалось несколько голосов.

— Ведь если сначала сжечь колючки, пахать будет легче. Не так ли? — спросил Мемед.

— Конечно, легче! — закричали крестьяне. — Сначала сожжем колючки, а потом будем пахать.

Мемед встал, надел патронташ, взял винтовку и вышел из дома. За ним последовали крестьяне.

— На поле, заросшее колючками! — крикнул Лысый Мыстык. — Зурны, барабаны тоже туда...

— Отныне колючки не будут колоть ноги пахарей и волов, — сказал Дурмуш Али.

Крестьяне пошли в поле. Впереди всех шагал Мемед. Голова его была высоко поднята, глаза прищурены. За Мемедом шел Джаббар, за ним — крестьяне. Женщины и дети забралась на крыши домов, чтобы посмотреть на Мемеда. Звуки зурны и барабана умолкли. Воцарилась тишина.

Люди вышли из деревни и направились к полю с колючками. С гор дул осенний ветер.

Пройдя немного, Мемед остановился и задумался. Крестьяне с нетерпением ждали, что будет дальше. Мемед оглянулся. Перед ним раскинулась белоснежная равнина, заросшая колючками. Иногда раздавался треск. Это под тяжестью маленьких улиток трещали, пригибаясь к земле, ветки кустарника.

— Джаббар! — тихо окликнул Мемед.

Раздвигая колючки, Джаббар подошел к нему.

— Что, брат?

— Эх, если бы не было колючек в ту пору, когда я ходил за плугом!

Джаббар улыбнулся.

Кое-кто из крестьян уже начал срезать кусты и собирать их в одно место. К ним присоединились и остальные. Через некоторое время выросла большая куча колючек.

— Хватит! — крикнул Дурмуш Али.

Он вытащил из кармана лучину, зажег ее и поднес к сухим веткам. Пламя мгновенно охватило кучу со всех сторон. Ветер раздувал огонь.

Крестьяне стояли полукругом возле огромного костра и смотрели на огонь. Вскоре огонь перебросился на равнину. Запела зурна, загремел барабан, послышались песни и восторженные крики. Казалось, радость летела по равнине вместе с огнем. Песни сменялись танцами, танцы — песнями. Мелькали красные, зеленые, голубые платья женщин и девушек. Джаббар палил из винтовки в воздух.

До захода солнца Мемед молча бродил по полю.

Порывистый ветер гнал огромные языки пламени по равнине. Там, где прошел шквал огня, лежали обуглившиеся колючки.

Огонь катился на запад, вслед за уходящим солнцем. Горящие колючки трещали, пели, словно птицы.

Таким же медленным, тяжелым шагом, каким он шел на поле, Мемед отправился в деревню. Все двинулись за ним.

За ночь огонь охватил большую территорию, от холма Кыналытепе до Йылдыzteпе, от родника до Кабаача, а затем перебросился и в другие деревни, вплоть до Чюрюкчинара.

Равнина на многие километры была озарена ярким светом.

Вдруг на горе Алидаг вспыхнул большой огненный шар. Вершина Алидага осветилась, словно был день. Все были удивлены. Впервые на Алидаге был огонь.

В это время к Мемеду подошли семеро крестьян. Это были лжесвидетели.

— Что ж, говорите,— сказал Мемед.

— Да, мы виноваты...— пробормотали они.— Нас заставили силой, Мемед.

— Знаю.

Мужчины опустили головы и отошли в сторону. На глазах у них выступили слезы.

От всего перенесенного за день Мемед до утра не мог сомкнуть глаз. Горе Хатче болью отзывалось в его душе.

Новое яркое солнце взошло над деревней Деирменолук. День выдался ясный. Деревня словно пробудилась после радостного сна. Необычными выглядели в лучах утреннего солнца и деревья.

На равнине догорал кустарник. Еще вчера белая, она сегодня стала сплошь черной.

Кто-то заметил на дороге Хромого Али. Мемед остановился и подождал, пока он приблизится. С трудом волоча хромую ногу, Али подошел к Мемеду.

Мемед взял его руку и погладил. Хромой Али обливался потом и прерывисто дышал. Они молча стояли друг перед другом. Осунувшееся, побледневшее лицо Хромого Али было усеяно морщинками. За несколько дней он постарел так, будто прошло пятнадцать лет.

— Что с тобой, Али-ага? Ты плохо выглядишь.

— Не спрашивай,— ответил Хромой Али.

— Плохие вести?

Али еще больше побледнел, руки у него задрожали.

— Лучше не спрашивай.

— Не пугай меня, Али-ага!

— Что случилось, того не воротишь. Сердце мое чуяло,— тихо простонал Хромой Али.

Мемед надвинулся на него:

— Говори!

— Этот неверный... гяур... он...

— Спасся! — выдохнул Мемед.

В него словно ударила молния. В глазах потемнело, он пошатнулся.

— Я говорил с ним,— сказал Али.— Он снял дом в касабе. Меня Абди послал к своей семье.

— Ничего, Мемед, не горюй,— пытался успокоить Мемед Джаббар.— Он от нас не уйдет. Не сегодня, так завтра...

Жена Дурмуша Али истошно закричала:

— Ох, я несчастная, ой-ой-ой! И я должна была дожить до этого! Ой-ой-ой!

— Чего ты плачешь, тетушка? Все равно он больше не вернется в деревню. Земля ваша, и волы тоже. Пока мы живы...

Вскоре все знали, что Абди-ага не сгорел. Крестьяне разошлись по домам. На улице никого не осталось. Мертвая тишина сменила шум и оживление. Не слышно было ни лая собак, ни пения петухов. Казалось, в деревне не осталось живой души. Все, что недавно было в движении, бурлило, веселилось, словно вымерло.

Дурмуш Али сидел удрученный, опустив голову. Мемед задумался, положив голову на приклад винтовки.

После полудня деревня начала подавать первые признаки жизни. Захлопав крыльями, пропел на навозной куче петух. Его разноцветное, яркое оперение блестело на солнце, будто смазанное жиром. Залаяли собаки.

Из домов начали выходить крестьяне. Собираясь группами, они оживленно разговаривали.

— Подумаешь, стал человеком...

— Тоже мне человек...

— Ведь он сын несчастного Ибрагима.

— Земли нашего Абди-аги распределять вздумал!

— Вы только поглядите на него.

— Ему словно семь лет.

— Сопляк он.
— Даже винтовку не умеет держать.
— А еще разбойником стал.
— Поджигает села.
— Как будто это отцовское наследство...
— Да, землю и скот Абди-аги распределяет, как свое добро.
— Подумаешь, человеком стал...
— Раньше собачонкой бегал у дверей Абди-аги.
— До вчерашнего дня...
— Нерадивый сын несчастного Ибрагима.
— А какой важный стал...
— Ленивая свинья!
— Из-за него девушка гниет в тюрьме.
— Хатче из-за него в тюрьме.
— Вы только посмотрите на него!
— Ха, сжечь колючки, чтобы крестьяне ноги не ко-
лоли!
— Облегчил труд...
— Пришел в село и распустил слух, что убил Абди-агу.

— Нашего хозяина...
— Наш хозяин таких, как он, сотнями расстреливал.
Большая толпа крестьян направилась к дому Абди-аги.
Люди поздравляли жену и детей Абди-аги.
Шум не утихал до полуночи.

Больше половины крестьян деревни были на стороне Мемед. Они жалели, что Абди-ага не умер. Сторонники Мемед не показывались на улицу. Дурмуш Али был убит горем. Жена его слегла в постель и словно онемела. Мемед тоже молчал. Один Джаббар говорил, не закрывая рта:

— Ноги Абди-аги не будет больше в этой деревне. Не бойтесь. Он все равно скоро умрет. Непременно. Клянусь аллахом, умрет! Не расстраивайтесь. Сказал, умрет — значит, умрет!

Крестьяне молчали.

Не дожидаясь восхода солнца, Мемед с Джаббаром ушли из дома Дурмуша Али. Мемед шел с опущенной головой. Джаббар молча шагал рядом с ним. Когда они выходили из деревни, собаки с лаем бросились на них, но Мемед их и не заметил. Джаббар запустил в них камнем.

Колючки догорели. Выжженную землю покрывал черный пепел. Мемед остановился посреди поля. Джаббар не решался с ним заговорить. Он подождал, но Мемед продолжал стоять и, казалось, не собирался идти дальше. Подойдя к камню, Мемед сел на него, прижав к себе винтовку.

Взошло солнце. Мемед сидел, не двигаясь, словно окаменел. Его тень тянулась в сторону деревни. Солнце поднялось высоко, а Мемед все еще сидел, не двигаясь. Джаббар не выдержал, подошел и толкнул его.

— Что с тобой, брат?

Мемед очнулся. Казалось, он только что проснулся.

— Не горюй, брат,— сказал Джаббар.— Все люди смертны... Как-нибудь и с ним рассчитаемся.

— Рассчитаемся...— тихо повторил Мемед и посмотрел в бескрайнюю даль выжженной равнины.

ХІХ

Холм Сюлемиш густо усеян черникой. Везде, куда ни глянь, жмутся к земле ее небольшие темно-зеленые кустики. Они напоминают людям о пьянящей влаге, дурманящей голову уже одним своим видом. На узких тропях резкий запах черники, он расслабляет человека, клонит ко сну.

У подножия холма начинается равнина, гладкая, без единого камешка. Земля здесь сыпучая, мягкая. На равнине растут гранатовые деревья. От этого вся местность получила название Гранатовый сад. Весной равнина становится красной от цветов, над которыми вьются тучи пчел. В нижней части Гранатового сада протекает река Саврун. В верховьях она течет через горы Тавр, сквозь узкие ущелья. Саврун — маленькая, но бурная речушка. Она пробивается через скалы и, пенясь, несет свои воды в долину. Течение становится спокойным. Река разливается, словно озеро. Вода здесь не выше щиколотки. На ее поверхности торчат островки, поросшие высокой травой и густым кустарником. Но некоторые островки совсем лысые. Лишь изредка попадаются здесь пахучие кустарники да тамариндовые деревья с колючими листьями. По берегам реки растут магнолии с белыми ароматными цветами.

Много лет назад на самом большом островке, под названием Бостанджик, стали разводить дыни и арбузы.

Землю здесь у одного крупного землевладельца арендовал курд Мемо. У Мемо созревали самые крупные на всей Чукурове дыни и арбузы.

Сторожем на бахче был Хорали. Он работал тут много лет. Вокруг навеса разбросаны корки арбузов и дынь. Их облепили пчелы. В лучах солнца пчелы блестят и кажутся зелеными. Корки, разбросанные вокруг навеса, говорят о щедрости Хорали. Кто бы ни пришел, он всех угощал дынями и арбузами. Никто не мог уйти с бахчи, не отведав его арбузов и дынь.

Никто не знал, откуда появился Хорали на островке. Никто не знал, любил ли островок и свою бахчу Хорали, подобно тому как никто не знал, любил ли островок росшие на нем тамариндовые деревья. В душные летние ночи от протекавшей рядом речки Саврун веяло прохладой. Хорали не жаловался на жизнь.

В один из весенних дней крестьяне, как обычно, пришли сюда сажать дыни и арбузы. Но что они увидели? Островок исчез, на его месте была вода. С островком исчез и Хорали. В те годы разбойничество стало модой. Кто не ладил с властями, не уживался с женой, брал винтовку и уходил в горы. Начали поговаривать, что Хорали стал разбойником. Но мало кто этому верил.

А Хорали словно подменили. Сейчас он без усталости разыскивал Тощего Мемеда, чтобы подстроить ему ловушку. В его душе творилось что-то неладное, острая боль, причины которой он и сам не знал, терзала сердце.

Сначала Хорали расспросил жителей деревни Деир-менолук. Крестьяне послали его на гору Алидаг. Несколько дней бродил Хорали по Алидагу, разыскивая Мемеда. Все было напрасно. Хорали был взбешен. Он направился на равнину Мазылык. Но и там Тощего Мемеда не оказалось. Крестьяне, у которых он хотел узнать что-нибудь о Мемед, будто не понимая, о чем идет речь, говорили:

— Ты спрашиваешь про Тощего Мемеда? Мы не видели его да и ничего о нем не слышали.

В горах не было крестьянина, который бы не знал имени Тощего Мемеда и не говорил о нем с любовью. Поэтому, даже если бы кто-нибудь и знал, где укрывается Мемед, он все равно держал бы это в тайне. Так издавна повелось в этих местах. Вот почему так трудно было узнать убежище Тощего Мемеда.

Но Хорали не терял надежды. Он обшарил все горы. Наконец придумал новую хитрость. Всем, кого встречал на своем пути, Хорали говорил:

— Я из отряда Тошгё Мемеда. Я потерял его после пожара.

Вскоре Хорали напал на след Мемеда. Он узнал, что Мемед скрывается у истоков реки Саврун.

Иногда Мемед ночевал у крестьян в близлежащих деревнях, а иногда в сосновом лесу на берегу реки. Там бродило много разбойников и грабителей, но Тоший Мемед не знался с ними и даже избегал. И разбойники ненавидели его за это и боялись.

Мемед устраивал себе постель на сосне, а Джаббар охранял его внизу. Когда наступала очередь Мемеда, он брал винтовку и охранял Джаббара, не слезая с дерева: Джаббар никак не мог взобраться наверх. У Мемеда был там целый дом с удобной постелью.

— Ты только поднимись и посмотри,— говорил Мемед.

Хорали к ним привел крестьянин, у которого однажды скрывался Мемед. Увидев Хорали, Джаббар радостно бросился к нему навстречу.

— Как я радовался, когда узнал, что ты вылечился,— кричал Джаббар.— Как я радовался! Ты где сейчас?

Мемед быстро спустился вниз.

— Добро пожаловать, братец Хорали. Мы очень волновались за тебя.

Такая встреча ошеломила Хорали.

— Так, ничего...— растерянно бормотал он. Овладев собой, он стал рассказывать.

— Я сейчас в отряде Калайджи. Когда погиб Шалый Дурду, я перешел к нему. Так и живу. Видно, такая уж судьба.

Джаббар улыбнулся.

— Что-нибудь случилось? Ты какой-то печальный.

— Не спрашивай,— глубоко вздохнул Хорали.

Разбойники присели, прислонившись к деревьям.

— Где же Реджеп Чавуш? — озираясь по сторонам, спросил Хорали.

— Он умер. Рана доконала его.

— Бедный Реджеп! — пожалел Хорали.— Да, таков уж этот мир.

— Да, мир жесток и обманчив. Все в землю ляжем,— добавил Джаббар.

— Мы слышали о Шалом Дурду, — сказал Мемед, — но, может быть, ты нам расскажешь о нем толком. Ты же был в его отряде.

— Лучше не спрашивай, брат, — с горечью сказал Хорали. — Он стал жертвой своих молодчиков. Жаль...

— Расскажи толком, — попросил Джаббар, — не тани...

— Когда Шалый Дурду порвал с вами, он сбился с пути. Начал красть в селах женщин. Уводил их в горы и заставлял веселить нас.

— Да, если разбойник начинает заниматься такими делами, конченный он человек. Нет ему спасения.

— Если бы только это. Это чепуха...

— Что же еще? — спросил Джаббар.

— Все деревни он обложил податями. Каждый дом ему должен был платить. Богатые — больше, бедные — меньше...

— А еще что?

— Он засел немного выше перевала Девебойну. Всем, кто проходил через перевал, Шалый Дурду обрубал правую руку, а скоту — переднюю ногу.

— Да он сошел с ума! — воскликнул Джаббар.

— Больше ста человек он оставил без правой руки. Многие умерли...

— Негодяй!.. Ну и что дальше? — подгонял Джаббар.

— Однажды мы вошли в деревню Аксёгут. Выволокли женщин из домов и притащили на площадь. Были среди них и старухи. Стыдно рассказывать. Заставили их плясать. Бедняжки, как овцы, прижались друг к другу, дрожа от страха. Они прошлись два круга и убежали в толпу. Шалый Дурду почем зря ругал женщин. Мужчины попрятались по домам. Вдруг поднялся столб пыли, скрывающий все. Шалый Дурду исчез, а я очутился на крыше какого-то дома. Винтовки при мне не было. Около получаса пыль не рассеивалась, вокруг ничего не было видно. Когда пыль улеглась, я увидел, как на площади сустились люди. Они копошились в пыли... Дрожа как осиновый лист я спустился с крыши. Зачем? Убей меня, не знаю. Постоял, посмотрел на людей. Никто меня не заметил. Площадь постепенно опустела. Не осталось никого: ни людей, ни трупов. Крестьяне в пыль превратили Шалого Дурду и его банду. На площади я нашел лишь несколько раздробленных прикладов винтовок... да сапог Шалого Дурду... Больше ничего... Я бежал оттуда.

— Значит, так...— медленно произнес Джаббар.— Нам никто про это не рассказывал.

— Так и должно было случиться. Да и сам он знал, что рано или поздно будет такой конец. Иначе он бы не отважился на такую авантюру.

— Твой Калайджи — такой же, — сказал Джаббар.

— Он не такой, как Шалый Дурду, — возразил Хорали.— Он трусливый, двуличный, мелкий человек. Его не так-то легко провести.

— Запомни мои слова, брат, рано или поздно он кончит тем же. Старайся быть подальше от него — и избежишь от многих бед. Мне жаль, что ты у него в отряде.

Мемед стоял в стороне и не вмешивался в разговор, делая вид, будто все это его не касается. Но вдруг он повернулся к Хорали и схватил его за руку.

— Зачем ты разыскивал нас? — спросил он.— Есть новости? Ты хочешь сказать нам что-то важное?

Хорали некоторое время растерянно смотрел на них. Потом потупился, лицо его залилось краской.

— Калайджи приглашает вас в свой отряд, — пробормотал он.— Он хочет повидаться с вами. Он беспокоится о Тощем Мемед. Калайджи расспрашивал меня о Мемед, и я сказал, что ты мой старый товарищ по отряду, что мы, как братья. И я отправился разыскивать вас, но долго не мог найти.

Мемед посмотрел на Джаббара. «Здесь что-то есть», — говорил его взгляд.

— Ах, вот как, — сказал он.— Значит, тебя послал Калайджи?

— Да-а... — начал вдруг заикаться Хорали.

— Значит, долго искал нас? — спросил Джаббар.

— Долго...

— Зачем мы понадобились Калайджи?

— Я очень хвалил ему Мемед... Раз, говорит, ты его так хвалишь, найди и приведи ко мне.

— Ты хорошо сделал, Хорали, — сказал Мемед.— Спасибо.

Джаббар зло посмотрел на Хорали.

— Пойдемте, — сказал Мемед.— И я очень хотел взглянуть на Калайджи. Пошли быстрее! Где он будет нас ждать?

— На горе Конурдаг...

— Идет! Приглашение Калайджи я должен принять,— сказал Мемед.

Джаббар растерялся.

— Ведь приглашает сам Калайджи...— многозначительно произнес Мемед.

— Я так много рассказывал ему о тебе...— бормотал Хорали.

Джаббар отвел в сторону крестьянина, который привел Хорали, и спросил:

— Как этот разбойник нашел тебя?

— Он у всех расспрашивал о вас,— ответил крестьянин.— Привели его ко мне: «Я,— говорит,— из отряда Тошского Мемед. Проведи меня к нему. Я потерял его и не могу найти». Вот я и привел. Он очень упрашивал меня.

— Понятно. Теперь иди,— сказал Джаббар.

До горы Конурдаг было далеко. Идти надо было целый день.

Крестьянин, приведший Хорали, уходя, поминутно оборачивался назад.

— Братец Хусейн, через несколько дней мы вернемся назад! — крикнул ему Мемед.— Счастливо оставаться! Спасибо, что привел товарища.

— Счастливого пути! — ответил Хусейн.

В полдень они были на Сыйрынгадже. А к концу дня добрались до речушки Кешиш. В ближайшей деревне раздобыли хлеб. Поев и отдохнув часа два, товарищи снова пустились в путь и к заходу солнца оказались у Аккале. Жажду утолили в роднике, заросшем мхом. Всю дорогу впереди шел Мемед, за ним Хорали, а позади Джаббар.

На Холме возле Аккале решили заночевать. Взираясь на холм, Хорали немного отстал. Джаббар воспользовался этим и спросил у Мемед:

— Ты разве не знаешь, Мемед?..

— Знаю,— улыбнулся тот.

— Зачем же тогда мы идем? — заволокнулся Джаббар.

— А ты не догадываешься? Они хотят устроить мне ловушку, потому и послали за мной Хорали. Человека, который знает меня... Калайджи приглашает меня. Могу я отказаться? Скажут: Мемед испугался. Хитро придумано...

— Так мы можем действительно попасть в ловушку. Их человек десять.

— Даже если бы их было сто человек, мы должны идти,— твердо сказал Мемед.

— Тогда давай уьем Хорали,— предложил Джаббар.

— Нельзя. Я должен увидаться с Калайджи и посмотреть, что он за человек.

— Посмотреть, посмотреть... Но что из этого выйдет? — проворчал Джаббар.

— Ты взгляни на Хорали. Он поминутно меняется в лице. Наверное, раскаивается, жалеет, что впутался в это дело. Мне кажется, он не выдержит и все нам расскажет. Ведь он ни разу не посмотрел нам в глаза! Быть может, уже молит аллаха, чтобы мы не шли к Калайджи. Когда он догонит нас, взгляни ему в глаза...

В это время показался Хорали. Мемед и Джаббар прервали свой разговор.

— Так, Хорали,— похлопал Мемед его по плечу.— Выходит, так, а?

— Да, т-так,— заикаясь, ответил Хорали. Казалось, он с трудом держался на ногах; его покачивало.

На холме росло несколько огромных ореховых деревьев. Мемед, Джаббар и Хорали укрылись под их густыми ветками.

— Вы ложитесь спать, а я покараулю,— предложил Джаббар.

Мемед и Хорали легли под деревом и сразу заснули.

Уже смеркалось, когда они снова отправились в путь. От Аккале свернули на Андыры. Начались скалы, за ними непроходимый сосновый лес. Запахло сосной, мятой, майораном. Где-то недалеко журчала вода. Ворковали горлицы.

— Мы подходим к Соколиному утесу,— сказал Джаббар.

— Завтра утром будем у Калайджи. Они будут ждать нас на горе Конурдаг, у родника Гейджепынар,— сказал Хорали.

Мемед хотел что-то сказать, но стиснул зубы. В голове была какая-то путаница. Он никак не мог понять, зачем Калайджи понадобилось заманивать его в ловушку. Мемед вспомнил об Абди-аге, но не находил между ними никакой связи.

В горах было пасмурно. Голубоватый туман окутывал деревья, стелился по земле. Наконец они добрались до горы Конурдаг.

— Вы отдохните, а я пойду скажу,— предложил Хорали.

— Иди,— сказал Мемед.— Как по-твоему, Джаббар, они будут стрелять? — спросил Мемед, когда Хорали ушел.

— Да что ты! Сначала угостят бараниной.

— Ты прав. Калайджи не решится вступить в схватку с нами. Если это тот самый Калайджи, о котором мы думаем, он возьмет наши винтовки и застрелит нас за едой. Это легко. Но почему он хочет убить нас? Этого я не понимаю.

— Что ж тут непонятного? — сказал Джаббар.— Он служит у Али Сафы-бея.

— Не может быть! — воскликнул Мемед.

— Я удивляюсь тебе. Как ты не понимаешь, что эти собаки всегда заодно?

— Значит, Абди...

— Да, только так,— уверенно сказал Джаббар.

Хорали вернулся после полудня. Он повел своих спутников к роднику Гейджепынар. Там их ждал Калайджи. Мемед и Джаббар сразу поняли, что он их подстерегал.

Мемед бросился на землю и выстрелил.

Сзади послышался крик. Обернувшись, Мемед увидел, что Джаббар уложил Хорали. Окровавленный, он катался по земле.

— Ждал до последнего, когда сам все расскажет и спасет свою шкуру,— пробурчал Джаббар.

— Калайджи убежал,— с досадой сказал Мемед.— Я поторопился и, наверно, промахнулся.

— Калайджи! — громко крикнул Мемед.— Если у тебя есть хоть капля мужества, выходи! Не бойся. Ты собака Али Сафы-бея! Трусливый мясник... Давай драться открыто!

Но никто не отозвался.

Немного погодя со всех сторон полетели пули.

— Ого, Калайджи расхрабрился,— усмехнулся Мемед.— Теперь держись!

Перестрелка длилась до полуночи.

XX

Весть о провале затей Абди-аги и Али Сафы-бея заманить в ловушку Мемеда, о его победе, о ранении Калайджи и гибели двух его товарищей облетела весь край от Кадишли до Козана, от Джейхана до Аданы и Османии, всю Чукурову...

Из приключений Мемеда жители Чукуровы и Тавр создали легенду, передававшуюся из уст в уста. Все были на стороне Тошгю Мемеда. Крестьяне из горных селений, подвергая себя опасности, охраняли Мемеда от его врагов. Ради Мемеда они готовы были на любые жертвы.

— Тоший Мемед?—спрашивали они и сами же отвечали: — Да, он совсем мальчишка. Но отважный и с добрым сердцем... Он отомстит Абди-аге за смерть своей матери. Али Сафе-бею тоже достанется за муки, которые он причиняет крестьянам деревни Вайвай.

О стычке между Мемедом и Калайджи больше всего толковали в деревне Вайвай. Вечером, когда стало известно о схватке двух разбойников, крестьяне, побросав свои дела, собрались на площадке в центре деревни. Крестьяне радовались. В лице Мемеда они обрели защитника. Да еще какого! Каждый старался придумать о Мемеде какую-нибудь новую историю. Много в те дни сложилось о Мемеде легенд. Их хватило бы на несколько храбрецов.

Крестьяне, запуганные бандой Калайджи, два года не осмеливались выходить из деревни. А Али Сафа-бей постепенно присваивал их земли. Крестьяне боялись идти в касабу отстаивать свои права. Еще полгода, и Али Сафа-бей захватил бы все их земли и превратил их самих в рабов.

Коджа Осман, сидя на камне у большого колодца, непрерывно повторял одну фразу:

— Тоший Мемед — мой сокол.

Это был старик лет восьмидесяти, небольшого роста, щупленький, с седой редкой бородкой и зелеными, бегающими глазами. Он вырастил десять сыновей, которые сейчас вместе с крестьянами окружили его, ожидая, что он скажет.

— Тоший Мемед — мой сокол,— повторил Коджа Осман и обратился к крестьянам: — Он никогда не грабил людей, не так ли?

— Разве Тоший Мемед позволит себе такое! — хором закричали крестьяне.

— Приведите мою лошадь, дети. А вы,— повернулся Коджа Осман к крестьянам,— соберите деньги для нашего сокола. Кто сколько может. И в горах нужны деньги. Я отвезу их моему соколу.

Солнце грело землю Чукуровы, с земли поднимался пар, становилось душно. Коджа Осман гнал лошадь к окутанным голубой дымкой горам Тавра.

Через три дня он добрался до деревни Деирменолук. От усталости он еле держался на ногах. Взяв лошадь за поводок, Коджа Осман, слегка прихрамывая, шел по деревне. Лошадь его была вся в пене. Посредине деревни Коджа Осман остановился. У него был растерянный вид. Он с трудом переводил дыхание.

Деревенские ребятишки бросили игру и с любопытством глядели на старика.

— Эй, ребята, подойдите сюда! — позвал их Коджа. Мальчики подбежали.

— Где дом Гюль Али? — спросил Коджа.

Паренек, казавшийся побойчее других, ответил:

— Он давно умер. Меня еще на свете не было!

— А дом Тощего Мемеда?

— Что ты, дядя! Разве ты не знаешь, что Тощий Мемед стал разбойником?

— Откуда мне знать, сынок! Я из Чукуровы. Разве у Мемеда нет матери, отца, родных?

— Нет, — ответил паренек.

— А у кого он останавливается, когда приходит в деревню?

— У Дурмуша Али.

— Так, значит, Тощий Мемед стал разбойником?

— Да. Он пришел в деревню и сказал, что убил Абди-агу. Потом он стал раздавать крестьянам землю, как отцовское наследство. Тощий Мемед поджег равнину, где росли колючки. Абди-ага убьет его. В нашей деревне Тощего Мемеда никто не любит, кроме жены Дурмуша Али. Наш ага и ее прогонит из деревни.

— А где дом Дурмуша Али?

— Да вот он, — кивнул паренек на один из домов.

Коджа Осман потянул лошадь за поводок. Подойдя к дому Дурмуша Али, он крикнул:

— Примите божьего гостя!

В расстегнутой нижней рубашке вышел сгорбленный Дурмуш Али. Его белая борода, казалось, доходила до колен.

— Добро пожаловать — сказал он. — Для такого гостя у меня всегда найдется хлеб-соль.

Дурмуш Али поставил лошадь Коджи Османа в стойло и повел гостя в дом.

В комнате пылал очаг. Пахло сеном, кизяком, тестом. Дурмуш Али сел напротив гостя, открыл ржавую табакерку и предложил ему отведать табаку.

— Я хочу по секрету спросить тебя: есть ли вести от Тощего Мемед? Где он сейчас? — тихо и с опаской произнес Коджа Осман, наклонившись к Дурмушу Али.

Дурмуш Али засмеялся.

— Что же ты так боишься спросить о Мемеде?

— Тоший Мемед — мой сокол, — с гордостью произнес Коджа Осман. — Откуда мне знать, как о нем спрашивать. Я пришел, чтоб найти его.

Он подробно рассказал, зачем ищет Мемед. Жена Дурмуша Али тоже слушала гостя. Свой рассказ Коджа Осман закончил любимой фразой: «Тоший Мемед — мой сокол».

— Тоший Мемед — наш сокол. Вот увидите, скоро он убьет паршивого Абди. А землю отдаст крестьянам. Они бессовестные. Знаешь, что они сделали? Придет день, когда я выйду на сельскую площадь и отведу душу; уж я обругаю этих бессовестных крестьян. Я знаю, как их отчитывать. Бродягой сделали они Мемед в ответ на все его хорошие дела. Уж я знаю, что мне надо сказать, — тараторила жена Дурмуша Али. — Да, братец, поезжай к Тощему Мемеду и все ему расскажи. От меня передай поклон. Пусть убьет и Али Сафу-бея и гяура. Пусть отрубит голову Калайджи и пошлет ее на Чукурову. Скажи, что так наказала ему тетушка. Понял?

— Замолчи, ради аллаха! — оборвал ее Дурмуш Али. — Остановись хоть на минуту.

— Хромой Али собирается к Мемеду, — не унималась старуха. — Говорят, он в долине Чичекли. Пусть гость и пойдет вместе с ним.

— До Чичекли далеко? — спросил Коджа Осман.

— Далеко.

— Тогда я переночую, а завтра отправлюсь туда.

— Ночуй у нас. Я разыщу Хромого. Он стал управляющим у Абди-аги. Но он... наш человек. Он и ответит тебя к Тощему Мемеду, — предложила жена Дурмуша Али.

Дурмуш Али сердито посмотрел на жену. Она замол-

чала, Коджа Осман, прислонившись к стене, спал крепким сном.

— Бедный старик,— тихо сказала женщина.— Кто знает, сколько дней он скакал верхом!

XXI

Хромой Али и Коджа Осман поднимались по тропинке, ведущей к долине Чичекли.

С утра Коджа Осман без конца задавал один и тот же вопрос:

— Какой он, мой сокол?

И Хромой Али всякий раз говорил:

— Огромные ясные глаза. Волосы ежиком. Лицо печальное. Загорелый. Среднего роста. Храбрый джигит; стреляет метко, попадает в ушко иголки. Бесстрашный. Он не остановится, даже если будет знать, что ему грозит смерть.

— Правда? — удивлялся Коджа Осман и снова погружался в свои мысли.

— Что же, мой сокол всю жизнь должен скрываться в горах? — снова спрашивал Коджа Осман.

— Нет. Но этот год он будет жить в горах. Долина Чичекли — возле касабы. Ведь Хатче все еще в тюрьме. Свидетели отказались от своих показаний, но ее все равно держат в тюрьме.

— Бедный мой сокол!

Вскоре они очутились на зеленой полянке, поросшей низкой, словно подстриженной травой. Небо заволокли черные осенние тучи.

— Долго еще идти?

Хромой Али указал на гору. Ее скалистые склоны густо поросли деревьями.

— Вон там,— сказал он.

— Ах, увидеть бы мне своими глазами моего сокола!

— Увидишь.

Уже вечерело, когда они, пройдя густой лес, очутились возле землянки. Хромой Али свистнул. Из землянки выглянул Джаббар, за ним — Мемед.

— Али-ага! Добро пожаловать!

Они обнялись.

— Не обижайся на меня, Мемед,— сказал Хромой Али.— Я давно разыскиваю тебя. Хотел рассказать тебе

новости. Но вовремя не смог прийти. Хорошо, что вы избежали ловушки Калайджи. Ах, эта сука Хорали! Не ожидал от него. Я знал его, когда он был еще сторожем на бахче.

Коджа Осман стоял в стороне и, держа за поводок взмыленную лошадь, с восхищенной улыбкой глядел на них.

— А это кто? — тихо спросил Мемед.

— Он из Чукуровы. Кажется, из деревни Вайвай. Зовут тебя «мой сокол».

Мемед медленно подошел к Кодже и протянул руку.

— Добро пожаловать.

— Благодарю, сынок. Не ты ли и есть мой сокол?

— Кто?

— Да Тоший Мемед.

Мемед смущенно улыбнулся.

— Я Мемед.

Коджа стремительно обнял Мемеда и стал целовать.

— Тоший Мемед! Сокол мой!

Джаббар оттащил старика от Мемеда. Коджа Осман сел на камень, закрыв лицо руками. Он плакал от радости. Когда он немного пришел в себя, Джаббар повел его в землянку. Она была устлана медвежьими шкурами. На стенах висели гранаты, маузеры, патронташи.

Старик все не мог успокоиться.

— Не могу поверить, сынок. Глазам своим не верю. Правда ли, что ты и есть Мемед?

— Уж ты не взыщи,— смутился Мемед.— Горы здесь... Кофе у нас нет...

— Это пустяки, лишь бы ты был здоров, мой сокол.

С тех пор как Мемед ушел в горы, он возмужал. У него отросли тонкие черные усы. На щеках появился легкий румянец. Выражение загорелого лица стало решительным. Казалось, в любую минуту он готов броситься на врага.

— Да поможет аллах крестьянам Чичекли,— сказал Джаббар.— Как они заботятся о нас! Мемед в долине Чичекли — и хозяин, и судья, и правительство. Жители Чичекли больше не обращаются к законным властям. Все вопросы разрешает Мемед. А он справедлив.

— Хорошо, что вы избавились от Калайджи,— сказал Хромой.— Я знаю все. И как Абди-ага пал к ногам Али Сафы-бея, и как тот вызвал Калайджи и приказал

ему убить тебя. Я хотел обо всем рассказать тебе, но не нашел вас. Я подумал: бедный Мемед! Калайджи, наверное, убил его. Но продолжал искать. В Аккале я узнал, что между вами и Калайджи произошла схватка и что Калайджи ранен, а два его бандита убиты. Я успокоился и вернулся в деревню. Как долго мне пришлось ждать! Спустя месяц я узнал, что вы в долине Чичекли. Мне сказал это Гёде Дуран...

— Сокол мой,— обратился к Мемеду Коджа Осман.— Я из деревни Вайвай. Калайджи— пес Али Сафы-бея. Он держал в страхе крестьян нашей деревни, а Али Сафа-бей отбирал у нас землю. Если мы защищали свои права, он руками Калайджи убивал наших людей.

— Значит, все это проделки Абди-аги? — обратился Мемед к Хромому Али.— Я так и думал.

— До нас дошел слух, сокол мой, что ты ранил гяура Калайджи,— продолжал Коджа Осман.— Как было бы хорошо, если бы ты убил его!

— Вчера мы узнали, что Калайджи не смог оправиться от раны и несколько дней тому назад отправился в ад,— Мемед сказал это спокойно, без тени волнения.

Коджа Осман бросился целовать Мемеду руки.

— Неужели это правда, сокол мой? Земли теперь будут нашими. Наша земля!.. Правда ли это? — повторял он вне себя от радости.

— Правда,— ответил Мемед.— А я все думал, как же это я не попал в Калайджи? Ведь я хорошо целился.

— Да сбудутся волей аллаха все твои мечты! Аминь,— торжественно произнес старик. Он развязал сумку, вынул оттуда большой узел и передал его Мемеду.

— Это тебе крестьяне прислали. Слава аллаху! А теперь разрешите мне отправиться в обратный путь. Я должен порадовать крестьян... Вот будет веселье!..

Коджа вышел из землянки и, отвязав лошадь, вскочил на нее.

— Счастливо оставаться, сокол мой! — крикнул он.— Я спешу доставить крестьянам радостную весть. Осман еще разыщет тебя. До свидания, сокол!

Он прищпорил лошадь и ускакал.

— Ребята, расскажите-ка, как вы нашли долину Чичекли, ради аллаха, расскажите,— попросил Хромой Али.

Мемед улыбнулся:

— Да вот, нашли.

— Как далеко отсюда наша деревня! — воскликнул Хромой Али.

Мемед указал на стену. На ней висел саз.

— Ну и что из этого? — удивился Али.

— Издает различные звуки, — ответил за него Джаббар.

— Довольно болтать, Джаббар, — разозлился Али.

— Али-ага, — вмешался Мемед, — это саз Сефила Али. Он ашуг. Мы с ним встретились в скалах Мазгача. Он сидел на камне и играл на сазе. Возле ног лежала винтовка. Сефил Али присоединился к нам. Он, оказывается, уже давно в разбойниках.

— Сефил Али — замечательный ашуг! И голос у него чудесный. Прекрасно поет, — сказал Джаббар.

— Все это хорошо... Но при чем здесь долина Чичекли? — удивлялся Хромой Али.

— Недалеко отсюда деревня Сефила Али. А его дядя — самые смелые люди. Теперь понял? — спросил Мемед.

— Ах вот оно что!

— Сефил Али где-то задержался, — сказал Джаббар. — Сейчас придет. Наверно, где-нибудь на склоне холма сочиняет свои песни. Кто знает о чем?.. Не успеет войти в землянку, как берет саз и начинает петь. Сразу становится весело. Да, он такой. — И, повернувшись к Мемеду, добавил: — А ну-ка, Мемед, раскрой узелок, который привез старик. Поглядим, сколько денег нам прислали крестьяне деревни Вайвай.

Мемед осторожно развязал узел.

В нем кучками были сложены монеты.

— И все это деньги! — воскликнул Джаббар.

— Конечно, деньги.

— Теперь мы богаты. Да здравствует старик! — радовался Джаббар.

— Этим не кончится. Вот увидите, он не отстанет от вас так просто. Месяца через два он опять привезет вам деньги. Отчаянный старик, — сказал Хромой Али.

— Измучились бедные, — вздохнул Мемед. — Кто знает, сколько горя причинил им Али Сафа-бей и Калайджи.

— В деньгах вы нуждаться не будете. Деревня Вайвай — это ваш утес-защитник, — добавил Хромой. — Ты понравился Кодже Осману. Даже если бы Калайджи не причинил им столько горя, он все равно принес бы тебе

деньги. Уж такие это люди. Коль назвал он тебя соколом, можешь войти в его дом, зарезать ребенка на его глазах, а он и слова не скажет. Да, такие они люди.

— Пожалуй, так можно до конца дней своих быть разбойником,— пошутил Джаббар.

— Нет, Джаббар. Али Сафа-бей не будет сидеть сложа руки. Калайджи был его душой, а вы лишили его души. Он никогда вам этого не простит.

— Да, ты прав, он сделает все, чтобы напакостить нам,— согласился Мемед.

— Если сможет,— вставил Джаббар.

— Не болтай,— рассердился Мемед.— Как говорил Сефил Али, было ли так, чтобы после дня не наступил вечер?

В землянку вошел Сефил Али. В руках у него была винтовка. Он сразу направился к сазу, снял его со стены и стал настраивать. Потом запел. У него был низкий, грудной голос. Казалось, песня доносилась из глубины веков, с высоких гор, с Чукуровы, из морских глубин. Она словно впитала в себя запах морской соли, сосновой смолы и майорана... «Приди, изгони печаль из моего сердца,— пел Сефил Али.— Ты исцеляешь людей от горя...» — Сефил замолкает, саз звучит громче. «Ты исцеляешь...» — вторят ему струны саза. Сефил продолжает: «Всюду я вижу свою возлюбленную».

Пальцы застывают на струнах. Ашуг прильнул к сазу, словно спит. И вдруг он поднимает голову. Рука его взлетает над сазом. «Горы, камни, птицы», — поет Сефил Али. И кажется, что буря проносится по струнам.

Кто не знает в селеньях Сефила Али?
День я умный, а сто — мои мысли вдали,
Я как пенный поток, что спускается с гор,
Чтобы снова исчезнуть в глубинах земли.

Неожиданно Сефил Али обрывает песню и, съежившись, замирает на месте.

Мемед тоже замирает. Глаза у него горят. Он снова видит пляшущие языки пламени. Это бушует охваченная огнем Чукурова...

Очнувшись, Мемед подошел к Хромому Али и сделал ему знак: «Выйди из землянки». Хромой Али молча направился к двери. Мемед пошел за ним. Когда они вышли, Джаббар тронул Сефила Али за плечо:

— Али, послушай меня.

— Что случилось? — спросил Сефил Али.

— Мемед вывел из землянки Хромого. Знаешь зачем?

— Догадываюсь, — улыбнулся Али.

— Мемед сошел с ума. Просто невменяемый стал. Знаешь, о чем он говорит с Хромым Али? Он просит сходить с ним в касабу.

— Уж это известно! Он всех просит, каждого встречного-поперечного. На Чичекли все знают об этом. Спроси любого, и он скажет: Мемед хочет еще разок взглянуть на свою Хатче. Он хочет повидаться с нею, хотя бы это стоило ему жизни. Даже если вся касаба будет гореть, он все равно пойдет. Все крестьяне только и говорят об этом.

— Ему, видимо, надоело жить. Я старался отговорить его, а он смотрит на меня, как на врага, — сказал Джаббар.

— Он как пьяный. Лучше его не трогать, пока сам не упадет, — посоветовал Сефил Али.

— Верно: пьяного лучше не трогать. Но ведь Мемед прекрасный, отважный человек. Нет и не будет в этих горах такого разбойника, как Мемед. Он святой.

Высоко над вершинами гор пролетела стая журавлей, предвестников зимы. Холодный северный ветер раскачивал огромные сосны. Вот-вот выпадет снег...

Мемед подвел Хромого Али к дереву.

— Садись, — сказал он и сел рядом с ним.

У Мемеда было такое злое лицо, что Хромой Али испугался. Губы у него задрожали.

— Али-ага, — начал Мемед. — Ты умный человек. Из-за тебя я стал разбойником, и ты это знаешь. Но ты не виноват. Ты хороший человек.

— Что ты, что ты, Мемед... — пролепетал Хромой.

— Да, да, Али-ага.

— Говори прямо, чего ты хочешь? — сказал Али.

Мемед на мгновение задумался. Лицо его стало серьезным.

— Завтра я пойду повидаться с Хатче, — наконец выговорил он.

Хромой растерянно переспросил:

— Что ты сказал?

— Да, завтра я пойду к Хатче, — спокойно, но твердо повторил Мемед.

— Не может быть! — сказал Хромой.

— Пойду, — повторил Мемед.

Хромой задумался.

— Это трудно. Очень трудно,— сказал он,— это значит идти на верную смерть.

— Я пойду, непременно пойду,— сказал Мемед.

Его лицо прорезали глубокие морщины.

— Я решил идти на смерть. Вот здесь, в сердце, жжет как огнем. Я должен пойти. Не могу больше ждать. Завтра на рассвете пойду в касабу...

— А если тебя схватят? — прервал его Хромой.— На тебя, Мемед, вся наша надежда, надежда крестьян всей деревни.

Мемед помрачнел.

— Всей деревни? Какой деревни? — Он с раздражением сплюнул.

— Не сердись,— спокойно сказал Али.— Не обижайся на крестьян. От страха у них сердце в пятки ушло. Душою ведь они с тобой...

— Все равно пойду,— твердо сказал Мемед.

Он поднялся и, покачиваясь, словно пьяный, побрел в горы. Северный ветер нес туда аромат сосны.

Хромой Али был встревожен. Он спустился в землянку.

— Что сказал Мемед? Говори! — набросился на него Джаббар.

— Завтра на рассвете он идет в касабу.

— Он сошел с ума! — закричал Джаббар.— Нужно связать его. Его поймают и убьют. Связать! Куда он пошел?

— В горы. Еле на ногах стоит, как пьяный.

Джаббар выскочил из землянки и побежал за Мемедом. Холодный порывистый ветер ломал ветви деревьев. В воздухе пахло снегом. По небу неслись черные тучи. Вдруг стало темно. Упали первые крупные капли дождя.

Мемед сидел на гнилом пне под сосной, толстые ветки которой были обрублены. Он был погружен в свои мысли и даже не заметил, как к нему подошел Джаббар и осторожно сел рядом.

— Прощу тебя, брат, не делай этого! Нет человека на Чичекли, который бы не знал о твоём решении. Да и в касабе знают. Тебя схватят. Не делай этого!

Мемед поднял голову и с упреком посмотрел на Джаббара.

— Ты прав, Джаббар. Но войди в мое положение. Загляни в мою душу. Я не могу. Я должен увидеть

Хатче! Если не увижу, умру! Лучше умереть, увидев ее, чем умереть от тоски здесь... Можешь ты удружить мне в последний раз?

— Для тебя я на все готов. Ведь мы братья и неразлучные друзья.

— Тогда достань мне какую-нибудь старенькую одежку. Вот и вся моя просьба.

Джаббар ничего не ответил. Только голова его поникла на грудь.

XXII

Ранним утром Коджа Осман на взмыленной лошади влетел в касабу. В центре базара он спешился. Держа поводок в руке, Коджа прошел весь базар с одного конца в другой. «Здравствуй», — улыбаясь, громко приветствовал он каждого, кто попадался ему на пути.

В касабе уже было известно о смерти Калайджи. Люди догадывались, почему так гордо разгуливает Коджа Осман. А он, ничего не подозревая, несколько раз прошел базар из конца в конец, ища кого-то глазами. Потом вышел с базара и направился к реке, в кофейню Тевфика. Подойдя к окну кофейни, он прильнул к стеклу и долго разглядывал посетителей. В углу он заметил Абди-агу и обрадовался. Привязав лошадь к акации на площади, Коджа Осман вошел в кофейню и остановился возле столика, за которым сидел Абди-ага. Абди-ага поднял голову. Перед ним стоял Коджа Осман. Лицо у него было красное, руки дрожали. Когда взгляды их встретились, Коджа улыбнулся. Абди-ага побледнел. «Здравствуй!» — громко сказал Коджа Осман и, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел из кофейни. Абди-ага, открыв рот, с испугом глядел вслед уходившему Кодже.

Коджа Осман отвязал лошадь, вскочил в седло и поехал в свою деревню Вайвай. До нее было два часа езды.

Когда Коджа Осман вышел из кофейни, Абди-агу охватил дикий страх. Он боялся всего и поэтому нигде долго не задерживался. Правой рукой он всегда сжимал белую рукоятку нагана, который у него был спрятан под кушаком. Что бы он ни делал — считал деньги, играл в тавлу*, обедал, — рука его не выпускала нагана. В лю-

---

* Тавла — популярная в Турции настольная игра. — Прим. перев.

бую минуту он готов был встретиться с невидимым врагом.

Абди-ага встал и заспешил к писарю Сиясетчи Ахмеду. Станный это был человек. Когда он говорил, он издавал такие звуки, будто во рту у него перекачивались орехи. Ахмед был кровным врагом писаря Фахри-эфенди и верным человеком Али Сафы-бея. Он был связан с Калайджи и занимался всякими темными делишками. Ахмед тяжело переживал смерть Калайджи.

Войдя в лавку Ахмеда, Абди-ага крикнул:

— Пиши, Ахмед-эфенди. Если правительство действительно имеет власть, пусть оно покажет свою силу. Так и пиши! Горы и долины полны разбойников. Под каждым кустом — новое правительство. Так и пиши! Орудуют даже пятнадцатилетние мальчишки. Да пиши, как говорю! Поджигают деревни, нападают даже на касабу. Ни жизнь, ни имущество — ничто не гарантировано от нападения, даже старухи ходят с оружием. Бунтуют. В касабе образовалось независимое правительство. Законы презирают. Так и пиши! Просим прислать войска, чтобы прекратить беспорядки.

Черное лицо Сиясетчи Ахмеда потемнело еще больше. Он снял с головы черную фетровую шляпу и, положив ее на стол, вытер платком вспотевший лоб.

— Написать все, что вы сказали? — спросил Ахмед.

— Да, слово в слово. Наши жандармы не справятся с разбойниками. Понял? Не справятся. Даже полка жандармов не хватит против одного Тошгю Мемеда. А остальные... Пиши, пусть вышлют войска, вспыхнуло восстание. Бывший мой двадцатилетний батрак... по имени Тоший Мемед — да пиши ты, как я говорю! — раздает мои земли крестьянам, выгнал меня из деревни. У меня пять деревень... Даже в касабе я не могу выйти из дому. Я снял дом напротив жандармского управления. Окна завалил мешками с песком, чтобы пули не пробили. Дымоход закрыл — ведь в него могут бросить гранату. Вчера он ворвался в дом и хотел меня убить. Не будь караульного, он взорвал бы дом динамитом. Тоший Мемед заявил, что взорвет всю касабу. Всю! Так и пиши.

— Как? Как я все это напишу? — простонал Ахмед. — Мне ведь за это руки отрубят. Это ведь позор для всей касабы. Лучше не будем порочить ее репутацию... Ка-

лайджи умер, но есть Али Сафа-бей. Он создаст еще один отряд. Али Сафа-бей не согласится с таким письмом.

— Пиши, что я говорю! — закричал Абди-ага.

— Не могу, — сказал Ахмед.

— Пиши, тебе говорят!

— Не буду.

Взбешенный Абди-ага поднялся.

— Хорошо, мое письмо напишет Фахри-эфенди.

— Пиши, где тебе угодно, ничего хорошего из этого не выйдет.

Абди-ага пошел к Фахри-эфенди.

Дремавший за своим столом Фахри еще издали почуял клиента и медленно поднял голову.

XXIII

Долина Чичекли обрывалась вниз Соколиным утесом. Высокий и отвесный, он упирался в самое небо. С утеса, пенясь, бежала вода — Соколиный родник. Утес утопал в зелени, вокруг него росли маленькие деревья, вились ароматные майораны. В народе жила легенда...

Давным-давно жил здесь юноша — любитель соколов. В расщелинах утеса было много соколиных гнезд. Однажды весной, в пору, когда соколы выводят своих птенцов, юноша решил достать соколенка. Гнездо находилось высоко на отвесной стене. К нему невозможно было подступиться ни сверху, ни снизу. Привязав веревку к дереву на вершине утеса, юноша спустился по ней к соколиному гнезду, вынул соколенка и засунул его за пазуху. Мать-соколиха, почуяв беду, метнулась к гнезду и крыльями, как секирой, обрубив веревку. Юноша с соколенком упал и разбился. Вот почему утес этот называется Соколиным.

Ночью Мемед отправился в путь. Отдохнуть он остановился у Соколиного утеса. Вдруг сзади послышался треск. Обернувшись, он увидел Джаббара, который молча смотрел на него. По груди его стекали капли пота. Мемед тоже молчал, опустив взгляд в землю. Джаббар подошел к Мемеду, взял его за руку и несколько раз крепко пожал. Но Мемед, словно не замечая, продолжал смотреть в землю.

— Брат! — с дрожью в голосе произнес Джаббар.

Он сказал это так тепло, так по-дружески, что Мемед не выдержал и поднял голову.

Джаббар схватил вторую руку Мемеда.

— Не делай этого, брат!

Мемед с досадой покачал головой.

— И ты не можешь понять моего горя... Лучше умереть.

— Мемед! Я прекрасно понимаю твою горе. Но сейчас нельзя. Твое горе — мое горе.

— Тогда не мешай мне, брат Джаббар. Я иду к Хатче. Схватят — такова уж моя судьба. Не схватят... — Лицо его перекосилось от злобы: — Никто меня не схватит.

— Ты сам лезешь в кандалы. А что, если тебя кто-нибудь узнает? Тот же Абди-ага? Что ты сделаешь тогда?

— Значит, судьба... — Глаза Мемеда сверкнули. — Я не попадусь.

— Ну что ж, счастливого пути, — сказал Джаббар.

— До свидания.

— Я буду ждать тебя три дня в доме курда Темира. Если через три дня ты не вернешься, значит, тебя поймали.

— Да, значит, поймали, — поднимаясь, сказал Мемед.

Джаббар долго смотрел вслед удалявшемуся Мемеду. Потом глубоко вздохнул:

— И тебя потеряли, Мемед! Нет больше Тощего Мемеда в этих горах. Эх!..

Мемед раздобыл в деревне рваный домотканый костюм и дырявые чарыки. На Мемедке был жилет с пятнами от гранатового сока и грязные рваные когда-то белые брюки. Костюм был короткий и узок. Мемед выглядел в нем намного моложе своих лет. В руку он взял пастушескую палку, на голову нахлобучил грязную шапку с дырявым козырьком, под одеждой привязал патронташ и револьвер.

Мемед не шел, а летел, ничего не замечая вокруг себя. Голова кружилась. Мир исчез. Ему казалось, что он находится в какой-то пустоте.

В полночь Мемед подошел к касабе. В окраинных кварталах залаяли собаки. Что делать? В столь поздний час заходить в касабу было рискованно, постоялого двора не найдешь, могли задержать. Где-то внизу послышался шум водяной мельницы. Мемед направился к ней. Вблизи мельницы стоял такой грохот, что можно было оглохнуть. Пахло мукой.

Завтра пятница — день свиданий в тюрьме. Помешать Мемеду могла только мать Хатче. С тех пор как Абди-ага поселился в касабе, она каждую пятницу навещала Хатче, рассказывая ей о Мемедe. Она сочиняла о нем разные небылицы, расхваливая его на все лады. Долго она рассказывала дочери о том, как Мемед раздавал крестьянам землю и поджег поле с колючками. Она увлекалась и многое преувеличивала. «Мемед вырос, возмужал, окреп,— говорила она.— Он строен, как минарет».

Слушая мать, Хатче преображалась, радость окрыляла ее. И тюрьма ей казалась теперь не такой страшной. То и дело Хатче бросалась к Ираз и целовала ее, а та радовалась вместе с нею.

С того времени как Мемед обосновался в долине Чичекли, он через день посылал Хатче весточку о себе и деньги.

На мельнице рядами стояли белые мешки с мукой. Четыре тяжелых жернова выбрасывали во все стороны муку, которая сыпалась с шумом, напоминающим шум падающей воды. Сероглазый мельник с курчавой бородкой был с головы до ног в муке. Внутри мельницы вокруг очага сидели крестьяне.

Мемед вошел и громко поздоровался. Крестьяне потеснились и дали ему место. Прерванный разговор продолжался. Через некоторое время о Мемедe уже забыли. Крестьяне говорили о земле, об урожае, о бедности, о смерти. Потом вспомнили о том, как ограбили купца, ехавшего на верблюде. Кто-то сказал, что это дело рук Тошгeго Мемедa. Как только было произнесено имя Мемедa, все разом заговорили о раздаче земли крестьянам. Один пожилой крестьянин сказал: «Роздал землю — отлично, но зачем этот сукин сын, сумасшедший заставил поджечь заросший колючками пустырь?» Все согласились, что это непонятно. Мемед злился, еле сдерживаясь, чтобы не вскочить, но вовремя спохватился и только выругался про себя. Его бесило, что никто не понимал, зачем понадобилось сжигать колючки. Немного успокоившись, он даже улыбнулся: откуда знать крестьянам на Чукурове, какое страшное зло — колючки?

Вскоре споры затихли, крестьяне улеглись и заснули. Заснул и Мемед. Когда он проснулся, солнце уже поднялось высоко. Мемед услышал над собой голос: «Эй, па-

рень, вставай, давно уже рассвело. А то тебя растопчут лошади. Вставай!»

Протерев глаза, Мемед встал и тут же направился в касабу. Добрался до нее быстро. Пересек базар. Ничто здесь не изменилось. В желтой рубашке разгуливал продавец шербета. Слепой Хаджи, сидя на том же месте, старательно ковал подкову. Работая, он пел песню про Козаноглу. Из шашлычных шел чад. По лавкам сновали крестьяне в черных шароварах.

Боясь привлечь к себе внимание, Мемед осторожно спросил крестьянина, выходявшего из сада муниципалитета:

— Как пройти к тюрьме?

— Иди по этой улице. Вон за теми каменными воротами...— бросил крестьянин на ходу.

Мемед вошел в ворота. Во дворе выстроились жандармы в ожидании своего унтер-офицера. Мемеду стало не по себе, захотелось убежать в горы. Никогда он не чувствовал себя таким беспомощным.

Справа стоял низенький домик без окон. Стены его поросли мхом. Возле домика сидело несколько крестьянок.

Мемед съехался, стал совсем маленьким. Он понял, что дом с часовым на крыше и есть тюрьма. Не успел Мемед сделать несколько шагов, как перед ним вырос стражник.

— Что тебе надо, парень?

— Моя сестра арестована...— тихо произнес Мемед.

— Кто? Не Хатче ли?

— Да-а...— Мемед опустил голову.

— Хатче! — крикнул стражник. — Брат пришел!

Услышав слово «брат», Хатче растерялась. Вздвигнувшись, выбежала она во двор.

— Вот он! — показал стражник. Мемед сидел на корточках у тюремной стены. Лицо у него было белое, как бумага.

Увидев Мемеду, Хатче остолбенела. Она не могла промолвить ни слова. Шатаясь, она подошла к нему и, схватившись за стену, опустилась рядом. Застыв в таком положении, Хатче и Мемед молчали, уставившись друг на друга. Подошла Ираз, поздоровалась. Мемед пробормотал что-то в ответ.

Приближался полдень.

— Эй, хватит! Кончайте и идите по местам,— крикнул стражник.

Мемед достал из кармана кошелек и незаметно бросил его Хатче. Потом встал и пошел к выходу. Хатче провожала его взглядом, пока он не скрылся за воротами тюрьмы.

— Кто этот паренек? — спросила Ираз.

— Иди, тетушка, иди,— тихо сказала Хатче.

Когда они вошли в камеру, Хатче, обессиленная, упала на нары.

— Да что с тобой? — заволновалась Ираз.

— Это Мемед! — простонала Хатче.

— Что ты говоришь? — Ираз была в восторге. — Это и есть Тощий Мемед? — Ах, лучше бы мне ослепнуть! Ах, глаза мои! Не разглядела я моего льва. Ослепнуть бы мне!

Она умолкла и со слезами бросилась к Хатче. Они обнялись.

— Наш Тощий Мемед,— прошептали обе.

— Равнина Юрегир... — сказала Хатче.

— Наш дом,— добавила Ираз.

— Стены я обмажу глиной, красивый будет. Тридцать дёнюмов... Я не позволю тетушке Ираз и пальцем пошевелинуть.

— Дом у нас будет общий, поэтому и трудиться мы будем все вместе,— возразила Ираз.

В эти дни у арестованных появилась надежда. Поговаривали об амнистии. Приезжавший из Анкары депутат сказал, что амнистия будет объявлена в ближайшие месяцы.

Арестованные стали даже сочинять песни об амнистии. И днем и ночью в тюрьме пели эти песни о скором избавлении.

Умный и опытный в таких делах Мустафа-ага всех успокаивал и давал советы. Хатче каждый день спрашивала его:

— Дядя Мустафа, когда тюрьма опустеет, помилуют и Тощего Мемеда?

— Все будут помилованы, даже птицы и животные.

Хатче была счастлива. Радость не угасала в ней ни днем, ни ночью.

Земля в долине Юрегир сочная, плодородная. Хатче хотела все знать про Юрегир и потому не умолкала ни на минуту.

— Мы будем жить в Караташе, не правда ли, тетушка?

— Да, мы поселимся в Караташе,— отвечала Ираз.

Хатче подошла к двери камеры, где сидели мужчины.

— Дядя Мустафа,— позвала она.

— Что тебе, милая девушка? — всякий раз ласково переспрашивал он, наперед зная вопрос Хатче.

— И Мемед тоже?..— робко спросила она.

— Да, да, и он, и все птицы и звери... Только бы скорее амнистия... Да благословит аллах новое правительство.

— Я готова целовать твои руки, дядя Мустафа! — восклицала Хатче.

— Ты совсем обезумела,— улыбаясь, корил ее Мустафа-ага и отходил в свой угол.

— Да, амнистия будет,— сказала Ираз, когда Хатче вошла в камеру.— А нас в среду повезут в Козан. Здесь нам не могут вынести приговор. Так порешил местный суд. Эх, была бы амнистия, тогда нас не повезли бы в Козан. Сердце разрывается...

— Мемед не сможет добраться до Козана. Надо было мне поговорить с ним. Я точно онемела, слова не могла вымолвить,— сокрушалась Хатче.

— Если бы я знала, что это был Мемед...— с досадой сказала Ираз.— Вот увидишь скоро будет амнистия. Мустафа-ага — умный человек. Он все знает. У него в Анкаре есть свои люди.

— Сегодня пятница. Сколько же осталось до среды? — Хатче стала считать по пальцам.— Суббота, воскресенье... Пять дней. Нужно было сказать Мемеду... Ах, если бы он спросил меня...— грустно сказала Хатче и добавила: — Перед нашим домом будет расти плакучая ива... У нас будут два черных теленочка...

После встречи с Хатче у Мемеда от радости словно крылья выросли. Голова кружилась, в глазах было темно, ему казалось, что он вот-вот упадет. Посредине базарной площади лежал большой камень. Мемед тяжело опустился на него. Через некоторое время он пришел в себя. Оглядевшись по сторонам, он увидел горы апельсинов, кочанов капусты. Мемед с трудом поднялся и пошел к кофейне Тевфика. Возле нее собрались люди. Они были в домотканых шерстяных куртках с лопатами на плечах. Какой-то маленький человечек с тонкой шеей без устали кричал на них. Мемед подумал: «Здесь, наверное, тоже есть свои Абди-аги». Маленький человечек не унимался. Люди

стояли молча, опустив глаза в землю. И вдруг человек подобрел: «Братья! — сказал он. — Я люблю вас больше себя». Потом все медленно направились к реке.

Мемед был поражен. Он ничего не мог понять.

— Они идут на рисовые поля, — сказал кто-то.

Это еще больше удивило Мемеда. Постояв с минуту, он пошел к знакомой шашлычной, из которой выходил сизый дым. Когда Мемед вошел в нее, в нос ему ударил запах жареного мяса. У него закружилась голова.

— Шашлык, да поживее, — сказал Мемед подбежавшему мальчику.

— Эй, раздувай, — крикнул тот хозяину.

Вдруг Мемед почувствовал на себе чей-то взгляд. Он обернулся и не поверил глазам. Да, это был Хромой Али. На лице у него застыла хитрая улыбка. Мемед растерялся. В голове его мелькнули тревожные мысли. Хромой молчал и продолжал улыбаться. Потом он встал и сел на свободный стул возле Мемеда.

— Не волнуйся. Все в порядке. Поговорим — потом узнаешь, — наклонившись к нему, прошептал Хромой.

Подали шашлык. Друзья поели и вышли. Навстречу им попался продавец шербета с желтым латунным кувшином.

— Налей-ка нам шербета, — попросил Мемед.

Когда продавец наливал шербет в чашку, Мемед дотронулся до кувшина.

Продавец улыбнулся:

— Золотой кувшин, сынок, не сомневайся.

— Джаббар сказал мне, что ты пошел в касабу, — шепотом произнес Хромой. — Я тотчас оседлал лошадь — и вдогонку за тобой. Долго прождал я у ворот тюрьмы. Как Хатче, как она выглядит? Кто же идет в касабу пешком! А если бы тебе пришлось бежать? Вот я и хожу следом за тобой с лошадью. Мало ли что может случиться. Вскочишь на лошадь и махнешь в горы.

Слезы навернулись на глаза Мемеда:

— Спасибо тебе, Али-ага!

— Что с Хатче? — снова спросил Хромой Али.

— Сидим мы с Хатче друг против друга, не можем слова вымолвить, будто немые. Не могу я видеть ее в тюрьме. Не пойду больше туда. Сходи ты. Спроси ее...

— Хорошо, — согласился Хромой. — Обожди меня здесь в кофейне. Лошадь моя привязана к тутовому

дереву, в самом конце базара. Чуть что — садись на нее — и в горы.

С Мемедом творилось что-то странное. Он не находил себе места. Ему хотелось рушить, ломать. Предчувствие горя мучало его.

Мемед направился к лошади. Прохожие с удивлением смотрели на деревенского парня, который шел, никого не замечая вокруг себя.

К ноздрям лошади прилипли соломинки. Мемед нарвал травы, вытер ей морду. Лошадь была гнедой масти, с крупными яблоками черных пятен. Мемед погладил лошадь и зашел в кофейню, выпить чаю. Хатче ни на минуту не выходила у него из головы. Она была бледна, под глазами темные круги. Лицо омрачено страданием. Сердце Мемеда сжалось. Слезы невольно побежали по щекам. Мемед не отрываясь смотрел на дорогу, с нетерпением ожидая появления Хромого Али.

Вскоре в конце улицы показался Али. Лицо его было перекошено от злобы.

— Ну что? — кинулся ему навстречу Мемед.

— Не спрашивай!

— Что-нибудь плохое? — не выдержал Мемед.

— Ничего хорошего.

— Говори быстрее! Я знал. Сердце мое чуяло. Я все время волновался. Горе душило меня. Ну говори же!

— Хатче в среду переводят в тюрьму Козана. «Пусть он простит меня», — сказала Хатче. Она якобы совершила тяжелое преступление. Так постановил местный суд. И раз тоже переводят в Козан.

Услышав слова Хромого, Мемед как-то сразу сник, словно его хватил удар. Через некоторое время он пришел в себя и улыбнулся. Охватившее его минуту назад желание поджечь всю Чукурову, с деревнями, травой, камнями, деревьями и городишками, прошло. Он вскочил на лошадь и спокойно сказал Хромому Али:

— Пошли, Али-ага. Я знаю, что делать.

Али шел впереди, за ним на лошади ехал Мемед. Они вышли из касабы. Али остановил лошадь и посмотрел Мемеду в глаза:

— Что с тобой случилось? Что ты задумал?

Мемед спрыгнул с лошади, улыбнулся и взял Али за руку.

— Я буду караулить их у дороги. Вырву Хатче из рук жандармов.

— Ты сошел с ума! В центре Чукуровы, да еще днем, похитить девушку из рук жандармов? Сумасшедший!

XXIV

Мемед радостный вошел в землянку. Джаббар и Сефил Али никогда не видели его таким, поэтому они тоже повеселели.

Мемед ходил по крыше землянки, весело напевая.

Спелых груш на ветке было пять.
В небе солнце начинало путь.
Не дала мне одеяла мать,
Белоснежная озябла грудь.

Если бы раньше сказали, что Мемед может петь такие песни, никто бы этому не поверил. Мемед всегда говорил тихо, а сейчас он громко сказал:

— Сефил Али, возьми-ка свой саз да сыграй что-нибудь повеселей!

Сефил Али снял со стены саз и запел:

Я пришел, увидел на дверях засов,
В косы волосы заплетены...

Мемед подпевал. Заметив в дверях Хромого Али, он подхватил его под руку.

— Сефил Али, а ну-ка сыграй нам какой-нибудь танец!

Сефил Али заиграл, и обитатели землянки пустились в пляс. Скоро Мемед устал и присел, прислонившись к стене. Пальцы его рук шевелились, казалось, он уже не мог больше ждать...

— Джаббар! — крикнул Мемед.

— Слушаю, ага.

— Сегодня большой день, брат мой.

— А что случилось?

— Сегодня надо будет показать свое мужество.

— Ради аллаха, скажи прямо.

Мемед поднялся, сорвал с себя рваный пастуший наряд и бросил в угол. Он надел свой обычный костюм и изрядно поношенные красные ботинки из грубой кожи на толстой подошве из автомобильной покрышки. Коричневые саржевые брюки достались Мемеду от ограбленного

на дороге купца. После схватки с бандой Калайджи Мемед с Джаббаром несколько дней занимались грабежом на дороге, ведущей в Мараш. Они захватили деньги, одежду, оружие. Друзья радовались этой добыче. Теперь они снова должны были направиться на дорогу к Марашу.

Ремень винтовки Мемеда был мастерски обшит серебром. На голове вместо фески повязан голубой шелковый платок. Брюки измазаны чем-то черным. Револьвер подарил Мемеду юрюкский бей. Особенно была красива кобура из добротной кожи, обшитая серебром. Кожаные патронташи скрещивались на груди.

Джаббар сгорал от любопытства.

— Что случилось, Мемед?

— Это свершится сегодня.

В дверях, улыбаясь, стоял Хромой Али.

— Хотя ты Расскажи толком,— обратился к нему Джаббар.

— В среду Хатче будут перевозить в Козан. Мемед собирается отбить ее у жандармов. Вот он и радуется.

Джаббар молчал, но лицо его нахмурилось. Сефил Али тоже молчал, он никогда не вмешивался в эти дела.

Мемед понял их молчание, но остался непреклонен в своем решении. Пусть Джаббар делает кислую мину. Ведь Мемед ни у кого не просит помощи. Пан или пропал.

В первый день своего знакомства с Мемедом и Джаббаром Сефил Али рассказал им о Кёроглу. С тех пор Мемед не мог забыть о Кёроглу и его подвигах. Образ героя постоянно был перед его глазами.

«Давным-давно на улице города Болу,— рассказывал Сефил Али,— Кёроглу увидел маленького, совсем крошечного щенка. Четыре больших пса набросились на него, но щенок не убежал от них, а храбро защищался. Разогнав собак, щенок отправился своей дорогой. Кёроглу долго наблюдал за этой сценой.

«Вот так щенок! Значит, есть на свете храбрость!» подумал он.

И Кёроглу стал прославленным в народе героем. Он был бесстрашен. После всего того, что случилось с его отцом, он ушел в горы».

Кёроглу очень заинтересовал Мемеда. Услышав от Сефила Али рассказ о нем, он еще раз поклялся убить Абди-агу.

— Ты что скис, Джаббар? — спросил он.

— Так, ничего.
— Не бойся, я тебя просить не буду.
— Мне жаль тебя, Мемед.
— Мне твоя жалость не нужна,— с раздражением сказал Мемед.

Джаббар рассердился и закричал:

— Подумать только, днем, посреди Чукуровы ты хочешь схватиться с жандармами? Ведь Чукурова — западня для разбойника! Кто попадался там, тот уже не мог спастись. К тому же дороги на Чукурове тебе неизвестны. Если бы с тобой был Реджеп Чавуш, еще полбеды. Можно ли вслепую идти на Чукурову?

— Ты лучше скажи, пойдешь со мной или нет?

— Я не могу добровольно идти в ловушку.

— При чем здесь ловушка? Говори прямо, пойдешь или нет?

— Не могу.

— Отлично. А ты, Сефил Али, пойдешь?

— Я, брат, совсем не знаю Чукуровы. Я боюсь ее. Я тебе не помощник, скорее жди вреда. Если хочешь — пойду, ради тебя.

Джаббар со злобой посмотрел на Сефила Али.

— Так...— протянул Мемед и умолк.

Ужинали врозь. Каждый в своем углу. Только Хромой Али был весел.

Поздно вечером Джаббар сказал:

— Вы спите, я буду караулить.

В полночь Джаббар подошел к Мемеду и толкнул его. Мемед выругался и сел. Он не спал.

— Что тебе надо? Ведь ты выполнил свой товарищеский долг! Что ты хочешь от меня?

— Брат,— Джаббар обеими руками сжал руку Мемеда.

— Ты выполнил свой долг,— повторил Мемед.

— Откажись от своей затеи, Хатче и так освободят. Разве свидетели не отказались от своих показаний! Ведь они теперь говорят, что Вели убил ты? Ее освободят.

— Откажись они от своих слов, Хатче не переводили бы в Козан, где заключены уголовные преступники. Ее потому и переводят туда, что хотят передать дело в суд для уголовных преступников. Понял? Из-за меня ее таскают по тюрьмам. Или я спасу ее, или умру. Я же не зову тебя со мной. Будет даже лучше, если ты не пойдешь. Ведь это верная смерть.

— Ради тебя, Мемед, я готов на все. Но это безумие. С открытыми глазами лезть в огонь. Пощади нас и себя. Послушай, что я тебе говорю. Не расстраивай меня. Если ты погибнешь так, ни за что ни про что, мне будет тяжело...

— Довольно об этом. Я все равно пойду. Даже если это будет стоить мне жизни.

Джаббар отпустил руку Мемеда и отошел в угол землянки.

Три дня Мемед и Джаббар избегали друг друга. Рано утром Мемед уходил в горы и возвращался поздно вечером.

Во вторник он поднялся на рассвете и разбудил Хромого Али.

— Я иду.

Хромой Али вскочил:

— Один ты не справишься. Ты не знаешь Чукуровы.— И, улыбнувшись, добавил: — Я пойду с тобой. Я не буду стрелять. Спрячусь где-нибудь и издалека буду смотреть. Я достану тебе в деревне хорошую лошадь. А сам поеду вперед и буду сообщать о приближении жандармов. Устроишь им засаду в зарослях камыша у Сытыра. Подожди, я схожу в деревню. Согласен?

От радости у Мемеда заблестели глаза. Он обнял Хромого.

— Не знаю, Али-ага, смогу ли я отплатить тебе за все хорошее.

— Что ты, братец,— печально ответил Хромой.— Я стараюсь склеить то, что разбил своими руками.

Хромой Али быстро вышел из землянки. Два часа спустя, когда солнце уже поднялось, над землянкой послышалось ржание, конский топот. Мемед вышел на встречу Хромому Али.

— Да здравствует Али-ага! — весело приветствовал его Мемед.

— Это свадебная лошадь. Я ее разукрасил.

На шее лошади висели голубые бусы и разноцветные ленты. Сбруя и поводок были расшиты парчой.

— Я привез тебе еще бурку. Укроешься от дождя, а главное... никто не увидит оружия; оденешь бурку — видна только голова. Не будем терять времени.

Друзья вскочили на лошадей. Джаббар и Сефил Али молча наблюдали за ними. Джаббар был бледен как смерть.

— Не поминай лихом, брат Джаббар! И ты, Сефил Али! — крикнул Мемед дрожащим от волнения голосом. Джаббар не шелохнулся.

— Да помилует тебя аллах, — ответил Сефил Али. Мемед и Хромой Али поскакали вниз.

Вскоре они скрылись из виду, а Джаббар все еще стоял на пороге землянки.

XXV

Шел мелкий грибной дождь. Солнце то пряталось, то снова выглядывало. И дождь то переставал, то снова начинал моросить. Камыши стали мокрыми. В лучах солнца на них блестели крупные дождевые капли.

Дорога проходила севернее высоких зарослей камыша, у подножия горы, поросшей миртами. К зарослям камыша они подъехали через деревню Кючюк Чинар. Солнце заходило. Дождь прекратился.

— Я неплохо сделал, захватив бурку? — спросил Хромой Али.

— Да, пригодилась.

— Дождя уже нет.

— Опять польет.

— Для засады на Чукурове нет места лучше, чем эти заросли.

— Откуда ты, Али, все знаешь? Чукурова тебе знакома как свои пять пальцев.

— В молодости я крал лошадей на Чукурове и угонял их в горы. Я хорошо ее знаю.

— Теперь понятно. Но пойдут ли они этой дорогой?

— В Козан ведут две дороги: одна — через Чукуркёprü, другая — здесь. В такую грязь они не пойдут через Чукуркёprü, завязнут. Они непременно пойдут здесь. А нам лучшего места для засады не найти. Сделаешь свое дело и скроешься в горах. Если бы Джаббар знал, он тоже пошел бы с нами.

Услышав имя Джаббара, Мемед насупился.

— Клянусь аллахом, пошел, — продолжал Хромой. — Он испугался. Днем, посреди равнины... Боялся, что нас схватят.

Мемед молчал.

— Испугался. Но как он хитер! Сколько разбойников

ни спускалось в долину — все были убиты. Ни один не уцелел. Он хорошо это знает.

— Так уж ни один и не вернулся? — с любопытством спросил Мемед.

— Ни один.

Они присели перекусить. Ели медленно, тщательно прожевывая каждый кусок.

— Теперь я пойду к касабе, — сказал Хромой, — буду идти за ними следом. А ты иди в горы и выпипись. На расвете спрячься в камышах. Лошадь привяжи так, чтобы ее не было видно. Сам садись поближе к дороге. Завтра в полдень они будут здесь.

Хромой вскочил на лошадь и поскакал в сторону касабы. Мемед оседлал свою лошадь и поскакал в горы.

Подъехав к залитой водой каменоломне, Мемед решил в ней укрыться. Здесь можно было спрятаться и от дождя. Мемед набросал в яму с водой камней, привязал лошадь к старому дубу и, укутавшись в бурку, улегся на камнях. Спал он чутко, то и дело просыпался. Так продремал он до рассвета. Как только начало светать, Мемед сел на лошадь и поскакал к зарослям камыша. В глубине зарослей он спешился и привязал лошадь к толстому стеблю камыша.

Настроение было хорошее. Но тело ныло. Мемед присел. Желтые пчелки, жужжа, строили соты. Между головками камышей протянулись нити паутины. Камыш цвел. Осыпавшаяся пыльца золотилась в лучах утреннего солнца.

Как томительно ожидание! Наступил полдень. Влажная духота окутывала заросли камыша. Мемед прождал целый день. Вечерело. Тени от гор вытянулись на восток. Мемед взял винтовку и пошел к яме возле дороги. То и дело он выскакивал из ямы на дорогу, вглядываясь вдаль. Его трясло, как в лихорадке. Минута казалась вечностью. Вытащив кинжал, он с остервенением стал копать землю, отгребая ее руками. Работа отвлекла, но ненадолго. Через некоторое время он снова выбежал на дорогу. Ни души.

Мемед возвратился в заросли, взял винтовку и опять вышел на дорогу. Солнце опускалось за горизонт. Вдруг он заметил вдали черную точку. Она постепенно увеличивалась. Сердце Мемеды сильно забилося. Спустя немного уже можно было различить четырех жандармов и двух женщин.

Мемед прицелился и выстрелил в высокого жандарма. Тот с криком упал. Мемед начал стрелять, почти не целясь. Жандармы растерялись.

— Эй, вы, с вами говорит Тоший Мемед! Отпустите женщин и убирайтесь!

Мемед подстрелил еще одного жандарма. Два других бросились в придорожную канаву и открыли ответный огонь.

Солнце скрылось. Опять начало моросить.

Женщины растерялись. Дрожа от страха, они сели прямо в грязь.

— Убирайтесь, пока не поздно! — кричал Мемед. — Лучше не связывайтесь со мной. Я справлюсь с вами, даже если вас целый батальон.

Раненые жандармы громко стонали.

— Забирайте своих товарищей и уходите, пока целы, — снова крикнул Мемед.

Жандармы перестали стрелять. Женщины немного пришли в себя.

— Чтоб им ослепнуть, — выругалась Ираз и шепнула Хатче: — Ползем к Мемеду.

— Мемед! — позвала Хатче.

Было уже так темно, что в двух шагах ничего не было видно.

Мемед выбежал на дорогу, схватил Хатче и Ираз за руки и увлек в заросли камыша, туда, где стояла лошадь. Жандармы беспорядочно стреляли в темноту.

Заслышав шаги людей, лошадь заржала. Мемед отвязал ее.

— Садитесь, — сказал он женщинам, — и двигайтесь за мной.

Когда они выбрались из зарослей, жандармы уже не стреляли. Вдруг мимо них проскакал всадник... «Это, наверно, Хромой Али», — подумал Мемед. Вскоре всадник вернулся.

— Тоший Мемед! — послышалось из темноты.

— Мы здесь!

Али подъехал. Он тяжело дышал.

— Возьми мою лошадь. Отдашь ее в Чичекли. Не держивайся. Иди на гору Акчадаг. Завтра за тобой в погоню отправится Асым Чавуш с ротой жандармов. Не попадайся им. Я разыщу тебя. До рассвета ты должен быть в Чичекли, а там на Акчадаг... Скачи во весь опор. Счастливого пути!

Хромой Али повернулся и скрылся в темноте.

— Я никогда тебе этого не забуду, Али,— крикнул ему вдогонку Мемед и вскочил на лошадь.

— Хатче,— позвал он,— пересядь ко мне.

Хатче села впереди Мемеда, и они поскакали в горы. Несколько раз Мемед сбивался с пути. На рассвете они были в долине Чичекли.

Осадив лошадь перед каким-то домом посреди деревни, Мемед крикнул:

— Эй, кто там, выходи!

Юноша открыл дверь и, увидев лошадей, улыбнулся. Он взял их за уздечки и повел к стойлу. Лошади были все в пене.

Ираз и Хатче сгорбились. Казалось, они дрожали от холода. В предрассветных сумерках с трудом можно было разглядеть их растерянные лица. Все вошли в дом. Вокруг очага были разложены тюфяки. Женщины устало опустились на них.

— Эй, хозяйка, я два дня ничего не ел.

— Сейчас, сейчас, Тоший Мемед.

XXVI

Абди-ага заметно постарел. Щеки у него впали, и весь он как-то опустился, обрюзг.

В кофейне с утра до вечера толковали о Тошем Мемед. Абди-агу эти разговоры приводили в ярость, но он ничего не мог поделать. Ведь рот не мешок — не завяжешь.

Абди шел на базар, но и там не находил себе места. Из лавки Мустафы-эфенди он шел в кофейню Тевфика, из кофейни — в фруктовую лавку Хороса Ремзи, а оттуда — к Сиясетчи Ахмеду. Всюду он говорил без умолку, не давая другим слова вставить.

— Смотрите! Смотрите за своим имуществом. А еще говорили, что он мальчишка! Я прекрасно знаю этого Тощего Мемеда, этого окаянного. Слушайте меня внимательно. А то потом скажете, что Абди вас не предупредил. Мемед в горах создаст свое правительство. Разве, раздавая крестьянам земли моего отца, на которые у меня есть купчая грамота, он действовал не как правительство?.. Я тысячу раз звонил в Анкару. Но оттуда ни ответа ни привета... Странное наше правительство. Столько граждан брошено на произвол, предоставлено воле одного разбойника. Послали бы полк солдат, чтобы они уничтожили эту

банду... Я больше не могу, господа, обращаться в правительство. Почему оно делает нас рабами горсточки бандитов?

На второй день утром в касабу были доставлены два раненых жандарма. Это происшествие оказалось в центре всех городских пересудов. Жители касабы встали на сторону Мемеда.

Абди-ага толкался на базаре. Земля горела у него под ногами. Он уже не болтал и только задавал один и тот же вопрос: «Разве я вам не говорил?..»

Зайдя в кофейню Тевфика, Абди-ага сел за столик, уронил голову на руки и долго сидел, не двигаясь.

Из полудремотного состояния его вывел батрак Али Сафы-бей.

— Хозяин просит вас к себе, — сказал он, подойдя к столику.

Абди-ага медленно поднял голову.

— Что? — сердито проворчал он.

— Хозяин приглашает вас к себе.

Абди поднялся. Голова раскалывалась от невыносимой боли.

Али Сафа-бей встретил его у порога и подхватил под руку.

— Заходи, ага, заходи. Ты совсем позабыл нас.

Налитыми кровью глазами Абди-ага взглянул на Али Сафу-бей:

— Разве я не говорил?

— Входи, входи! Поговорим, — улыбнулся Али Сафа-бей.

Медленно, с остановками, чтобы Абди-ага мог отдышаться, они поднялись по лестнице. Охая, Абди-ага с трудом добрал до тахты.

— Разве я не говорил? — сокрушенно твердил он.

Принесли кофе. Чашка тряслась в руке Абди. Кажется, он нарочно расплескивает кофе по полу.

Али Сафа-бей подсел к нему.

— Ай, Абди-ага, скоро ты подождешь нашу касабу! — вкрадчиво начал он, поглаживая бороду. — Какие это ты жалобы все пишешь! Ведь того и гляди правительство пришлет войска. Не стыдно ли нам? Неужели тебе не дорога честь нашего города? Из-за каких-то двух щенят запятнать нашу репутацию!

Абди-ага вздохнул и опустил голову:

— Разве я знаю, что делаю? — простонал он. — Он убьет меня. А я не знаю, что делать. Не смерти я боюсь. Беспокоит меня, что наше правительство не может справиться с сопливым мальчишкой. И даже не об этом я тревожусь. Ты не знаешь моего горя! Ведь он отправился в мою деревню и стал раздавать земли крестьянам. Он сказал им, что сжег меня. Это и угнетает меня. Боюсь я не смерти. Я и так одной ногой в могиле. Завтра появится другой такой же разбойник и станет раздавать твои земли. Потом еще... еще и еще! Вот чего я боюсь.

Али Сафа-бей похлопал Абди-агу по плечу:

— Будь спокоен, Абди. Все они получают по заслугам.

У Абди-аги блеснули глаза, задергалась борода.

— Сегодня меня, а завтра тебя — вот что меня пугает, — сказал он. — В горах много разбойников. Пусть. Это меня не волнует... Земля! Вот в чем суть дела!.. Если крестьяне поймут это, их уже не остановишь. Нет, я не боюсь своей смерти, ты это знаешь, Али Сафа-бей... Надо поскорее убить этого мальчишку. Он напомнил ослу про арбузную корку. Не теряй времени, Али Сафа. Не забывай об этом. Крестьяне деревни Вайвай, которая когда-то принадлежала вашей семье, тоже надеются только на Мемеду.

Али Сафа-бей улыбался.

— Я все понимаю, но ты не бойся. Не сегодня-завтра его голова будет валяться у твоего порога. В погоню за Мемедом отправлена рота жандармов во главе с Асымом Чавушем и добровольцы во главе с Кара Ибрагимом. Кара Ибрагим — старый разбойник. Он знает горы и повадки разбойников. Я приказал им отрубить Мемеду голову, надеть на шест и установить его перед твоим домом. Так они и сделают.

— Он не должен жить ни одного дня. Ни одного! Дай бог, чтобы все было, как ты сказал, — приободрился Абди.

— Так и будет. Ты знаешь Кара Ибрагима?

— Знаю.

Абди-ага воспрянул духом. В нем затеплилась надежда.

— Я уверен, что Кара Ибрагим справится с Мемедом, — сказал он. — А как дела с деревней Вайвай?..

— С тех пор как умер Калайджи, дела мои плохи. Не боятся меня крестьяне. Если так дальше пойдет...

— Давай сперва покончим с Мемедом, — перебил его Абди-ага.

— Покончим. Не бойся.

Жандармы, преследовавшие Мемеда, вселяли в крестьян ужас. Получив приказ «живым или мертвым доставить Мемеда», они бесчинствовали, избивали дубинками всех, кто попадал им под руку. Стон стоял по деревням. Но никто не знал, где скрывался Мемед, и не хотел его разыскивать. А кто и соглашался помочь, показывал не ту дорогу. Слух об освобождении Мемедом из рук жандармов девушки послужил материалом для новых песен и легенд, которые складывали крестьяне горных деревень и Деирменолука. Люди не работали. Все только и говорили о Тошем Мемед.

Спустя два дня после стычки в камышах жандармы вошли в Деирменолук. Они выволокли из дома Дурмуша Али и стали его допрашивать. Но он не проронил ни слова. Ему угрожали. Напрасно. Тогда жандармы пустили в ход приклады. Проклиная жандармов, рядом металась жена Дурмуша Али, Хюрю. Жандарм ударил ее прикладом. Она умолкла.

Втащив избитых, окровавленных стариков в сени, жандармы пошли по домам. До позднего вечера они продолжали допрашивать и избивать людей. Ночевать остановились в доме Абди-аги. На следующий день они снова избивали крестьян, надеясь вытянуть из них хоть слово о Мемед. Но это им не удалось. Тогда они заставили крестьян бить друг друга.

Измученные поисками Мемеда, жандармы срывали свою злобу на крестьянах.

А Тоший Мемед в это время шел к горе Алидаг. Это был край высоких крутых скал и длиннорогих ланей. Острые скалы непроходимы. Чем ближе к вершине, тем меньше растительности. Деревья встречаются редко. Вершина покрыта вечными снегами.

Мемед хорошо знал Алидаг. Когда-то он охотился здесь на ланей. Ему была знакома каждая тропинка, каждый утес. У самой вершины Алидага была пещера, но до нее надо было карабкаться по отвесной стене около пяти-сот метров.

Выйдя из деревни Чичекли, Мемед и две его спутницы оказались в трудном положении. Со всех сторон их преследовали жандармы. Вскоре беглецы узнали, что за ними гонится сам Кара Ибрагим. Пастухи, лесничие, крестьяне

передавали им последние новости. Обо всем, что случилось, Мемед знал в тот же день. У Ираз и Хатче от усталости распухли ноги. Мемед решил переждать на горе, возле Чичекли. Жандармы и Кара Ибрагим, разыскивая Мемеда, тоже направились к этой горе. «Бегите, вас окружают», — предупредил Мемеда чабан, пасший стадо дяди Сефила Али.

Но бежать было уже поздно. На рассвете завязалась схватка. Преследователи открыли огонь. Мемед берег патроны и стрелял, только когда видел, что кто-нибудь пытался подняться на шаг выше. Асым Чавуш кричал ему: «Сдавайся!» Мемед отвечал: «Сдаюсь!» и нажимал на спусковой крючок.

Жандармы залегли по склону горы. Мемед не давал им сдвинуться с места. Вдруг его винтовка отказала: в стволе застряла пуля. Винтовку быстро закопали в землю, а Мемед продолжал стрелять из револьвера.

Хатче дрожала от страха. Мемед только улыбался, глядя на нее. Он весь почернел и обливался потом. Высыхая от пота, рубашка покрывалась на спине белыми пятнами.

Ираз помогала Мемеду. Когда ствол остыл, она вытащила пулю и дала винтовку Мемеду. Тот обрадовался, что снова может стрелять из винтовки.

К вечеру преследователи вдруг прекратили огонь. Такова была тактика Кара Ибрагима. Делать вид, будто отступает, а потом опять начать атаку противника, который попытается выйти из окружения. Мемед разгадал эту хитрость.

Жандармы и Кара Ибрагим уходили. Видно было, как они сползали вниз по склону горы. Чтобы нанести им поражение, надо было атаковать их на спуске. Через мгновение Мемед с криком бросился за ними. Хатче успела лишь вскрикнуть, но Мемед уже не слышал ее. Растерявшиеся преследователи побежали. Мемед стрелял, пока не зашло солнце. Была полночь, когда он вернулся к женщинам. Увидев его, Хатче бросилась ему на шею и заплакала.

Ираз отвела ее в сторону.

— Ну что за горе у тебя, глупая? Жена разбойника должна все переносить. Не плачь. Может быть, ты так несчастна потому, что Мемед спас тебя?

Мемед, тяжело дыша, медленно произнес:

— Если мы здесь задержимся, нам придется плохо. Нам нужно бежать и замести свои следы. Соберитесь с силами. Пойдем к горе Алидаг. Кругом жандармы, но другого выхода нет. Продуктов нам хватит на неделю. За два дня доберемся до Алидага. Я знаю там хорошее место. Однажды я охотился на ланей, и подбитая мною лань забрела туда. Я запомнил это место. Там мы будем жить до конца нашей жизни.

— Не до конца жизни, а до амнистии. В нынешнем году, говорят, в день формирования нового правительства будет объявлена амнистия!

— Какая амнистия! О какой земле Юрегира ты говоришь?.. Пока я не разделаюсь с этими...

Мемед замолчал. В ночной тишине не было слышно ни звука.

— И я это успею сделать до амнистии.

— Да. да. Даже если он спрятался в мышиную нору....— добавила Хатче.

— Вставайте. Пора в дорогу,— сказал Мемед.

Мемед, Ираз и Хатче тронулись в путь. Они дрожали от холода. На ясном небе сверкали яркие звезды. Листья на деревьях покрылись росой. Пробиваясь сквозь листву, беглецы промокли. Ветки деревьев царапали лицо. В какой-то момент Хатче вдруг охнула, но тут же опомнилась. Она ведь жена разбойника, она должна все стерпеть. Впереди прокладывал путь Мемед, за ним шла Ираз, а позади — Хатче. Рассветало, когда они спустились с горы Чичекли. Лицо у Мемеда просветлело. Он встретился взглядом с Хатче. Ираз отвернулась и быстро скрылась в скалах.

XXVIII

Путь до пещеры был тяжел. Острые камни царапали руки и ноги. От усталости кружилась голова. Внизу, у подножия горы, лежала равнина, поросшая колючим кустарником. По равнине темными пятнами были разбросаны пять деревень.

Беглецы остановились над обрывом, откуда можно было добраться до пещеры. Мемеду нетрудно было это сделать. Но как проникнут в нее женщины?

— Вы отдохните,— сказал Мемед,— я перетащу в пещеру вещи, а затем вернусь за вами.

Мемед начал взбираться по отвесной скале. Женщины изумлялись его ловкости. Через полчаса он вернулся.

— Прекрасный дом,— сказал он.— Надежный. Возле пещеры — орлиное гнездо. Орлы — наши соседи.

Мемед взял Хатче за руку.

— Идем. А тетушка Ираз обождет меня здесь. Отдам тебя на съедение орлам,— пошутил он.

— Мы будем взбираться по этой стене? — с тревогой спросила Хатче.

— Да, ты будешь держаться за меня. Идем.

Начали подниматься. У Хатче потемнело в глазах, несколько раз она вскрикивала от испуга. Наконец они были в пещере.

Ираз решила не дожидаться Мемед и сама начала карабкаться по скале. От страха и усталости руки ослабели, и она едва передвигалась. Но когда Мемед вернулся за нею, то увидел, что она уже наверху.

— Тетушка Ираз, ты, верно, издавна разбойничала?

— Да, сынок.

Вход в пещеру был невелик. Пещера была глубокая и длинная. Пол ее был устлан мягкой землей, черной, как угольная пыль. На земле — птичий помет. Стены пещеры прорезывали белые жилки.

— Сюда еще не ступала нога человека,— сказал Мемед.

— Тем лучше,— ответила Ираз.

— Это наша деревня,— сказала Хатче.

— Наш дом,— поправила ее Ираз.

— Давайте уберем наш дом,— предложила Хатче.

— С удовольствием,— сказала Ираз.

— Я иду в деревню. Возьмите на всякий случай вот этот револьвер. Что прикажете принести в наш дом? — спросил Мемед.

— Зеркало,— сказала Хатче.

Ираз улыбнулась:

— Ах, молодость!

Хатче добавила:

— Две подушки, два одеяла. Кувшин, кастрюлю, скороводу, муку, а остальное — на твое усмотрение. Счастливого возвращения!

— Счастливо оставаться,— крикнул Мемед.

В полночь он был уже у дома Дурмуша Али. Дверь открыла Хюрю. Увидев Мемед, она испугалась.

— Тише! — шепнула она.

Мемед на цыпочках вошел в дом.

— Что случилось, мамаша Хюрю?

Не говоря ни слова, Хюрю зажгла светильник, плотно закрыла окна и вышла на улицу. Обошла дом. Никого.

— Как ты пробрался сюда, сынок? — спросила она. — Ведь в деревне полно жандармов... Дядю Дурмуша избили до полусмерти. Беднягу схватили за бороду и волокли по деревне. Жандармы избивали крестьян дубинками... Все это дело рук Козлиной Бороды. Зря ты его не убил. У Дурмуша Али допытывались, где ты скрываешься, но он ничего не сказал. За это его так избили, что он и сейчас лежит в постели, не может подняться... Меня тоже били: все тело в синяках. Почему ты не убил этого гяура?

— А что слышно о Хромом Али? — спросил Мемед. Хюрю помрачнела.

— Да что с тобой? — разозлилась она. — Как тебя называть после этого? Какой ты бестолковый. Да если он попадет тебе в руки, покончи с ним. Разве я тебе не говорила? Он стал холуем Абди-аги. Гяур отдал ему твой дом. Ах, если бы ты меня раньше послушал! Теперь Хромой Али — поводырь жандармов. Водит их по твоим следам. За Абди-агу собирает с нас подати. Заставляет жандармов избивать людей. Ты во многом виноват, Мемед!

— Где он сейчас, Хромой?

— В вашем доме. Только вчера переселился. В доме прекрасной Доне поселилась эта грязнуля — жена паршивого Хромого. И я все это видела. Сердце мое обливалось кровью. Лучше было мне умереть, чем видеть все это!

— Я иду туда, — Мемед поднялся.

— Там полно жандармов. Незаметно проберись в дом, убей гяура и беги.

Мемед направился к своему дому. Он с наслаждением вдыхал запахи молока, теленка и весенней травы.

— Али-ага! — крикнул он с улицы.

Узнав голос Мемеда, Хромой Али вскочил с постели. «Нет, этот человек сошел с ума», — подумал он. Испуганный, выскочил на улицу и, сделав Мемеду знак, чтобы тот молчал, громко сказал:

— Очень хорошо, что ты пришел. Хорошо сделал, братец. Значит, Мемед пошел на гору Акчадаг? А мы хотели идти к Аккале. Ах, как хорошо. — И, наклонившись, шепнул Мемеду на ухо: — Иди к Дурмушу Али, я сейчас приду.

Хромой Али вернулся в дом и разбудил жандармов.

— Друзья мои, этот тип подался на Акчадаг. Там его поймаете, как куропатку. Мой человек только что оттуда. Теперь мы знаем, где прячется этот негодяй, Тоший Мемед. На Акчадаге вы его быстро скрутите. С ним покончено. Пойду обрадую жену Абди-аги.

Темная ночь. Идя к Дурмушу, Хромой Али дивился смелости Мемеда.

Когда он вошел в дом, Хюрю растерялась. Она косо посмотрела на Мемеда. «Эх, до чего же ты бестолков!» — говорил ее взгляд.

— Мамаша Хюрю, нам нужно переговорить, — сказал Мемед.

— Ну и говорите. Больно нужно мне глядеть на эту грязную свинью!

Хромой Али улыбнулся:

— Почему ты так говоришь обо мне? Что я ему плохого сделал?

Хюрю опустила голову.

— Знаю я, чем ты занимаешься, хромая свинья. Теперь ты заодно с жандармами. Разве не правда? Не будь здесь Мемеда, так бы я тебя и пустила в свой дом. Размозжила бы тебе голову камнем...

Ругаясь, она вышла из комнаты.

— Как же ты добрался в таком аду? — спросил Хромой.

— Так и добрался.

— За тобой идет банда Кара Ибрагима. Его послали Абди и Али Сафа-бей... Они считают, что Кара Ибрагим справится с тобой. Вся их надежда на него. Они дали ему много денег. Но Кара Ибрагим уже не тот, одряхлел, разжирел. Он стоит со своим отрядом на дороге, ждет, когда ты появишься и они убьют тебя. По этой дороге не ходи! Кара Ибрагим подстрелит тебя. Да, еще вот что. Я теперь любимец Абди-аги. Он без меня ни шагу. Спрашивает обо всем. Ведь не сгорел, окаянный! Если бы вы тогда не впустили в горящий дом женщину...

— Откуда мы знали! Такая суматоха была. Если бы... — грустно произнес Мемед.

— Твою голову хотят установить в касабе у дома Абди-аги. Али Сафа-бей дал ему слово. Дом Абди рядом с жандармским управлением.

— Об этом потом. А пока достань мне две подушки, два одеяла, зеркало, кувшин и немного муки. Погрузи все на лошадь. Да, еще соль, перец, масло...

— Это нетрудно. Пошли аллах моему хозяину!.. Его дом в мсем распоряжении. Все здесь есть.

XXIX

Асым Чавуш с ротой жандармов и Кара Ибрагим со своей бандой осень и зиму провели в горах, охотясь за Мемедом. Крестьяне горных деревень изнывали от их бесчинств. Крестьяне обманывали жандармов. Они искали Мемеда в горах Акчадаг, Гейсундаг, Беритдаг, Бинбогалар, Аладаг, Кайранлыдаг, Конурдаг, в ущелье Мериемчил. Обшарены были все известные им места. Одежда на жандармах была изодрана. Они совсем потеряли голову и заглядывали даже в мышиные норы. Но Мемеда нигде не было. Он словно сквозь землю провалился. Половину зимы жандармы провели в Деирменолуке. На горе Алидаг они обшарили все щели. Охотясь на ланей, дошли до самой пещеры. Но Мемеда не нашли.

Хромой Али водил жандармов по горам, то и дело приговаривая: «Непременно его найдем».

Он вел их на Бинбогалар, уверяя, что попал на след Мемеда.

— Куда девался твой нюх, Хромой? — спрашивали его.

— Стар стал, нюх пропал, — вздыхая, отвечал Али. — Все у меня позади.

Но это было не так — наоборот, Хромой Али помолодел. Он был легок, как ветер. В глубине его души теплилась надежда.

Проведя осень и зиму в горах в поисках Мемеда, жандармы и их помощники — отряд Кара Ибрагима — уставшие и злые вернулись в касабу. Они уничтожили два отряда разбойников, но Мемеда не нашли. Касаба была в трауре.

Кара Ибрагим постарел лет на десять.

— Я еще не встречал такого человека, — говорил он, — Мемед обладает божьим даром, секретом каким-то. Он исчез, испарился. Но я все равно его поймаю. Сражусь с ним один на один. Другого выхода нет. Я с ним рассчитаюсь. Когда мы с ним столкнулись у Чичекли, я сто раз

стрелял в него. И думал, что попал в голову... Пуля его не берет. Я бы и одной пулей его уложил.

По касабе пошел слух: «Тошгю Мемеда и пуля не берет». Слух этот дошел и до Абди-аги. Абди-ага таял на глазах, он весь высох — кожа да кости. Абди-ага ждал только одного: вести о смерти Тошгю Мемеда. Через день заходил он к Али Сафе-бею и спрашивал:

— Ну что, сынок? Глаза проглядел, ожидаючи. Скоро терпение лопнет. Где же твое обещание?

— Потерпи, дядя,— успокаивал его Али Сафа-бей. Терпишь горе — пьешь мед. Я обещаю тебе, что голову Мемеда установлю перед твоим домом. Только потерпи!

Услышав, что Мемеда и пуля не берет, Абди совсем обезумел. Он тут же бросился бегом к Сиясетчи и стал упрашивать его составить телеграмму в Анкару. И без того глупое лицо Сиясетчи стало еще глупее, язык заплетался.

— Пиши,— приказал ему Абди-ага.— Пиши: в горах появился разбойник... кровопийца... Убивает детей, крадет и соблазняет девушек. Образовал свое правительство. Влияние его растет. Раздает крестьянам землю, да еще и разъясняет им их выгоды. Да, да, так и пиши. Втолкуй им хорошенько! Здесь подведи черту. Теперь пиши дальше. Изнасилованных девушек он разрезает на куски и вешает на деревьях. Дорога Мараш-Адана занята его разбойниками. Пиши, Сиясетчи-эфенди, пиши, братец! Уж постарайся, чтобы в Анкаре все призадумались. Попроси прислать войска. Я пойду куплю марку,— сказал Абди, выходя.

В касабе царила суматоха: «Ах этот Тоший Мемед! Такой мальчишка, а натворил столько бед... Да еще на свободе гуляет»,— говорили люди. Матери пугали плачущих детей: «Тоший Мемед идет!»

Рота жандармов, получив подкрепление, готовилась вновь отправиться на поиски Мемеда. Кара Ибрагим тоже ушел в горы, поклявшись перед своим уходом Абди-аге, что непременно поймает Тошгю Мемеда.

XXX

У желтой повилики очень короткие стебли. Цветы словно приросли к земле. Казалось, что между скалами расстелились огромные желтые ковры. Среди этих ковров

мелькали лиловые шапки гиацинтов, блестели влажные фиалки, распускались какие-то красные цветы...

С вершины Алидага зеленая равнина виднеется сквозь легкую дымку — словно окутанная пеленой дождевых капель. Скалы переливаются на солнце разными цветами. Прозрачный воздух напоен ароматом цветов. У подножия Алидага краски меняются, становятся темными. Над горой, задевая ее, проплывают белые облака, и кажется, что гора начинает колыхаться.

На склоне Алидага, обращенном к горам Бинбогалар, среди редко растущих сосен бьет источник. Мемед брал отсюда воду.

Вокруг сверкает солнце. Внизу равнина с колючими кустарниками утопает в солнечных лучах. Солнце играет на деревьях, кустах, камнях, скалах...

Хатче сидела у входа в пещеру, положив голову на колени Ираз. Ираз искала у нее в голове. Появились вши.

Зиму беглецы провели в пещере. Они разукрасили ее, как дом богатого крестьянина. Пол устлали вероникой, а поверх нее положили юрюкские ковры, напоминающие весенние поля. Ковры Мемеду подарил Керимоглу, старейшина племени Сачыкаралы. На стенах висели шкуры ланей. Блестевшие, словно покрытые глянцем, большие рога опускались до самой земли. Шерсть на шкурах отливала золотом.

Зима выдалась суровая. Когда бушевал буран и снег слепил глаза, в пещере всю ночь поддерживали костер. И все-таки беглецы были в постоянном страхе, что они замерзнут. Полтора месяца Мемед пробивал отверстие в скале для выхода дыма. Но, когда шел снег или началась метель, пещера все равно была полна дыма и беглецы вынуждены были открывать вход и выходить на мороз, чтобы не задохнуться. Они возвращались, только когда замерзали.

Мемед, Ираз и Хатче укрывались всем, чем могли, — одеялами, коврами, шкурами. Ложились рядом, тесно прижавшись друг к другу.

С наступлением дня Мемед уходил на охоту за ланями, а женщины принимались готовить еду и вязать носки.

Мемед убивал ланей. Мясо они съедали, а шкуры сушили и вешали на стены. Всю зиму у них были запасы мяса. Муку, масло и соль им приносил Хромой Али. Он прятал все это в пещере у подножия горы, а Мемед пере-

таскивал оттуда к себе. Даже Али точно не знал, где живет Мемед. Следы заметали кустами, волоча их за собой по снегу. Так снегом заполнялись и самые глубокие следы. А через полчаса исчезали и следы кустов. Поэтому-то жандармы и не могли найти пещеру Мемеда. Они даже и предположить не могли, где она. Кругом ровный чистый снег...

Хатче приподняла голову с коленей Ираз и спросила:

— Тетушка, а где же... Ведь должна была быть амнистия. Мустафа-ага оказался обманщиком.

— Потерпи, дочка, еще будет. Из-за каждого холма взойдет солнце.

Хатче и Ираз похудели, лица их потемнели. Глаза стали больше и блестели лихорадочным огнем.

— Ах, тетушка, дорогая, пусть хоть одно солнце взойдет. Мне больше и не нужно.

— Потерпи.

— Ведь все, что мы пережили,— все как сон. Я до сих пор не верю, что все это произошло со мной. И что со мной живой Мемед.

В свободное от охоты время Мемед учил женщин стрелять. Ираз оказалась способной ученицей и вскоре начала довольно метко стрелять. Хатче стрельба не удавалась. Она ненавидела винтовку и патроны. При одном их виде ее начинало тошнить.

— Избавиться бы от них...— сказала как-то Хатче.

Ираз сразу перевела разговор на другое:

— На Чукурове хлеба поднялись по колено. Уже колосятся. Муравьи выползли из своих норок и побежали по солнечным дорожкам. В это время вся Чукурова залита солнцем.— Ираз прослезилась и добавила:— Наше поле у «Острѳвка»... Убил бы Мемед Абди-агу, пока не объявили амнистию. Не то я своими руками его убью... Только после этого мы сможем снова поселиться на Чукурове, сеять и собирать урожай с нашей земли. Отец моего Рызы говорил, что земля — наша кормилица.

— Поле возле «Островка»...— Хатче закрыла лицо руками.— Там, среди скал, цветут нарциссы, правда?

— Да,— подтвердила Ираз.

— На этой земле родится в сорок раз больше того, что посеешь... За год можно и дом построить. Если мы спустимся вниз, у нас есть деньги, чтобы построить дом.

— Купчую мы оформим на имя нашего Мемеда,— говорила Ираз.— Если будет амнистия, поле у «Островка»

станет его. А если ее не будет, мы переберемся в чужие края. Только бы удалось уговорить Мемед а забыть Абди. Хоть сейчас можно было бы тронуться в путь. Мы изменим свои имена. Мемед расправится с убийцей моего сына. Нет, нет, я должна своими руками убить Али. Для этого я и стрелять научилась.

— Что-то у тебя в голове все перемешалось,— сказала Хатче.

— Да, ты права. Иногда я забываю и успокаиваюсь. Мемед заменил мне Рызу. Стараюсь не думать, но иногда места себе не могу найти, прямо с ума схожу. Ноют груди, вскормившие Рызу. Иной раз меня так и подмывает спуститься в деревню и убить Али. А потом пусть делают со мной что хотят. Подожди, дочка. Ох, ослепнуть бы тебе, Али! Как ты осмелился поднять руку на моего сына...

— Потерпи, тетушка. Из-за каждого холма взойдет солнце... Теперь я боюсь. Оно взойдет, но...

— Что еще за «но»? — резко спросила Ираз, сердито взглянув на Хатче.— Опять «но»? Ты парня хочешь заживо похоронить?

Хатче грустно промолвила:

— Уже неделя, как он ушел. Больше трех дней он никогда не задерживался. А сейчас прошла уже целая неделя. Ох, этот разбой... Эти горы... Я боюсь, боюсь, милая тетушка. Сердце болит. Ведь больше трех дней он никогда не задерживался. Что с ним случилось? Я пойду в деревню, поищу его. Если бы с ним ничего не случилось, он бы давно вернулся.

Хатче зарыдала.

— Я пойду, тетушка,— сквозь слезы просила она.

— Сиди, непутевая! — закричала Ираз.— Изобью — только шаг сделаешь. Из-за тебя могут убить парня. И не болтай глупости. Ничего с ним не случилось.

Хатче встала, ушла в пещеру и там дала волю слезам. Она то затихала, то снова начинала плакать. Спина ее вздрагивала от рыданий.

Вошла Ираз и села возле Хатче.

— Дочь моя, зачем ты себя так мучаешь? С Мемедом ничего не случилось. Он сам сотню уложит. Пожалей себя.

— Ох, если бы это было так,— вытирая слезы, сказала Хатче.

Внизу, над равниной Дикенли, поднимался туман. По небу плыло одинокое черное облако.

Неожиданно перед женщинами появился Мемед. Он был весь в крови, обливался потом и еле дышал. Хатче с плачем бросилась ему на шею.

— Успокойся, Хатче,— сказал Мемед.— Послушай, что я тебе расскажу. Успокойся немножко...

Он гладил ее по голове.

Ираз рассердилась. Она схватила Хатче за руку и отвела в сторону.

— Первый раз в жизни вижу такую... Ведь ты так погубишь парня.

— Погодите,— улыбаясь, сказал Мемед.— Послушайте, что со мной приключилось. Когда я возвращался от Керим-оглу, Кара Ибрагим устроил мне западню на равнине Сарыджа. Этот Кара Ибрагим — негодяй, но смелый и бывалый. Он преследовал меня до подножия горы. Теперь они, возможно, узнают наше место. Вот уже три дня я играю с ними в прятки. Удираю и снова возвращаюсь. Теперь они шли за мной по пятам... Но мы с Джаббаром все-таки обманули их и запутали следы. Эту неделю мы не будем никуда выходить. Перевяжите-ка мне рану.

Женщины сняли с него рубаху. Пуля попала в плечо. Когда они вытаскивали ее из раны, Мемед весь пылал. Потом его стала бить дрожь. Хатче растерялась. Как безумная металась она по пещере.

Целую неделю Мемед лежал в жару. Рана воспалилась, плечо сильно распухло. Только спустя неделю Мемед пришел в себя и рассказал все, что с ним произошло.

— На подступах к равнине Сарыджа я столкнулся с жандармами. Их было человек десять, во главе с Асымом Чавушем. Началась перестрелка. Эх, видит бог, этот Асым Чавуш в конце концов получит от меня пулю в лоб! Он шел прямо на меня. «В чем дело? — сказал я.— Ты решил умереть?» И зарядил винтовку. Увидев меня совсем близко, он закричал и бросился на землю. «Не бойся, Асым,— крикнул я ему,— ты не виноват. Я уже десять раз убил тебя, если бы хотел. Убирайся!» Он встал, улыбнулся и, собрав своих жандармов, ушел. Позже один человек должен был на равнине Сарыджа передать мне боеприпасы. Когда я подошел к условленному месту, со всех сторон началась стрельба. Кара Ибрагим со своими людьми просто засыпали меня пулями. Там меня и ранило. Два дня они преследовали меня до самой горы. Вдруг я услышал голос Джаббара. Я понял, что он пришел мне на

помощь. Джаббар напал на бандитов, я ему помогал. Они отступали по моим следам. Но потом Джаббар отвлек их, и я спасся. Больше я не видел Джаббара, но он справится с ними. Мы должны уйти из пещеры. Теперь они не оставят нас в покое. Это дело рук Али Сафы-бея.

Мемед пролежал еще неделю. Время от времени у подножия горы слышались выстрелы.

Рана постепенно заживала.

XXXI

Наступила осень. Крестьяне старательно убирали урожай на равнине Дикенли, когда-то покрытой одними колючками. Хлеб в этом году были хорошие. Тяжелые колосья гнулись к земле.

Мамаша Хюрю, как ветер, носилась по полю. Бранилась, спорила. С тех пор как ее избили жандармы, у нее болел правый бок и она прикладывала к нему сакыз *. При каждом вдохе и выдохе лицо ее болезненно морщилось.

— Чтоб им ослепнуть! И что им нужно от меня, старухи? — жаловалась она. И снова начинала тараторить: — Абди-ага не приходит в деревню. А раз так, вы не отдавайте ему треть урожая. А дадите — будете дураки. Да еще какие дураки. Скажете, что в этом году плохой урожай и что вы ничего не собрали. Не можем же мы с голоду умирать. Ничего нам не осталось. Посевы сгорели, засохли.

Из Деирменолука мамаша Хюрю шла в другие деревни, разговаривая по дороге сама с собой. А когда она встречала жнеца или крестьянина, молотившего хлеб, говорила:

— Молитесь за Тощего Мемеда. Молитесь утром и вечером. Поняли? Если бы не он, Абди-ага, как коршун, кружился бы над вашими головами. Слава аллаху, что гяура нет в деревне. Не давайте ему ни зернышка. Что он камни бросал и руки у него устали? Отдыхает себе в кабабе.

Задумываясь над словами мамыши Хюрю, крестьяне покачивали головами и, сняв шапки, почесывали затылок.

— Посмотрим, чем все это кончится, — неуверенно говорили они. — Посмотрим.

---

* Са к ыз — белая пахучая смола. — *Прим. перев.*

Урожай собран. Крестьяне развозят его по домам. Никто не дал Абди-аге ни зернышка. Старосты Абди-аги вместе с Хромым Али ходили по деревням. Но к кому бы они ни обращались, все отвечали одно и то же:

— Ради Абди-аги мы на все готовы. Лучше хозяина не найти. Мы его не оставляем в беде, но в этом году мы не собрали ни одного зерна. На нет и суда нет. Может, в будущем году аллах даст... Аллах даст нам, а мы хозяину... Разве есть на свете другой такой хозяин? Гяур Тоший Мемед выгнал нашего дорогого Абди-агу из деревни. Простит ли ему Абди-ага? Аллах поможет нам в будущем году собрать хороший урожай, и мы его весь отдадим хозяину. Сами будем голодать, но ему отдадим. На равнине Дикенли пять деревень. Крестьяне все приносят в жертву хозяину.

— Зачем обманываете? — говорили старосты. — Ведь никогда еще не было такого урожая. Сказали бы прямо, что не хотите дать ни одного зерна Абди-аге.

— Ай-ай-ай! — восклицали на это крестьяне. — Чтоб нам ослепнуть, если мы не хотим дать нашему хозяину, который скитается где-то в касабе, положенную часть урожая. Возможно ли это? Мы готовы упасть перед ним на колени. Ах, околеть бы этому Тощему Мемеду!

Хюрю от радости была на седьмом небе. Ее старания не пропали даром. Ни один крестьянин не дал Абди-аге ни зернышка.

Хюрю выкрасила седые волосы хной, вместо простого платка надела на голову ярко-зеленый шелковый платок, какой обычно носят на праздниках и свадьбах девушки. Шелковое платье она подвязала дорогим шелковым кушаком, привезенным из Триполи. На шею повесила три золотые монеты и ожерелье, которое носила в молодости. Улыбаясь, Хюрю ходила из дома в дом, распевая непристойные песни, от которых краснели девушки.

Узнав, что крестьяне не дали ему долю своего урожая, Абди-ага рассвирепел. Он направился к Сиясетчи и заставил его написать жалостливую телеграмму в Анкару. Выйдя от Сиясетчи, Абди-ага старался с каждым поделиться своим горем. При этом он все время плакал. Плакал он и перед каймакамом и перед жандармским начальником.

В Деирменолук был направлен большой отряд жандармов. Жандармы потребовали у крестьян часть урожая.

Мамашу Хюрю арестовали. Но ни она, ни крестьяне не проронили ни слова. Ни избияния, ни ругань не помогали. Крестьяне молчали, словно у всех поотрезали языки. Дело дошло до того, что по деревням вынужден был поехать сам начальник уезда. Но что бы он ни делал, чем бы ни грозил, крестьяне молча смотрели на него пустыми, невидящими глазами.

Первым заговорил Хромой Али:

— Мы готовы всем пожертвовать ради нашего хозяина. Кто он такой, этот разбойник Тоший Мемед? От горшка-то два вершка. Неужели мы будем выполнять его приказания? Собери мы хоть одно зерно, и его отдали бы хозяину. Ах, собака этот Тоший Мемед. В этом году неурожай. Хорошо, если мы не помрем все с голоду... Я староста Абди-аги. И я буду голодать. Будь хоть одно зерно у нас, мы отдали бы его хозяину.

Хромой Али посмотрел на крестьян, столпившихся, как стадо баранов. Они были поражены.

— Ну скажите, — обратился к ним Али, — если бы мы собрали хоть одно зерно, разве мы не отдали бы его нашему доброму хозяину?

Толпа зашевелилась.

— Отдали бы, — слышались голоса.

— А если бы он потребовал нашу жизнь? — спросил Али.

— Отдали бы.

— А если в деревню явится Тоший Мемед? — продолжал Али.

— Он не придет.

— А если придет?

— Убьем.

Не поверив крестьянам, каймакам приказал обыскать дома. Но странно: ни в одном доме не оказалось ни зернышка. Куда крестьяне могли спрятать столько зерна?

В касабу ежедневно приходили вести из деревень. Было ясно, что бунт крестьян — дело рук Тошего Мемеда. Нужно было уничтожить его.

Особенно много шума наделало убийство Хусейна-аги ночью, в его доме. Кто мог убить Хусейна-агу? Конечно, Тоший Мемед. Абди-ага обезумел от страха.

Асым Чавуш смелый, он знает горы как свои пять пальцев, но и он не может поймать Мемеда. Жандармский

начальник без конца бранил его. Асыма Чавуша так за-
травили, что он не мог пройти по базару.

— Тошйй Мемед, мальчишка, обводит вокруг пальца
такого детину, Асыма Чавуша. Заставляет его плясать под
свою дудку.

Асым Чавуш готов был лопнуть от злости.

XXXII

На Алидаге выпал снег. Им были покрыты скалы, де-
ревья, трава, земля. Даже небо было молочно-белого цвета.
От Алидага до поросшей колючками равнины Дикенли
и дальше к Акчадагу, Чичекли и Чукурове — всюду бе-
лым-бело. Ни одного темного пятнышка на бесконечном
белоснежном просторе. И все это огромное пространство
залито солнцем. Только иногда оно затемнялось прохо-
дившей мимо тучей. Снежная пыль, искрившаяся на
солнце, слепила глаза.

Трудно приходилось обитателям пещеры. Кончились
продукты. Не осталось дров... У Мемеда отросла длинная
борода. Ираз побледнела, осунулась. Хатче вот-вот должна
была рожать. Лицо у нее пожелтело, шея вытянулась. Во-
лосы, когда-то черные, блестящие, теперь свисали, как су-
хая трава.

Асым Чавуш продолжал выжидать у подножия Али-
дага и возле Деирменолука.

— Сынок,— обратилась однажды к Мемеду Ираз,— се-
годня тихо в горах. Хатче не сегодня-завтра родит. Или
спустимся в деревню, или надо готовиться принимать ре-
бенка здесь.

Мемед весь как-то сжался.

— В деревню пойти не удастся. Там каждый дом об-
шаривают. Нужно, что возможно, приготовить здесь,—
сказал он.

— Надо это сделать немедленно. Хатче скоро родит.
Давай готовиться.

Изредка Мемед спускался в деревню. Всякий раз он
тщательно заметал свои следы большим кустом.

Мемед и Ираз вошли в пещеру. Хатче сидела, присло-
нившись к стене, устремив взгляд в одну точку.

— Хатче,— сказал Мемед,— мы с тетушкой Ираз пой-
дем в деревню. А ты заряди винтовку и жди нас. Ночью
мы вернемся.

— Я не могу остаться одна.
— Но как же тогда быть, Хатче?
— Я пойду с вами.
— Прошу тебя, не делай этого.
— Я умру здесь одна.
— Пусть тогда Ираз останется с тобой.
— Нет, нет, я не останусь.
— Останься, дочь моя,— вмешалась Ираз.
— Не могу.
— Ты стала упрямая с тех пор, как мы здесь поселились,— сказала Ираз.

Мемед выругался.

Наступило молчание. Мемед вышел, сел на камень у входа в пещеру и, закрыв руками лицо, задумался. Тяжелые мысли одолевали его.

Над ними, раскрыв свои могучие крылья, парил орел...

— Вы оставайтесь,— сказал Мемед,— я один пойду.— И как безумный быстро стал спускаться вниз.

— Что ты привязалась к парню? — отчитывала Ираз Хатче.— И так у него от забот голова пухнет, а тут еще ты. Жандармы покоя не дают...

Хатче молчала.

После полудня Ираз вышла из пещеры и вдруг заметила, что куст, которым Мемед всегда замечал следы, лежит у входа.

Ираз испугалась, стала кричать, но Мемед давно скрылся из виду.

Ираз бросилась в пещеру.

— Какое несчастье! Он забыл куст. А снега нет, и след не заметет... Может, мне спуститься с горы и замести его следы? Но ведь я не могу пролезть там, где он пролезает...

К вечеру следующего дня Мемед вернулся. На нем не было лица. Он был измучен тяжелой ношей.

— Я очень боялся. Только внизу я вспомнил, что забыл куст... Возвращаться было поздно, вот-вот стемнеет. Все же я решил поскорей вернуться к вам и замести следы. Жандармы не дают покоя Хромому Али, заставляют его идти по моему следу. Если он нападет на мой след, то уж не сможет остановиться. Хромой Али сам просил, чтобы я замечал следы. Я понимаю, он не может себя удержать. Да, дела плохи...

— Не бойся. Хромой Али не станет предателем. Он за тебя жизнь отдаст,— успокаивала Мемеда Ираз.

— Я знаю это, но, если он нападет на след, не остановится. Хромого надо было с самого начала прикончить...

XXXIII

Опостылела жизнь Асыму Чавушу.

«Этот езид, Тошгий Мемед, как гром, свалился на мою голову. Уйти бы куда-нибудь в другое место, избавиться от него», — размышлял про себя Асым Чавуш.

Жандармы выбились из сил. «Какой толк в такой мороз каждый божий день ползать по горам?» — роптали они. Завидев что-то напоминающее человеческий след, они целыми днями шли по нему. Разыскивая Тошгю Мемеда, жандармы выловили несколько разбойничьих банд.

Целый месяц они топтались у подножия Алидага. Мальчик-пастух, пойманный жандармами, под пыткой признался, что видел Мемеда в горах.

Гору окружили со всех сторон.

Асым Чавуш все еще не мог поверить, что Мемед в такую стужу живет на горе.

Однажды конные жандармы, с трудом пробившись сквозь снежные заносы, донесли ему:

— Мы видели, как Мемед заметал за собою следы. Он шел к горе. Как только увидел нас, убежал. Ни одного выстрела не сделал. Следы он не замел. На них образовалась ледяная корка.

Асым Чавуш обрадовался. Впервые напали на след Мемеда. Он послал за Хромым Али.

— Что прикажешь, Асым Чавуш? — спросил Хромой.

— Найдены следы, — сказал Асым Чавуш.

— По снегу я не могу идти, мне нужна земля.

Крестьяне подтвердили:

— Да, да, Хромой Али не может идти по снегу, снег ослепляет. Он может сбиться.

Асым Чавуш настаивал.

— Если не по следу, он все равно пойдет с нами.

Хромой Али задрожал:

— Ноги твои целовать буду... не бери меня в такой холод.

— Пойдешь с нами! — отрезал Асым Чавуш.

Хромой Али припал к стене и точно окаменел.

Жандармы во главе с Асымом Чавушем направились к Алидагу.

Деревня заволновалась: «Напали на след Тощего Мемед. Напали на след!»

Взрослые, дети, старики и старухи шли за жандармами. Все остановились у того места, где начинались следы.

Увидев след, Хромой Али растерялся, сердце его учащенно забилося.

— Почему этот сукин сын не потянул за собой куст? — бормотал он себе под нос. — Теперь его найдут. Ясные следы.

Асым Чавуш схватил за руку Хромого и поволок к началу следов.

— Что ты там бормочешь? Это его следы?

— Нет, — сказал Хромой. — Это следы пастуха, да еще месячной давности.

Асым рассвирепел и толкнул Хромого в снег.

— Подлюга! — закричал он. — Хромой негодяй! Ты староста Абди-аги, ешь его хлеб и покрываешь Тощего Мемед. Все вы такие, как он. Не дал только аллах вам удобного случая.

Асым Чавуш приказал жандармам:

— Идите по следу.

Два дня по колено в снегу жандармы шли по следу. Наконец они добрались до пещеры и окружили ее.

Вся деревня была в трауре.

— Нашли... Нашли нашего Мемед!.. — плакал Хромой Али, позабыв о всякой осторожности.

Мамаша Хюрю кричала:

— И пусть находят! Они узнают, кто такой Мемед. Будь тысяча жандармов, Мемед всех уложит на месте.

Вечером произошла первая стычка.

Жандармы обнаружили дорогу, ведущую к пещере, и вход в нее. Они стали забрасывать вход гранатами. Мемед начал стрелять, чтобы не подпустить их к пещере. Жандармы не отступали. У Хатче начались схватки. Услышав выстрелы, она заплакала.

— Я же говорила! — воскликнула Ираз. — Все из-за куста.

— Да, из-за того, что я не замел следы. Но они все равно нашли бы нас. Видно, Хромой не удержался и повел их по следу. Мне надо было прикончить его. Если будет буран, они и минуты здесь не удержатся. И тогда раньше чем через неделю им сюда не добраться.

Асым Чавуш ласково кричал:

— Мемед, сдавайся, сынок. Теперь ты в ловушке. Ты окружен. Не убежишь. Скоро объявят амнистию. Иди, сдавайся. Я не хочу твоей смерти.

Мемед молчал. Одним выстрелом он раздробил камень, лежавший рядом с Асымом Чавушем.

Перестрелка усилилась. С обеих сторон сыпались пули.

— Я буду сидеть здесь неделю, месяц, пока у тебя не кончатся патроны,— кричал Асым Чавуш.

Мемед стиснул зубы:

— Знаю. Все будет так, как ты сказал. Но я никого не подпущу сюда. Всех уложу, не сдамся. В пещере вы найдете только мой труп. Понял, Чавуш?

— Мне жаль тебя. Даже если ты убьешь всех нас, все равно придут другие жандармы. А что тебе за выгода? Лучше сдавайся. В этом году будет амнистия.

— Не болтай, Чавуш. На сей раз я убью тебя. Раньше я жалел тебя, теперь не пожалею. Ты выслеживал меня. Выстрелы заглушили их голоса.

Около Мемеда выросла горка гильз. У него оставалось еще два мешочка с патронами, но он боялся, что этого не хватит. Стрелять приходилось часто.

Ираз занималась Хатче.

— В такой тяжелый день, в такой день!..— сокрушалась она.

Оставив на мгновение Хатче, Ираз брала винтовку и помогала Мемеду. Она стреляла, пока Хатче снова не начинала стонать. На лице Хатче выступили капельки пота. Она металась по полу.

— Ох, матушка, лучше бы ты не родила меня на свет божий,— плакала она.

— Я погиб,— вдруг закричал Мемед, но тут же прикусил губу.

Услышав крик Мемеда, Хатче бросилась к нему и упала на пол.

— Ты ранен? Я умру.

Подбежала Ираз, расстегнула на Мемеде рубашку.

— Пуля попала в плечо,— сказала она и начала перевязывать рану.

Мемед и раненый не переставал стрелять. Асым Чавуш недоумевал: и откуда у него берутся патроны? Несколько жандармов были ранены. Асым Чавуш уже начал сомневаться в успехе.

Вдруг Хатче продолжительно застонала. Ираз приподняла ее.

— Тужься, тужься, милая,— посоветовала она.

На лице Хатче, покрытом испариной, была написана боль и растерянность. Через несколько секунд раздался плач ребенка. Мемед обернулся. Младенец лежал в луже крови. Лицо Хатче было мертвенно-бледным. Мемед отзернулся. Руки дрожали, винтовка выпадала из рук. Ираз выхватила ее у Мемед и начала стрелять. Хатче не шевелилась.

Спустя некоторое время Мемед пришел в себя.

— Дай, тетушка,— промолвил он еле слышно, протягивая руку к винтовке.

Ираз вернулась к ребенку, вытерла его и крикнула Мемеду:

— Мальчик!

Горькая улыбка появилась на губах Мемед.

— Мальчик.

Перестрелка продолжалась до вечера.

Мемед стрелял одной рукой. Ираз заряжала винтовку, а он, положив ложе на камень, стрелял.

— Патроны кончились...— вдруг сказала Ираз.

Мемед и забыл про них. Из груди его вырвался крик. В отчаянии он уронил голову на винтовку. Затем, сделав над собой усилие, встал и подошел к ребенку. Открыл личико и долго смотрел на него. Потом улыбнулся, подошел к выходу из пещеры, вынул из кармана белый платок и привязал его к стволу винтовки.

— Ираз,— позвал Мемед.

Ираз подняла голову и посмотрела на него сквозь слезы.

— Хатче,— крикнул он. Но Хатче не слышала его. Она была без сознания.

— Слушайте меня. Живым они меня не оставят. Сына назовите Мемедом.

Выйдя из пещеры, Мемед поднял винтовку и закричал:

— Сдаюсь!

Услышав крик Мемед, Асым Чавуш не поверил своим ушам. Это был крупный мужчина с грузной походкой, большими глазами, толстогубый и спышными длинными усами.

— Сдаешься? — переспросил он.

— Сдаюсь,— упавшим голосом повторил Мемед.— Ты добился своего.

Повернувшись к жандармам, Асым Чавуш сказал:

— Из укрытий не выходить. Я сам пойду к нему. Он обманывает.

Чавуш подошел к пещере. Он приблизился к Мемеду и взял его за руку.

— Желаю тебе поправиться, Тоший Мемед,— улыбаясь, сказал он.

— Спасибо.

Ираз, съжившись, сидела в углу. Она казалась еще меньше.

— Все еще не могу поверить, что ты сдался,— сказал Чавуш.

Мемед молча протянул руки, чтобы Асым Чавуш надел на них наручники.

Ираз метнулась к ним.

— Ты думаешь, Мемед сдался? — крикнула она Чавушу.

Она пошла в угол пещеры и приподняла коврик, которым был укрыт ребенок. Он спал.

— Вот кто заставил Мемеда сдаться. А вы хвалитесь и считаете себя мужчинами.

Этого Асым Чавуш не ожидал. Он переводил взгляд с Мемеда на Ираз и Хатче. Улыбка застыла на его губах. Он протянул руку к наручникам.

— Тоший Мемед!..— воскликнул он и замолчал.

Мемед и Асым пристально смотрели друг другу в глаза.

— Тоший Мемед,— сказал Асым Чавуш.— Я тебя в плен не возьму.

Он снял с патронташа пять обойм и бросил их на землю.

— Я ухожу,— сказал он.— Стреляй мне вслед.

И с криком бросился бежать.

Мемед выстрелил.

Добравшись до жандармов, Асым Чавуш стал рассказывать:

— Этот бандит разве сдается? Никогда. Он разыграл эту комедию для того, чтобы убить меня. Помешкай я хоть немного, он убил бы меня. Идет буран. Давайте спустимся вниз, а то все замерзнем.

Уставшие и разочарованные, жандармы начали спускаться, поглядывая на пещеру.

Над Алидагом сгустились тучи. Приближался буран. Закрутились первые снежинки. Снегопад усилился, подул сильный ветер... Вокруг все побелело от снега. Ветер неистово гнал и крутил снежную пыль.

XXXIV

Весть об убийстве Мемеда и о том, что его труп будет доставлен вниз, как только утихнет буран, мгновенно облетела все деревни и кабабу. Взоры крестьян из Деирмелука были прикованы к снежной вершине Алидага.

Величественный Алидаг погубил Тошгю Мемеда.

Крестьяне попрятались по домам. Ждали возвращения Абди-аги. Он тотчас приедет, как только узнает о гибели Тошгю Мемеда.

В деревне Вайвай крестьяне постепенно отвоевывали свою землю у Али Сафы-бея. Коджа Осман помолодел, он был словно пятнадцатилетний юноша.

— Тошгий Мемед — мой сокол, — говорил он.

Весть о смерти Тошгю Мемеда долетела и до деревни Вайвай. Коджа Осман неподвижно застыл на месте, не в силах произнести ни слова, будто онемел. Слезы текли у него из глаз.

— Ох, мой сокол, — стонал старик. — А какой был герой... Глаза у него огромные. А брови... А руки... Стройный, как кипарис... Ох, мой сокол. Он говорил мне: «Дядя Осман, я приеду к тебе в гости». Не вышло. И жена его была рядом с ним. Что она сейчас делает, бедняжка? Давайте позовем жену Мемеда в нашу деревню, дадим ей землю и будем ее оберегать. Ведь Мемед избавил нас от гяура. Ну а если ее посадят в тюрьму, мы и там будем ей помогать. Согласны?

— Согласны, — хором ответили крестьяне.

Однако страх перед Али Сафой-беем снова начинал мучить их.

Узнав о смерти Мемеда, Абди-ага бросился к Али Сафе-бею, но не застал его дома.

— Наконец-то с Мемедом покончено, — радостно встретила его жена Али Сафы-бея. — Поздравляю.

— И я тебя поздравляю, дочь моя.

Абди-ага побежал к каймакаму и стал целовать руки и подол его костюма.

— Спаси аллах наше правительство и государство, каймакам бей. Асым Чавуш — настоящий герой, смелый человек. За такого и жизнь не жаль отдать.

— Поздравляю, Абди-ага, — ответил каймакам. — А сколько ты жалоб писал в правительство. Если бы не Али Сафа-бей, ты опозорил бы всю касабу. Спасибо Али Сафе-бею, что он перехватывал твои телеграммы.

У Абди-аги чуть глаза не вылезли на лоб.

— Да, да... не посылал, — улыбаясь, повторил каймакам.

— Ни одной?

— Ни одной. Если бы эти телеграммы дошли до столицы, не миновать нам с тобой виселицы. Ты с ума спятил. Разве можно посылать такие телеграммы в Анкару?

Абди-ага задумался и вдруг рассмеялся:

— Да, хорошо, что не послали телеграммы. Запятнали бы репутацию касабы. Когда человек выходит из себя, он забывает обо всем на свете. Я не мог примириться с тем, что правительство не в состоянии справиться с каким-то мальчишкой. Не обижайся на меня, каймакам бей.

От каймакама Абди-ага направился к жандармскому начальнику. Абди-ага поблагодарил его и поделился своей радостью, потом спросил, может ли господин начальник сделать подарок Асыму Чавушу. Голову Мемеда Абди-ага просил установить не в касабе, а в деревне перед своим домом. Жандармский начальник пообещал выполнить его просьбу.

Весть о гибели Мемеда в касабу принес Хромой Али.

— Твой враг приказал долго жить, Абди-ага, — сказал он. — С ним покончено. Чабан рассказал, что собственными глазами видел, как Асым Чавуш отрубил ему голову. Я тотчас побежал сообщить тебе новость.

Сначала Абди-ага не поверил своим ушам, но потом обезумел от радости. Приходившие из гор люди подтверждали слова Хромого.

— Ты не обижайся на Асыма Чавуша, даже если он сделал тебе плохое, — говорил Абди-ага Хромому Али. — Он смелый человек. Он разделался с нашим врагом. А крестьяне, — зло продолжал Абди-ага, — неблагодарные. В этом году они не дали мне ни зернышка пшеницы. Скоро я поеду в деревню и покажу этим бессовестным, какой у них неурожай! Скажу, рассчитывали на поддержку Тощего Мемеда? Теперь берите его голову! Видели? Я вам покажу неурожай!

Абди-ага взял Хромого за руку:

— Али!

— Что прикажете?

— Ведь в этом году урожай был больше обычного?

— В два раза.

— Как мне наказать крестьян?

— Как вам угодно, мой ага.

Абди нарядился в свой лучший костюм. Надушил четки. Побрился в парикмахерской. От радости он не нашел себе места. Наконец он отправился в лавку Мустафы-эфенди из Мараша. Улыбаясь, Абди-ага вошел в лавку.

— Никогда не надо радоваться смерти другого, даже если он враг. Ведь неизвестно, что дальше будет,— оборвал Мустафа-эфенди рассказ Абди-аги.

Абди-ага отправился бродить по базару. Хозяева лавок поздравляли его. Потом Абди сел на лошадь и поехал в деревню.

— Раненый Мемед бежал от Чавуша,— сообщили ему неприятную весть.

— Кто сказал?

— Сам Асым Чавуш.

— Где он теперь?

— Я видел его в Шабаллы.

Абди-ага резко повернул лошадь обратно.

Спешившись во дворе своего дома, Абди-ага поплелся к Фахри-эфенди.

— Пиши, брат. Пиши прямо Исмету-паше. Все объединились, все заодно — и Тоший Мемед, и каймакам, и жан-дармский начальник. Сколько я тебе ни писал, ни одной телеграммы не отправили. Пиши, так и пиши.

XXXV

— Мой сокол переломал хребет у господ. Али Сафа-бей все шлет людей в горы. Но мой сокол всех их перебьет,— радовался Коджа Осман.

Крестьяне столпились за деревней под большим тутовым деревом.

Стояла золотая осень. Со дня на день начнется листопад.

— Мы отвоевали все наши земли,

— А кто помог?

— Тоший Мемед,

Коджа Осман поднялся.

— Из Анкары приехал Али Саиб-бей *.

Крестьяне насторожились.

— Он будто говорил с Исметом-пашой. Этой осенью в день праздника ** будет объявлена большая амнистия. Через две недели или через месяц Мемед будет свободен. Ведь у него сын родился. Нужно выделить ему землю. Пусть поселится в нашей деревне. Что вы на это скажете?

— Пусть поселится,— хором закричали крестьяне.— Милости просим. И земля наша его будет. Ведь он герой!

Коджа Осман выделил Мемеду сто дёнюмов лучшей земли. Эта земля принадлежала одинокой вдове Эше. Крестьяне собрали денег и купили у нее землю. Потом вспахали ее и засеяли пшеницей. Коджа Осман взял в руку горсть мягкой земли. Она, словно вода, текла между пальцами.

— Теперь я могу умереть спокойно. Али Саиб-бей не станет лгать. Будет амнистия. Ведь он близок к Исмету-паше.

В касабе царило смятение. Али Сафа-бей не давал покоя ни каймакаму, ни жандармскому начальнику. Он винил их за разболтанность жандармов. В Анкару посыпались телеграммы. Каймакаму было приказано выловить разбойников. Жандармов возглавил сам капитан. Жандармы надоели крестьянам горных деревень.

Тоший Мемед нигде не мог найти укрытия. Голодный, с ребенком на руках, он скитался по горам. Несколько раз он попадался в ловушку капитана Фарука, но спасался из нее. И все благодаря Керимоглу. Керимоглу доставал Мемеду патроны, хлеб и деньги. Деньги, которые собирали крестьяне деревни Вайвай, тоже передавались через Керимоглу. Керимоглу, как и Коджа Осман, с нетерпением ждал амнистии.

Но жители Деирменолука, да и всех деревень на равнине Дикенли, не были довольны. Они знали, что прине-

---

* Али Саиб-бей — бывший депутат меджлиса от города Урфы. В описываемое время владел двумя поместьями на Чукурове. Известен выступлением в качестве государственного обвинителя на процессе по поводу покушения на Ататюрка.— *Прим. автора.*

** 30 октября — день провозглашения Турции республикой, национальный праздник.— *Прим. перев.*

сет им амнистия: как только Тоший Мемед спустится с гор, в деревню вернется Абди-ага. Крестьяне были встревожены. «Что такое амнистия? — размышляли они. — Настоящий разбойник должен оставаться в горах. Будь мы на месте Мемеда, мы не спустились бы вниз. Ведь он станет обыкновенным крестьянином, как и мы, а что в этом хорошего? А так все его боятся».

XXXVI

— Ты слышал, Мемед? — спросил Хромой Али.
— Нет, не слышал, — улыбнулся Мемед.
— Что же ты? Хорош...
— Клянусь аллахом.
— Тогда слушай.
— Говори быстрее.
— Помнишь, я приводил к тебе Коджу Османа в долину Чичекли? Али Саиб-бей приехал из Анкары и сказал, что в день праздника будет объявлена амнистия. Узнав об этом, Коджа Осман собрал крестьян, и они решили пригласить тебя жить в их деревне. Крестьяне одобрили мысль Коджи Османа и просят тебя приехать. Тебе купили участок земли в сто дёнюмоз. Сам Коджа выбрал его. Они и дом строят тебе. Коджа Осман уверен, что Али Саиб-бей не врет. «Пусть бережет себя, — сказал Коджа. — Передай ему: известие об амнистии я сам привезу моему соколу». А как твои дела?

— Мне нет житья от капитана. Он бросил всех разбойников и преследует только меня, — сказал Мемед. — Уже десять раз натыкался на него. Теперь, пан или пропал, убью его при первой же встрече.

— Ты брось это: ведь будет амнистия.

— А я решил убить.

— Не делай этого. Потерпи немного.

Хромой ушел.

Услышав об амнистии, Хатче по ночам не смыкала глаз от радости.

Земля в Алаяре — красная, как кровь, как разрезанный арбуз.

Вот уже третий день беглецы скрывались в Алаяре. И хотя капитан Фарук ястребом кружился над их головой, они были счастливы и пели песни. Мальчика называли Мемедом.

Маленький Мемед слышал в эти дни прекрасные колыбельные песни. Хатче играла с ним, высоко подбрасывая его на руках.

— Тетушка Ираз,— говорила Хатче,— ты только погляди на дела аллаха. Мы просили тридцать дёнумов, а аллах послал нам сто, да еще дом.

Хатче дурачилась, шутила, как ребенок.

— Ох, Мемед, скоро будет амнистия,— говорила она Мемеду.— У нас есть земля и дом. Почему ты не радуешься? Да улыбнись же!

Мемед только горько усмехался.

На рассвете капитан Фарук с жандармами окружил их.

— Эй, Тощий Мемед! Я не Асым Чавуш,— кричал капитан.— Одумайся!

Мемед не отвечал. Он уже знал, как вырваться из рук жандармов, и беспорядочно стрелял. С наступлением ночи надо было прорваться сквозь кольцо и бежать. Ираз стреляла лучше опытного разбойника. Она одна в течение трех дней могла бы сдерживать жандармов. Капитан Фарук рассвирепел. Один мужчина, женщина и ребенок — черт знает что!

— Ты не уйдешь от меня! — кричал он Мемеду.

Мемед решил убить капитана. Он подкрался как можно ближе к жандармам. Впервые Мемед был так неосторожен.

— Я погибла,— услышал он вдруг позади себя голос Хатче.

Мемед замер на месте. Мгновение — и он забросал жандармов гранатами.

Потом вернулся назад и подбежал к Хатче. Она лежала без всяких признаков жизни. На лице ее застыла улыбка, рядом лежал ребенок.

Мемед словно обезумел. Он начал беспрерывно стрелять и бросать гранаты. Ему помогала Ираз.

Капитан был ранен. Жандармы не выдержали и стали отступать.

Ираз рыдала над телом Хатче. На лице у нее было написано такое же отчаяние, как тогда, когда ее впервые втолкнули в тюремную камеру.

Мемед сидел, положив винтовку на колени, и горько плакал. Ираз подняла голову. Высоко в небе летела стая журавлей.

Кровь Хатче оросила красную землю Алаяра.

Заплакал ребенок. Мемед поднял его и прижал к груди.

Пытаясь успокоить малыша, он ходил и пел колыбельную песню.

— Я пойду в эту деревню, попрошу, чтобы похоронили Хатче,— прервала его Ираз.

Ираз ушла. А Мемед долго еще стоял с ребенком на руках и неподвижным взглядом смотрел на Хатче.

Услышав о несчастье, сбежались крестьяне — все, от мала до велика.

— Ох, несчастная Хатче...

Мемед отозвал в сторону старосту и дал ему деньги.

— Похороните мою Хатче со всеми почестями.

Он снова подошел к Хатче и долго смотрел на нее.

— Пошли, тетушка Ираз,— сказал он, словно очнувшись, и, взяв ребенка, направился к горе. Ираз пошла вслед за ним.

На вершине горы была пещера.

Мемед и Ираз присели на камень. С деревьев падали осенние листья. Пела какая-то птица. С противоположной скалы взлетел белый голубь. На пне притаилась ящерица. Спавший на руках у Мемеда ребенок проснулся и заплакал...

Ираз тронула руку Мемеда и посмотрела ему в глаза.

— Мемед,— сказала она,— я хочу поговорить с тобой.

Мемед молчал.

— Отдай мне ребенка, я пойду с ним в деревни Антепа. Ведь здесь, в горах, он умрет с голоду... Я больше не буду мстить за моего Рызу. Мемед заменит мне моего сына. Дай мне его. Я выращу мальчика.

Мемед медленно протянул ребенка Ираз. Она прижала его к груди.

— Мой Рыза! Мой Рыза!

Одной рукой Ираз сняла с себя патронташи и положила их на землю.

— Счастливо тебе, Тоший Мемед,— сказала она.

Мемед взял ее за руку. Ребенок перестал плакать. Мемед долго-долго смотрел на его личико.

— Пусть он будет счастлив,— произнес он.

XXXVII

Небольшая, приземистая лошадь гнедой масти стояла у дома Коджи Османа. Продолговатый, как яйцо, круп, свисающий до земли хвост. Блестящие, грустные глаза —

красивые, как у девушки. Острые уши. Белое пятно на лбу. Зачесанная на правую сторону грива. На бегу эта грива приподнимается и напоминает пастуший рожок. Лошадь изредка ржала и нетерпеливо била копытом землю, ожидая хозяина.

Погладив лошадь по гриве, Коджа Осман сказал:

— Ты достойна моего сокола.

— Достойна,— согласились с ним крестьяне.

Коджа Осман сел на лошадь и сказал, обращаясь к крестьянам:

— Я вернусь с Мемедом денька через два. Позовите барабанщиков из Эндела. Крестьяне деревни Вайвай торжественно встретят Тощего Мемеда в касабе. Все разбойники идут пешком, а наш Тоший Мемед должен спуститься с гор на арабском скакуне.

Коджа Осман прищепил лошадь и поскакал к горам Тавра, тонувшим в голубой дымке.

В день национального праздника была объявлена амнистия. Разбойники спускались с гор и сдавали оружие. Они толпились во дворе жандармского управления...

Известие об амнистии принес Мемеду Джаббар. Старые друзья крепко обнялись. Потом долго сидели рядом и молчали. Наконец Джаббар поднялся и сказал:

— Я сдаюсь.

Мемед ничего не ответил.

В Деирменоук он вошел в полдень. Лицо у него почернело, глаза запали, лоб прорезали глубокие морщины. Он был суров, как скала. Глаза стали как будто меньше и казались более доверчивыми. Первый раз Мемед входил в деревню в таком подавленном настроении. Он покачивался, как пьяный, и едва не потерял сознания. Женщины с волнением и страхом смотрели на него через приоткрытые двери. Следом за ним, на некотором отдалении, плелись крестьянские ребяташки.

О том, что в деревню пришел Тоший Мемед, рассказывали Хюрю. Услышав эту новость, Хюрю выскочила на улицу и, догнав Мемеда на площади, ухватила его за ворот рубашки.

— Мемед! — испуганно закричала она. — Ты отдал им на съедение Хатче и теперь идешь сдаваться? Вернется Абди и, как паша, будет восседать в деревне. Ты решил сдать? Да ты баба! Ведь в этом году впервые на равнине Дикенли никто не голодал. Только в этом году люди на-

елись досыта хлеба. Опять хочешь прислать на нашу погребель Абди-агу? Куда ты идешь, Тоший Мемед? Сдаваться?

Вся деревня собралась на площади.

— У тебя сердце женщины, Мемед. Погляди, сколько людей смотрят на тебя. Пойдешь сдаваться? Пошлешь нам снова Абди-агу? Останки дорогой Доне перевернутся в могиле. И красавицы Хатче...

Мемед был бледен. Его била дрожь. Он стоял неподвижно, понутив голову. Вдруг Хюрю быстро отпустила Мемеда.

— Иди сдавайся, баба! Ведь объявлена амнистия,— бросила она ему в лицо.

В это время на площадь влетел на лошади Коджа Осман.

— Тоший Мемед, мой сокол,— крикнул он и, пробравшись сквозь толпу, бросился Мемеду на шею.— Сокол мой, твой дом уже готов. Поле твое я засеял. А эту лошадь тебе купили крестьяне. Наша деревня встретит тебя с музыкой, не как других разбойников. Пусть лопнут от злости Али Сафа-бей и Абди-ага. Садись на эту лошадь и поезжай.

Огромная толпа на площади зашевелилась, загудела. Послышались недовольные возгласы.

— Проклятый старик!.. Чтоб ты ослеп, старик!..

Мемед взял уздечку из рук Коджи Османа, вскочил на лошадь и подъехал к Хромому Али, который стоял позади всех. Крестьяне повернули головы в его сторону.

Мемед сделал Хромому знак идти впереди него. Хромой Али беспрекословно повиновался. Мемед прищепил лошадь и скрылся в облаке пыли.

Толпа замерла. Люди словно онемели. Казалось, никакая сила не смогла бы заставить их нарушить это молчание.

У Соколиного утеса Мемед спешил и привязал лошадь к чинару. Золотисто-желтые с красными прожилками листья чинара устилали всю землю. Возле чинара их было так много, что они наполовину скрывали его ствол. Вокруг источника все было зеленым. Яркая, прозрачная зелень...

Мемед сел на камень и обхватил голову руками.

Хромой Али еле догнал его. Тяжело дыша, он опустился рядом с Мемедом, вытер со лба пот.

— Умираю от усталости,— сказал он,— вздохнуть не могу...

Мемед медленно поднял голову, в глазах его снова появился злой огонек. В голове мелькнул блеск желтой латуни...

— Братец Али, как ты думаешь, будет он ночью дома? Застану я его?

— Застанешь. От страха он по ночам не выходит на улицу.

— А ну-ка расскажи хорошенько, где находится его дом.

— Тюрьму ты знаешь. Справа от нее — жандармское управление. Чуть подальше, в конце улицы одиноко стоит двухэтажный дом с высокой, как минарет, трубой. Кругом все дома одноэтажные. Дом Абди-аги сразу узнаешь. Абди спит обычно в той комнате, окна которой выходят на запад. Спит он в комнате один. Большая дверь на первом этаже запирается на щеколду. В двери есть щель. Через нее кинжалом приподнимешь щеколду...

Не говоря ни слова, Мемед подошел к лошади. Отвязав уздечку, он вскочил на лошадь и помчался во весь опор в касабу. Лошадь, как ветер, летела по равнине.

Мемед пришел в себя, только когда услышал внизу шум водяной мельницы. Натянув поводья, он остановил лошадь и прислушался. Теперь он поехал шагом, зарядил на ходу винтовку и револьвер.

У мельничных колес лошадь вздрогнула, испугавшись страшного шума падающей воды, и понеслась вперед. Мемед пришпорил лошадь и вскоре был в касаве. Галопом пролетел он через базар. В кофейнях еще горел яркий свет. Несколько засидевшихся посетителей удивленно взглянули на всадника. Но он не произвел на них особого впечатления. Теперь, после амнистии, можно было часто встретить на улице вооруженного человека.

А Мемед даже и не заметил их. Он поднялся по улице возле мечети и увидел с левой стороны дом с высокой трубой.

Мемед соскочил с лошади, завел ее во двор и привязал к тутовому дереву. Подойдя к двери, он открыл кинжалом щеколду и вошел в дом. На втором этаже горел свет. Шагая через три ступеньки, Мемед вбежал по лестнице наверх. Увидев его, женщины и дети подняли дикий крик.

Но Мемед, не обращая на них внимания, влетел в комнату Абди-аги.

— Что за шум? Что случилось? — потягиваясь, спросил заспанный Абди-ага.

Мемед схватил его за руки и затряс.

— Ага! Ага! Это я пришел, Ага!

Абди-ага смотрел на Мемеда и не верил своим глазам. Он обмер.

Крики за дверью не прекращались.

Мемед направил дуло винтовки в грудь Абди-аги и три раза выстрелил. От выстрелов погасла лампа.

Мемед стрелой вылетел из дома и вскочил на лошадь.

В это время жандармы, извещенные о случившемся, уже начали обстреливать дом.

Мемед мчался к горам Тавр. Вслед ему градом сыпались пули.

На рассвете он был в родной деревне. Лошадь почернела от пота; грудь у нее опускалась и поднималась, как кузнечный мех.

Струйки пота текли по лицу Мемеда, волосы слиплись.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Длинные тени тянулись к западу. Взымленная лошадь лоснилась под лучами солнца. Мемед ехал с гордо поднятой головой. Дети, молодые парни и взрослые крестьяне окружили его тесным кольцом. Все молчали. Было так тихо, что слышалось только дыхание людей. Сотни глаз были устремлены на Мемеда. Казалось, эти люди дали зарок молчать.

Но вот всадник очнулся, лошадь сделала несколько шагов и остановилась. Мемед поднял голову и обвел глазами толпу.

Хюрю, бледная, высохшая, огромными глазами уставилась на Мемеда, ожидая, что он скажет.

Лошадь нетерпеливо била копытами землю.

— Мамаша Хюрю, — закричал Мемед, — Свершилось. Прости меня...

Мемед не договорил. Круто повернув лошадь, он поскакал к Алидагу. Черной тучей вылетел он из деревни и скрылся из глаз...

Было время пахоты. Крестьяне пяти деревень равнины Дикенли собрались вместе. Девушки надели самые красивые платья. Женщины накинули на головы белые, как сакыз, платки. Загремели барабаны... Начался большой праздник. Даже Дурмуш Али, позабыв о том, что все тело

у него болит после побоев, пустился в пляс. Утром следующего дня крестьяне отправились к зарослям колючек и подожгли их.

О Тощем Мемеде с тех пор никто ничего не слышал. Он исчез бесследно.

Каждый год перед началом пахоты крестьяне равнины Дикенли выходят в поле, поджигают колючки, и начинается веселый праздник. Три дня и три ночи алчные языки пламени мечутся по равнине. Трещит охваченная огнем Дикенли. В эти дни над Алидагом вспыхивает огромное зарево, ярко освещая его седую вершину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
КНИГА ПЕРВАЯ	21
КНИГА ВТОРАЯ	195

Я. Кемаль
ТОЩИЙ МЕМЕД

Редактор *В. Г. КУЗНЕЦОВ*
Художник *М. Канаян*
Технический редактор *Н. И. Смирнова*

Сдано в производство 26/II 1959 г.
Подписано к печати 25/IV 1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—5,5 бум. л. 18 печ. л.
Уч.-изд. л. 18,8. Изд. № 12/3591.
Цена 10 р. 90 к. Заказ 2831.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Вязовая, 28.

*К 10-й годовщине
Китайской Народной Республики*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

готовит следующие книги

Глаза дракона. Легенды и сказки народов
Китая.

Фын Дэ-ин. Цветы осота. Роман.

Лэй Цзя. В передовой шеренге. Роман.
Вторая часть трилогии „Скрытые силы“.

Лэй Цзя. Синий Цыганлинь. Роман. Третья
часть трилогии „Скрытые силы“.

Лян Бин. Под красным знаменем. Роман.

Ду Пэн-чэн. В мирные дни. Роман.

